ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 1
ЯНВАРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА — 1927

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 1

ЯНВАРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—1927

Главлит № 79664. Москва. Тираж 4.550 экз.

Типография Изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский м., Серебрян. наб., д. 23/а.

СОДЕРЖАНИЕ.

Дискуссионный отдел.

Библиография.

К истории „Материализма и Эмпириокритицизма“[1]).

А. Деборин.

I.

Надо прямо сказать, что даже в самую цветущую пору Второго Интернационала философия марксизма—диалектический материализм—находилась в загоне, в некотором пренебрежении у иностранных пролетарских партий. Главный теоретический орган германской социал-демократии, «Neue Zeit» К. Каутского, печатал на своих страницах работы нео-кантианцев, махистов, материалистов, не занимая в вопросах марксистской философии определенной, выдержанной позиции. Гегемония в области философии марксизма уже тогда принадлежала русским марксистам. Достаточно вспомнить, что почти всю тяжесть борьбы с неокантианством Э. Бернштейна и Конрада Шмидта в конце девяностых годов прошлого века пришлось выдержать Г. Плеханову, который печатал свои блестящие статьи в «Neue Zeit».

«Критическая струя» ревизионизма нашла немедленно свое отражение в тогдашнем русском так наз. легальном марксизме. Представителями нео-кантианства в России выступали Струве, Туган-Барановский и Булгаков. В течение некоторого времени, по соображениям тактическим, борьба с ними со стороны революционных, ортодоксальных марксистов—Плеханова и Ленина в первую очередь, велась, хотя и достаточно энергично, но все еще в тонах «дружеских». Через некоторое время эти представители либеральной буржуазии в пролетарской армии окончательно себя разоблачили и от пролетарского движения отошли навсегда.

Накануне революции 1905 г. в России начинает складываться новое ревизионистское течение в марксизме, так наз. махизм, во главе с А. Богдановым и А. Луначарским.

II.

Ленин приступил к изучению философии вплотную, как мы теперь знаем, в конце 90-х годов прошлого столетия в сибирской ссылке, в глухом медвежьем селе Шушенском.

[1]) Сокращенный текст из предисловия автора к немецкому изданию «Материализм и эмпириокритицизм».

В связи с тогдашними спорами Плеханова с Бернштейном и К. Шмидтом, с одной стороны, и выступлениями русских нео-кантианцев (Струве, Туган-Барановский, Булгаков)—с другой, Ленин видит себя вынужденным заняться изучением философии и занять, так сказать, самостоятельно ту или другую позицию. Впрочем, во избежание недоразумений, надо тут же подчеркнуть, что Ленин никогда не обнаруживал никаких колебаний в этом споре. Само собою разумеется, что он с самого начала встал на сторону ортодоксального марксизма, на сторону Плеханова против нео-кантианцев и даже выражал неудовольствие по поводу медлительности в выступлениях Плеханова против русских неокантианцев. Так, в письме из ссылки от 2/IX 1898 г. к А. Потресову, он пишет: «Меня крайне удивляет, почему это автор «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» (т.-е. Плеханов. *А. Д.*) не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто она уже вошла в состав воззрений русских учеников» [1]).

В письме к тому же Потресову от 27/IV 1899 г. Ленин пишет: «Вообще вся эта «новая критическая струя» в марксизме, которой увлекаются Струве и Булгаков... мне кажется крайне подозрительной: громкие фразы о «критике» против догмы и пр. и ровно никаких положительных результатов критики» [2]).

Не следует думать, будто в то время Ленин стоял в стороне от «драки». Напротив того, он принимал самое активное участие в борьбе с неокантианцами, если не в чисто философской области, то в области экономики, когда русские ревизионисты стали подвергать критике различные стороны марксистского учения с точки зрения кантовской гносеологии.

Находясь в сибирской ссылке, Ленин получал текущую литературу с большим запозданием и постоянно по этому поводу нервничал. Обо многом он узнавал из писем и поэтому на первых порах должен был воздерживаться от окончательных суждений. Так было с книгой Бернштейна, с работами Струве и других нео-кантианцев. Но вот из письма от 27/VI 1899 г. к Потресову мы узнаем, что ему удалось все литературные новинки раздобыть и проработать и что он занимается также изучением классиков философии, в том числе и Канта, взгляды которого приобрели тогда такую актуальность. «Я прочитал и перечитал, -пишет Ленин, в этом письме, -с великим удовольствием «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» (Плеханова. *А. Д.*), прочитал статьи того же автора в «Neue Zeit» против Бернштейна и Конрада Шмидта... прочитал восхваленного нашими кантиан-

[1]) См. Ленинский Сборник, кн. IV, стр. 8–9.
[2]) Ibidem. стр. 22.

цами (П. Струве и Булгакова) Stammler'a (Wirtschaft und Recht) и решительно встал на сторону мониста (т.-е. Плеханова. *А. Д.*). Особенно меня возмутил Stammler, у которого я отказываюсь видеть хоть намек на что-либо свежее, содержательное... Сплошная erkenntnistheoretische Scholastik. Глупые «определения» самого дюжинного юриста, в самом худом смысле этого последнего слова, и из них не менее глупые «выводы». Перечитал я после Stammler'a статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» и нашел, что с нео-кантианством действительно необходимо посчитаться серьезно. Я уже не утерпел и вклеил замечание и вылазки против него и в ответ Струве (на его статью в «Научном Обозрении»...). Говорю: «не утерпел», ибо очень хорошо сознаю свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь. Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция и собираясь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал...» [1]). С тех пор, как он ни был занят политической, организационно-партийной, публицистической, государственной и научной (в других областях) деятельностью, интерес к философии у Ленина не ослабевал уже до конца жизни.

III.

Начало второго периода философских шатаний в среде русских марксистов относится к 1903—1904 г.г. В 1904 г. вышла в свет первая часть «Эмпириомонизма» А. Богданова и сборник «Очерки реалистического мировоззрения». Получив весною или в начале лета 1904 года книжку Богданова, Ленин немедленно сообщил ему, что он считает его взгляды неправильными. В своем письме к М. Горькому от 25/II 1908 г. сам Ленин рассказывает, что в 1903—1904 г.г. он вместе с Плехановым считал возможной совместную работу с Богдановым, которого считали союзником в борьбе с ревизионизмом, несмотря на то, что он, Богданов, идет за Оствальдом или Махом.

«Летом и осенью 1904 г.,—рассказывает далее Ленин,—мы окончательно сошлись с Богдановым, как большевики, и заключили тот молчаливый и молчаливо-устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революции ту тактику революционной социал-демократии (большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной.

Философией заниматься в горячке революции приходилось мало. В тюрьме в начале 1906 г. Богданов написал еще одну

[1]) Ibilem, стр. 33.

вещь,—кажется, III вып. эмпириомонизма. Летом 1906 г. он мне презентовал ее, и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архи-неверным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «об'яснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок» [1]).

Тетрадки Ленина, к сожалению, до сих пор не разысканы. Очень жаль, что они не вышли в свет тогда же, ибо борьба двух философских направлений в марксизме приняла в 1907 и 1908 г.г. очень острый характер. В эти годы появился ряд статей в наших тогдашних марксистских журналах против махизма и эмпириомонизма Богданова и его единомышленников. Споры эти отчасти получили отклик и в «Neue Zeit», где печатались одинаково статьи против махизма, как и в защиту его. С другой стороны, махистское направление значительно укрепилось в России, благодаря опубликованию представителями этого течения целого ряда книг, брошюр и сборников.

В разгар революции, как говорит правильно Ленин, было не до философии. Теперь же, с наступлением реакции 1907—1908 г.г., интерес к философии чрезвычайно повысился: среди буржуазной интеллигенции стали оживать религиозно-мистические настроения; началось озлобленное идеологическое наступление на марксизм, как на идеологию революции, столь напугавшей помещиков и буржуазию. Философский материализм, составляющий основу марксизма, как мировоззрения, подвергался со стороны буржуазной интеллигенции самой озлобленной критике. Вполне естественно, что эти настроения встретили сочувственный отклик в среде мещанства, мелкой буржуазии и отсталого крестьянства, державшегося еще в огромном своем большинстве прадедовских традиционных религиозных воззрений.

Все эти настроения и течения не могли не отразиться на некоторой части социал-демократической интеллигенции, которая стала «противопоставлять» богоискательству буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции так наз. богостроительство, идя навстречу господствовавшим в среде интеллигенции и особенно в среде крестьянства религиозно-мистическим предрассудкам в целях сохранения «союза» с ними, в целях удержания этих элементов на прогрессивных или революционных позициях. Но такая уступка означала вместе с тем полный отход от марксизма—от воинствующего атеизма и материализма. В области философии так наз. махистское направление выступило с резкой критикой материализма и диалектического метода, играя тем самым об'ективно, вопреки своей воле, в руку открытым врагам марксизма и рабочего класса г.г. Струве и

[1]) Ленинский Сборник, кн. I, стр. 91.

Булгакову, кадетской буржуазной интеллигенции вообще. К 1907 г. махистское течение в марксизме сложилось в довольно широкую группировку, которая пользовалась значительным влиянием среди интеллигенции и даже части рабочих. Оба течения—махизм и богостроительство—составляли, если не формально, то по существу одно направление, одно целое. Надо сказать, что во главе этого направления стоял ряд влиятельных и талантливых писателей: А. Богданов, А. Луначарский, М. Горький и В. Базаров.

Точку зрения ортодоксального марксизма—диалектического материализма—защищала так наз. Плехановская «школа» во главе с самим Плехановым. Особенное возбуждение среди марксистов-материалистов вызвал сборник махистов под названием «Очерки по философии марксизма». Ленин до сих пор открыто против махистов не выступал. Отношение его к ним было самое отрицательное. Достаточно привести из переписки его с М. Горьким несколько цитат, чтобы убедиться в этом. «Теперь вышли «Очерки философии марксизма»,—пишет он в феврале 1908 г.—Я прочел все статьи, кроме Суворовской (ее читаю), и с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! и лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты и эмпириосимволисты в болото. Уверять читателя, что «вера» в реальность внешнего мира есть «мистика» (Базаров), спутывать самим безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм),—учить рабочих «религиозному атеизму» и «обожанию» высших человеческих потенций (Луначарский);—об'являть мистикой Энгельсовское учение о диалектике (Берман), черпать из вонючего источника каких-то французских «позитивистов»-агностиков или метафизиков, чорт их поберет, «символической теорией познания» (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур»[1]).

Между тем атмосфера в марксистском лагере в связи с философскими разногласиями все сгущалась и становилась напряженнее. В конце 1907 г. и первой половины 1908 г. в эмигрантских колониях—особенно в Женеве, но отчасти и в Берне—читаются доклады и устраиваются публичные диспуты между махистами и материалистами при огромном стечении местной и даже приезжей соц.-дем. публики. Осенью 1908 г. Луначарский выступил в Женеве с рефератом, на котором Дубровинский (один из членов редакции «Пролетария») выступил, по предложению Ленина, против референта. Ленин собственноручно составил для Дубровинского известный конспект речи или, вернее, обвинения из 10 пунктов. Мой реферат в той же Женеве явился, если память мне

[1]) Ленинский Сб., кн. I, стр. 92.

не изменяет, ответом на это выступление т. Луначарского. На моем реферате от материалистов выступал Плеханов, а со стороны махистов—Богданов и Луначарский. Ленина в это время в Женеве не было.

Одновременно шел обстрел махистов как в легальной, так и в нелегальной печати. В №№ 6—7 «Голоса Социал-Демократа» Г. Плеханов начинает печатать свои известные письма к А. Богданову под общим названием «Materialismus militans». Махисты не остаются в долгу. Богданов, в ответ на критику Плехановской школы, выпускает свои «Приключения одной философской школы», где подвергает критике выступления Плеханова, Аксельрод и Деборина. Н. Валентинов по поводу наших разногласий вступил даже в переписку с Э. Махом и в своей книге «Э. Мах и марксизм» напечатал, в назидание материалистам, как это письмо Маха, так и перевод статьи Ф. Адлера «Открытие мировых элементов». Книжка Н. Валентинова заканчивается следующим «пророчеством»: «Метафизические системы материализма и идеализма отжили свой век! Рождается действительно научная философия (т.-е. махизм. *А. Д.*) и рано или поздно, в этом я твердо уверен, марксизм соединится с нею, вопреки тем господам, которые препятствуют этому соединению, полагая, что вечная истина философии находится в их «Sacra Scriptura» и никаким роком не может быть отменена».

Точку зрения махистов-марксистов разделяли также народнические элементы и социалисты-революционеры в лице хотя бы В. Чернова. Таким образом получился своеобразный блок.

Не безынтересно также вкратце ознакомиться с тем, как реагировали на эти споры среди тогдашних марксистов бывшие «марксисты», отошедшие уже в это время в лагерь буржуазной реакции в области политики и к философскому идеализму и даже откровенному религиозному мистицизму в области теоретической.

Эта порода бывших марксистов сочетала свое отрицательное отношение к материализму с враждебным отношением к социализму. Приведем для подтверждения этого положения довольно длинную, но чрезвычайно любопытную цитату из статьи С. Франка, напечатанной в журнале («Русская Мысль» за 1908 г., кн. XII). Вот что он там пишет:

«Социализм опирается философски на нигилизм, т.-е. на отрицание всяких об'ективных ценностей личного и космического бытия, и на вытекающий из него эпикуреизм. И вот в виде крушения классической формы нигилизма-материализма явилась потребность дать ему более свежую формулировку, и эту-то задачу должен выполнить модернизованный позитивизм, представленный «эмпириокритическим» направлением. Однако в оценке эмпириокритицизма, как пригодной основы для нигилистического

социализма, точка зрения Плеханова и его школы безусловно более верна, чем упования марксистов-эмпириокритиков. Плеханов инстинктивно чувствует, что с крушением догматического материалистического нигилизма приходит конец целой огромной исторической полосы мысли, разрушается наивная земная жизнерадостность и воинствующий атеизм, характерный для французского материализма XVIII века и образующий ту философско-психологическую почву, на которой выросла социалистическая религия. По сравнению с этим дерзостным и бурным метафизическим нигилизмом, осторожный позитивистический агностицизм в современной философии представляет собой «начало конца».

«Ученые» враги социализма в лице С. Франка признавали открыто, стало быть, что между социализмом и материализмом существует тесная внутренняя связь, что если хотят избавиться от «социалистической религии», как выражается Франк, необходимо добиться крушения материализма, а эмпириокритицизм, как он ни удовлетворителен с точки зрения метафизического идеализма и мистицизма, на почве которого стоит наш автор, все же есть меньшее зло, и дело крушения социализма подготовляет.

В дальнейшем С. Франк доказывает, что эмпириокритицизм неизбежно должен привести к крушению марксизма; эмпириокритицизм или эмпириомонизм не могут дать опору для марксистского социализма. «Пересмотр» философского учения марксизма, продолжает он,—не может ограничиться тем, что из этого учения будет механически «вынут» материализм и вместо него поставлен эмпириокритицизм...

Вместе с уничтожением материализма, напротив, гибнут некоторые из крепчайших устоев марксистского социализма». И надо сказать, что в этом отношении Франк совершенно прав. Классовый враг обладает тонким чутьем. Как Франк, так и другие враги марксизма и социализма прекрасно сознавали, что эмпириокритицизм, эмпириомонизм, эмпириосимволизм и проч., по существу являются идеалистическими концепциями, несовместимыми с марксизмом.

IV.

Таково было расположение сил на философском фронте в 1907—1909 г.г. Но эти философские группировки отражали в области идеологии расположение классовых сил в стране. В этой связи необходимо сказать несколько слов о той позиции, которую занял в этом чрезвычайно важном для тогдашней русской социал-демократии вопрос общепризнанный в то время теоретик марксизма К. Каутский. Русский рабочий Бендианидзе обратился к Каутскому с просьбой высказаться о возможности

сочетания махизма с марксизмом. Каутский ответил письмом, которое было опубликовано Фридрихом Адлером в июльской книжке «Der Kampf» за 1909 г. Мы приведем из этого письма наиболее интересные и характерные места:

«Вы спрашиваете, является ли Мах марксистом. Это зависит от того, что понимать под марксизмом. Я марксизм рассматриваю не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества. Это воззрение, правда, несовместимо с идеалистической философией, но оно не противоречит теории познания Маха». «Я лично не вижу существенного различия между воззрениями Маркса и Дицгена. Мах же очень близок к Дицгену».

Таким образом, К. Каутский становился на сторону Маха. Но следует отличать Маха или Дицгена от их сторонников, продолжает Каутский. Отдельные последователи Маха и Дицгена действительно пишут много глупостей, к которым относится также обвинение Плеханова и его друзей в метафизике. Но если вы меня спросите, понимает ли Плеханов правильно марксистскую философию, то я должен ответить, что у Маркса не было никакой философии, что он провозгласил конец всякой философии. Не подлежит, однако, сомнению, что Плеханов является одним из лучших знатоков марксизма.

В дальнейшем К. Каутский выражает глубокое сожаление по поводу происходящих в среде русских социал-демократов споров вокруг Маха, ибо такие вопросы ничего общего не имеют с задачами партии. Поэтому выходом из создавшегося положения является об'явление махизма частным делом. Для марксизма исходным пунктом является то положение, что не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание. Все остальное неважно. Такова мысль Каутского. Незачем останавливаться здесь на противоречиях в ходе мысли нашего автора. Во всяком случае положение, что бытие определяет сознание, а не сознание определяет бытие, уже не совместимо с махизмом, который является разновидностью идеализма. Что же касается до мудрого совета об'явить махизм «частным делом», то неприемлемость его для всякого марксиста очевидна. Таким образом, Каутский не только не внес ясности в этот вопрос, но еще больше его запутал.

V.

Иначе и, конечно, гораздо основательнее подходил к делу Ленин, несмотря на то, что его выступление против махистов грозило расколом большевистской фракции, в которой А. Богданов играл весьма видную роль. Для характеристики принципиального отношения Ленина к этим спорам приведем чрезвычайно

интересное место из письма Ленина к Горькому (от 24/III 1908 г.): «Вы должны понять и поймете, конечно,—пишет он,—что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и вреде известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем все больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К°), что книга их [1]) нелепая и вредная, филистерская, поповская вся, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. Плеханов всецело прав против них по существу, только не умеет или не хочет или ленится сказать это конкретно, обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это по-своему.

Какое же тут «примирение» может быть, милый А. М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой абсолютно неизбежен. И партийные люди должны направить свои усилия не на то, чтобы замазывать или откладывать или увертываться, а на то, чтобы практически необходимая партийная работа не страдала. Об этом Вам надо позаботиться, и $^{9}/_{10}$ русских большевиков помогут Вам в этом и большое спасибо скажут.

Как это сделать? «Нейтральностью»? Нет. Нейтральности в таком вопросе быть не может и не будет. Если можно говорить о ней, то разве в условном смысле: надо отделить всю эту драку от фракции».

Таким образом, точка зрения Ленина, как мы видим, коренным образом отличается от точки зрения Каутского. Каутский рекомендовал «нейтральность»; философия марксизма, мол, частное дело каждого члена партии. Ленин же говорит о нейтральности в условном смысле, в смысле отделения философской драки от фракции партии. Ленин был озабочен тем, чтобы тактика революционной социал-демократии, политическая линия большевистской фракции, издававшийся тогда им вместе с Богдановым орган «Пролетарий» не пострадали от философских споров, которые сами по себе неизбежны. Поэтому он стремился к тому, чтобы избегать философских споров на страницах «Пролетария». С другой стороны, Ленин преследовал и другую цель: отстаивая нейтральность «Пролетария», он стремился к тому, чтобы не подавать читателю повода связывать большевизм, как направление, с махизмом. В этой стадии борьбы Ленин считал вредным раскалываться из-за философских разногласий. Драку же между большевиками по вопросу о философии он считал совершенно неизбежной.

[1]) Речь идет об упомянутых уже выше «Очерках по философии марксизма».

Мы не можем останавливаться здесь на отдельных этапах этой философской распри. Поэтому мы подчеркнем здесь только главные моменты. Ленин, в качестве признанного лидера большевиков и горячего сторонника диалектического материализма, считал своей обязанностью выступить публично в целях отмежевания большевизма, как направления, от махизма, тем более, что многие тогдашние противники большевизма склонны были видеть в махизме философскую подпочву большевизма. Но, с другой стороны, именно потому, что махистами были некоторые виднейшие члены Большевистского центра, Ленин вынужден был, в интересах партии, действовать осторожно.

Первое публичное выступление Ленина против махизма относится к началу 1908 г. Это свое выступление он сам называет «формальным об'явлением войны». В связи с двадцать пятой годовщиной смерти Карла Маркса, большевиками был выпущен специальный сборник, в котором Ленин напечатал статью под заглавием «Марксизм и ревизионизм». В этой статье (в особом примечании) Ленин сообщает, что в «ближайшем будущем» покажу в ряде статей или в особой брошюре, что все сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» нео-юмистским и нео-берклеанским ревизионистам». В тексте же относительно идейного содержания ревизионизма сказано следующее:

«В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», и ревизионизм тащился за неокантианцами; профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отрабатывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т.-е. к теологии) и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса»[1]).

Далее, Ленин подчеркивает, что Плеханов был единственным марксистом в международной социал-демократии, который дал

---

[1]) См. Сборник «Памяти Карла Маркса», 2-е изд., стр. 111.

критику ревизионизма с точки зрения диалектического материализма.

Уже это открытое об'явление войны махистам со стороны Ленина составляло тогда событие. Об'являя войну махистам, Ленин в то же время заключает философский блок с Плехановым, несмотря на расхождение с ним по целому ряду вопросов политических, тактических, организационных и т. п. Этот блок имел огромное значение и предопределил в известном смысле дальнейшее развитие философии марксизма на русской почве. Вскоре должна была появиться и книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», нанесшая махизму смертельный удар.

С начала 1908 г. Ленин работает над своей книгой. Отношения с Богдановым становятся натянутыми. Ленин забрасывает партийную газету «из-за своего философского запоя», как он сам выражается. «Я еще никогда так не неглижировал своей газетой,—пишет он в апреле 1908 г. Горькому,—читаю по целым дням распроклятых махистов». Для окончательной обработки своей книги Ленин поехал в Лондон, чтобы использовать книжные богатства Британского музея. Осенью 1908 г. книга была закончена и вышла в свет весной 1909 г. в Москве.

Выше мною уже было указано, что махизм не являлся каким-то обособленным явлением. Он был теснейшим образом связан и с богостроительским течением, возглавлявшимся махистом Ан. Луначарским и сочувствовавшему махизму М. Горьким, и с так наз. отзовизмом (и ультиматизмом) в политике. Отзовизмом называлось течение, требовавшее отозвание социал-демократических депутатов государственной думы, ввиду крайне реакционного характера последней. Во главе этого течения стояли опять-таки А. Богданов и Ан. Луначарский. Таким образом, об'единение этой троицы—махизма, богостроительства и отзовизма—в одних и тех же лицах нельзя считать чем-то случайным. Эта группа большевиков даже организовала, при содействии М. Горького, на Капри специальную партийную школу для русских рабочих, которым проповедывали махизм, богостроительство и отзовизм. Школа эта, правда, вскоре была «ликвидирована» самими рабочими.

В это же время, т.-е. в те же реакционные 1907—1909 г.г., среди меньшевиков, разочаровавшихся в потерпевшей поражение революции, и охваченных неверием в силы пролетариата, складывается так наз. ликвидаторское течение, которое настаивало на ликвидации нелегальной партии, отрицало идею гегемонии пролетариата в революции и требовало, чтобы социал-демократическая партия стала легальной, т.-е. приспособилась к реакционному режиму ценою отказа, стало быть, от всякой революционной борьбы с реакционным помещичье-буржуазным режимом.

Как это ни странно, но ликвидаторы-меньшевики сочувственно тносились к махизму и отзовизму группы Богданова—Луначарского, так что между ними также установился своеобразный союз». Плеханов выступает ярым противником ликвидаторства.

На почве отрицательного отношения Г. Плеханова и Ленина : ликвидаторству, отзовизму, богостроительству и махизму скрепляется на некоторое время их союз, дающий возможность окончательно преодолеть все эти антимарксистские, ревизионистские течения.

В середине 1909 г. в Париже состоялось совещание «Большевистского Центра», на котором была принята резолюция, осуждающая богостроительство (а богостроительство, как уже сказано, находилось в тесной идейной связи с махизмом), как «течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет». Далее указывается, что это течение является формой борьбы мелко-буржуазных тенденций с пролетарским социализмом-марксизмом. Эта последняя характеристика богостроительства в одинаковой степени применима и к махизму вообще. Так совершился разрыв между большевиками-ленинцами и махистами.

Книга Ленина, таким образом, является не только крупным философским произведением, но и замечательным документом внутрипартийной борьбы, приобревшим огромное значение в деле укрепления общефилософских основ марксизма и ленинизма и определившим в значительной степени дальнейшее развитие философской мысли среди русских марксистов. Ряды последователей махизма стали редеть и вскоре генералы оказались без армии. Надежды г.г. Франков, что махизм повлечет за собою крушение марксизма и социализма, не оправдались.

Марксизм вышел из этой борьбы победителем. Диалектический материализм явился тем идейным знаменем и вместе с тем теоретическим оружием, при помощи которых русским марксизмом была, между прочим, одержана блестящая победа в 1917 г. Махизм, неокантианство, равно как и все виды позитивизма, среди русских марксистов никаким влиянием ныне не пользуются.

К сожалению, иначе дело обстоит за пределами Советского Союза и в частности в Германии и Австрии, где пышно расцветают кантианская схоластика и позитивистический идеализм, стоящие в полном противоречии с **действительной** наукой и человеческой практикой, что не мешает этим философским течениям кичиться своей научностью. Заслуга русского марксизма заключается в том, что он и в области теоретической, в области

философии продолжал и дальше развивал диалектический метод и материалистическое мировоззрение основоположников марксизма—К. Маркса и Ф. Энгельса. В эпоху философских шатаний среди русских марксистов махисты и богоискатели, в частности крупнейший современный русский писатель, Максим Горький, склонны были возложить ответственность за мещанство на материализм. Ленин по этому поводу писал Горькому следующее: «Насчет материализма именно как миропонимания думаю, что не согласен с Вами по существу... Чтобы англосаксы и германцы «материализму» были обязаны своим мещанством, а романцы—анархизмом,—это я решительно оспариваю. Материализм, как философия, везде у них в загоне. «Neue Zeit» самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков. Чтобы из того материализма, которому учил Маркс и Энгельс, можно было вывести мертвое мещанство, это неверно, неверно! Все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии. Нет, та философия, которую обосновал Энгельс в «Анти-Дюринге», мещанства не допускает и на порог».

Изменилось ли что-нибудь в этом отношении у англосаксов и германцев за последние десять лет? Нисколько. В то время, как в России материалистическая философия разрабатывалась такими людьми, как Плеханов и Ленин, в Германии крупнейший тогдашний авторитет международной социал-демократии К. Каутский считал вопросы философии несущественными для партии и полагал, что под марксизм можно подвести в качестве философского фундамента как неокантианство, так и учение Маха.

В послевоенную и пореволюционную эпоху среди так наз. «марксистов» в Германии и Австрии замечаются те же явления, что и в России после 1905 г.: расцвет богостроительства—достаточно указать хотя бы на так наз. «религиозный социализм»—неокантианства и махизма. Официальным философом германской социал-демократической партии является кантианец Форлендер. В Австрии Отто Бауэр проповедует рабочим махизм, а Макс Адлер—и махизм, и кантианство, и богостроительство.

Русские богостроители выдвигали ту основную идею, что бог есть, мол, комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства, ставящих себе целью связывать личность с обществом и обуздывать зоологические инстинкты. На этой же точке зрения стоят и нынешние «религиозные социалисты» в Германии. Ленин (как и Плеханов) не находил слов для выражения своего негодования по адресу богостроителей, справедливо считая, что это

течение помогает реакционерам держать народ в рабство. «Бог, писал Ленин,—есть прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,—идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу». Всякая, даже самая утонченная, самая благонамеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции, оправдание рабства народа.

«В действительности,—писал дальше Ленин,—«зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей».

Эти реакционные, антинаучные поповские идеи проповедуются ныне с большим усердием «религиозными социалистами», всячески поддерживаются социал-демократической партией и «обосновываются» в многочисленных «ученых» философских работах.

Книга Ленина появляется, если принять во внимание современные философские настроения среди немецких «социалистов», как нельзя более своевременно. Будем надеяться, что она проникнет в широкие круги передового слоя рабочих и поможет им разорвать цепи рабства.

„Материализм и эмпириокритицизм" в оценке встретившей его критики.

И. Луппол.

I.

Восемнадцать лет, истекших со времени выхода в све «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, являются таким сроком, который позволяет отнестись к этому произведению не только как к важнейшему и актуальнейшему труду по фило софии марксизма, но и как к значительному историческому документу в развитии философской марксистской мысли в Рос сии. Всем, более или менее знакомым с этим развитием, из вестны те обстоятельства, которые вызвали появление книги Ленина. Это была пора бурного натиска эмпириокритического ревизионизма на диалектический материализм, и такой человек как Ленин, не мог не выступить с разоблачением идеалистической сущности нового ревизионизма.

Но, думается нам, далеко не всем известен тот прием, ко торый был оказан «Материализму» в нашей печати. Между тем эти отклики, возражения и отзывы, являясь в наши дни не в пример самой книге, достоянием только истории, инте ресны при условии их взаимного сопоставления и изучения Эти сопоставления показывают подчас любопытнейший перепле мыслей критиков Ленина, принадлежащих к различным фило софским лагерям. Оказывается, например, что критик из бур жуазного лагеря, отнюдь «не запятнанный» ни с какой сторон марксизмом, сумел в своей общей оценке книги быть боле об'ективным, чем критик, считающий себя марксистом. Ока зывается, далее, что у некоторых ортодоксов имелись весьма существенные точки соприкосновения с ревизионистами, проти которых выступал Ленин. Все эти обстоятельства, кажется нам достаточно оправдывают цель настоящей исторической за метки: рассказать о том, как была встречена книга Ленина в различных философских и политических кругах.

Прежде всего необходимо отметить, что при нашей бед ности по части философской литературы появление «Материа лизма» прошло далеко не бесследно. Откликнулись не только

те, против которых непосредственно была направлена книга, но и марксисты плехановской, как тогда говорили, школы, и философы из буржуазного лагеря. «Материализм» вызвал критику и в книгах, и в журналах, и в газетах. Хотя у нас и нет уверенности, что нам известны все статьи, вызванные книгой Ленина, мы все же думаем, что три указанных направления исчерпывают в основном линии возможной критической литературы. Нам неизвестны отклики только из богословского лагеря, но думается, что этот последний специально о книге Ленина и не высказывался.

Наш краткий исторический обзор удобнее всего начать с самого дальнего конца, с рецензий, принадлежавших перу буржуазного полка идеалистов. Нам известны две таких рецензии: М. Булгакова в «Критическом Обозрении», в сентябрьском (V) выпуске за 1909 год (вместе с рецензией на первый выпуск «Очерков философии коллективизма»), и Ив. Ил-на в «Русских Ведомостях» в № 222 от 29 сентября 1909 года [1]).

Общий характер и тон этих рецензий легко предвидеть. Авторы относятся к Ленину несколько свысока и во всяком случае как к профану в философии. Конечно, те, для которых философия вообще равнозначна идеализму, не могли найти в отношении автора «Материализма» иного тона. Обоих шокирует ленинская «партийность» в философии, партийная квалификация того или иного философского направления: Ил-н пишет об упрощении у Ленина идей Авенариуса и об их вульгаризации. Он требует другого отношения к философии. «При таком (т.-е. другом, не-ленинском. *И. Л.*) отношении выводы могли бы получиться иные и во всяком случае представляли бы не чисто суб'ективный или партийный интерес». Вульгаризацию вопроса Ил-н усматривает, между прочим, в полемическом стиле Ленина, его «литературной развязности и некорректности».

Эти два момента, страстность полемики и партийную точку зрения, одновременно ставит в упрек Ленину и М. Булгаков: «Неприятную сторону книги г. Ильина (т.-е. Ленина. *И. Л.*), кроме многочисленных ругательств, представляет рассмотрение вопросов не только и не столько по существу, сколько с точки зрения, так сказать, социал-демократической благонадежности». Ирония М. Булгакова на счет «социал-демократической благонадежности» опять-таки понятна в устах махрового идеалиста, для которого материалистическая философия есть вообще quantité négligeable, а теория и практика социал-демократии—нечто бессмысленное, утопическое и забавное, к чему можно относиться лишь с презрением.

[1]) Рецензию Ив. Ил-на, в котором нетрудно угадать И. А. Ильина, нам любезно указал т. А. Я. Троицкий.

Для обоих остается абсолютно непонятным, что философия есть столь же земное порождение, в классовом обществе классовое по своему существу, как и другие виды идеологий, как и вся социальная надстройка, что при анализе того или иного философского направления классовая и партийная точка зрения столь же необходима, сколь и об'ективно неизбежна, что, наконец, спор ортодоксов с махистами есть спор внутри социалдемократии.

И в наши дни приходится слышать, что аргументация Ленина в «Материализме» в большинстве случаев идет не по линии существа дела, а по линии сличения взглядов Богданова и других с высказываниями Энгельса, Плеханова, Фейербаха, с одной стороны, и Маха, Авенариуса, Беркли—с другой. Однако нужно понять эпоху и рамки полемики того времени, всякой полемики, происходящей **внутри марксизма**, как бы широко ни толковать это понятие. Если выступают товарищи, принадлежащие в общем к одному политическому лагерю, к одному мировоззрению, если они свою книгу называют «Очерками по философии марксизма», и если на поверку выходит, что эти товарищи с марксизмом порывают, то задача марксиста-ортодокса, в данном случае Ленина, ясна сама собой. Он должен показать, во-первых, как мало общего данные авторы имеют с основоположниками и классиками марксизма и вообще материализма; он должен, во-вторых, показать, как много общего данные авторы имеют с философами и учеными идеалистами. Все это возможно лишь путем сличения точек зрения данных авторов с определенными материалистами и определенными идеалистами. Этим задача марксиста-ортодокса по существу исчерпывается, ибо он в данном контексте вовсе не обязан вообще полемизировать с идеалистами, скажем на примере Ленина, с Беркли, Махом и Авенариусом.

И если, по Ил-ну, книга Ленина представляет лишь партийный интерес, то, во-первых, это не совсем верно, а, во-вторых, она и не была рассчитана автором для читателей, напр., мистиков, интуитивистов, неокантианцев, а обращалась прежде всего к марксистским и около-марксистским кругам.

С этим связаны два упрека, которые делал Ил-н, по существу книги. «Признание учения Авенариуса,—пишет он,—за идеалистическое, материалистическое или смешанное, зависит от тех двух посылок, которых автор не дает в своем сочинении: в первой посылке должно содержаться развитое определение материализма вообще и его разновидностей, во второй—должна быть дана добытая внимательным и отнюдь не вульгаризирующим исследованием формулировка наиболее существенных и централь-

ных в этом отношении пунктов эмпириокритического учения и прежде всего вопроса об отношении элементов E в системе C».

В отношении первого упрека Ил-н абсолютно не прав, ибо Ленин, как известно, неоднократно дает определения материализма, перечисляет признаки материалистической точки зрения, наконец, разграничивает материализм Маркса и Энгельса, материализм Фейербаха, старый материализм XVIII века, указывает на особенности материализма Дицгена, останавливается на материалистических моментах Э. Геккеля и т. д.

Что касается второго упрека, то, во-первых, в задачу Ленина не входит детальный анализ философии Маха и Авенариуса, а, во-вторых, он брал у них лишь те моменты (и многократно их подчеркивал), которые свидетельствовали об их идеализме. В этом отношении характерно и показательно мнение другого буржуазного критика, М. Булгакова, более об'ективного, чем Ил-н. В то время как для Ил-на ленинская квалификация эмпириокритиков и примыкающих к ним авторов как идеалистов не доказательна, М. Булгаков прямо писал: «г. Богданов, эмпириомонизм которого, несомненно, представляет идеалистическую систему»... В отношении Маха и Авенариуса М. Булгаков писал более осторожно, но тоже достаточно ясно и недвусмысленно: «В общем отрицание реальности (у Ленина речь идет, конечно, не о расплывчатой «реальности», а о признании внешнего материального мира. *И. Л.*) нельзя приписывать эмпириокритицизму, хотя к этому дают повод отдельные части воззрений Авенариуса (в особенности некоторые замечания в первом его труде «Философия как мышление о мире по принципу наименьшей меры сил», и т. наз. эмпириокритическая принципиальная координация), а также обмолвки Маха. Все это широко использовано г. Ильиным». Итак, немарксист и далеко не материалист М. Булгаков согласен с тем, что Мах, Авенариус и Богданов идеалисты; он же писал об «Очерках философии коллективизма», что статьи Базарова и Луначарского «мало характерны для марксизма».

Вообще рецензия М. Булгакова гораздо интереснее и содержательнее пустой заметки Ил-на. Он, как увидим дальше, гораздо об'ективнее марксистов, писавших о «Материализме». Так, например, он писал: «Книга г. Ильина выгодно отличается от «Очерков философии коллективизма» хорошим языком, ясностью и толковостью изложения»; он не мог только простить автору «ругательств по адресу неугодных философов». Что и говорить. «Материализм» в этом отношении сильно отличается от академических диссертаций! Но он только продолжает традиции Энгельса и Плеханова. Партийная, хотя бы и философская, полемика не может не быть резкой и страстной. Далее,

с точки зрения М. Булгакова, ленинская «критика эмпирио критицизма или, точнее, его сводка замечаний немецких, французских и английских критиков представляет несомненный интерес».

С М. Булгаковым случилось то, что происходит часто с недостаточно вдумчивыми критиками марксизма: материализм они представляют себе непременно как вульгарный, метафизический материализм, и потому, встретившись с материализмом диалектическим, становятся втупик. Все богатство диалектики остается для них за семью печатями, они видят только то, что диалектический материализм не является тем чортом, которого они предварительно намалевали себе.

Излагая позицию Ленина следующими словами: «Без нас существующий мир и есть вещь в себе, которая об'ективно реальна, вполне познаваема, посюстороння, ничем принципиально не отличается от явлений», М. Булгаков заключает: «Эти положения обыденного мышления г. Ильин упорно называет, вслед за Энгельсом, материализмом, хотя они обычно характеризуются термином реализма, материализмом же называются более спорные положения,—что подлинная сущность действительности в том числе психических явлений материальна». Оставляя в стороне недостаточную четкость формулировок, скажем, что для М. Булгакова всякий материалист обязательно должен измерять мысль аршином и взвешивать ее на фунты. В таком случае, действительно, расправиться с материализмом не составляло бы большого труда.

Что касается термина «реализм», то давно известна его расплывчатость, и потому марксисты охотно дарят его хотя бы махистам, оставаясь сами **диалектическими** материалистами. Наконец, отождествление марксизма с обыденным мышлением совершенно не выдерживает критики, ибо их единственная точка соприкосновения заключается в признании об'ективного существования материальной действительности. Но что же делать, если «обыденное мышление» в **этом пункте** не расходится с мышлением научным?

Часть возражений М. Булгакова основана на недоразумении. Так, например, выписав ленинскую характеристику агностика: «Не знаю, есть ли об'ективная реальность, **изображаемая нашими ощущениями**, об'являю невозможным знать это», М. Булгаков заявляет, что агностицизм не отрицает об'ективной реальности; он «отрицает только возможность познания подлинной действительности, вещи в себе». Не трудно видеть, что у Ленина логическое ударение лежит на словах, подчеркнутых нами разрядкой, что слова агностика «об'являю невозможным знать это» и означают: об'являю невозможным знать, изоб

жают ли наши ощущения и представления об'ективную реальность, т.-е. «подлинную действительность»; это ясно в особенности из критического изложения Лениным точки зрения агностика типа Юма в главе II, § 1, «Материализма»[1]); «можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм)».

Таков был прием книги Ленина со стороны буржуазно-идеалистической критики.

II.

Из русских махистов на книгу Ленина откликнулись, как известно, трое, против которых главным образом и выступал Ленин. А. Богданов возражал Ленину в большой статье «Вера и наука»[2]), П. Юшкевич—в бойко написанном памфлете «Прикажут—и стану акушером, или г. В. Ильин на страже материализма»[3]) -и, наконец, В. Базаров в предисловии к сборнику своих статей «на два фронта»[4]).

Самое заглавие статьи Богданова взывало о том, что в противоположность «научной» точке зрения автора позиция Ленина есть «вера». С ним солидаризировался Юшкевич, говоривший о «марксистской теократии» и требовавший «разрушить китайскую стену предрассудков, открыть доступ чужим идеям, усвоить все завоевания культуры, признать свободу мнений». Это означало новое подчеркивание того принципа, под знаком которого оформились «Очерки по философии марксизма», а после выступлений Ленина и Плеханова—и окончательный и формальный отход от философии марксизма.

Согласно выставленной в заглавии статьи антитезе Богданов и построил свою критику. Ленин, видите ли, как и подобает верующему, намерен был в своей книге открыть «истину абсолютную, вечную». В этом своем стремлении он повторяет Н. Бердяева, который раньше уже утверждал абсолютную истину, абсолютное добро, абсолютную красоту. Наука же, персонифицированная в Богданове, заявляет, что абсолютных истин нет. Утверждение, что «Наполеон умер 5 мая 1821 года», не есть абсолютная истина, так как де 1) приходится верить нескольким свидетелям, 2) точно определить момент смерти пока невозможно, 3) календарь есть вообще вещь условная.

[1]) В. Ленин, Собр. сочин., т. X, стр. 80.

[2]) А. Богданов, Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии).—«Вера и наука (О книге г. В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм)», М. 1910.

[3]) П. Юшкевич, Столпы философской ортодоксии, Спб. 1910.

[4]) В. Базаров, На два фронта, Спб. 1910.

Однако страшен сон, да милостив логический бог. Во-первых, вообще нелепо говорить, что Ленин полагал в своей книге вечную, абсолютную истину. Он лишь теоретически намечал в ней единственно научное соотношение абсолютного и относительного,—соотношение, базирующееся на материалистической диалектике. Во-вторых, в своей критике Богданов, гордый заблуждением, что ему удалось выйти за пределы ограниченных понятий материи и духа, умышленно подменил материализм Ленина идеализмом Бердяева. В самом деле, абсолюты Бердяева: добро, красота, истина в бердяевском смысле слова есть идеалистические абсолюты, ни от чего не зависимые, безусловные, внепространственные, вечные в смысле вневременности основания вещей à la «в-себе-бытие» Платона, абсолютное Я Фихте или тождество Шеллинга. Абсолютное Ленина не имеет с ними ничего общего, оно прежде всего материально, пространственно и вечно в смысле бесконечности во времени. Уже у Спинозы абсолютным была природа. Для Ленина же, как для диалектического материалиста, абсолютное есть диалектически развивающаяся вселенная, движущаяся материя, которая раскрывается нами в процессе познания. Для Богданова абсолют есть только идеалистический абсолют, к которому ему, как человеку «науки», нет доступа. Абсолютное же в материалистическом смысле, очевидно, не исключает относительного, условного, единичного, временного, не отгорожено от них, ибо пребывает не вне их, а в них, поскольку само составляется из их совокупности. Это абсолютное, очевидно, об'ективно, поскольку слагается из частных об'ективностей.

Идеалист Богданов не может этого признать, как не может он признать и об'ективной истины. Для него «всякая истина слагается из понятий», в то время как на деле истина слагается из соответствия наших представлений и понятий вне нас существующим материальным вещам и отношениям, процессам между ними.

В-третьих, софистикой является подмена общетеоретической проблемы абсолютного теми вечными истинами, по поводу которых шутил еще Энгельс. Рассуждения Богданова об определении момента смерти фигурируют и у самого Энгельса, на позициях которого стоит и Ленин. Об утверждении «Наполеон умер 5 мая 1821 года» Ленин говорит как об абсолютной и вечной истине частного характера. Софистические разговоры Богданова на счет разнообразия календарей и условности эры нисколько не помогают делу, ибо суть в том, что,—если по грегорианскому календарю Наполеон умер 5 мая, а по юлианскому 23 апреля,—то при одном определенном исчислении времени он не мог умереть и 5 мая и 23 апреля.

Эта истина есть абсолютная истина в том смысле, что она не может быть опровергнута в будущем (и даже отказ от старой эры не изменит ее), но, конечно, она является относительной истиной в отношении всего познания человеком всей природы и истории.

Наконец, свидетельства очевидцев смерти Наполеона, их показания для диалектического материализма отнюдь не являются критерием истинности того явления, которое называется смертью Наполеона. Как раз для Богданова, как известно, критерием истинности является «общезначимость» «высказываний» «сочеловеков». Для марксизма же критерий этот в данном случае заключался в том, что живой Наполеон уже 6 мая 1821 года не представал в опыте в материалистическом понимании этого слова.

Размышления об абсолютной и об'ективной истине у Богданова были лишь присказкой к сказке о небытии об'ективной, материальной действительности. Как известно, гордыню русских махистов составляло утверждение о преодолении ими ограниченных понятий материи и духа или даже, если взять старый термин, субстанции.

Приведя слова Ленина о том, что физическое и психическое, материя и дух являются предельно широкими понятиями и что только «крайнее скудоумие может требовать такого «определения» этих двух «рядов», которое не состояло бы в «простом повторении»: то или другое берется за первичное», Богданов, как это ни грустно, демонстрировал упомянутое Лениным качество. Он писал: «И физическое, и психическое п о з н а ю т с я, т.-е. образуют м а т е р и а л п о з н а н и я, или, что выражает ту же мысль,—одинаково принадлежат к миру о п ы т а. Вот вам уже одно «более общее понятие». Если этот опыт анализировать, то мы придем к «элементам опыта». Эти элементы опыта—о д н и и т е ж е и для «физического» и для «психического» (предусмотрительно оба понятия уже заключаются в кавычки). «Итак,—говорит Богданов,—мы имеем еще одно «более общее понятие»: элементы опыта».

Опыт для Богданова есть совокупность ощущений, таким образом в ощущении, т.-е. в психическом, он растворяет физическое и называет это преодолением последнего в более общем. Равным образом его «элементы опыта» психичны по своей природе, однако в них он растворяет физический, т.-е. материальный, об'ект ощущения. И вся эта спиритуализация материи прикрывается громкими словами об узости и односторонности точки зрения Ленина.

П. Юшкевич в своем памфлете пошел еще дальше. Он полагал, что вовсе освободился от понятия субстанции. «Материализм,—писал он,—признает основной физическую субстанцию

(материю), идеализм—психическую (дух); реализм отрицает оба эти вида субстанции, и поэтому его так же мало можно смешивать с берклиевым идеализмом, как и с гоббсовым материализмом». Но отрицание словесное не всегда является отрицанием об'ектизным. почтенное же слово реализм нисколько не облегчает положения. Символы П. Юшкевича, коими исчерпывается, по его мнению, действительность, столь же идеалистичны по своему существу, сколь и элементы опыта Богданова.

Можно не согласиться со старым словом субстанция, но смысла его отвергнуть нельзя. Это доказывал и сам П. Юшкевич. Желая показать, что махисты не происходят от Беркли и стало быть ленинская критика Беркли бьет мимо цели, он писал: «Ощущение не часть моего сознания, моего «я», они не во мне, как думают идеалисты, они там, где они являются, они вне меня. Выражаясь схематически: не ощущения во мне, а я в ощущениях,—в этом состоит коперниканский переворот, произведенный современной научной философией,—переворот, отнявший всякую почву у идеалистического учения о мире, как представлении суб'екта».

Известен «коперниканский переворот» Канта, переместивший весь материальный мир в сознание суб'екта. Новый «коперниканский переворот» Маха не лучше кантовского. Он перемещает материальный мир в ощущения. Разница лишь в том, что первый «переворот» был учинен на почве рационализма и априоризма, а второй—на почве чистого сенсуализма.

Что означает: «я в ощущениях»? Это означает, что материальная действительность, физические предметы без остатка растворены в психических актах, в ощущениях. Совокупность ощущений, какие бы названия им ни давались (напр., «элемент, как слитное единство ощущения—вещи»), выступает как новая разновидность идеалистической субстанции. И после этого наш автор имел смелость писать о «старых мифологических терминах духа» и «тела», которые якобы «элиминирует современный позитивизм», т.-е. махизм, и иронически сожалеть, что Ленина «оторвали от аграрной сохи».

В общем Богданов, Юшкевич и Базаров наступали на Ленина единым фронтом. Аналогично Юшкевичу с его «я в ощущениях» и Базаров занимался тем же об'ективированием ощущений. «Ощущение,—писал он,—находится там же, где и ощущаемая вещь и по содержанию своему совпадает с этой последней в известной ее части». Если серьезно относиться к словам, то будет очевидно, что ощущение, т.-е. психический акт, имеющий место в суб'екте, не может быть пространственно «там же, где и ощущаемая вещь», т.-е. материальная вещь, находящаяся вне нашего сознания. Но дело в том, что Базаров,

как и его коллеги, предварительно растворил уже вещь в ощущении. После такой операции немудрено, что ощущение у него находится «там же», где и вещь, т.-е. ощущение вещи находится там же, где и ощущение вещи, и кроме этого ощущения или этих ощущений ничего больше не остается. Мировоззрение, как в свое время говорили, оказывается без мира.

Курьезно читать, как наши махисты в полемике с Лениным, совершив предварительно указанный фокус, пытались уверить автора «Материализма», что он сам вступил на почву махизма или, говоря словами Юшкевича, сам подменил «сладчайшую Дульцинею материализма грубой Альдонсой махизма».

«Вещь в себе»,—писал Юшкевич,—для Ильина не отличается от явления: неуловимую, непознаваемую кантовскую вещь ноумен он отвергает. Весь мир принципиально познаваем, а фактически он все более и более познается. Этот рост познания и есть превращение «вещи в себе» в «вещь для нас». Правильно передав мысль Ленина, Юшкевич заявил, что «ведь махисты говорят по существу то же самое, избегая только употребления слова «вещь в себе», с которым связаны в истории философии очень определенные и дурные ассоциации».

Базаров, приведя слова Ленина: «Каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение «вещи в себе» в явление, «вещь для нас», утверждал, что это положение есть положение его, Базарова, высказанное иными словами. Раз вещь в себе превращается в вещь для нас, то это значит, что «чувственное представление и е с т ь вне нас существующая действительность».

Наконец, Богданов излагал мысль Ленина так: «Вещи в себе» принимаются за бытие чувственное, т.-е. за комплексы элементов, подобно чувственным элементам опыта. Эти комплексы «действуют» одни на другие и отражаются в других, и между прочим—в человеческом сознании. Эти последние «отражения» представляют из себя чувственные комплексы элементов и образуют то, что мы называем «восприятиями вещей и представлениями о них». После этого Богданов заявляет, что Ленин целиком принимает «э м п и р и о м о н и с т и ч е с к у ю т е о р и ю п о д с т а н о в к и».

Как же быть? Не поддался ли в самом деле Ленин, гуляя по эмпириокритическим лабиринтам, махистской точке зрения? Или, наоборот, не преувеличил ли он в пылу полемики расхождений между двумя школами? Правда, можем мы сказать сразу, что если бы дело обстояло так, то Ил-н и Булгаков обратили бы уже на это наше внимание.

В действительности дело обстояло совсем не так, как это представлялось нашим махистам. Юшкевич не прав, говоря,

что разница лишь в том, что махисты избегают слова «ве: в себе». В том-то и дело, что, отрицая принципиальное разли между,—в кантовских и гегелевских терминах,—вещью в с и явлением, Ленин утверждал, что вещь в себе превращае в процессе познания в вещь для нас. Для Юшкевича вещь в себе превращена уже в ощущение, в чувственное пр ставление, в символ, как угодно, но в психический а окончательно перестав тем самым быть материальной вещ Именно это и выражают слова Базарова «чувственное пр ставление и есть вне нас существующая действительност Здесь именно налицо отождествление материального об'ект психическим явлением. Представление предмета, всемерно п ближаясь к предмету представления в порядке его отражен очевидно, никогда не может с ним совпасть. Махисты же глазах у публики этот фокус совершают. Вместо единства пр мета представления и представления предмета, единства, в тором не может не сохраниться различие, они постулируют тождество.

Наиболее прозрачную подстановку учинил Богданов. В п вой же строчке изложения Ленина он подменил чувствен бытие вещей в себе комплексами элементов, т.-е. совокуп стями ощущений. Далее «действуют» и «отражаются» уже вещи в себе, т.-е. материальные предметы, а эти самые со купности ощущений. «Эмпириомоническая теория подстанов в подлинном смысле выступает на практике, но Ленин в ı совершенно не повинен. Так падает попытка обойти Лен с махистского тыла.

В тесной связи с вопросом об отношении вещи в себе явлению стоял чрезвычайно важный вопрос о «теории ко и «теории символов».

Как известно, в 1899 г. Плеханов в полемике с К. Шмид употребил неудачное выражение, заявив, что «наши представ ния о формах и отношениях вещей не более, как иероглиф т.-е. что они ничего общего не имеют с самими вещами, а яв ются лишь условными знаками, символами. В 1905 г. во вто изданни своего перевода «Людвига Фейербаха» Энгельса он (ворил свою ошибку и отказался от неправильной терминолог. В сборнике «Критика наших критиков» (1906), перепечаты полемическую статью против К. Шмидта, Плеханов не с удобным вносить в нее изменения, и таким образом вн появились на сцену «иероглифы». Это было подхвачено наши махистами и использовано для обвинения Плеханова в мета зическом материализме.

Поскольку это нападение было сделано, Ленин в «Ма риализме» не мог обойти вопроса молчанием. В тактичной

отношении Плеханова форме он отмежевался от теории иероглифов, символов, знаков тож, сформулировав теорию копий, отображений, снимков. Историю с иероглифами Плеханов подробно раз'яснил в своем втором письме Богданову («Голос Социал-Демократа» № 8—9, 1908), пройдясь насчет Ленина гораздо более резко и нетактично, чем это следовало бы. «Мне очень жаль,—писал он,—что даже противник идеализма Вл. Ильин счел нужным пройтись в своей книге «Материализм» и т. д. против моих иероглифов: нужно же было ему ставить себя в этом случае за одну скобку с людьми, давшими самые неоспоримые и очевидные доказательства того, что порох выдуман не ими» [1]).

Так вот эти «копии» и «символы» сыграли значительную роль в статьях махистов против Ленина. Нужно сказать, что полного единодушия у них по этому вопросу не было. Так, Богданов выступил вновь против теории иероглифов или символов, заявил, что тем самым Плеханов признает нечувственную, внепространственную и вневременную (!) кантовскую вещь в себе, что, стало быть, он является самым от'явленным метафизиком, Ленин же с его теорией копий и есть, как мы видели, самый отчаянный богдановец. Для Ленина нет иного бытия, кроме чувственного, и вещи в себе принципиально однородны с явлениями; это не метафизическая, как у Плеханова, а эмпирическая теория отражений.

По существу, во всяком случае с 1905 г., Плеханов стоял на той же точке зрения, что и Ленин, утверждая единство (не тождество) вещи в себе и явления. Мы говорили уже, что эта диалектико-материалистическая концепция, единственно правильная, не имеет ничего общего с идеалистической концепцией Богданова.

Большей сложностью отличались возражения Юшкевича и Базарова. Первый писал: «Эту формулу об ощущениях, копирующих, отображающих, фотографирующих и т. д. внешние об'екты, г. Ильин повторяет десятки раз, не догадываясь даже, как она гибельна для его материализма»! Секрет этой «гибельности» заключается в том, что Юшкевич смешивает понятия тождества и единства. Для него вещь и ее копия, об'ект и его отображение тождественны, поэтому он заявляет, что точка зрения Ленина есть «наивнейший реализм», т.-е. худшая разновидность наивного реализма Маха. «Для Маха нет зеленого стола, с одной стороны, и его зеленой копии в сознании, с другой: для него есть только один нераздельный стол». Коротко говоря. Мах—монист, Ленин же первобытный дуалист».

[1]) Цитирую по Соч., т. XVII, стр. 39.

полагающий, что от тел отделяются маленькие частички и проникают в глаза и уши познающего суб'екта. Излишне говорить, что Мах если и монист, то идеалистического толка, Ленин же—монист-материалист, а именно: диалектический материалист; для него существуют не два стола, а один материальный стол вне его головы и затем отображение, копия этого стола в представлении. Сам Юшкевич, по существу, склоняется к иероглифической теории символов. «Единственно возможное отношение,—говорит он,—это отношение знака к означаемому, символа к символизируемому, отношение того порядка, которое называется однозначным сопряжением». Ленина-де пугает, что «символ есть условный знак и что, значит, в вопросе об отношениях между ощущениями и внешним миром врывается грозный призрак условности и произвола, могущий нарушить об'ективность и детерминизм природы». Все это, конечно, не пугает Юшкевича, который, во-первых, знает, что «условность не есть непременный признак символической связи», а, во-вторых, потому, что, выражаясь вульгарно, его, как эмпириосимволиста, медом не корми, а подай только символы. Именно поэтому Плеханов и отказался от этой неправильной и не-материалистической терминологии. Конечно, между приписываемой Плеханову теорией символов и эмпириомонизмом Юшкевича все-таки остается пропасть. ибо quasi-плехановская теория символов есть метафизический материализм с оттенком феноменализма, несколько напоминающий материализм Гоббса, эмпириосимволизм же Юшкевича есть символический идеализм. Там за символами скрывалась метафизическая материя, здесь «собой все наполняют» одни символы.

Путь критики Базарова несколько иной. По Юшкевичу, теория копий приводила к наивнейшему реализму. По Базарову теория копий, излишняя и противоречивая, «совершенно не может ответить на вопрос: где же именно находятся те оригиналы, копиями которых в «нашем» пространстве и времени являются чувственно воспринимаемые вещи». Для Базарова всякая вещь вне наших ощущений есть уже трансцензус, мистика. В мозгу человека нет решительно ничего похожего на какие бы то ни было копии или изображения внешнего мира. Уничтожив этот внешний мир, сведя его к ощущениям, Базаров, конечно не может признать ни отражений этого внешнего мира, ни философии, отправляющейся от него. Базаров усматривает только два выхода: «или последовательный реализм, или последовательный иероглифизм, т.-е. идеализм! Теория копий есть лишь жалкий компромисс, несостоятельность которого не затушуешь никаким «языкоблудием». «Последовательный реализм», это, конечно, базаровская разновидность махизма. Иероглифизм же, правильно отмечает Базаров,—несомненно, при логическом мыш

лении может привести если не к полному идеализму, то к феноменализму и агностицизму.

Нарисовав картину мира, согласно теории иероглифов, Базаров говорил, что «вопрос заключается только в том, какая из этих двух сфер (сфера символов-иероглифов или того, что символизируется) есть подлинная реальность и какая представляет систему наших «символов». Он приходит к правильному выводу, что раз наши ощущения насквозь иероглифичны, то и механические схемы, символизируемые в иероглифах, также не суть подлинная реальность и что, стало быть, эта последняя совершенно недоступна нашему познанию. Этот неизбежный вывод из иероглифического материализма нам необходимо запомнить для дальнейшего.

Теория же копий, или отображений, защищавшаяся Лениным и принятая уже к 1905 году Плехановым, легко разрешает проблему познания в смысле реальности его, поскольку чувственный материальный мир не отделяется непроходимой пропастью от познающего суб'екта, а дан ему полностью в качестве об'екта не только теоретического познания, но и практического воздействия. Против этого диалектического материализма критика махистов осталась бессильной. В своих возражениях на книгу Ленина они только показали, как истые Бурбоны, что ничего не забыли и ничему не научились.

III.

Из лагеря марксистов-ортодоксов на книгу Ленина, не считая Плеханова, слова которого мы привели выше, отозвались двое: Ортодокс, т.-е. Л. Аксельрод, рецензией в июльской книжке «Современного Мира» за 1909 г. и А. А-ов также рецензией в № 2 «Возрождения» за 1910 г. [1]). Кратким обзором их мы и закончим нашу историческую заметку.

О второй рецензии много говорить не приходится. Ознакомив читателей с двумя философскими течениями в марксизме, автор аттестовал Ленина как «горячего сторонника философии диалектического материализма». Далее А-ов внимательно и довольно подробно изложил все содержание «Материализма». А-ов, единственный из всех критиков и рецензентов, не поставил Ленину в упрек его страстного тона и резких эпитетов по адресу противников. Обращает на себя внимание, что автор дважды, в начале рецензии и в конце, повторяет о том, что Ленин «приходит к... выводу, уже хорошо знакомому русскому читателю из статей на эту тему видного ученика Плеханова Л. Аксельрод (Ортодокс)». Это не мудрено, если принять во внимание, что

[1]) На рецензию А. А-ова дружески обратил наше внимание А. Я. Троицкий.

и Ленин и Л. Аксельрод в области философии в то время стояли в общем на одной позиции. Мы говорим «в общем», ибо, как дальше увидим, между ними были и достаточные разногласия. Кроме того известно, что ряд моментов в аргументации Ленина, материал, им привлекаемый, наконец, самые проблемы, поднимаемые им, отнюдь не повторяли никого из марксистов, писавших против махистов ранее Ленина.

Свою рецензию А. А-ов заканчивал так: «Рекомендуя философский труд Вл. Ильина всякому желающему познакомиться с тем, как действительно марксистская философия, т.-е. диалектический материализм, опровергает «новейший позитивизм» русских махистов-марксистов и раскрывает его незаконную связь с исторической и экономической теориями Маркса, мы считаем своим долгом, однако, прибавить, что читатель будет сильно разочарован, если будет искать в нем новое более глубокое трактование диалектического материализма, чем то, какое мы имеем в глубоко продуманных «Философских очерках» другого вдумчивого и серьезного философского ученика Плеханова Л. Аксельрод (Ортодокс). Полный многочисленных цитат, имен и названий философских книг, труд Ильина может оказаться весьма полезным руководством для знакомящихся с философией марксизма».

В приведенных заключительных фразах на-ряду с об'ективной оценкой имеются, как видит читатель, те суб'ективные нотки, о которых мы только что говорили. Автор рецензии отказывает Ленину в «новом более глубоком трактовании диалектического материализма», чем у Л. Аксельрод. Это не вяжется с содержанием книги Ленина даже в изложении самого А. А-ова.

Мы не собираемся здесь предпринимать опыт сравнительного изучения книги Ленина со статьями Л. Аксельрод, но должны все же сказать, что широта постановки вопроса Лениным, привлечение им работ естествоиспытателей в контексте критики эмпириокритицизма было уже новой трактовкой философии марксизма по сравнению с Плехановым и автором, указываемым А-овым. Кроме того ряд вопросов, напр., об абсолютной и относительной истине, о теории иероглифов и копий, о перенесении энергетических категорий в социальные науки ставился Лениным более глубоко, чем это делали до него русские марксисты.

После указанных заявлений А. А-ова, думается, будет не безынтересно ознакомиться вкратце с рецензией Л. Аксельрод. Нужно иметь в виду, что Л. Аксельрод, как писала она сама, разделяла, конечно, общие положения книги. Тем не менее общий тон ее отзыва имел резко отрицательный характер, согласуясь подчас в оценке философских качеств автора «Материа-

лизма» с тоном рецензии Ив. Ил-на и далеко превосходя не только А-ова, но и М. Булгакова.

Сообщив главные положения книги Ленина, Л. Аксельрод начала с того, с чего и А. А-ов, но так как в данном случае автором рецензии была она сама, то мысль А-ова приняла иную форму: «Вдумчивый, внимательный и незабывчивый читатель, следивший за философской полемикой различного рода эклектиков-марксистов с ортодоксальными марксистами, сразу заметит, что по существу Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше последними». Но, оказалось, беда Ленина заключалась не только в том, что в его книге не было новых мыслей, а в том, что она не отличалась «серьезной, вдумчивой» и тонкой аргументацией. В аргументации автора,—писала Л. Аксельрод,—«мы не видим ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем». Эта характеристика, очевидно, весьма отличается от характеристики буржуазного идеалиста М. Булгакова, который, как мы видели, писал о «хорошем языке, ясности и толковости изложения» книги Ленина.

Перейдя к сути дела, Л. Аксельрод отмечала ряд, по ее мнению, главных ошибок Ленина. Центральное место в рецензии занимала критика ленинской теории копий или отображений, снимков тож. Эта критика шла под знаком защиты Плеханова с его теорией иероглифов или символов. Аргументация Л. Аксельрод настолько странная и вызывает такие недоумения, что на ней стоит остановиться.

Во-первых, по меньшей мере оригинальна была самая защита Плеханова от Ленина после того, как сам Плеханов еще в 1905 году признал все неудобство и всю двусмысленность теории иероглифов. В 1908 году, как мы уже знаем, Плеханов во втором письме Богданову подробно остановился на этом вопросе и показал себя противником иероглифов или символов в материалистической теории познания. После этого, в середине 1909 г., Л. Аксельрод, «вдумчивый и серьезный философский ученик Плеханова», по аттестации А-ова, не только не отошла от теории символов, но приписала эту ошибочную точку зрения самому Плеханову.

Ленин писал: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то... подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам и всякий знает примеры таких знаков или символов», и в другом месте: «Изображение необходимо и неизбежно предполагает об'ективную реальность

того, что «отображается». «Условный знак», символ, иерог суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агно цизма». С этим единственно правильным материалистичес решением вопроса Л. Аксельрод была в корне несогласна. «С зано весьма решительно,—писала она,—но энергическая фо этого рассуждения нисколько не мешает ему быть ошибоч от начала до конца». Теория символов, по Л. Аксельрод, подвергает сомнению существование вещей. Допустим, что теория сопряжена с феноменализмом и агностицизмом. А рецензии соглашается, что символы возможны по отношени мнимым предметам, но,—спрашивает она,—«разве галлюцина сновидения и всяческие иллюзии и заблуждения суть образы копии предметов?». Нелепый вопрос, бьющий мимо цели, ведь никто и не утверждает, что галлюцинациям и иллюз соответствуют внешние материальные предметы. Сторонники рии отображений не смешивают образы действующих на их орг чувств материальных предметов с содержанием галлюцина В том-то и дело, что в то время как символы в отношении м мых предметов возможны (с этим согласна и Л. Аксельрод), бражения и снимки с этих «предметов» невозможны.

«Отвергая теорию символов,—писала далее Л. Аксельро и считая ощущения образами или «неточными» копиями вещ критик Плеханова (в «Материализме» Ленин выступал не кр ком, а как раз **защитником** Плеханова, защитником **держания** его воззрений одновременно от его же **тер пологии** и от нападения махистов. *И. Л.*) становится дуалистическую почву... Если бы ощущения были образ или копиями вещей, то на какого дьявола, спрашивается, надобились бы нам вещи, которые в таком случае действител оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле этого слов

Приведенная аргументация настолько чудовищна, что вит все дело на голову. Прежде всего, старая, со времен Энге ставшая азбучной, материалистическая истина, что ощуще отображают материальную действительность, об'является **дуа стической** точкой зрения. Дуализм усматривают в нали вне сознания материальной вещи и в отражении (по Энгел зеркальном **отражении**) этой вещи в нашем сознании

[1]) К этому ср. Плеханов: «Действуя на нас, вещь в себе вызы в нас ряд ощущений, на основании которых составляется наше представл о ней. Раз явилось это представление, существование вещи удваивается: существует, во-первых, в себе, во-вторых, в нашем представлении. И с шенно также ее свойства, скажем ее строение, существуют, во-первых, по себе, а, во-вторых, в нашем представлении». «Но это дуализм,—гов нам люди, склонные к идеалистическому монизму à la Мах, Ферворн, А риус и другие. Нет, милостивые государи!—отвечаем мы,—тут дуализмом не пахнет!» и т. д. (Второе письмо Богданову).

При таком ответе монизмом, очевидно, может явиться только тождество вещи с ощущением. Но это как раз и есть махистский, идеалистический монизм. Именно в таком «монизме» и именно в этом пункте и начинался отход русских махистов от марксизма.

Далее, если ощущения—образы или копии вещей, то «на какого дьявола, спрашивается», нам тогда вещи! Какова самая постановка вопроса?! Спрашивают, для чего нам вещи, если у нас есть ощущения-символы. На примере Базарова и Юшкевича мы видели, что это и есть как раз коренной вопрос махистов. Вещи ими упраздняются, поскольку есть ощущения между тем ведь ощущения есть постольку, поскольку есть вне их вещи. Критик Ленина и неудачный защитник Плеханова не замечает, что, обвиняя Ленина в ошибке, он сам совершает коренную ошибку и переходит в лагерь махистов.

Наконец, совершенно непонятен ход мыслей автора рецензии, когда он говорит, что если бы ощущения оказались образами вещей, то последние «оказались бы вещами в себе в абсолютном смысле этого слова». Только теория образов или копий является теоретическим обоснованием познаваемости вещей в себе, потому что эти вещи познаются в их отображениях, а Л. Аксельрод валит с больной головы на здоровую. Как раз иероглифы или символы, которые не суть отображения, а суть лишь знаки, закрывают доступ к вещам в себе, каковые и приобретают поэтому значение абсолютно недосягаемых метафизических сущностей.

Общий итог, к которому по этому вопросу пришла в своей рецензии Л. Аксельрод, гласил: «Теория символов связана, следовательно, с материалистическим об'яснением природы самым тесным и неразрывным образом. А отсюда следует, что не Г. В. Плеханов, а Ильин «сделал явную ошибку при изложении материализма». Несомненно, эта фраза и в 1909 году звучала забавно, так как Плеханов к тому времени уже открыто признал свою ошибку [1]).

Об'ективный же итог полемики вокруг этого вопроса сводился к тому, что Л. Аксельрод в союзе с Юшкевичем и Базаровым, вопреки взглядам Плеханова, выступила против теории отображений Энгельса и Ленина. Л. Аксельрод в союзе с Юшкевичем и отчасти Базаровым против Плеханова и Ленина вы-

---

[1]) К этому ср. Плеханов: «По вашему (Богданова) примеру теперь уже многие из моих противников, принадлежащих к идеалистическому лагерю, «критикуют» мои философские взгляды, придираясь к слабой стороне той терминологии, которую я сам об'явил неудовлетворительной, прежде чем они взялись за свои «критические» перья. Очень возможно, что иные из этих господ от меня же в первый раз услыхали, почему собственно названная терминология неудовлетворительна» (Второе письмо Богданову).

ступила за теорию символов и махистский «монизм». Но Юшк вич и Базаров знали, что им нужно. Л. Аксельрод же, прин: их аргументацию против копий, силою логики должна бы. принять их аргументацию за символы. По Базарову, это озв чало иероглифический идеализм, по Юшкевичу было два в хода: или метафизический «иероглифический» материализм, св занный, как мы говорили, с феноменализмом и агностицизмо или символизм типа Юшкевича.

Прочие возражения Л. Аксельрод Ленину были не бол сильны. По вопросу о понятии опыта (средство познания—пре мет исследования) Л. Аксельрод снова пыталась защищать Пл ханова от Ленина, но и в этой защите ее ждала та же роков неудача. Ленин писал, что «ни определение опыта как пре мета исследования, ни определение его как средства познан ничего еще не решает» в вопросе о материалистическом и идеалистическом понимании опыта. Ленин требовал, чтобы п самом определении опыта уже было указано на отношение б тия к сознанию. Для него опыт был «воздействием внешн предметов на наши органы чувств». Во втором письме А. Богд нову Плеханов дал такое определение: «Опыт есть результ взаимодействия между суб'ектом и об'ектом; но об'ект не пер стает существовать и тогда, когда нет никакого взаимодейств между ним и суб'ектом, т.-е. когда опыт не имеет места. Таким образом и в этом пункте «защита» Плеханова от Ленин была неуместна.

Совершенно голословной была критика Л. Аксельрод л нинских параграфов о причинности и необходимости и о св боде и необходимости. Автор рецензии, например, упрекал Л нина за выражение «необходимость природы» (Naturnotwendigkei вместо «необходимость в природе». но, во-первых, по этому п воду можно еще спорить, а, во-вторых, весь параграф у Ленин так и называется «О причинности и необходимости в природе

Чрезвычайно не понравился Л. Аксельрод тон полемик Ленина и весь стиль его письма. Это, конечно, дело вкус а о вкусах, как известно, не спорят. В данном случае вкус Л. Аксельрод сошлись с вкусами Ив. Ил-на и М. Булгаков Кроме того,—что в контексте данной рецензии имеет значение,— стиль плехановских писем Богданову («Materialismus militans» не так уж отличался от ленинского стиля. Маленький пример слова Ленина: «Вопрос о причинности имеет особенно важно значение для определения философской линии того или другог новейшего «изма» Л. Аксельрод снабдила замечанием: «Како жаргон!». Интересно, не требовала ли у рецензента такого ж замечания фраза Плеханова (из первого письма Богданову) в которой он писал о «современных увлечениях всякими мод

ными антиматериалистическими «измами». Очевидно, «жаргон» этот был не исключительно достоянием Ленина.

В последнем абзаце Л. Аксельрод несколько сменила гнев на милость: «Положительно и важно,—писала она,—в этой книге прежде всего то, что автор горячо и страстно защищает истину. Во-вторых, книга не лишена отдельных метких и остроумных замечаний. В-третьих, в этой книге чувствуется живой, свежий, бодрый и революционный тон».

Таковы те отклики, возражения и отзывы, которые встретили «Материализм и эмпириокритицизм» в русской печати в первый год его появления.

Два идеолога ранней буржуазии.

(Материалист Т. Л. Лау и утопист И. И. Бехер).

Г. Тымянский.

Идеология Германии в конце XVII века и первой половине XVIII века характеризуется, в отличие от идеологии Франции того же времени, значительно большим влиянием церкви. Это об'ясняется тем, что во Франции влияние и значение нарождающейся буржуазии было гораздо сильнее, чем в Германии. Последняя была разрознена, раз'единена на мелкие государства, ничем почти не отличавшиеся от феодальных княжеств. Процесс об'единения феодальных территорий в единое государство, имевший место во Франции, не удался в Германии. Если прибавить к этому падение того экономического значения, которое Германия имела еще в XVI веке, и тридцатилетнюю войну, превратившую Германию в разрушенную пустыню, то станет ясным, насколько Германия экономически отстала от других стран. Буржуазная Германия была слишком слабой, чтобы выдвинуть из своей среды своего идеолога, который мог бы последовательно развивать ее задачи и цели. В то время как во Франции Вольтер своими едкими остротами раз'едал феодальные идеологические устои, в то время как Ламеттри, Гельвеций, Гольбах развивали материалистические взгляды, направленные в первую очередь против церкви, в Германии церковь чувствовала себя еще полной госпожей над умами общества и с помощью государственной власти подавляла жестокими мерами всякое выражение свободомыслия. Однако настолько силен уже был рост хозяйства в самой Германии и бурный расцвет торговых отношений в соседних странах, что соотношение классовых сил в Германии не могло остаться незатронутым. В Голландии, Англии, Франции буржуазия росла и крепла с поражающей быстротой. Молодая, революционно настроенная буржуазия завоевывала одну позицию за другой в борьбе против церкви. Рост буржуазии, накопление ею богатства, ее борьба на идеологическом фронте побуждала и немецкую буржуазию на выступления. Однако скованные крепким феодальным режимом и организацией церкви, выступления идеологов буржуазии в Германии носили бледный, нерешительный характер. Как в экономической области немецкие представители меркантилизма менее последовательны и смелы, чем английские и французские, так и в области философской немецкий протест церкви бледнее, нерешительнее. Можно сказать, что отличительной чертой идеологии немецкой буржуазии является искание компромисса, соглашения с церковью. Даже у наиболее смелых и решительных идеологов, вроде Эдельмана и Стоша, эта черта ясно обнаруживается. По-

этому материалистические учения, прозвучавшие в Голландии, Англии, Франции гордо и смело, ставшие там почти евангелием новой буржуазии, в Германии звучат бледно, носят непоследовательный характер и скрыты под теологической одеждой. Эта особенность немецкого материализма проглядывает наиболее ярко в произведениях Теодора Людвига Лау, не совсем последовательного материалиста, который выражал материалистические идеи и, однако, всю жизнь был занят доказательством того, что он не является материалистом. Его взгляды представляют интерес не столько оригинальностью своего содержания, сколько своеобразием защитной формы, которую он избрал для выражения своих еретических—материалистических—идей. Когда небольшая книжечка Лау под невинным заглавием: «Meditationes philosophicae de Deo, mundo et homine»[1]) впервые попалась нам в руки, мы после прочтения первых страниц заключили, что она представляет собой типичное богословское рассуждение. Мы решили, что она не представляет ничего интересного для исследователя истории материализма. Лишь прочтя в исследовании Фрица Маутнера «Атеизм и его история на Западе» страницы, посвященные Лау, в которых Маутнер называет его материалистом, ссылаясь на упомянутую книжечку, мы прочитали ее до конца и убедились, что книжка, действительно, содержит материалистические идеи. Кроме того, в лице Лау связь материалистических идей с ростом буржуазии проглядывает особенно ясно, так как Лау, будучи в области философии материалистом, является в своих экономических работах одним из типичных представителей немецкого меркантилизма.

Жизнь Теодора Людвига Лау во многом отличается от жизненного пути Эдельмана, Стоша и других немецких просветителей. Он происходит из богатой интеллигентной семьи и сам занимал ряд крупных государственных должностей. Однако и ему, подобно другим просветителям, пришлось перенести гонения, преследования и даже тюрьму. Отец Теодора Людвига Лау был профессором права в Кенигсберге. Теодор Людвиг родился в Кенигсберге в 1670 году и там же получил свое начальное образование. В 1694 году он поступил в университет в Галле, где изучал право и был учеником знаменитого Христиана Томазия. После окончания университетского курса он отправляется в путешествие. Сначала он едет в Голландию, затем в Англию и Францию. Нет сомнения, что в этих странах он внимательно наблюдал рост богатства, развитие торговли и заразился теми оптимистическими настроениями, которые характерны для молодой буржуазии того времени. В этих странах он познакомился с представителями общественного движения того времени, которое носит название просвещения. Интересно, однако, то обстоятельство, что его влекло к материалистической ветви этого движения. К сожалению, документы не дают оснований для установления причин особенно сильного влияния на Лау материалистов; но в своих произведениях он часто упоминает с особенным уважением имена Спинозы, Гоббса, Толанда[2]). Упоминаются им

[1]) Философские размышления о боге, мире и человеке.

[2]) См. стихотворное исповедание в ответ на постановление факультета в Галле по поводу книжки Лау: Философские размышления о боге, мире и человеке (Aufrichtiger Vorschlag, Frankfurth a/M. 1719).

также сочувственно, а иногда цитируются имена наиболее радикальных английских деистов, напр. Чайльда. После приезда из своего путешествия Лау становится курляндским государственным советником и кабинет-директором. Эти высокие административные должности он занимает до смерти курляндского герцога в 1711 году. Затем он оставляет службу и отправляется опять в путешествие, чтобы вдали от дома иметь возможность наблюдать и обдумать те теоретические и общественные вопросы, которые заинтересовали его, повидимому, еще на школьной скамье, возможно под влиянием сравнительно передового юриста Томазия, впоследствии его литературного врага. В 1717 году Теодор Л. Лау издает маленькую книжечку, состоящую всего из 48 страниц небольшого формата под названием «Философские размышления о боге, мире и человеке». Со времени выхода в свет этой книжки начинаются злоключения Лау. Тихий и спокойный человек, мыслитель, боявшийся споров, пытавшийся скрывать свои еретические идеи, он вовлечен был в ожесточенные споры и подвергся всяческим гонениям вплоть до ареста. Книжка немедленно была конфискована, и Лау пришлось оставить Франкфурт н/М, где она была издана. Иехер[1]) сообщает, что он был посажен за нее в тюрьму. Подвергшись подобным преследованиям за свою книжку, Лау послал ее юридическому факультету в Галле, т.-е. своему бывшему учителю Томазию для отзыва. Однако, к удивлению Лау, последний вместе с факультетом фактически одобрил преследования, направленные против Лау. Томазий в своем отзыве, правда, указал, что он противник религиозных преследований, но, по его мнению, веротерпимость должна иметь пределы и не может быть распространена на книги атеистического характера. Томазий обвиняет Лау в атеизме, спинозизме или, как он выражается, ереси, превосходящей Спинозовскую, и в выражении анархических взглядов. Лау, давая свою книжку на суд факультета, оправдывался тем, что он-то сам верующий, но пишет под маской язычника. На это Томазий ему вполне резонно отвечает, что, «кто усваивает маску язычника, с тем обращаются как с язычником».

Получив такой ответ от факультета, Лау возмутился и ответил небольшим трактатом, в котором осмеял «свободомыслие» Томазия, который-де пишет против преследования еретиков, а на самом деле подготовляет ему, Лау, путь к костру. Лау в приложении к этому трактату защищает свои просветительские и атеистические взгляды, приводя цитаты из произведений самого Томазия и снабжая их своими довольно радикальными толкованиями. Тогда последний, повидимому, испугавшись, пришел в ярость и напал на Лау открыто и резко. Томазий предупреждает Лау, что если он не исправится, то не сможет получить службу ни при одном дворе.

Против Теодора Л. Лау выступил еще ряд юристов и теологов. Ему приписали обычное обвинение свободомыслящих философов того времени—спинозизм. Фактически Лау взял сравнительно мало у Спинозы и находился под значительно более сильным влиянием Толанда. В одном стихотворении, рассказывая о гонениях, возведенных на его книгу и на него самого, он

[1]) Jöchers, Allgemeines Gelehrten Lexicon, B. II, 1750.

говорит: «Я в книге говорю о боге, о мире, о существе человека; слова текут из мудрых уст мира. Не я создал их, я прочитал их в книгах, доступных каждому для чтения». В другом стихотворении он говорит определеннее: «Преследование царит, где истина презренна, царство мрака там применяет власть. Там Бекера—Мир волшебств, учение Гоббса считаются не истинными и ложными; там творчество Толанда подверглось преследованию и попало в черный список инквизиции. Я хочу рассказать о Beверланде, Спинозе, героях, нашедших там места свои среди проклятых». Немецкие просветители вообще не указывали источников, откуда они брали свои идеи. Что касается Лау, то и он поступает так же, упоминая глухо философов, к произведениям которых он относится как будто доброжелательно. Однако по отношению к Лау существует дополнительный путь к установлению источников, оказавших влияние на развитие его идей. Дело в том, что Лау написал немного в области философии, большинство его литературных трудов имеют экономический характер. В последних же он является прямым последователем английских меркантилистов, в особенности Чайльда. Последний был деистом и притом на самом левом фланге этого движения. Находясь под влиянием деистов в области экономических теорий, Лау и в философском направлении должен был подпасть под их влияние. В этом смысле на него могли оказать наиболее сильное влияние Толанд и Локк. Мы и видим, что Лау сначала в своих «Философских размышлениях» выражает идеи, близкие Толанду, а впоследствии, устав от гонений, начинает говорить языком Локка. Что касается обвинения в спинозизме, пред'явленного ему, то впервые имя спинозиста в Германии в XVIII веке было синонимом всякой опасной для церкви ереси и, главным образом, материалистической ереси и, во-вторых, оно имело основание, поскольку сам Толанд находился под очень сильным влиянием Спинозы.

Материалистические убеждения свои Лау имел смелость защищать не долго. Уже в 1719 году, т.-е. два года спустя после издания своей первой философской книжки, он издает вторую книжку, под очень длинным названием: «Meditationes, theses, dubia philosophico-theologica etc.», в которой делает значительный сдвиг в направлении к взглядам Локка и даже к некоторому пессимизму. Этот сдвиг, повидимому, стоит Лау значительных душевных мук и внутренней борьбы. Это видно из сатирического тона его работ и из ряда иронических замечаний, в особенности в его экономической работе, относящейся к тому же 1719 г. Последняя книга носит очень длинное название: Aufrichtiger Vorschlag: Von glücklicher: Vorteilhaftiger: beständiger: Einrichtung der Intraden: und Einkünften etc.

В предисловии к этой книге он дает стихотворное ироническое посвящение князьям: «Вы, боги, кому бог в наследство землю дал—чье пурпурное платье лобызают тысячи людей. С глубоким преклонением сложил я рукопись одну к стопам священным вашим» и т. д. Далее, он в упомянутых работах высказывает свои политические взгляды о религиозной терпимости и свободе даже для атеистов в выражении ими своих убеждений. По его мнению, государство должно отказаться от преследования против авторов. Если философская, богословская и поли-

тическая ненависть ведут к преследованию книг, то последнее в конечном счете приведет лишь к развитию глупости. Авторы от этого не теряют, так как превращаются в мучеников за дело истины и разума. Критика, философия,—тут Лау упоминает имя Декарта,—и некоторый скепсис являются действительными руководителями к истине. Все книги имеют право на существование, даже книга «De tribus Impostoribus». Книга сама по себе не может быть еретической, она становится такой лишь относительно, с точки зрения взглядов различных партий. Однако, на ряду со столь смелыми в Германии того времени взглядами, Лау тут же начинает отступать. Он продолжает: атеизма нет и быть не может, так как нет людей, непризнающих своей зависимости от первого, высшего и простого существа. Признавая такое существо, каждый внешне или внутренне поклоняется ему, а следовательно, не может считаться атеистом. Истина едина, религий же много. Все они более или менее ложны, являясь лишь приближением к истине. Наиболее древней, общей и разумной религией является деизм. Глубоко убежденный сторонник развития капиталистических отношений, доходивший в требованиях личной свободы в своей работе от 1717 года почти до анархизма, после двухлетней борьбы, в работе 1719 года сдает позиции и начинает свой путь в Каноссу, который заканчивается в 1727 году. Десять лет борется Лау сам с собой и с темными силами феодализма и церкви за чистоту своих взглядов, но в этой борьбе постепенно слабеет, и в 1727 году совершает свое публичное покаяние. В этом году Лау защищает в Эрфурте диссертацию на звание доктора права. Однако это спачала было запрещено ему, «вследствие содержащихся в его диссертации парадоксальных учений и выражений» (Wegen der darinen enthaltenen paradoxen Lehren und Ausdrücke). Вследствие пред'явленного Лау в этом же году обвинения в атеизме, ему пришлось в Кенигсберге отказаться от своих ошибок перед консисторией. Спокойствие, которое Лау искал так ревностно и ради которого он отказался от своих убеждений, ему найти все же не удалось. Ему часто приходилось менять свое местожительство и переезжать из города в город. Об'ясняется это отчасти тем, что Лау, даже после покаяния перед консисторией, все же продолжал иногда высказывать свои прежние воззрения. Так, он в 1729 году издал речь бургомистра г. Кенигсберга по поводу его покаяния, с примечаниями, в которых еще раз подтвердил свои прежние еретические ошибки, высказанные им в прежних его произведениях. Наконец, он поселился в Альтоне, этом убежище немецких вольнодумцев, где и умер в 1740 году.

Как писатель, Лау был чрезвычайно многосторонен. Кроме философских трактатов и экономических работ, ему принадлежит перевод Энеиды Виргилия в немецких стихах; перевод сатир Буало, а также работа под названием: «Menschenwerdungshistorie des Hailands».

Перейдем к рассмотрению философских взглядов Лау. Подобно всем философам того времени, Лау начинает с изложения своих воззрений на бога, этим путем высказывая свои основные методологические взгляды. В методологическом отношении Лау находится под сильным влиянием Толанда, в особенности его

Пантеистикона. Уже внешний формат, строение фразы, ряд выражений напоминают Пантеистикон. В смысле содержания это сходство выступает еще определеннее. Подобно всем немецким просветителям того времени, Лау также облекает свои рационалистические воззрения в мистическую оболочку. Толанд в Пантеистиконе создает религию материалистического пантеизма, в которой, однако, нет ничего религиозного, мистического. Лау же не говорит ничего о религии, но в действительности создает какой-то мистический материализм. Лау начинает свой трактат с признания того факта, что бог существует. Доказательствами существования бога у Лау служит познание наших чувств. Однако, начав столь невинно, Лау в дальнейшем не оставляет сомнения, что здесь речь идет не о личном боге, а о боге, имманентном миру, космосу. Его первое утверждение о существовании высшего существа в дальнейшем теряет смысл, ибо наши чувства могут нам доказать существование только мира и больше ничего. Бог Лау таким образом является миром. Критика так его и поняла. Томазий, Шварц, Арнольд, Рох, выступавшие против него, немедленно пред'явили ему обвинение в отрицании бога, в атеизме. Нужно вообще сказать, что церковь имеет прекрасное чутье в области всяких атеистических ревизий ее догматов, и обмануть ее ни Лау, ни кому-либо другому не удалось. Лау в своих оправданиях так и не смог отвести обвинения в атеизме, несмотря на неоднократные заявления, что он не имеет ничего общего с атеизмом. Его суб'ективная убежденность в том, что бог существует, и его учение об имманентности бога миру привели лишь к тому, что он запутался и облек в мистическую форму вопрос об отношениях бога к проявлениям его, т.-е. модусам мира. Лау представляет себе мир, как некий колоссальный, безграничный шар, в центре которого находится бог, его творец и его сущность. Он с особенной любовью повторяет сравнение, приписываемое Спинозе, о пауке и творимой из себя паутине. Материалисты XVII и XVIII веков говорили о prima materia, о материи вообще, которая лежит в основании всех явлений мира. Связь между конкретным выражением материи и материей вообще осталась не установленной, не решенной еще в философии Декарта. Ее не решил и Спиноза, хотя, по собственному сознанию, он собирался дать ответ на этот вопрос. Толанд, не найдя этого ответа у Спинозы, критиковал его и нашел выход в признании движения не модусом, а атрибутом. Однако, установив равноценность движения и материи, Толанд все же не дал, да и не мог дать, их связи. Эта проблема стоит также у Лау. Бог-материя лежит в центре мира, она его творец, его сущность. Однако каким образом бог творит мир? Каковы пути, связывающие материю с ее конкретными проявлениями? Лау говорит: «Deus natura naturans, aqua, ignis, sol, ego natura naturata, gutta, scintilla, radius». В другом месте он говорит: «Die Welt ein Zirkel bleibt, der einen Punkt vorzeigt»... Итак, бог, по его мнению, есть центр мира, центр мирового круга. Сравнение математическое, которое характерно для того времени. Оно ничего не оставляет от христианского бога, но продиктованное развитием математики в то время, сводит вопрос к формальному, математическому выражению отношения между центром, радиусом и точками окружности. Вполне понятно, что

Лау такого формального вывода не сделал, это было бы слишком смело—он запутывает поэтому вопрос мистическим представлением о «творении богом мира» и теорией божественного откровения. Создавая свою мистическую теорию «откровения бога в мире», Лау отходит от рационалистического пантеизма Толанда к пантеизму Якова Беме. По Лау, бог «открывает» себя в своем творении двумя путями. Один путь есть путь евангелия, писаний апостолов и т. п. Этот путь Лау считает недействительным, ошибочным, связанным с христианско-иудейской идеей о Мессии. Другой путь есть действительно истинный путь откровения бога в его творениях, в его делах. Если снять здесь мистическую оболочку, то эта мысль примет тот смысл, что существует только мир в его множественности проявлений, существуют конкретные вещи, которые свидетельствуют о некотором единстве, о чем-то, что все их об'единяет в единое целое. Вопрос, однако, заключается в том, является ли то, что об'единяет явления мира в целое духовным или материальным. Лау определенного ответа здесь не дает, но из содержания всей его книги, из всего ее смысла следует материалистический ответ. Недаром он со страхом отвергает от себя неоднократные обвинения в натурализме, что на языке того времени равнозначаще материализму. Уже одно сравнение бога с водой и огнем, а человека с каплей и искрой--достаточно для основательного подозрения его в материализме. Эта же мысль об откровении бога—в его материальных творениях означает также призыв Лау к изучению мира, к опыту, в отличие от схоластических умствований. Он в дальнейшем панегириками в честь разума, естественного света и науки неоднократно подтверждает эту мысль. Интересно, что Лау в своей книге не касается совсем вопроса об атрибутах бога. В то время как Декарт и Спиноза уделяли этому вопросу чрезвычайно большое значение, Лау, подобно Толанду, который также почти не останавливается на вопросе об атрибутах бога, проходит мимо него. Это, кажется, не случайно. Лау, как Толанд и, впрочем, большинство деистов, выступая против церкви, чувствовал отвращение к тем схоластическим проблемам о качествах, атрибутах бога, которым еще уделили дань Декарт и Спиноза. Рационалистическое же понимание атрибутов бога у гениального француза и у амстердамского мудреца, повидимому, осталось непонятным Лау. Удивляться тут не приходится, так как большинство современников и последователей Декарта и Спинозы, так называемые спинозисты (spinoziaten) и «натуралисты» заимствовали у последних наиболее доступные части их философии—критику библии и церковных суеверий, а также физику. В смысле критики религиозных обрядов, текста библии, церковной организации, Лау вполне справедливо заслужил упрек Томазия в спинозизме. С особенным ожесточением Лау критикует идею триединства бога, представления об аде и рае, о грехопадении, об ангелах и т. п. Он считает все эти идеи вымыслом, осторожно добавляя, невинным вымыслом. Разумному человеку они не нужны, так как бог разумного человека не внушает страха и не нуждается в средствах для пугания. Нет никакой нужды, говорит Лау, в молитвах, обращенных к богу, следовательно, и в молитвенниках, таинственных формулах, символах и вообще в каких бы то ни было выражениях веры.

Отрицая, таким образом, все внешние формы церкви, Лау, вполне понятно, отрицал вообще церковь. Нет ничего удивительного, следовательно, что церковные служители и богословы так жестоко обрушились на него, несмотря на его заверения, что он человек религиозный. Защитники феодализма и церкви прекрасно понимали, что признание религии без ее церковной организации есть отрицание самой основы ее существования.

Церковники имели еще более веские основания быть недовольными кабинет-директором Лау в той части его книги, где он излагает свои взгляды на мир и человека. Если в первой части Лау выражается еще несмело и дает повод причислить его к немецким мистикам, число которых в Германии в это время было весьма значительным, то в следующих частях книги Лау выражается гораздо определеннее. Так, Фриц Маутнер дает следующий отзыв об этих главах: «Следующие главы (о природе, о физиологии человека, о правовых и моральных отношениях людей), хотя и являются следствием его учения о боге, но все более приближаются к определенному материализму вроде материализма «Système de la Nature».

В начале второй главы Лау дает краткую фразу, сжатое определение, в которой, несмотря на ее теологический тон, содержится основная идея его понимания мира. «Мир,—говорит он,—есть бог, из бога, через бога». С первой частью этого credo—отождествлением мира и бога—мы познакомились уже в первой части его книги. Здесь, однако, повторение этой фразы имеет другой смысл. Лау хочет выразить идею о вечности мира—бога. Мир не создан, не сотворен из ничего, он существовал всегда. Мир не может быть уничтожен, его уничтожение было бы также гибелью бога, что является абсурдным. Отсюда ясно видно, что Лау под миром и богом понимает материальный мир, так как церковь, говоря о сотворении и уничтожении мира, имеет в виду именно материальный мир, а не уничтожение бестелесного духа. Таким образом, Лау здесь косвенно дает определение сущности бога-мира, находя ее в материи. Что тогда означает дальнейшее выражение его credo, что мир—из бога и через бога? Смысл этих его слов вытекает из дальнейших кратких фраз 2-й главы. «Мир вечен, он есть единство творения и творца, здания и строителя, следствия и причины. И далее—движение вечно, движение противоположно покою, оно всегда в мире одинаково. Движение проявляется в изменениях форм материи, а так как количество движения одинаково в мире, то одинаково и количество вещества. Вечность мира имеет два определения—она есть вечность материи и вечность движения; другими словами—нет материи вне движения и нет движения, которое не проявилось бы в материальной форме. «Представление о покоющемся боге—внутренне противоречиво», говорит Лау. Но если материя и движение вечны, как возможны причина и следствие? Нам думается, что Лау в этом вопросе следует Спинозе в его двойственном понимании причинности, как причинности философской (causa secundum esse) и причинности обычной (causa secundum freri). Лау только выражает эту мысль в свойственной немецким философам того времени мистической форме.

Таковы основные философские взгляды Лау. О них можно сказать то же, что относительно философских взглядов всех

просветителей. За исключением некоторых случайных мыслей они не отличаются оригинальностью, а представляют собою слабо единство из отрывков идей великих философов Голландии и Англии того времени. Это вполне понятно. Просветители касались только тех проблем философии, которые нужны были им для обоснования критики религии и церкви. Их интересовали прежде всего этические и политические вопросы. Они не стремились подобно философам par excellence к обоснованию научного познания, они не занимались проблемами метода научного исследования. Им нужно было решить вопрос о месте человека во вселенной и доказать естественное право человека на свободу—свободу выражения своих мыслей и свободу личную. Поэтому их остри было направлено против тирании церкви и тирании феодального общественного строя. Им необходимо было доказать преимущество разума над верой и возможность разумом познать человека и общество. Эта задача невыполнима, если признать догма церкви о божественном происхождении человека. Нужно был отсюда доказать, что мир материален и что человек является частью его. Церковь утверждает, что у человека есть искр божественного духа—душа, которая отличает его от грубой материи. Просветители в противовес этому утверждению заявляли что души нет или что душа материальна. Если она материальна то она не имеет мистического характера и ее можно познать. Н познание материи в XVII и XVIII веках имело тот смысл, како придавала ему наука того времени, которая носила механистический характер. Наука XVIII века изучала механизмы и устанавливала законы движения, была механикой по существу. Отсюда познать человека и общество в то время означало представить себе их в виде механизмов и искать законы соотношени их частей. Таким образом и представляли себе мир и человек великие философы XVII и XVIII веков. Так рассматривает ми и Лау, но если в понимании мира он осторожен, неуверен, вводи мистический элемент, то по отношению к человеку он становитс значительно более смелым и говорит языком Ламеттри. Здесь о не оставляет никаких сомнений в своем материализме. О прямо начинает с заявления, что человек это—машина, что душ материальна и состоит из тонкой материи в отличие от тела состоящего из более грубой материи. Различие в качестве материи, но не по существу. Далее он еще определеннее высказывается о сущности души. Видно, что он только употребляе этот термин. фактически отрицая существование души. Так, душа по его мнению, оказывается не чем иным, как кровью. Тут однако, возникает неясность. Душа, по Лау, есть та тонка материя, которую французы называли l'ésprit, та материя, которая делает человека мыслящим существом. Сказать, что душ это—кровь, не значит об'яснить процесса образования сознания Здесь Лау, как многие философы и врачи того времени, вводи два понятия души. С одной стороны, душа понимается, ка жизненный принцип, как жизнь, так сказать, вегетативна душа. С этой точки зрения душа, по мнению Лау, есть кровь С другой стороны, душа есть принцип сознания, мышления Что представляет собою эта вторая душа? Здесь Лау опять иде по следам английских просветителей Локка, Толанда. «Нет ничег в разуме, чего бы раньше не было в чувствах». Нет врожденны

идей, идеи—результат чувств. Но чувства это—проявления жизненной души, крови. Итак, кровь лежит в основании разумной деятельности человека. Можно здесь указать на некоторую примитивность концепции, но нельзя усомниться в материальности этого представления. Что все эти мысли имеют своей основной целью борьбу с религией, видно из того, что мысль Лау и тут немедленно возвращается к религиозным проблемам. Все это сказано для того, чтобы доказать отсутствие бессмертия. Вечен мир, тела изменчивы. Что такое смерть? Она—лишь остановка в движении человеческой машины. Машина, не двигаясь, рассыпается на свои части, на атомы. Атомы души—крови, атомы тела отделяются друг от друга, но не погибают, они вечны и в вечном потоке вновь соединяются для создания новых тел и новых жизней. «Поэтому меня не пугает смерть. Нет уничтожения. Это—только представления, недействительные идеи, мечты... Мое уничтожение будет новым рождением. Я не перестану жить, быть может, не в виде человека, быть может, не на земле, но где-нибудь в мире...»

Материалистические и атеистические взгляды в области философии находят свое соответствующее выражение у Лау и в области политических убеждений. Здесь Лау еще ярче, еще резче проявляет себя представителем нарождающейся буржуазии. Прежде всего мы и здесь наблюдаем влияние на Лау английских деистов. Последние, как известно, были в политической области сторонниками и даже основателями либерализма. Большинство из них были республиканцами и сторонниками того толкования естественного права людей, которое сводилось к утверждению не только естественного свободного состояния их, но и правомерности его. Они рассматривали государственную власть, как необходимое, правда, ограничение естественной свободы, но считали, что это ограничение должно сводиться к минимуму. Лау очень резко защищал эти взгляды в Германии и, надо полагать, либерализм его и был немаловажной причиной, возбудившей против него власти и в том числе «передового» Томазия, который, хотя и был сторонником естественного права, но являлся убежденным монархистом и даже шел так далеко в этом направлении, что, к ужасу Лау, предоставлял монархам исключительное право конкубината. Однако и тут молодая буржуазия устами Лау шла значительно далее своих действительных политических требований. Лау говорил таким языком, который поражает нас своей смелостью, если принять во внимание, что эти идеи высказывались в начале XVIII века и притом в отсталой Германии, да еще исходили от крупного чиновника. Лау исходит из того различия, которое существует между естественным правом человека и его действительным состоянием. Это различие огромно. Само естественное право человека Лау не обосновывает; повидимому, эта идея была уже настолько популярной в Германии того времени, что Лау не полагал нужным ее доказывать. Он исходит как из известного из того факта, что человек должен быть свободен. Понятие свобода им также не определяется, но из дальнейшего изложения видно, что он его понимает в самом широком смысле. Это прежде всего политическая свобода. Английские либералы, сторонники естественной свободы человека, обычно понимали политическую свободу, как ограничение абсо-

лютизма, как право народов на участие в государственном управлении. Лау идет дальше и, к ужасу добрых немецких подданных, провозглашает не только свободу в государстве, но свободу от государства. Его девизом становится: «sine rege, lege, grege». Перед нами Лау-анархист, отрицающий государство вообще. В последней части своих философских размышлений он рисует современное ему общество, как собрание людей, представляющих собою сборище княжеских рабов, без собственной воли, без собственных мыслей. «Во всем мире,—говорит он,—мы являемся стадом скота, хуже скота. Рабы царей и чиновников. Машины без собственных понятий, без собственного рассудка, без собственной воли. Мы чувствуем, мы думаем только то, что велят нам наши властители. В своем пафосе он доходит до построения анархической утопии, в которой люди будут жить свободно, действовать свободно и мыслить свободно. «Человек не будет ждать награды и не станет бояться наказаний. Он не будет знать ни порока, ни греха. Веления разума будут его полярной звездой, руководительницей его поступков. Люди заживут, как боги.

Было бы, однако, ошибкой полагать, что Лау в своей практической деятельности действительно руководился только что высказанной им программой. Между Лау утопистом и Лау экономистом лежит та глубокая пропасть, которая отделяет идеологию молодой буржуазии от ее действительных задач. Исследователи поражаются противоречием между Лау теоретиком-утопистом и Лау практиком-экономистом. Это противоречие, которое еще нагляднее выступает у другого утописта Бехера, есть внутреннее противоречие буржуазной идеологии даже на самых первых ступенях ее развития. Как экономист, Лау выступает перед нами как типичный немецкий камералист. Лау написал несколько работ по экономике. О его взглядах можно, однако, достаточно судить по его работе. «Entwurf von einer wohl eingerichteten Polizei». В этой работе совершенно ясно выступает буржуазный характер идеологии Лау, хотя и здесь она скрыта под видом защиты интересов князя. В XVIII веке экономические идеи стали разбираться и изучаться постольку, поскольку имели своей задачей фискальные интересы. В эпоху бурного развития торговых отношений некоторые небольшие княжества и города из бедных захудалых провинций и городишек как бы вдруг превращались в экономические центры мирового значения. Они богатели с головокружительной быстротой и становились центрами новой буржуазной культуры. Отсюда многие философы и экономисты, пораженные быстрым ростом богатств некоторых городов, стали исследовать этот вопрос, стали изучать причину богатства. Этих экономистов поддерживали отдельные немецкие князья, которые не прочь были получать налоги с богатых провинций и самим разбогатеть. Они посылали молодых ученых за границу, главным образом в Голландию и Англию, чтобы они на месте изучили причины роста богатств этих стран. Таким образом, труды первых экономистов нового времени должны были носить весьма утилитарный характер—помощи князьям в увеличении своих доходов. Однако и здесь формальная задача превратилась у многих экономистов в свою противоположность благодаря содержанию изучаемого материала. Многие экономисты становились апологетами того класса, интересы которого

в то время часто не совпадали с интересами отдельных князьков. Таким экономистом был и Лау. Он начинает свои произведения обычно посвящением князьям—могущественным земным богам, хотя мы видели, что он и здесь не всегда выдерживал и к почтительнейшим эпитетам примешивал иронические замечания. Свои книги он начинает с изложения своей задачи, заключающейся в том, чтобы, на основании приобретенных знаний и опыта, дать советы князьям, как стать могущественными. Это был стиль эпохи, тот самый стиль, основание которому положил Макиавелли в своем «Князе». Однако в то время, как у Макиавелли советы носили политический характер и сводились к первой попытке найти сущность политики, эти советы у Лау и других меркантилистов того времени, носили другой характер. Для того, чтобы стать могущественными, князья, по мнению Лау, должны обратить внимание на экономическое состояние своих народов. Князь является могущественным тогда, когда его народ богат и доволен. Здесь сразу центр тяжести переносится на развитие богатства народов. Проблема принимает другой характер—не защиты интересов князя, а изучения путей к развитию благосостояния народов. Каковы причины богатства народов—вот основной вопрос, поставленный Лау. Этих причин он видит шесть. Маркс в «Введении к критике политической экономии» говорит, что наиболее наглядным предметом, с которого, казалось бы, должна была начать исследование политическая экономия, является население. Вот с этого наглядного и поверхностного и начинает свое исследование Лау. Основную причину накопления богатства он видит в росте народонаселения. Страна является тем более богатой, чем больше ее население. Основными элементами населения Лау, ссылаясь на J. Child'а, считает торговцев, ремесленников и земледельцев. «Merchants, artificiers and farmers of land are the three parts of people». Чем больше население страны, тем больше торговцев, ремесленников и земледельцев и, следовательно, тем больше будет богатство, создаваемое в этой стране. Отсюда первый практический совет: стремиться к увеличению населения. Что показалось чудовищным современникам, это логический вывод из этой предпосылки, сделанный Лау. «Если увеличение населения есть необходимость, то следует разрешить полигамию, так как при этой форме брака население значительно увеличится. Затем следует вести борьбу с болезнями, эпидемиями, нечистотой в домах. Необходимо защищать падших женщин и запретить религиозные преследования, изгнания, бороться с войнами. Так как ремесленники и торговцы являются основными элементами богатства, то их всячески следует защищать, приглашать их из других стран и покровительствовать им путем уменьшения налогов. Следует бороться с преступниками и превращать их из опасного в безвредный элемент общества, главным образом, путем женитьбы. Установить равенство всех перед законом. Второй причиной образования богатства являются, согласно Лау, мануфактуры. Развитие последних превращает бедные городишки в богатейшие города. Они дают работу многим беднякам и тем самым содействуют благосостоянию населения. Они, обрабатывая сырье, мешают его вывозу, и, следовательно, содействуют накоплению богатства в стране. Отсюда вывод: всячески насаждать мануфактуры и содействовать их развитию.

Третьей причиной богатства является торговля. Она да законченность хозяйственной структуре страны, создает гармони трех состояний. Торговля распределяет то, что создают одни обрабатывают другие.

Четвертой причиной богатства являются банки и креди Банки собирают золото и путем кредита внутреннего и в особе ности внешнего помогают трем основным состояниям страны их деятельности.

Пятой причиной богатства является накопление золота, дене Обычно меркантилистам приписывают взгляд, что они отожд ствляют деньги и богатство. Лау определенно говорит: «Деньг и богатство не одно и то же. Деньги—средство обмена». В друго месте он говорит: «Золото рождает золото, но оно не долже быть спрятано, так как ценность его заключается в обмене».

Шестой причиной богатства у Лау, как и у других меркан тилистов—Чайльда, Локка, является бережливость. Впроче здесь он не выдержан, рекомендуя, с одной стороны, бережли вость, а с другой стороны, заявляя, что большие расходы бога тых являются основанием обогащения населения.

В изложенных экономических взглядах Лау, нам думается проявляется совершенно ясно его социальная сущность, как выра зителя идеологии нарождающейся буржуазии. В экономически своих произведениях Лау гораздо откровеннее высказывает сущ ность своих убеждений, нежели в своей философии. То, что области философии рисуется ему, как анархическая утопия, экономике принимает ощутительные формы буржуазного обще ства со всеми его атрибутами.

Эта двойственность между философией и экономикой высту пает еще резче у И. И. Бехера, более талантливого ученог и более известного экономиста, чем Лау.

Иоанн Иоахим Бехер является несомненно одной из наиболе интересных фигур, стоявших на грани нового времени в Герма нии. Однако, в то время как у Эдельмана, Стоша, отчасти у Лау разложение феодальных и нарождение буржуазных отношений породили крайние взгляды в области философии, мы видим, ка те же общественные причины привели у Бехера к крайним выво дам в области так называемого практического разума. Бехер— меньше всего философ. Он прежде всего человек воли, практи и изобретатель. Его значение—в его общественной деятельности в его проектах, касающихся реформ хозяйственной жизни Гер мании того времени. Однако таковы уже были отсталые эконо мические отношения Германии XVIII века, что ее идеологи, даже наиболее крайние, были, во-первых, непоследовательны и, во-вторых, были обречены на неудачи и злосчастия. Этой судьбы не избег и Бехер. Крупный человек, почти гений, обладавший огромным темпераментом, кипучей энергией, он строил и пытался осуществлять проекты, действительность которых граничила с бредом, здоровая фантазия с шарлатанством, точные вычисления со спекуляциями полусумасшедшего. Чем он только не занимался! Врач, химик, алхимик, изобретатель, промышленник, купец, коммивояжер в европейском масштабе, он во всех областях творил, а в некоторых глубоко запечатлел свое имя. Его ум

4*

в то время часто не совпадали с интересами отдельных князьков. Таким экономистом был и Лау. Он начинает свои произведения обычно посвящением князьям—могущественным земным богам, хотя мы видели, что он и здесь не всегда выдерживал и к почтительнейшим эпитетам примешивал иронические замечания. Свои книги он начинает с изложения своей задачи, заключающейся в том, чтобы, на основании приобретенных знаний и опыта, дать советы князьям, как стать могущественными. Это был стиль эпохи, тот самый стиль, основание которому положил Макиавелли в своем «Князе». Однако в то время, как у Макиавелли советы носили политический характер и сводились к первой попытке найти сущность политики, эти советы у Лау и других меркантилистов того времени, носили другой характер. Для того, чтобы стать могущественными, князья, по мнению Лау, должны обратить внимание на экономическое состояние своих народов. Князь является могущественным тогда, когда его народ богат и доволен. Здесь сразу центр тяжести переносится на развитие богатства народов. Проблема принимает другой характер—не защиты интересов князя, а изучения путей к развитию благосостояния народов. Каковы причины богатства народов—вот основной вопрос, поставленный Лау. Этих причин он видит шесть. Маркс в «Введении к критике политической экономии» говорит, что наиболее наглядным предметом, с которого, казалось бы, должна была начать исследование политическая экономия, является население. Вот с этого наглядного и поверхностного и начинает свое исследование Лау. Основную причину накопления богатства он видит в росте народонаселения. Страна является тем более богатой, чем больше ее население. Основными элементами населения Лау, ссылаясь на J. Child'a, считает торговцев, ремесленников и земледельцев. «Merchants, artificiers and farmers of land are the three parts of people». Чем больше население страны, тем больше торговцев, ремесленников и земледельцев и, следовательно, тем больше будет богатство, создаваемое в этой стране. Отсюда первый практический совет: стремиться к увеличению населения. Что показалось чудовищным современникам, это логический вывод из этой предпосылки, сделанный Лау. «Если увеличение населения есть необходимость, то следует разрешить полигамию, так как при этой форме брака население значительно увеличится. Затем следует вести борьбу с болезнями, эпидемиями, нечистотой в домах. Необходимо защищать падших женщин и запретить религиозные преследования, изгнания, бороться с войнами. Так как ремесленники и торговцы являются основными элементами богатства, то их всячески следует защищать, приглашать их из других стран и покровительствовать им путем уменьшения налогов. Следует бороться с преступниками и превращать их из опасного в безвредный элемент общества, главным образом, путем женитьбы. Установить равенство всех перед законом. Второй причиной образования богатства являются, согласно Лау, мануфактуры. Развитие последних превращает бедные городишки в богатейшие города. Они дают работу многим беднякам и тем самым содействуют благосостоянию населения. Они, обрабатывая сырье, мешают его вывозу, и, следовательно, содействуют накоплению богатства в стране. Отсюда вывод: всячески насаждать мануфактуры и содействовать их развитию.

Третьей причиной богатства является торговля. Она да законченность хозяйственной структуре страны, создает гармони трех состояний. Торговля распределяет то, что создают одни и обрабатывают другие.

Четвертой причиной богатства являются банки и кредит Банки собирают золото и путем кредита внутреннего и в особенности внешнего помогают трем основным состояниям страны и их деятельности.

Пятой причиной богатства является накопление золота, денег. Обычно меркантилистам приписывают взгляд, что они отождествляют деньги и богатство. Лау определенно говорит: «Деньги и богатство не одно и то же. Деньги—средство обмена». В другом месте он говорит: «Золото рождает золото, но оно не должно быть спрятано, так как ценность его заключается в обмене».

Шестой причиной богатства у Лау, как и у других меркантилистов—Чайльда, Локка, является бережливость. Впрочем, здесь он не выдержан, рекомендуя, с одной стороны, бережливость, а с другой стороны, заявляя, что большие расходы богатых являются основанием обогащения населения.

В изложенных экономических взглядах Лау, нам думается, проявляется совершенно ясно его социальная сущность, как выразителя идеологии нарождающейся буржуазии. В экономических своих произведениях Лау гораздо откровеннее высказывает сущность своих убеждений, нежели в своей философии. То, что в области философии рисуется ему, как анархическая утопия, в экономике принимает ощутительные формы буржуазного общества со всеми его атрибутами.

Эта двойственность между философией и экономикой выступает еще резче у И. И. Бехера, более талантливого ученого и более известного экономиста, чем Лау.

Иоанн Иоахим Бехер является несомненно одной из наиболее интересных фигур, стоявших на грани нового времени в Германии. Однако, в то время как у Эдельмана, Стоша, отчасти у Лау разложение феодальных и нарождение буржуазных отношений породили крайние взгляды в области философии, мы видим, как те же общественные причины привели у Бехера к крайним выводам в области так называемого практического разума. Бехер—меньше всего философ. Он прежде всего человек воли, практик и изобретатель. Его значение—в его общественной деятельности, в его проектах, касающихся реформ хозяйственной жизни Германии того времени. Однако таковы уже были отсталые экономические отношения Германии XVIII века, что ее идеологи, даже наиболее крайние, были, во-первых, непоследовательны и, во-вторых, были обречены на неудачи и злосчастия. Этой судьбы не избег и Бехер. Крупный человек, почти гений, обладавший огромным темпераментом, кипучей энергией, он строил и пытался осуществлять проекты, действительность которых граничила с бредом, здоровая фантазия с шарлатанством, точные вычисления со спекуляциями полусумасшедшего. Чем он только не занимался! Врач, химик, алхимик, изобретатель, промышленник, купец, коммивояжер в европейском масштабе, он во всех областях творил, а в некоторых глубоко запечатлел свое имя. Его ум

не знал покоя. Он творил идеи, создавал проекты, судьба которых, однако, всегда была одинакова. Они необходимо проваливались. По большей части причиной неудач были общественные условия Германии. Среди многих проектов Бехера имеется также один, касающийся организации нового общества на коммунистических основаниях. Идеи эти изложены им в небольшой книжечке, недавно открытой, под названием Moral Discurs или «Wagschal menschliches Glückes und Unglückes», изданной в 1669 году во Франкфурте на Майне. В виду того, что эта утопия по своему содержанию как будто не связана со всей остальной литературной деятельностью Бехера и не может быть об'яснено его личной жизнью, то исследователи [1]) считают, что Бехер как бы раздваивался. В практической и политической жизни он выступал как камералист и заботился о росте богатства Германии, не занимаясь никакими проектами социального преобразования, в тиши же кабинета тот же Бехер строил революционные утопии. На самом деле, мы имеем не двух Бехеров, а одного последовательного мыслителя и практического деятеля. Противоречие между утопией и экономическими работами Бехера имеется, но это противоречие принадлежит не лично Бехеру, а всему классу нарождающейся буржуазии. Буржуазия, выступая против феодализма, доходила в своей идеологии до таких крайностей, которые в настоящее время невероятны. Устами Лау буржуазия заговорила, как анархистка, а в утопии Бехера, как своеобразная коммунистка. Однако она позволяла себе такие крайности только в идеологии, в практической же жизни она была реалисткой. В экономической действительности ее идеологи, даже в высшем полете своей фантазии, не отрывались от действительных интересов своего класса. Для того, чтобы убедиться в существовании этого органического порока буржуазной идеологии, даже в пору ее крайней молодости, мы проследим в общих чертах жизнь и литературную деятельность одного из ее представителей—Бехера.

Бехер родился в Шпейере в 1625 г. Его отец был пастором и умер в молодости, оставив семью без средств. Бехер с юности начинает давать уроки, чтобы прокормить себя, мать и своих сестер. Одновременно он занимается самообразованием и интересуется главным образом естествознанием. Еще совсем молодым он женится на дочери надворного советника в Майнце и по протекции тестя получает место лейб-медика курфюрста и профессора медицины в университете. Скоро, однако, у него возникает недовольство курфюрстом. Он впадает в немилость и решает уехать из Майнца. Его приглашает к себе курфюрст Людвиг Пфальцский на должность экономиста. Бехер строит проект создания мануфактур в Мангейме и Гейдельберге. Этот проект начинает осуществляться, но не доводится до конца. Бехер завязывает сношения с Баварией и переходит туда на службу в качестве лейб-медика и экономического советника. Здесь он строит ряд проектов превращения Баварии в промышленную страну. Раньше всего он предлагает организовать банк и ремесленный дом с рядом отделений для различных ремесл, в котором производились бы товары и готовились специалисты мастера.

---

[1]) Zielenzieger, Die alten deutschen Kameralisten, и Fritz Mauthner, Der Atheismus und seine Geschichte im Abend Lande, B. III.

Затем он предлагает организовать шерстяные и ткацкие мануфактуры. Он выписывает мастеров из других городов и из Голландии и начинает осуществление своих идей. Одновременно он занят блестящей идеей основания Мюнхенской Компании шелководства, которая должна обогатить Баварию. Ему удается организовать производство шелка, но скоро ему становится тесно в пределах Баварии. Он организует биржу и едет в Голландию для организации Торговой Компании. Между тем, основанная Бехером биржа ударила по карману мюнхенских купцов, и последние повели борьбу против него. Воспользовавшись его отсутствием, они дезорганизовали работу мануфактур. В это время Бехер, восхищенный размахом торговли в Голландии, возвращается в Баварию уже с новой идеей—организации Всегерманского общества по торговле с Ост-Индией. Для этого он едет в Вену. В Вене Бехера принимают хорошо, так как надеются воспользоваться его проектом экономического об'единения Германии для политического об'единения под гегемонией Австрии. Для этого уговаривают Бехера поступить на австрийскую службу, назначают его членом Коммерц-Коллегии, поручают организацию шелковой мануфактуры и посылают в Голландию для создания торговых связей. В Вене повторяется та же история, что и в Баварии. Его отсутствием пользуются его враги, добиваются того, что против него возбуждается обвинение в невыполнении обязанностей. Бехер спешит в Вену, чтобы помешать своим врагам погубить его. Ему удается приостановить возбужденное против него дисциплинарное преследование, однако ему все же приходится оставить Вену и возвратиться в Мюнхен. Там в 1666 году, вдали от практической деятельности, он пишет ряд работ. Во-первых, филологическую книгу: «Methodus auto didactica» (метод самообразования), затем книгу по химии: Physica subterranea и политический трактат, в котором излагает свои экономические взгляды. В последнем он выступает как типичный камералист того времени. Политический трактат Бехера создал ему известность экономиста. Трактат, однако, не мог быть сразу издан, вследствие резкости его стиля. Бехеру пришлось смягчить многие выражения и издать его только в 1673 году. В это же время он издал еще две работы, из которых одна является его утопией. По поводу этих работ он рассказывает в своей Psychosophia: «Благосклонный читатель должен знать, что я почти десять лет тому назад, а именно в 1668 году, занят был мыслями о том, как создать общину из честных людей, которые жили бы, как первые христиане, в спокойствии и мире, без трения и раздоров. Они имели бы общее имущество и пользовались бы совершеннейшим образом жизни, как в смысле воспитания детей, так и обучения, питания и содержания семей. Я написал об этом тогда и издал книгу под названием: Reguln und Gesetze der christlichen Bundesgenossenschaft, welche einige Fried und Ruhe suchende christliche Familien unter sich aufzurichten und verfassen gedenken. Для подготовки к этому я поручил перевести с латинского на немецкий замечательную книжечку P. Valeriani Magni: De luce mentum et eins Imagine и еще одну французскую книжечку. Я сам затем в 1669 г. выпустил из печати во Франкфурте на Майне в издательстве Иоганна Давида Цупперса беседу о нравственности (Moral Discurs) под названием: Wagschal Menschlihes

Glückes und Unglückes. В этой книжечке я доказал с очевидностью, что все поступки людей являются тщеславием и несчастьем в том случае, если они не основаны на пяти основных законах природы. Несмотря на то, что я в указанной книге доподлинно указал хорошее и плохое употребление этих пяти законов природы, тем не менее я сам в продолжение всех десяти лет, с того времени как я написал эту книгу, не мог найти покоя. Злые люди, завидовавшие моему куску хлеба и способностям, которыми наградил меня бог, гнали меня, как мяч, с одного места в другое, из одного несчастья в другое, из одного ущерба в другой, из одного изгнания в другое. Поэтому я не мог сам осуществить свои идеи, а, пытаясь бороться против человеческих преследований человеческими средствами, еще более погряз в несчастьях» [1]).

Бехер не смог, однако, надолго успокоиться. Через некоторое время мы опять видим его во главе огромного предприятия, заинтересовавшего тогда всю Германию. Бехер видит, что Голландия, Англия богатеют от своих колоний. Тогда он заинтересовывает графа фон-Ганау в проекте создания Вест-Индской Компании и предлагает колонизировать часть Гвинеи. Для этого он едет в Голландию, вступает в сделку с голландским правительством, которое уступает графу фон-Ганау часть Гвинеи и создает смешанную голландско-германскую компанию. Бехер на верху счастья. Он получает отовсюду поздравления, его с триумфом встречают в Германии, но вследствие отсутствия денег этот проект кончается провалом, как и все другие. Тогда Бехер опять отправляется в Вену, но с значительно менее грандиозным планом продажи в Голландии немецких вин. В Вене Бехер скоро опять увлекается новым делом—организацией огромной образцовой мануфактуры, состоящей из многих отделений, в которых должны были изготовлять фарфор, домашнюю утварь, шелк и др. товары. Бехер назначается директором, а граф Цинцендорф, на земле которого эта мануфактура была выстроена, инспектором. Скоро и тут возникают трудности, во-первых, вследствие отсутствия денег, а, во-вторых, из-за споров между директором и инспектором. Бехер хочет расширить свое дело и создать биржу, которая регулировала бы все производство и торговлю Австрии, но опять встречает противодействие со стороны купечества. Когда ему по делам приходится на время уехать в Голландию, враги пользуются его отсутствием и возбуждают против него графа Цинцендорфа и императора. Против Бехера возбуждается преследование и обвинение. Дело принимает настолько серьезный характер, что Бехер не решается вернуться в Вену. Он остается в Голландии, но враги и там его достигают. Тогда ему приходится бежать в Лондон, где он изгнанником в бедности доживает свои последние годы, занимаясь литературой и научными опытами. Он изобретает ряд механических усовершенствований, ткацкую машину, чулочную машину, машину для очистки шелка, новый тип водяной мельницы. Он работает в области химии и делает ряд открытий, опережающих его время, так он создает теорию флогистона, опережая в этом Сталя. В области химии даже известные ученые того времени признавали его авторитет. В своих

[1]) Psychosophia. Введение.

работах он выступает против алхимиков, однако, будучи в изгнании в Голландии, сам создал проект превращения «доброго немецкого песка в золото» (Von guten deutschen Sand Gold zu machen). Этот проект даже имел успех у голландских властей. Была назначена комиссия для проверки опытов Бехера. Комиссия дала положительную оценку опытам, и Бехеру выдана была довольно крупная сумма для дальнейшей работы в этом направлении. Бехер говорит также в своей «Närrische Weisheit und weise Narrheit» [1]) об изобретении им perpetuum mobile, а именно «способа конструкции часов, которые шли бы непрерывно, без остановки». В той же работе он рассказывает о разработанном им проекте прорытия «северо-восточного морского канала, который сократил бы путь кораблям и сделал бы излишним проход через Зунд». Бехер внимательно следил за чужими открытиями и изобретениями и, рассказывая об изобретении некоего Гантчена из Нюренберга («инструмента для летания в воздухе»), высказывает мнение, что проблема полета будет решена только тогда, когда будет найден инструмент для столь быстрого движения, что тела тяжелее воздуха смогут удержаться в нем. Интересно также замечание Бехера об изобретении Лейбница коляски для переезда из Ганновера в Амстердам в течение шести часов. Он относится к этому изобретению иронически и пишет: «Этот Лейбниц известен своими литературными произведениями—он очень ученый человек, создал свою философскую систему и хотел реформировать Corpus Juris, но я не знаю, кто его посадил в коляску, с которой он не хочет слезть, несмотря на то, что он сидит в ней уже несколько лет, а она все не думает двигаться» [2]). Изобретения и проекты Бехера создали ему популярность ученого человека и даже мага, но умер Бехер в изгнании в Лондоне в 1682 году одиноким бедняком, оставленный своими бывшими покровителями и преследуемый до самой смерти своими врагами.

Уже из краткого описания жизни Бехера можно заключить, что он является истинным сыном нового класса, почувствовавшего свое могущество и свою будущую общественную роль. В своей деятельности Бехер—откровенный защитник буржуазных отношений. В своей утопии он, однако, выступает в той же роли в несколько другом виде. Утопию его можно разделить на два отдела: на критическую часть, в которой он бичует существующий общественный строй, и положительную часть, в которой Бехер рисует идеал будущего общества. В отличие от утопии Томаса Мора, в которой критика современного общества скрыта в ироническом сопоставлении сущего с должным, утопия Бехера сильна, главным образом, своей беспощадной критикой феодализма. Но тут с критическим анализом Бехера произошло то, что часто бывает с классовой идеологией—она ушла дальше исторически поставленных ей границ. Направленная против феодализма, она перешагнула за пределы феодальных отношений и захватила и чисто-буржуазные отношения. В этом ее ценность и значение.

Бехер понимает, что писать коммунистическую утопию довольно опасно, и потому спешит предупредить будущую критику.

---

[1]) «Глупая мудрость и мудрая глупость».

[2]) Närrische Weisheit, § 28, стр. 147.

«Я знаю,—говорит он,—что меня обвинят в ереси, назовут поклонником Спинозы, скажут, что я строю утопию наподобие Мора, но я заранее отвожу все эти упреки. После того, как судьба бросала меня в разные стороны, я стал раздумывать над вопросом о всеобщем несчастьи и об общей нужде, и искать причину их. Я давно задумал настоящую работу и не прекращал своих исканий, пока не напал на основную причину и источник человеческих бед. Жизнь человека полна горя, но никто не знает его происхождения. Некоторые обвиняют бога, другие дьявола; кто видит причину в евреях, а кто в купцах, менялах, финансистах, в больших городах, притягивающих все деньги и ничего не производящих. Бедность же продолжает оставаться. В чем же, действительно, причина несчастья?». На этот вопрос Бехер отвечает сначала общими определениями. Основную причину несчастья он видит в том, что «люди удаляются от истинной им цели—счастья, которое заключается в приближении к природе. «Die Natur uns alle (so wir nur wollen) habe glückselig haben wollen»[1]). Бехер выступает здесь, как сторонник теории естественного права человека. Природа не знает зла, она все подготовила для человеческого счастья, она имеет достаточно средств для предоставления человеку всего необходимого ему. Беда в том, что человек удаляется от источника своего счастья. Подобно многим утопистам, Бехер рисует картину золотого века, рая, в котором люди жили в прошлом. В основном построении утопии Бехер, как мы видим, предвосхищает идеи Жан-Жака. Впрочем, идея минувшего земного рая была очень развита в Германии того времени и проповедывалась почти всеми многочисленными мистическими сектами. Удаление от счастья, по Бехеру, выразилось в основном в появившейся у людей склонности к крайностям. Человек перестал удовлетворяться простотой природы и устремился к могуществу; он возмечтал о себе, как боге, и захотел слиться с богом. Между ним и природой стали враги его. Первый враг стремление человека стать выше на общественной лестнице. Эта страсть ослепляет его разум, она преувеличивает значение высших сословий. Здесь Бехер пользуется случаем, чтобы подвергнуть жестокой критике жизнь аристократии. Он рисует пустоту жизни знатных, их жестокость, самомнение, тиранию. Он возмущается крепостным правом и говорит о равенстве всех людей. «Простите меня вы, господа, разве не правда, что мы все люди, все граждане мира? Да. На чем основывается тогда ваше крепостное право? Без сомнения, ни на чем ином, как на тирании. Вспомните о древней благородной свободе, которую даровала нам природа, когда не было различия между правом природы и правом людей, между христианами и язычниками. Разве не происходит все несчастье от высших сословий, которые ведут своих подданных на бойню, как овец? Высшие сословия окружили себя чиновниками, спекулирующими на налогах, вместо того, чтобы заботиться о народе».

Вторым врагом человека, второй крайностью является ненасытное стремление людей к знанию ради знания. Человек хочет познать бога—в этом не было бы зла, так как в истинном познании бога заключается счастье, но современные теологи по-

---

[1]) Moral Discurs, §§ 1—8.

грязли в формальностях, превратились в чиновников, в ремесленников. Они вместе с высшими классами не дают писать правды. Кто осмеливается сказать правду, оказывается немедленно заподозренным в ереси. Его могут предать инквизиции. Воспрещается писать о дурной жизни богатых, так как последние будут третировать такого писателя, как собаку, или даже отдадут его в солдаты. Теологи забыли учение бога о любви. Так же обстоит дело и с учеными, которые стремятся к количественному накоплению знания, забывая о действительном основании всяких наук—изучению своей совести.

Третьим врагом человека, третьей крайностью является Bestialität, страсть к удовлетворению тела. Если крайность в познании бога вредна, то крайность в стремлении удовлетворить желание тела еще омерзительнее. Эту крайность Бехер видит в жажде собственности. «На чем основываются,—восклицает Бехер,—бедность, заботы, ненависть, зависть, вражда, если не на любви к собственности!»[1]). Люди производят вещи, размножают их в большом количестве не потому, что они необходимы, а ради жажды владения. Отсюда роскошь одних и бедность других, отсюда развитие лени и чрезмерный труд; отсюда всеобщая жажда денег; отсюда тирания денег над людьми. Как, возразят мне, могут деньги быть тираном человечества и источником бедности, если именно деньги делают людей богатыми. Ответ. Деньги делают человека богатым не в действительности, а в воображении людей. Почему же тогда богат тот, кто имеет много денег? Ответ. Потому, что он владеет вещью, которая имеет большую ценность. Вопрос. Почему деньги имеют такую ценность? Ответ. Потому, что они серебро и золото. Почему серебро и золото имеют большую ценность? Потому, что их невозможно добывать в таком количестве, как горшки и глину. Итак, золото и серебро потому так ценны, что их нельзя достать в таком количестве, как глину. Те, кто не обладают деньгами—бедны, терпят нужду и горе, проклинают иногда бога потому, что не имеют вещи, которую природа дала нам мало, и люди хотят иметь много. Кто же был тем тираном, который дал людям заповедь стремиться к обладанию такой вещью? Ответ. Кто сделал золото и серебро деньгами. Тогда превратим в деньги кожу, медь, бумагу. Ответ. Это не поможет. Их будут чеканить и ценность денег будет заключаться в чеканке. Или оставим чеканку, или отменим всякие деньги. Скажут, этого не случится. Почему? Мир станет равным и никто не захочет служить другому, а все должны будут работать. Итак, отсюда следует, что деньги потому были созданы, чтобы люди подчинялись другим людям, чтобы они были несчастными и бедными. Те, кто имеют много денег, ревностно хотят, чтобы все были бедны и угнетены. Поэтому они сделали деньгами вещь, которая встречается редко. Отмените деньги, благодаря которым вы хотите разбогатеть и из-за которых вы превращаетесь в бедняков, и вы станете членами первого сословия, гражданами мира. Представьте себе, что явится некий тиран, который заставит вас силой считать деньгами бриллианты. Тысячи людей будут умирать с голоду ради владения бриллиантами, которых природа создала мало из-за их не-

[1]) Ibid., стр. 148—151.

нужности, ибо нужное природа дает в изобилии. Отмените же всякие деньги и установите вместо денег труд—дар, который природа наделила всякого. Кто этих денег не признаѐт, того накажите презрением. Деньги не нужны для сохранения общества. Мы это видим на примере древних веков, мы это видим в Вест-Индии, туземцы которой не знают денег и счастливее нас. Деньги нужны при нашей строе, так как кто без них прокормит аристократов и патрициев»[1]).

Из этой выдержки мы видим, что Бехер в 1669 году высказывает идеи, которые не очень далеко отстают от взглядов Прудона.

Дав критику существующего общественного строя, Бехер переходит к изложению тех пунктов, которые могут привести к уничтожению несчастья и бедности.

Основной путь к общественному счастью и благополучию Бехер видит в установлении равенства людей. Однако, в отличие от идеологов французской буржуазии XVIII века, Бехер не останавливается только на формальном равенстве, на равенстве перед законом, но идет дальше и видит единственный путь к равенству в уничтожении собственности. Равенство для Бехера имеет смысл имущественного равенства, которое должно носить коммунистический характер. Послушаем самого Бехера: «О, если бы бог захотел, чтобы мы были равны, не только потому, что мы все люди, но чтобы мы заботились друг о друге, чтобы также и наши имущества были общими и равными, путь к счастью был бы гораздо ближе, чем к несчастью, если бы основным принципом общества было равенство, как у пчел. Истинное основание для образования счастливого общества заключается в том, чтобы уничтожить неравенство сословий и сделать имущества, добытые трудом, общими»[2]). Бехер сравнивает современное ему общество с обществом муравьев. В то время, как у людей господствует ненависть, борьба, зависть, злоба, у муравьев существует солидарность, общественность, единство. «Муравьи сильны, потому что едины, а едины потому, что равны и любят равенство». «В самом деле, возмущается Бехер, мы называем наше общество res publica, но это обман. Что у нас общего, кроме имени? Мы видим общества купцов, монахов, но и у них господствует частный интерес. Наше общество следовало бы назвать скорее res privata. Нужно, восклицает Бехер, устроить коммуну. Нам говорят, что мы будем голодать, но лучше голодать всем, чем проходить с голодным брюхом мимо дверей богачей. Люди будут работать лучше, если будут знать, что работают для себя, а забота будет легче, если она будет общей заботой. Четыре глаза видят лучше двух, а многие еще лучше. Если дорога неизвестна, то толпой итти все же веселее, чем одному»[3]).

Бехер в одном произведении[4]) уже однажды высказал идею об организации коммунистического общества христиан. Эти идеи вызвали резкую отповедь со стороны некоторых ученых. В своей утопии Бехер пользуется случаем, чтобы ответить своим критикам. Один какой-то ученый, согласившись с пользой общего пользования землей, однако, резко возражал против отмены права

[1]) Ibidem, стр. 148—158.
[2]) Ibidem, § 41, стр. 210.
[3]) Ibidem, стр. 209.
[4]) Ne Hercules contro duos it est discursus de magna vi societatis humanae etc.

собственности. Бехер по этому поводу иронически замечает: «Признавать общее пользование при сохранении собственности— все равно, что мыть шубу, не замочив ее в воде». Какой-то умник согласился с признанием общности вещей, не имеющих ценности, как-то: воды, воздуха и т. д. Возмущенный Бехер восклицает: «Это все равно, что признавать у людей общность рта без общности хлеба» [1]). Итак, первый принцип счастливого общества, по Бехеру, заключается в коммунизме, который по его терминологии есть vera societas hominum. Этот принцип является основанием общественного здания.

Второй принцип, представляющий собою само общественное здание, выражается в правильной организации государственного и в частности правительственного аппарата, или—по терминологии Бехера—verum et mutuum officium magistratuum. Здесь Бехер высказывается против чиновничьей системы и в особенности резко нападает на юристов.

В других своих произведениях Бехер довольно равнодушно высказывается по поводу боевого спора того времени о преимуществе монархического или республиканского политического строя. По мнению Бехера, этот спор решается конкретно. Для голландцев наилучшей формой правления является республика, для немцев—монархия. В утопии же своей он говорит гораздо откровеннее и высказывает идею верховенства народа. «Не народ для правительства, а правительство для народа, не народ для законов, а законы для народа». Бехер не представляет себе, подобно Лау, полное уничтожение государства, он даже не говорит об отмене сословий, но сословия у него принимают характер профессий, а государство без юристов, чиновников и армии превращается в учреждение, сводящее в единство производство и распределение, устанавливающее «гармонию между сословиями». Эту идею Бехер пытался даже неудачно провести в жизнь путем организации в Мюнхене и Вене своеобразных бирж, которые должны были регулировать и вводить план в производство и торговлю Баварии и Австрии. Наконец, третье средство для организации счастливого общества, которое должно, по мнению Бехера, являться его крышей, заключается в правильности человеческих суждений о вещах и в истинной науке—verum de rebus indicium. Бехер уже говорил в критической части об ошибках человеческого мышления. Здесь он повторяет свои рассуждения и указывает, что основанием ошибочности суждений является слишком большая приверженность к вещам. Под этими словами Бехер имеет в виду ту мысль, что стремление людей к собственности, к владению вещами лишает их беспристрастности в их суждениях и искажает последние. Служители науки лишаются основного свойства природы—чувства меры и, устремляясь к крайностям, ведут людей к несчастьям. Истинная наука заключается в беспристрастном познании природы и в указании человечеству путей к достижению счастья.

Таким образом, Бехер установил три принципа построения здания счастливого общества, из которых общность имущества есть его основание, государство, регулирующее производство и распределение—его стены, а истинная наука—его крыша.

---

[1]) Moral Discurs, стр. 220.

В дальнейшем Бехер указывает конкретный путь к установлению коммунизма. Этот путь заключается в приближении человечества к его истинному призванию—accesio ad primam nostram vocationem. В чем, однако, заключается наше призвание? Философы, говорит Бехер, отвечают нам, что наше призвание на земле это—non algere, non sitire, non esurire[1]). Достигнуть мы этого можем только здоровым трудом и в особенности возвратом к земледелию. Бехер рисует картину жизни крестьянина такой, какой она могла бы быть, если бы крестьянина не притесняли дворяне и все другие сословия. Только крестьянин близок природе, понимает природу и живет в гармонии с ней. Теперь крестьянина притесняют. «Он должен всем угождать, он с сухими устами присутствует на всех банкетах, он усталыми ногами танцует во всех комедиях, лошади придворных конюшен жрут его пот, дворяне едят его мясо, и никто его не жалеет». Только при уничтожении собственности, установлении уважения к труду прекратится презрение к крестьянину и восстановится гармоническое разделение труда в обществе.

После такого радикального решения социальной проблемы Бехер, однако, неожиданно предлагает странное средство заставить уважать крестьян. Надо полагать, что Бехер уже в 1669 г. стал размышлять о проекте колонизации Вест-Индии, так как он предлагает часть крестьян переселить в колонии. Так как крестьяне презираются потому, что их много, то для того, чтобы их стали уважать, нужно уменьшить их число, переселив часть в колонии. Так неожиданно коммунистические идеи переплетаются с практическими задачами буржуазии, так за коммунистической утопией Бехера вдруг выглядывает лицо торгового капитала.

Нельзя не указать на то большое внимание, которое Бехер уделяет крестьянству. Это об'ясняется, с одной стороны, тем, что крестьянство в XVII веке находилось, действительно, в очень тяжелом положении. С другой стороны, Бехер, критикуя феодальные отношения, не мог не обратить своего внимания на положение того класса, который находился под непосредственным гнетом феодалов. Буржуазия, устами Бехера, уже тогда вела политику привлечения крестьянства на свою сторону в борьбе с феодалами.

Требуя свободы личности, отмены крепостного права, равенства всех перед законом, буржуазия указывала крестьянству те блага, которые оно получит в союзе с буржуазией. Бехер шел дальше обычных требований буржуазии. Он в своей утопии уделяет крестьянству более значительное место. Крестьянство в его утопии становится основным классом населения. Все коммунистическое общество будет основано на коммунистической организации земледелия. Будут существовать и другие классы, ремесленники, купцы, ученые и даже чиновники, наблюдающие за «гармонией сословий», но все они будут зависеть в основном от земледельцев. Мало того, коммунистическое общество, по Бехеру, и не может быть основано, если главное производство, а именно земледелие, не будет носить коммунистического характера. Такое внимание крестьянству, впрочем, характерно не только для Бехера. Мы видим, что во всех утопиях XVII и XVIII веков кре-

[1]) Не мерзнуть, не жаждать, не голодать.

стьянству уделяется особо важное значение. Даже у утописта Прудона крестьянство имеет преобладающее значение. Значение, уделяемое крестьянству, в утопиях XVII и XVIII веков проглядывает хотя бы в господствующей в них идее бывшего золотого царства. Вполне понятно, что буржуазия не имела никакого намерения итти назад, хотя бы прошлое представлялось ему даже в виде золотого века. Ее взоры были обращены вперед. Однако, когда она требовала свободу личности, то обосновывала свое требование существовавшим в древности естественным правом людей. Другими словами, когда буржуазия выдвигала требования, которые были для нее важны, но касались крестьянства, она говорила языком, понятным крестьянству. Идея существующего уже в древности коммунистического общества была чрезвычайно популярной среди крестьянства, она упорно жила в среде крестьян и выдвигалась в особенности в Германии всякими мистическими и рационалистическими сектами и кружками. Бехер говорит тем же языком. Он рисует картину коммунистического общества с преобладанием в нем крестьянства, но это общество не есть, по Бехеру, нечто новое, оно—лишь возвращение к существовавшему, но потерянному раю. Эта идея в Англии в XVII веке и во Франции в XVIII веке послужила основанием для революционных выводов. В самом деле, если идеал нового общества есть лишь возврат к далекому прошлому, то можно насильственно сбросить тиранов-феодалов и опять восстановить былое счастье. Бехер, правда, называет феодалов тиранами, но до революции не договаривается. Такой последовательности от немца XVII века ожидать не следует. Путь преобразования современного общества рисуется Бехеру в значительно более мирных формах постепенного изменения феодализма и превращения его в коммунизм. В этом отношении Бехер во многом подобен Фурье. Он предлагает организовать ряд земледельческих коммун, которые росли бы в числе, пока они наглядностью своих преимуществ не заставили бы всех вступить в коммуны. Правда, Бехер не совсем уверен в этом пути. Мне могут возразить, говорит он, что коммуны монахов, организованные во вновь открытых землях, не выдерживают долго и распадаются. Бехер отвечает на это возражение тем, что одна коммуна среди окружающих ее других форм хозяйства не может долго держаться и не может служить основанием для суждения о положительных или отрицательных качествах коммунизма. Таким образом, он имеет в виду более или менее скорое преобразование всего современного ему общества или хотя бы Германии в коммунистическое. Практическим средством для этого, повидимому, у Бехера служит эмиграция значительных масс крестьянства во вновь открытые колонии. На новых землях следует немедленно организовать коммуны. В старой же Европе уменьшение населения приведет к излишкам земель, усилению крестьянства и перемещению классовых сил. Последнее даст возможность крестьянству и в Европе организовать коммунистическое общество.

В конце своей утопии Бехер опять принимает тон обличителя существующего порядка и вновь излагает в несколько другом варианте свою критику жизни высших классов и в особенности их отношение к крестьянам и ремесленникам. Как бы отвечая на возможные возражения в преувеличении отрицательных сторон и

сгущении красок, Бехер заявляет: «Я все это пишу не из чужих слов и чужого опыта, а ex praxi proprie. Если вы не верите мне, попробуйте сами пережить то, что я пережил. Я порой был близок к дворам, но нередко меня выставляли за дверь, я подвергался обращению Аммона и избег опасностей подобно апостолу Павлу».

Кончает он свою утопию грозным предупреждением существующему строю словами, написанными неизвестной рукой на пиру Валтассара: мене, текел, фарес. «Мы хотели исцелить Вавилон, но он не исцелился».

Cantatur hace, plorantur hace,
Scribuntur et dicuntur.
Videntur hace, agentur hace
Et lecta negliguntur.
Labriosae lachrymae
Quanto parantur aurol
Felicitas dupondio
Non ponderatur uno [1]).

Таково в основном содержание Moral Discurs Бехера. Чрезвычайно интересным явилось бы проследить влияние коммунистических идей Бехера на других мыслителей. Сам Бехер, как это видно из некоторых замечаний и ссылок, повидимому, находился под влиянием Томаса Мора и мистических коммунистических сект Германии. Что касается влияния, оказанного книгой Бехера на дальнейший рост общественной мысли, то выяснить это чрезвычайно трудно. Нет сомнения, что работы Бехера были популярны в Германии и Голландии. Это вполне установлено по отношению к его экономическим трактатам и работам по химии. Что же касается его книги Moral Discurs, то она, во-первых, написана по-немецки, что ограничило круг ее читателей пределами Германии, во-вторых, она подвергалась гонениям и не была указана даже в обычных библиографических указателях. Она была найдена лишь недавно Циленцигером и о ней не упоминает даже Эрдберг [2]), написавший о Бехере специальное исследование. Таким образом, вопрос об общественном значении утопии Бехера требует своего специального дальнейшего исследования.

---

[1]) Об этом заклинали, об этом умоляли,
Писали и говорили.
Это показывали и об этом кричали
И прочитанным пренебрегали.
Какое количество золота
Готовят трудовые слезы!
Счастье же не взвешивается
И маленькой монетой.
Erdberg, J. J. Becher.

Материализм Писарева.

В. Кирпотин.

Материализм Писарева, философские воззрения Писарева, Писарев как писатель по вопросам философии—имеется ли надобность, есть ли основания для обследования этой стороны его деятельности? Обычно, говоря о Писареве, разумеют литературного критика, разрушителя эстетики, популяризатора новейших достижений естествознания, моралиста-личника и утилитариста. Вспоминают, что он был материалистом, но его философские воззрения не считаются ни глубокими, ни—самое главное—самостоятельными. Поскольку же мы рассматриваем Писарева только как яркого интерпретатора основ миросозерцания шестидесятников, доводящего выводы последних до их крайнего логического конца, постольку, естественно, мы будем склонны направлять свое внимание на те пункты воззрений Писарева, в которых и выражается будто бы крайний «загиб» из общих всем передовым шестидесятникам посылок—на положения Писарева об эмансипации личности, на его попытку развенчать Пушкина и т. д. Так и делало большинство из писавших о Писареве; его естественно-научные статьи рассматриваются, обычно, лишь как мастерское изложение уже добытых истин для среднего читателя. Да и как было считать эти статьи чем-либо большим, чем популяризацией для среднего читателя, ежели сам Писарев говорил, что его задача сводится лишь к тому, чтобы натолкнуть н е с в е д у щ е г о читателя к серьезному и трудолюбивому изучению природы по сочинениям естественников-специалистов и в лаборатории; ежели он считал необходимым в своих статьях об'яснять значение таких слов как «фауна» и «флора»? А между тем Писарев обладал своими о с о б ы м и философскими взглядами, его философский голос тянул о с о б у ю ноту в достаточно богатом философском концерте 60-х годов. Писарев сам прекрасно учитывал свою умственную самостоятельность, особенность своего мышления не по отношению к Западу, конечно, а по отношению к старшим шестидесятникам, понимая в то же время свою преемственность по отношению к ним. Если б ему удалось хоть полчаса поговорить с Добролюбовым, то они разошлись бы почти по всем пунктам—полагал Писарев. На обвинение критика «Современника» Антоновича в том, что Писарев пробавляется чужими, подслушанными, на прокат взятыми фразами, он с достоинством парировал: «Такого периода, когда я повторял чужие фразы, в моей литературной деятельности не было. Все, что я знаю, то, конечно, я не сам открыл, а вычитал в различных книгах, русских и иностранных. Но я полагаю, что точно таким же путем приобретали себе свои знания и Белин-

ский, и Добролюбов, и Чернышевский, и все остальные представители нашего реализма. Все они не изобретали науку, а принимали ее в готовом виде от западных учителей и потом старались приспособлять ее к пониманию своих российских учеников. Я всегда поступал и поступаю до сих пор точно так же; в каком отношении находятся мои личные силы к силам названных мною писателей,—об этом я судить не могу, но я говорю только, что в своей деятельности я постоянно работал и работаю мыслью так же самостоятельно, как работали они. Итак, повторения чужих фраз в «Русском Слове» никогда не было»[1]). Конечно, Писарев находился под сильным воздействием не только западных писателей, но и всей умственной и общественной атмосферы своего времени. Последнее влияние было настолько сильно, что мы смело можем сказать: Писарев был создан этой атмосферой,—в другое, более застойное, время он, несмотря на свои крупные дарования, затерялся бы в толпе своих сверстников, но Писарев в общем движении 60-х годов занимал самостоятельную позицию, в том числе и философскую. Это и дает право на особое исследование философских основ его короткой, но блестящей и влиятельной журнальной деятельности. Это и представляет в то же время и значительный интерес, ибо такое исследование уточняет картину эволюции взглядов освободительного движения в России в минувшем столетии.

В произведениях Писарева мы не найдем специально-философских работ, не найдем мыслей, выраженных на специальном философском языке; аудитория, к которой он обращался, была не узкий круг служителей цеховой и замкнутой в самой себе науки, и не студенты, любезные начальству: усердные и любознательные, но реагирующие на шум общественной борьбы, как на досадную суету, отвлекающую от славянской философии, от истории средних веков, изучаемой по энциклопедии Эрша и Грубера. Были и такие в бурливые шестидесятые годы. Сам Писарев первые годы своего студенчества убил в кружке таких жрецов чистой науки. Писарев и тогда, когда он говорил на философские темы, оставался публицистом, обращавшимся не к ученым кругам, а к передовой части общества. Но от этого его философские воззрения только выигрывали, ибо они облекались в живую, блестящую и легкую для усвоения форму и неизмеримо шире становился круг их воздействия. Тот, кто пытается подойти к Писареву с узкой рамкой проповеди чисто индивидуального морального самоусовершенствования (Михайловский, Скабичевский и т. д.), как к «личнику», тот теряет ключ к его пониманию. Писарев был, прежде всего, представителем общественного направления, искал осуществления общественных идеалов, и, соответственно своим идеалам, подбирал средства для их осуществления. Точка зрения общественного служения доминировала и над его философскими высказываниями. Это нам прежде всего надлежит установить. Без этого мы, при оценке философских воззрений Писарева, рискуем потерять надлежащую историческую перспективу.

---

[1]) Сочинения Д. И. Писарева. Полное Собрание в шести томах. Изд. Ф. Павленкова, Спб. 1894 г., т. V, стр. 147. Цитаты везде по названному изданию.

Не за надзвездными истинами гонялся Писарев. Главную цель человеческой мысли он видел в поисках путей для человеческого благополучия. Писарев искал правильного знания потому, что он, вслед за «знаменитым Боклем», в реально построенном мышлении, очищенном от уродливых искажений и фантастических вымыслов, видел важнейший двигатель общественного прогресса, важнейшее орудие устроения более удобной и технически более могущественной жизни. Нравственность, которая есть совокупность людских взаимоотношений, всецело базируется на характере наших идей, нашего познания, его метода, его содержания. Философия имеет практические последствия,—положительные или отрицательные, прогрессивные или реакционные. Поэтому наука, философия, мышление не должны кутаться в тогу жреческой отвлеченности, независимости от людских интересов и житейских помыслов. К знанию надо подходить с точки зрения его приложимости к жизни, прикладное, практически применимое знание есть здоровое знание, в противоположность безжизненности построений чистого, себе самому довлеющего, разума. Этот ряд мыслей сопровождался у Писарева глубоким презрением по адресу той учености, которая, укрывшись в архивы и библиотеки, теряла способность понимать «побудительные причины, которые заставляют живых людей говорить и спорить, горячиться и приходить в негодование, страдать и радоваться, надеяться и тревожиться» (т. II, стр. 204).

А в 60-е года спорили и горячились весьма жарко и основательно, ибо русское общество дифференцировалось и дробилось на партии. При этом разделение на партии шло не только по линии политического мышления, но и по линии литературных, эстетических и философских воззрений. В 1860—1862 г.г. на страницах русских журналов шумит ожесточенная философская полемика, в которой принимали участие Лавров, Чернышевский, Юркевич, Катков, критики «Отечественных Записок» и т. д. Участники полемики великолепно понимали, что дело идет не столько о заоблачных высях созерцания, сколько о политических вопросах дня, по отношению к которым нельзя межеваться, но размежевавшись в то же время и по линии философской.

«Политические теории, да и всякие вообще философские учения, создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»,—писал Чернышевский в «Антропологическом принципе в философии», самой значительной статье, порожденной указанной полемикой. Писарев, вмешавшийся в эту полемику своей произведшей впечатление статьей «Схоластика XIX века» (1861 г.), также понимал партийный характер происходящей дискуссии. «Мы переживаем мудреное и тяжелое время. У нас зарождаются противоположные партии, и это зарождение—процесс совершенно естественный, законный и необходимый...»—начинает Писарев другую свою статью «Наши усыпители»[1]). Как человек общественного направления, как че-

[1]) Сочинения Писарева. Дополнительный выпуск, изд. 3, Спб 1913 г., стр. 219.

ловек партии Писарев подходил и к своим естественно-научным популяризациям. Писарев был общественным деятелем, а не школьным учителем. Сообщая Благосветлову о своем намерении написать статью «Подвиги европейских авторитетов», Писарев пишет ему, что вопрос будет рассматриваться им «не с специально-научной и даже не с философской, а с общественной точки зрения» [1]). Дело шло о споре между сторонниками и противниками теории произвольного зарождения. В этом споре Писарев стал на сторону этерогонистов, сторонников произвольного зарождения, против Пастера, своими опытами опровергшего эту теорию. Писарев ошибался, но статьей своей он метил не столько в Пастера, сколько в генерала Морена, президента парижской академии наук, высказавшегося за классическое, против реального, образование, авторитетом которого прикрывались катковские «Московские Ведомости». Статьей своей «Подвиги европейских авторитетов» Писарев воздействовал на общественное мнение, полемизировал ею против реакционеров и либералов, склоняя его на свою сторону. А ведь такова была цель и всех остальных его естественно-научных популяризаций.

В своей литературной деятельности Писарев резко выступает против идеализма. В увлечении идеалистической философией он видит слепое преклонение перед авторитетом и преданием, рабское подчинение абсолютистскому принципу «так принято». «Излагая историю греческой философии, принято как-то относиться покровительственно к элеатской школе, к Гераклиту и Демокриту, к Пифагору и Анаксагору, потом с негодованием упомянуть о софистах, потом умилиться над личностью и судьбою Сократа, поклониться в пояс Платону, его Демиургу и Идеям, назвать Аристотеля великим учеником его, часто несправедливым к великому учителю, потом разругать Эпикура, посмеяться над скептиками и выразить добродетельное сочувствие возвышенным доблестям стоиков. Это принято» [2]). Эта краткая характеристика традиционных идеалистических оценок философов прошлого не потеряла и сейчас своей меткости. Писарев рвет с этой традицией. Он отказывается от внутренней критики, от исследования идеалистических систем, исходя из их собственных посылок. Такую об'ективность он считает слишком бесстрастной и дон-кихотской. Противопоставляя идеалистической системе свои собственные воззрения, Писарев дает собственно не разбор этой системы, а ее оценку, свое суждение о ней, мотивы, почему он ее отвергает. В уже цитированной нами выше статье об «идеализме Платона», Писарев устанавливает, прежде всего, поэтическую подоснову философских писаний Платона. Платон—поэт, одаренный богатой фантазией. Получив толчок в развитии своего поэтического дара от Сократа, Платон, в своем художественном стремлении к красоте, стал отрешать ее от всякой внешней формы, стал искать ее общую сущность, ее отвлеченное выражение. Все, чем полна и красна наша жизнь, стало казаться Платону ширмой, за которой насильно скрыта, как красавица в заколдованном тереме, истина мира, нетленная, неизменная, вечная красота».

[1]) «Русское Обозрение», 1893 г. март. Письма Д. И. Писарева, писанные им из-под ареста к разным лицам, стр. 3[?]3.
[2]) Том I, ст. «Идеализм Платона», стр. 257.

Пылкая фантазия довела мечты Платона до галлюцинаций, до веры в действительное существование идеи отдельно от явления, наперекор элементарным свидетельствам опыта. Создалась философская система самого необузданного идеализма. Эта система могла удержаться и найти свое распространение вследствие своей родственности с религией: «Платонизм есть религия, а не философия». Одна секунда сомнения, малейшее прикосновение критики разрушило бы все хитросплетения платоновых вымыслов. Опорой им служил двойной щит фантазии и веры. В дальнейшем своем развитии Писарев лишь усиливал свое мнение о родственности, вернее даже идентичности идеализма с фантазией, с суеверием.

В своем приложении к нравственности платоновский идеализм ведет к аскетизму, к вражде, к материи, к нравственному оскоплению человечества. Особливо рельефно это выступает в учении о платонической любви. Идеализм рождает идеал—трафаретную, искусственно созданную общую мерку, под которую насильственно подгоняется поведение живых людей. На множестве таких идеалов основано обыденное «миросозерцание, не стоившее нам ни малейшего личного труда, доставшееся нам по наследству, или приобретенное в раннем детстве от старой няньки» (дополнительный выпуск, стр. 221). Множество таких идеалов предписывает нам определенный модус поведения в быту, в отношениях между детьми и родителями, между мужчиной и женщиной, в области наших общественных обязанностей. Но идеализм является не только источником рутины и застоя в области наших умственных воззрений и в области нашего морального поведения. Писарев великолепно понимал, что логическая исходная точка всякой «понукательной системы» лежит в идеализме, в спиритуализме. Разбирая деспотические основы Платонова идеального государства, Писарев делает следующее сопоставление: «Римские пытки и казни, испанская инквизиция, походы против альбигойцев, клетка кардинала La Balue, костер Гуса, Варфоломеевская ночь, Бастилия и проч. могут быть названы горькими, но полезными лекарствами, которые в разные времена и в разных дозах врачи человечества давали своим пациентам волей-неволей, не спрашивая их согласия. Принцип, проведенный Платоном в его трактатах о государстве и о законах, небезызвестен новейшей европейской цивилизации» [1]). Общественный застой, политический гнет и реакция—таковы последствия идеализма.

Писарев был глубоко убежден, что как последствия, так и самые его основы—глубоко противоречат коренным свойствам человеческой природы. Это видно и из биографии самого Платона, события личной жизни которого далеко не совпадали с требованиями платонической любви. Очень тонко и чрезвычайно остроумно Писарев отмечает торжество материализма в самых приемах писательской деятельности Платона: «Поэт-мыслитель постоянно ищет образа и воплощает свои идеи в формы, заимствованные из мира материи; этим самым он показывает, что этот мир вовсе не внушает ему отвращения и что великая идея не оскверняется от соприкосновения с чувственным явлением» [2]). В

[1]) Том I. стр. 280.
[2]) Ibid., стр. 273.

нашей собственной истории противоречие между искусственными построениями идеализма, идеалистического долга и коренными свойствами человеческой природы породило «наших грызунов и гамлетиков», Рудина и рудинский тип. «Поколение Рудиных— гегельянцы, заботившиеся только о том, чтобы в их идеях господствовала систематичность, а в их фразах—замысловатая таинственность, мирили нас с нелепостями жизни, оправдывали их разными высшими взглядами и, всю свою жизнь толкуя о стремлениях, не трогались с места и не умели изменить к лучшему даже особенности своего домашнего быта» [1]).

Этот отзыв несправедлив ни по отношению к Рудину, ни по отношению к Гегелю. Но он характерен для Писарева—идеализм нужно было побороть во всех и всяческих видах, как источник нашего отечественного застоя. Писарев и преследовал идеализм во всех закоулках, где только он его ни находил.

Идеализму Писарев противопоставлял материализм. По его мнению, только на словах, только в теории, собственно говоря, лишь можно и быть идеалистом. На деле, на практике все мы материалисты. «Предположим, что вы в теории крайний идеалист, вы садитесь за письменный стол и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругом, шарите по разным углам, и если ваша тетрадь или книга не попадается вам на глаза или под руки, то вы заключаете, что ее нет, и отправляетесь искать в другое место, хотя бы ваше сознание говорило вам, что вы положили ее именно на письменный стол. Если вы берете в рот глоток чаю и он оказывается без сахару, то вы сейчас же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо уверены в том, что сделали дело как следует, и положили столько сахару, сколько кладете обыкновенно» [2]).

Писарев печатно принял сторону Чернышевского против Юркевича, высказал сочувствие направлению мысли стороннику Чернышевского—Антоновичу по поводу его рецензии на «Философский лексикон» Гогоцкого (в «Современнике» 1861 г., I). «В наше время было бы странно думать, что дух не зависит от материи» [3]), начинает Писарев, вслед за Молешоттом, свою статью о «физиологических эскизах» последнего. Материалистическое положение о зависимости мышления, от материальных процессов, о невозможности психической деятельности без соответствующего материального субстрата, Писарев последовательно проводит во всех своих писаниях. «Разнообразие пищи, ведущее за собой разнообразие составных частей крови, служит основанием разносторонности ума и гармонического равновесия между разнообразными силами и стремлениями характера» [4]). «Нет сомнения в том, что и процесс мысли, и весь, так называемый, нравственный характер в значительной степени зависят от скорости кровообращения» [5]), популяризует он Молешотта и Фохта в 1861 году. «Если образ жизни, занятия и привычки кладут свою печать на кости, мускулы, кровеносную систему и нервы данного суб'екта, то само собой разумеется, что влияние тех же

[1]) Том I, стр. 461.
[2]) Т. I, Схоластика XIX в., стр. 360.
[3]) Т. I, стр. 2-1.
[4]) Т. I, стр. 289.
[5]) Т. I, стр. 317.

условий должно распространяться также и на всю совокупность его умственных отправлений. Каждая человеческая способность и каждая человеческая страсть, подобно каждому отдельному мускулу, развиваются от частого упражнения и слабеют или атрофируются от бездействия» [1]), пишет он в статье «Подрастающая гуманность».

Общепринятое мнение о принадлежности Писарева к материалистическому философскому лагерю соответствует действительности. Писарев был и чувствовал себя материалистом. Точно так же соответствует действительности и мнение об естественно-научной основе его материализма. Писарев, конечно, не был самостоятельным работником в области естествознания. Не так сложилась его жизнь, чтоб он мог вырвать время для спокойного экспериментирования в лаборатории. Да и кроме того, как мы уже отмечали, Писарев не был рожден для созерцательной жизни, для уединенного служения науке. Он был журналист и публицист—и лишь на этой арене он мог рассчитывать на успех. Писарев великолепно понимал это. «Я с самого начала так повел свою жизнь, что мне неудобно приниматься теперь самому за микроскоп и за анатомический нож, но я перечитаю все, что есть замечательного по естествознанию, и, как дилетант, принесу много пользы распространением дельных сведений посредством журнальных статей» [2]), писал он из крепости своей матери. Не скрывал этого он и в своих журнальных работах, обращенных к широкой публике. Заключая изложение книги Дарвина о происхождении видов, Писарев замечает, что для убедительного и хорошего изложения русской публике, не имеющей никакой естественно-научной подготовки, идей дарвинизма, нужен литературный талант Вольтера и знания Гумбольдта. Но пока на Руси нет таких образцовых популяризаторов, Писарев сам берет на себя задачу изложить русскому обществу достижения европейских гениев. Не будучи специалистом,—предупреждает Писарев,—он легко может впасть в ошибки (и в самом деле впадал). Но это не резон отказываться от своей задачи, как нерезонным является отказ есть деревянной ложкой, когда не на что купить серебряную. Эту скромную роль деревянной ложки и предназначал себе Писарев. Справедливость требует отметить, что задачи, поставленные им себе, он выполнял блестяще. В смысле распространения интереса к естествознанию среди широких кругов русской интеллигентной публики, он сыграл значительную роль. Передают, что многие выдающиеся впоследствии русские ученые-естественники впервые обрели вкус к изучению природы под влиянием статей Писарева. Филолог по образованию, Писарев великолепно понимал дух и значение естествознания, значительно лучше, чем, например, другой критик Страхов, также писавший по вопросам естествознания, бывший по профессии преподавателем естествознания, но по философским своим убеждениям идеалистом.

Перечень естественно-научных популяризаций Писарева дает указание на тех мыслителей, со стороны которых Писарев под-

---

[1]) Т. V, стр. 242.

[2]) Д. И. Писарев. Его жизнь и литературная деятельность. Биографич. очерк Евг. Соловьева, 2 изд., Спб. 1894, стр. 99.

вергался наибольшему влиянию. Фохт, Молешотт, Бюхнер, Дарвин, с добавлением имен Конта и Бокля—вот главнейшие учителя Писарева.

Было бы, однако, ошибкой сводить влияние идей века на Писарева лишь к этим именам. Писарев отличался чрезвычайной чуткостью по отношению к общественным умонастроениям. Он обладал необычайно ярко выраженной способностью к симпатическому восприятию того, что как бы носилось в воздухе, проникало страницы журналов, пульсировало в спорах передовых кружков. В своей способности заражаться общим настроением эпохи, Писарев не был одинок. Это было одной из типичных черт шестидесятников. Ее отмечают в своих воспоминаниях Шелгунов и Скабичевский. Веяния, прежде неведомые, становились вдруг общим достоянием. Затаенные мысли одиночек или немногочисленных кружков вдруг распространялись с эпидемической быстротой и заразительностью. Поэтому-то действительный поток идеологических воздействий на Писарева был шире и обильнее тех ученых и мыслителей, которых он сам суб'ективно считал своими учителями. Можно с почти категорической твердостью утверждать, что Писарева сделала глашатаем и вождем нигилизма именно атмосфера шестидесятых годов, а не Фохт, не Молешотт, не Бюхнер, не Бокль и не Конт. Естественно-научная основа материализма Писарева, пропаганда естествознания, занимавшая столь много места в его работах, считающаяся специфической особенностью Писаревщины, на самом деле не имеют в себе ничего исключительного, ничего неожиданного. Еще Герцен в своих «Письмах об изучении природы» говорил о важности естествознания. Чернышевский в самом преддверии блистательной литературной карьеры Писарева дает в своем «Антропологическом принципе» (1860 год) богатейшее, опытное, естественно-научное обоснование с в о е м у материализму. «Основаниями своих теорий она («нынешняя наука», т.-е. философия, фейербахианство. *В. К.*) берет истины, открытые естественными науками посредством самого точного анализа фактов, истины столь же достоверные, как обращение земли вокруг солнца, закон тяготения, действие химического сродства. Из этих принципов, не подлежащих никакому спору или сомнению, современная наука делает свои выводы и путем столь же осмотрительным, как и тот, которым она дошла до них. Она не принимает ничего без строжайшей, всесторонней поверки и не выводит из принятого никаких заключений, кроме тех, которые сами собой неотразимо следуют из фактов и законов, отвергать которых нет никакой логической возможности. При таком характере новых идей, человеку, раз принявшему их, не остается уж никакой дороги к отступлению назад или к каким-нибудь сделкам с фантастическими заблуждениями» [1]). К тому времени русская наука делала быстрые и заметные успехи. В первой половине XIX века, выдвигавшая лишь ученых-одиночек, из которых многие были и по языку, на котором писали, и по своему происхождению, и по своей подготовке более иностранцами (напр., биолог немец Бэр), нежели русскими, она, начиная с третьей четверти века, дает быстрый

[1]) Чернышевский, Полное собрание соч., т. VI, изд. 1918 г.: Антропологический принцип в философии, стр. 205.

расцвет, выдвигая целый ряд выдающихся химиков, биологов и физиологов. К поколению шестидесятников относятся Менделеев, Бутлеров, Ценковский, Мечников, Сеченов и т. д. [1]). Вместе с ростом естественно-научной мысли растет и общественный интерес к ней, ее общественное значение. Растет число научных журналов (в 50 году—55, а к концу шестидесятых—150), основываются научные общества, созываются первые научные с'езды. Меняются методы преподавания—лаборатория и эксперимент вытесняют простое пересказывание иностранных учебников с кафедры. Тургенов уловил новое и характерное в настроениях детей, заставив своего Базарова вскрывать лягушек. Спрос на естествознание идет не только со стороны университетской молодежи, но и со стороны широких общественных кругов. Издается в широком размере популярная, естественно-научная литература, главным образом, переводная, а иногда и русская. Естественно-научная популяризация становится желанной гостьей на страницах журналов, преподавание естествознания вносится в воскресные народные школы. В Петербурге в 1858 г. возникает даже специальное частное коммерческое предприятие «Торговый дом Струговщиков, Пахитонов и Водов», сделавшее предметом своих операций «настоятельную потребность в изучении естественных наук», устраивавшее публичные лекции лучших петербургских профессоров, на которые стекался цвет тогдашней петербургской публики. Насколько быстро росли интерес и сочувствие к естествознанию, видно из следующего воспоминания К. А. Тимирязева: «Хорошо припоминаю,—рассказывает он,—что, когда мой старший брат стал заниматься химией, это вызвало недоумение всей семьи,—семьи, замечу, вообще и особенно в политическом отношении стоявшей значительно выше окружающей среды,—«на что ему химия, говорили, разве он готовит себя в аптекаря? Уж если на то пошло, стал бы учиться медицине. Может, вышел бы из него второй Пирогов». Когда через каких-нибудь 5—6 лет я стал заниматься ботаникой, это уж никого не смущало» [2]).

В своей проповеди естественно-научной базы для материализма Писарев был выразителем общего умонастроения, в свою очередь бывшего результатом общественного под'ема, выдающихся успехов западной науки и наших российских достижений. Но Писарев был не только выразителем этого умонастроения. Он был одним из энергичнейших его толкачей. Он помнил недавность увлечения естественными науками, видел нашу отсталость по сравнению с Западной Европой и нетерпеливо жаждал еще большего усиления увлечения естествознанием, стремился оторвать возможно большее количество молодых людей от служения эстетическим, умозрительным и филологическим наукам в естественно-научную лабораторию. Кое-что мы можем противопоставить западным знаменитым именам—Либиху, Дюбуа-Рэймону, Фохту, Гельмгольцу, Клод-Бернару, Де-Кандоллю, Эли-де-Бомону, Мильн-Эдвардсу, Дарвину, Ляйеллю, Форбесу, Боклю. У нас есть несколько настоящих исследователей на поприще науки.

---

[1]) См. статью К. А. Тимирязева, Пробуждение естествознания в третьей четверти века в «Истории России в XIX в.», изд. Гранат, т. VII.

[2]) Тимирязев, ibid., стр. 4.

«Наш академик Карл-Эрнст фон-Бэр считается во всей Европе одним из величайших эмбриологов нашего времени. Дарвин, Карл Фохт, Гексли всегда цитируют его мнения с особенным уважением. Льюис в своей «Физиологии обыденной жизни» ссылается на исследование Овсянникова о спинном мозге и Якубовича—о нервных клеточках. Французский ученый Беклар упоминает в своей физиологии о некоторых экспериментальных работах Боткина и Сеченова» [1]). «Ну, а мы?—спрашивает Писарев.—Мы (т.-е. широкие общественные круги) не должны удовлетворяться пассивным сочувствием нашим специалистам, пассивной гордостью, испытываемой нами при ссылке западно-европейского светила на работы русских ученых. Мы должны стать их деятельными помощниками, мы должны увлечь все общество на стезю естественно-научного образования, на которой только и может произойти процесс умственного перерождения передовой части русского народа».

В своей пропаганде естествознания Писарев нащупал чрезвычайно важную проблему. Дело идет о взаимоотношении между идеалом и действительностью, о том, где искать залог осуществления идеала—во внутренних ли достоинствах самого идеала или в свойствах действительности. Первое вело к метафизическому отрицанию действительности, во втором случае действительность должна была быть защищена от огульного отрицания, ибо лишь опора на силы реальной действительности могла бы дать осуществление идеала. Над разрешением этой проблемы бились в жестокой душевной муке Белинский и Герцен, бился и Чернышевский. Никто из этих трех больших людей не разрешил этой проблемы,—ибо для разрешения этой проблемы нужны были два условия: наличие материалистического и диалектического миросозерцания и классовых сил, могущих взвалить на свои плечи тяжесть разрушения старого общественного порядка и создания нового. Оба эти условия создались на Руси лишь в последней четверти девятнадцатого века. Нащупал, подчеркиваем, не сознательно поставил, а нащупал только эту проблему и Писарев. «Если бы человечество могло подвигаться вперед посредством рисования блестящих идеалов, то все эти мечтания были бы чрезвычайно полезны. К сожалению, это рисование идеалов составляет только самую легкую и самую незначительную часть той работы, которая должна вести человечество к его будущему благосостоянию. Если вы нарисовали идеал, то вы должны еще, кроме того, показать обществу, каким путем оно должно итти к осуществлению этого идеала. Если вы сказали обществу: «Вот чем должна быть женщина!», то на вас лежит еще обязанность об'яснить вашим современникам, каким образом она может (курсив Писарева) притти к указанной вами цели. Принимаясь за эту вторую часть задачи, вы должны брать в расчет не только отвлеченную возможность, но и реальную удобоисполнимость. Есть множество вещей, совершенно возможных по законам природы и в то же время совершенно неисполнимых при данных условиях места и времени. Данные условия, мешающие осуществлению прекрасных идеалов,—это, конечно, штука очень нелепая и несносная; но будете ли вы их проклинать,

[1]) Писарев, т, IV: Реалисты, стр. 77.

будете ли вы их игнорировать—это решительно все равно; ни ваши проклятия, ни ваше игнорирование не сдвинут их с места и не принесут ни малейшей пользы вашей любимой идее; вы будете, в счастливом неведении материальных препятствий, ублажать себя великолепными теоретическими настроениями, а действительная жизнь будет попрежнему тащиться в своей колее» [1]). Поскольку в сопоставлении с идеалом в действительности видели лишь нечто такое, что подлежало абсолютному отвержению и осуждению, постольку признание в самой действительности сил для ее переустройства было ее реабилитацией. Философом, на основе учения которого происходила в нашей общественной мысли реабилитация действительности, был Фойербах. Чернышевский в своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» распространил требование реабилитировать действительность и на искусство.

Чернышевский ставит перед искусством три задачи: воспроизводить жизнь, действительность, которая прекрасней и выше всякого отвлеченного вымысла, об'яснять существующую действительность и выносить ей приговор. Поскольку Чернышевский все же оставался утопистом, постольку его приговор о жизни базировался на примерке действительности к некоторому разумом построенному идеалу. Чернышевский не разрешил вопроса об отношении идеала к действительности, но он эту проблему перенял от Белинского и поставил ее весьма глубоко. Мало того, он стоял на пути к ее разрешению, ибо в его учении мы находим заметные зародыши материалистической диалектики.

Писарев по сути дела пытался разрешить ту же проблему в своей оценке естественных наук. «Нам надоели фразы гегелистов, у нас закружилась голова от витания в заоблачных высях» и нам захотелось спуститься на землю, писал он. В служении отвлеченным интересам мысли, в преклонении перед идеалистическим мерилом красоты, в науке, уклонявшейся от насущных интересов дня, ради архивных мелочей прошлого, в идеалистической историографии Грановского и Кудрявцева,—во всем этом, что он презрительно называл общим именем эстетики, он видел «шелуху гегелизма», отворачивающейся от явлений действительности. В естественных науках Писарев и видел средство вернуться к действительности, средство освобождения от заволакивающего реальную жизнь мистически-идеалистического тумана—в чем бы он ни выражался—в философии ли Гегеля, в поэзии ли Пушкина, в сентиментальности и наивности широкой публики, в суеверии, рутине традиций, или «в вещественных следах невещественных отношений»—гнете, самодурстве, произволе и насилии. Изучение естествознания может «иметь самое благотворное влияние на деятельность молодой, формирующейся мысли, сбрасывающей оковы рутинного фразерства и подавляющего мистицизма. Веселее жить, легче дышать, когда вместо призраков и отвлеченностей видишь осязательные явления и сознаешь как свою зависимость от них, так и свое господство над ними. Я беру в руки топор и знаю, что могу этим топором срубить себе дом или отрубить себе руку; я держу в руке бутылку и знаю, что налитое вино может доставить мне умеренное наслаждение или

[1]) Том IV, стр. 445: Мысли Вирхова о воспитании женщин.

довести меня до уродливых нелепостей; в каждой частице материи лежит и наслаждение и страдание; все дело в том, чтобы знать ее свойства и уметь ими пользоваться, как мы умеем пользоваться топором или вином; чем шире и глубже становятся наши знания, тем полнее и бесследнее расплываются в ничто неуклюжие призраки Ормузда и Аримана, пугавшие доверчивое детство отдельных личностей и целых народов» [1]). Или еще— «только одни естественные науки глубоко коренятся в живой действительности; только они совершенно независимы от теории и фикций; только в их область не проникает никакая реакция; только они образуют сферу чистого знания, чуждого всяких тенденций; следовательно, только естественные науки ставят человека лицом к лицу с действительной жизнью, неподкрашенной нравоучениями, необрезанной системами, несочиненной досужим мышлением философов» [2]). Проникновение в круг идей Писарева проблемы реабилитации действительности,—проблемы, выросшей на совершенно иной философской почве—в русском гегельянстве—отмечал уже Плеханов по поводу его эстетических воззрений. Именно на основе этой проблемы Плеханов доказывал, что Писарев является законным детищем всей истории русской общественной мысли, что Писарев может гордиться такими идейными предками, как Белинский и Чернышевский.

«В качестве «просветителя», Чернышевский интересовался гораздо меньше теорией искусства, нежели теми практическими выводами, которые из нее могут быть сделаны. Но философия Фейербаха давала, как ему казалось, возможность примирить практику с теорией; поставить практические соображения о том, чем должно быть искусство, на прочную основу теории, открывающей его истинную сущность. Практическая задача эстетики заключается в реабилитации действительности. Это положение, обоснованное Чернышевским с помощью философии Фейербаха, руководило им во всех его критических отзывах. Это положение само по себе... не заключает в себе ровно ничего ошибочного. Но, раз признав это положение, позволительно, не греша против логики, спросить себя: да нужна ли для реабилитации действительности именно эстетика, т.-е. наука о прекрасном? Нельзя ли достигнуть той же цели с помощью других наук, например, естествознания?» [3]).

Так и поставил вопрос Писарев. Но ставил он его неосознанно, не понимая его философского значения. Если б Писареву сказали, что в своей оценке естествознания, как средстве привлечения внимания современников к действительности, он восходит к Гегелю—он бы самым решительным образом запротестовал. По мнению Писарева, гегелевская философия могла взращивать романтиков, мечтателей и фразеров, в лучшем случае говорящих об общественном деле, но не знающих, как реально взяться за него. Проблема взаимоотношения идеала и действительности проникла в сознание Писарева лишь как результат стихийного воздействия умственной атмосферы русской жизни средних десятилетий прошлого века. Он заразился ею, но не поставил ее созна-

---

1) Писарев, т. I: Физиологические эскизы Молешотта, стр. 307.
2) Писарев, т. III: Наша университетская наука, стр. 107.
3) Плеханов, т. V, стр. 349—350.

тельно. У своих учителей он ее не мог позаимствовать. Естественно, что Писарев, только соприкоснувшись с этой проблемой, тотчас же соскользнул с того пути, на котором лежало ее решение. Писарев великолепно понял и раз'яснил значение естествознания для овладения силами природы, для технического прогресса. Для того, чтобы заставить себе служить законы природы, надо их знать. Лишь изучив свойства материи, мы можем сделать их источником нашего материального благополучия. Правильное знание природы вознаграждается техническими успехами и ростом благосостояния, неправильное знание наказывается тщетной тратой труда физического и умственного, а то и прямым возмущением сил природы против нас, взрывами, наводнениями, несчастьями, подчас с гибелью человеческих жизней. Исходя из того, что глагол «знать» является действительно обязательной предпосылкой глагола «мочь», и не зная, что само деяние зависит от уровня производительных сил, Писарев и доказывал важность естественных наук, необходимость их широкого распространения ссылками на результаты изучения природы для практической жизни человечества; ссылками на паровые машины, на железные дороги, на электрические телеграфы, на химический анализ, на микроскоп, на успех у физиологии и т. д.: прогресс техники, основа материального благосостояния есть результат господства над природой, а это господство дается только знанием естественных сил и законов. Но Писарев не удовлетворялся тем ответом, что естествознание дает реальную опору для технического прогресса. Он полагал, что оно вместе с тем дает и реальную мощь для переустройства общественных порядков. Знание законов природы дает возможность облагодетельствовать человечество не только в техническом отношении, но и в социальном. Писарев полагал, что прогресс техники, базирующийся на прогрессе естествознания, не только увеличивает общую сумму национального богатства, но и является существеннейшей частью разрешения проблемы о голодных и раздетых людях. Естествоиспытатели и натуралисты «несут на плечах своих весь труд материального прогресса человечества. Если бы этих личностей было больше, то, очевидно, завоевания человечества в области естествознания совершались бы быстрее; а вместе с тем и вся жизнь человечества представляла бы меньше лишений и страданий, меньше горя и бедности» [1]). Естествознание научит «как кормить, одевать, обувать и обмывать других людей», пишет он в «Реалистах» (т. IV, стр. 28). Само естествознание является той силой, которая дает возможность осуществить идеал более совершенного общественного устройства. Но естествознание является фактом сознания, оно есть совокупность известного рода научных воззрений. Таким образом, силой, осуществляющей идеал, является само сознание. Здесь мы упираемся в исторические воззрения Писарева, рассмотрение которых выходит за пределы настоящей статьи. Во всяком случае нам достаточно отметить, что проблема «реабилитации действительности» едва коснулась сознания Писарева,—она была им обойдена. Не была она решена и Чернышевским, но Чернышевский ее сознательно ставил и кое-каких заметных результатов доби-

[1]) Писарев, т. III: Наша университетская наука, стр. 109.

вался. Писарев же этой проблемы сознательно не ставил. Лишь внимательный анализ его произведений, да сличение их с умственной атмосферой века дает нам возможность открыть эту проблему. Проблема эта проникала, внедрялась извне в строй идей Писарева. Сознанию Писарева она не предстала во всей своей мучительной трудности, он не бился над ней, как Белинский. Он просто видел необходимость общественного переустройства, и с аподиктической уверенностью видел в естествознании реальный рычаг этого переустройства. Как человек, обладавший чрезвычайно изощренной общественной чуткостью, он не мог не впитать ее в свое сознание. Ибо вся русская история, всем ходом своим, с чрезвычайной остротой ставила вопрос о силах, могущих преобразовать обветшалую государственность и общественность России. Тогда, в шестидесятые годы, именно сама история не смогла разрешить этого вопроса. Этим-то обстоятельством об'ясняется, что он не был решен и общественной мыслью. В лице Чернышевского, русская общественная мысль чрезвычайно близко подходит к марксизму, в половине шестидесятых годов имя и идеи Маркса попадаются уж на страницах наших журналов. Есть сведения, что и Писарев незадолго перед смертью ознакомился с только что вышедшим «Капиталом» (знакомство это не успело отразиться в произведениях Писарева). После же Чернышевского, русская мысль делает зигзаг в своем развитии. Ее философский уровень снижается. Двадцать лет понадобилось еще до организации «Группы Освобождение Труда», до начала деятельности Плеханова-марксиста. Писарев же тому, что представляло у Чернышевского проблему, придал чрезвычайно прямолинейный вид, вопрос о реальных силах социального переустройства он с самого начала своего сотрудничества в «Русском Слове» решил с обманчивой простотой и легкостью. Он обошел его таким образом, что не смог его даже сознательно поставить: он просто начал проповедывать естествознание.

Чем можно об'яснить это упрощение проблемы, над разрешением которой упорно работали Белинский, Герцен, Чернышевский? Да тем, что проблема эта, возникшая на почве диалектической философии Гегеля и Фейербаха, была перенесена Писаревым в сферу механического вульгаризованного материализма. Мы уже указывали, что Писарев учился материализму у Бюхнера, Фохта и Молешотта. Мы приводили уже, что у них заимствовал он аргументацию в защиту своего материализма в коренном вопросе об отношении духа к материи. Писарев не изменял своим учителям. После распространения в России такого сравнительно совершенного материализма, как фейербахианский, он вслед за вульгарными немецкими материалистами идентифицировал факты сознания с простым движением материи. Вот самая красноречивая цитата: «Из слов Фохта можно вывести чисто физиологическое определение понятий: мысль и чувство. Вы видите, что на движение сердца, на положение кровеносных сосудов действуют исключительно чувства, например, грусть, радость, боязнь, стыд и т. д. Из этого следует заключение, что чувство есть такое раздражение в мозговых нервах, которое мгновенно, по крайней мере быстро и притом непроизвольно, проходит через все нервы нашего тела, и через эти нервы так или иначе действует на обращение крови. Мысль, напротив

того, есть такое раздражение мозговых нервов, которое распространяется в них медленно и не действует на нервы тела; оно совершается в известном порядке, за которым мы сами можем проследить и для которого у нас даже готовое название—логическая последовательность. Надо полагать и надеяться, что понятия психическая жизнь, психологическое явление будут, со временем, разложены на свои составные части. Их участь решена; они пойдут туда же, куда пошел философский камень, жизненный элексир, квадратура круга, чистое мышление и жизненная сила. Слова и иллюзии гибнут—факты остаются»[1]).

Понятно, что Писарев не понимал диалектики. Слово диалектика служила для него синонимом лживых хитросплетений разума, словесной изворотливости мысли, непонятности и мистифицирующей запутанности. Подвергшись влиянию Дарвина, он признавал эволюционную теорию, что не мешало ему, однако, некоторые основные черты человеческой природы считать неизменными, вечными. Точно так же, он полагал, что некоторые науки, как, напр., математика имеет запас истин «непоколебимо-твердых на вечные времена». Как все эволюционисты, он полагал, что одними количественными изменениями вполне об'ясняются все происходящие в природе и обществе изменения. Писарев отрицает наличие скачков в развитии, он отрицает качественные границы между явлениями. Если мы хоть раз в об'яснении новообразований допустим скачкообразное изменение, «то одно это предположение повалит всю теорию медленного развития, потому что один скачок, как бы ни был он сам по себе незначителен, будет доказывать возможность скачков, а эта возможность находится в радикальной и непримиримой вражде со всяким простым и естественным об'яснением существующих явлений»[2]). Эту мысль Писарев подчеркивает неоднократно, настойчиво. При его преклонении перед фактом один случай скачка взрывает всю теорию Дарвина; если скачков в природе нет, тогда есть закономерность, если же есть скачки, тогда наука становится невозможной, тогда любознательность приходится удовлетворять такими удобными выражениями, как «игра природы», или ссылками на случай. Мысль о том, что дарвинизм без теории качественных изменений ничего не об'ясняет, не приходит ему даже в голову.

Для Писарева об'яснить=количественно истолковать, «об'яснить—значит именно разлагать крупное сложное явление на мелкие и простые составные части» (т. III, стр. 352). «В природе нет и никогда не было цельных и крупных явлений. Громаднейшие результаты достигаются всегда совокупным действием миллионов мельчайших сил и причин, точно так, как громаднейший организм весь состоит из накопления микроскопических клеточек»,—пишет он двумя страницами раньше. То, что Писарев подразумевает под цельными и крупными явлениями, есть качественно особые явления. В природе и в обществе, в развитии отдельного человека все глубокие различия об'ясняются количественным раз'ятием, бесконечно длинной вереницей мелких причин и мелких последствий». «В природе возможны самые полные

[1]) Писарев, т I: Процесс жизни, стр. 321.
[2]) Писарев, т. III: Прогресс в мире животных и растений, стр. 416.

превращения и самые удивительные переходы, но только эти превращения и переходы никогда и ни под каким видом не могут совершаться круто и внезапно» [1]).

В понимании Писаревым развития нет ничего выходящего за пределы механистического воззрения. Механисты, как известно, отнюдь не отрицают всякое движение, всякое развитие. Но все изменения у них сводятся к простому проявлению закона сохранения энергии. На такой точке зрения стояли немецкие материалисты—учителя Писарева. На такой же точке зрения стоял и Писарев. Непрестанный круговорот жизни базируется на законе «сохранения или неразрушимости силы». «Жизнь—не что иное, как движение, переход из формы в форму, постоянное, неуклонное, неугомонное превращение, разрушение и созидание, следующие друг за другом и вытекающие друг из друга», пишет он в статье о «физиологических картинах» Бюхнера. И, вслед за тем, дает этому процессу следующее об'яснение: «Сохранение или неразрушимость силы заключается в том, что ни в каком случае никакая сила не уничтожается и не возникает вновь. Перед нашими глазами совершается постоянно переход силы из одной формы в другую. Как ни одна частица материи не пропадает и не уничтожается, а только видоизменяется, так точно ни одна частица, какой бы то ни было силы, не утрачивается, а только принимает иногда такую форму, которая скрывает ее от нашего наблюдения» [2]).

Перед нами законченная концепция механистического материализма. К материализму Чернышевского она относится точно так же, как материализм, допустим, Фохта к материализму Фейербаха. Развернутая перед мыслящей частью русского общества, она свидетельствовала о снижении философского уровня нашего общественного сознания. Двигаться дальше от Чернышевского значило переходить к диалектическому материализму, к марксизму. Для этого же нужно было существование пролетариата, как развитой уже общественной силы. Этого условия не было в России 60-х годов. После начала правительственной реакции в более резких формах, началась и общественная реакция при революционизировании одиночек. При таких обстоятельствах не могло не застопориться и идеологическое развитие общества. А застопоривание, остановка неизбежно влечет за собой снижение качественного уровня. Писарев, начавший становиться заметным в последние год—два работы Чернышевского, начинает делить с ним влияние на общественную мысль. Вслед за «Современником» Чернышевского, «Русское Слово» Писарева становится самым влиятельным органом радикальной журналистики. Но материализм, в основе которого шла идейная проповедь младшего шестидесятника—Писарева, был материализмом уже иного уровня, не фейербахианского, а молешоттовского, фохтианского. Мало того, этот материализм обнаруживал признаки и дальнейшей позитивистической порчи.

Об'ясняя значение естествознания, Писарев подчеркивал значение естественных наук не только со стороны их содержания и практических результатов, но и со стороны их метода.

[1]) Писарев, т. III, l. c., стр. 408.
[2]) Писарев, т. II, стр 349, 350.

По пониманию же Писарева, естественные науки основаны только на наблюдении и на опыте, т.-е. только на индукции. «Голый факт»—вот исходная точка исследований натуралиста. «Факт» изгнал из естествознания всякий мистический туман, телеологию и «несчастное понятие жизненной силы», за широкие ширмы которой прячется невежество и леность мысли. «Факт»—незыблемая опора прочности результатов, уверенности в своей правоте, общеобязательности найденных результатов. «Слова и иллюзии гибнут—факты остаются», цитировали мы уже Писарева. Но, восставая против «слов и иллюзий», вооружаясь против идеалистического мировоззрения, Писарев стал относить к необоснованным на факте хитросплетениям натурфилософии всякую теорию вообще в естествознании. Одна из больших заслуг Писарева—борьба с натурфилософией, высмеивание поисков «общих свойств естества, основных начал бытия, конечной цели природы и человека и прочей дребедени». Но это его достоинство тут же превращалось в недостаток, когда он, в целях борьбы с натурфилософией, делал следующий «загиб»: «Цель естественных наук никак не формирование миросозерцания. Для естествоиспытателя нет ничего хуже, как иметь миросозерцание. Когда люди, расположенные строить теории мира, берутся за изучение природы, то они делаются Сведенборгами, или Экартсгаузенами, или же, по крайней мере, подобно Мильну-Эдвардсу, превращают природу в специалиста политической экономии» [1]). Для Писарева строитель теорий то же, что неудавшийся поэт, требование от натуралиста направления—безобразно. Пока мы имеем дело как будто лишь с некоторым гиперболизмом. Приведенные цитаты заострены против натурфилософии и виталистов. Но это не только манера письма, не только безобидная преувеличенность формулировок. Писарев временами сползает на точку зрения чистого описания, на понимание под опытом только того, что дано в ощущении. Он хвалит Базарова за то, что «он сделался чистым эмпириком; опыт сделался для него (для Базарова) единственным источником познания, личное ощущение—единственным и последним убедительным доказательством» [2]). «Как эмпирик, Базаров признает только то, что можно ощупать руками, увидеть глазами, положить на язык,—словом, только то, что можно освидетельствовать одним из пяти чувств» (ibid., стр. 376). Это уже явный «уклон» в чистый эмпиризм. Писарев неоднократно выражает пожелание, чтобы научное произведение состояло из отдельных подробностей, чтобы оно только подробно описывало исследуемые явления. Он гордится за современное ему естествознание, за то, что оно стало интересоваться мелочами; «анализ подробностей разрушает—по его мнению—туманные теории и звонкие фразы, и здание антропологии, над фундаментом которого работают люди, подобные Фохту и Молешотту, основывается на твердых фактах, на неопровержимых данных непосредственного опыта и точного наблюдения» [3]), на непосредственном опыте, т. е. на данных наших органов чувств. И, наконец, добравшись до «Системы положительной философии» Огю-

[1]) Писарев, т. I, стр. 311.
[2]) Писарев, т. II, стр 375,
[3]) Писарев, т. I, стр. 307,

ста Конта, он, вслед за последним, отказывается от причинного об'яснения явлений. «Увидавши неосновательность прежних об'яснений, человек убеждается понемногу в том, что его способность об'яснять явления природы имеет определенные границы, через которые его уму никогда не удастся перешагнуть; человек признает ту великую истину, что он может только наблюдать явления и подмечать, в каком порядке одно явление следует за другим, или каким образом одно явление совмещается с другим. На вопрос: почему данные явления следуют одно за другим именно в таком, а не в другом порядке, у него нет ответа и никогда его не будет. Он, разумеется, может сказать вам: таков закон природы; но это, конечно, не ответ, потому что вопрос именно в том и состоит: почему существует в природе вот этот закон, а не какой-нибудь другой? Вы спрашиваете, например, у современного физика: почему свинцовая пуля, которую я выпускаю из рук, падает на землю? Почему, отвечает вам физик, этого я не знаю, но я могу вам сказать, что существует общий закон, по которому все тела во всей вселенной взаимно притягивают друг друга пропорционально массам и обратно пропорционально квадратам расстояния. Так как ваша пуля меньше земного шара, то земной шар и притягивает ее к себе; если бы она была больше земного шара, то случилось бы наоборот, то-есть не пуля упала бы на землю, а земля упала бы на пулю. Но почему (курсив везде в цитате Писарева) все это происходит так, а не иначе, почему тела взаимно притягивают друг друга, и притягивают именно так, как я его об'яснил, этого я не знаю, этого не знает никто, это останется вечной тайной для всех людей, и поэтому совершенно бесполезно и нелепо задавать себе или другим подобные вопросы» [1]). Внимательный читатель заметил, что в приведенном отрывке Писарев, становясь на точку зрения описания, заменяя вопрос «почему» вопросом «как», в то же время становится на точку зрения агностицизма. И это не случайность. Писарев начал, выступая против виталистов, с правильного требования признать свое незнание там, где кончился запас наблюдений, где начинается область неисследованного. Об'ем познанного в каждый данный момент имеет свои границы. Если мы можем делать некоторые умозаключения от характера познанного к характеру покамест еще непознанного, главным образом, в отрицательной форме, что отметил еще Чернышевский (напр., в неисследованных областях Сахары, на обычной для нее высоте над уровнем моря, мы не найдем покрова снега и льду), то мы должны быть чрезвычайно осмотрительными и умеренными в определениях положительного содержания непознанного, даже просто признать в подавляющем большинстве случаев: мы этого не знаем. Поэтому Писарев был совершенно прав, обрушиваясь на виталистов, которые там, «где кончались пределы их наблюдений... вместо того, чтобы откровенно сказать: не знаю, говорили: здесь начинается действие жизненной силы» (т. I, стр. 313). Но Писарев на этом не удержался, он стал утверждать, что не только ignoramus—не знаем, но и ignorabimus—никогда не будем знать. Это видно уже из приведенной выписки из статьи О. Конта. Таких

[1]) Писарев, т. V: Исторические идеи О. Конта, стр. 316.

выписок из сочинений Писарева можно было бы привести еще очень много.

Писарев был и остался материалистом. Он никогда не впадал в мистику, он никогда (в нигилистический период своей деятельности) не населял непознаваемое духовными существами, он никогда не сомневался в материальной природе сущего, он не только ставил мысль в зависимость от материального основания—он просто материализировал мысль.

Отрицая правомочность теории, Писарев сам популяризировал и писал о теориях, говорил не только о единичных фактах, но и устанавливал законы явлений, умозаключал от причин к следствиям и т. д.

Он не подменил окончательно материализма позитивизмом. Позитивизм был ржавчиной, портившей его материализм.

Чем же, однако, об'ясняется незаконное сочетание материалистической концепции с позитивистической у Писарева. По нашему мнению, это есть результат сочетания его слабых и сильных сторон—пренебрежения методом и общественным подходом к теоретическим проблемам. Минус помноженный на плюс вновь дает минус.

Условия собственного развития Писарева сложились таким образом, что для того, чтобы стать тем, чем он известен в истории умственного развития русского общества, он должен был отринуть все то, чему его учили дома и в школе, в университете и в научных студенческих кружках. Писарев очутился в таком же положении, в каком оказался Декарт, кончив курс своего официального образования: оба они увидели, что почерпнутая ими школьная мудрость безжизненна и недостоверна, что нужно свое образование начинать с начала, с пустого места, забыв то, чему их учили. Писарев сам указал на созвучный отклик, вызванный в нем декартовым отрицанием. «Когда я—цитирует он Discours de la méthode—приступил к изысканию истины, я нашел, что лучшее средство для этого—отбросить все, что я прежде получил, и отказаться от моих старых мнений с тем, чтобы положить им новое основание; я думал, что таким образом легче выполню великую задачу жизни, чем если бы держался старых начал, которые я принял в молодости, не рассматривая, действительно ли они верны»—отбросить все, что я прежде получил (курсив Писарева). При этом нет никаких ограничительных оговорок. И это высказывается самым ясным и увлекательным французским языком. Не чувствуете ли вы, мой читатель, что мороз подирает вас по коже. Я положительно это чувствую» [1]).

В этом восторженном, по адресу Декарта, и ироническом, по адресу читателя, восклицании слышится искреннейшее сочувствие истории умственного развития великого зачинателя новой философии. А между тем положение Писарева было совершенно не аналогично положению Декарта. Декарту в самом деле нужно было начинать с начала или почти с начала, Писареву, если б он не совершал своего умственного развития в одиночку, было на что опереться. Ведь в русскую литературу уже давно лились богатым и плодотворным потоком идеи Гегеля и Фейер-

[1]) Писарев, т. V: Исторические идеи О. Конта, стр. 460.

баха, ведь на Западе, к началу самостоятельных шагов Писарева в его умственном развитии, после «Коммунистического Манифеста» шло уже второе десятилетие. Об'явив себя осенью 58-го года независимым по отношению к профессорам и к их науке, имевшей такое же отношение к действительной науке, как опавшие листья к цветущему дереву, став в отрицательное отношение к обилию метафизических систем, взаимно истреблявших друг друга, подойдя лишь к призракам действительного человеческого мышления, он вдруг решил, что все Монбланы и Казбеки философии—просто пустяки. Гегель также, или даже прежде других, оказывается таким пустяком. «О философии Гегеля распространяться нечего. Всякий читатель знает по наслышке, что это штука хитрая и что понимать ее мудрено и, кроме того, бесполезно» (т. III, стр. 28). Да что Гегель! Даже Бюхнер, сам Бюхнер, поскольку он является творцом системы, направления в философии, а не простым собирателем фактов, об'является метафизиком.

Вынеся столь радикальный приговор всему предшествующему философскому развитию человечества, Писарев, однако, никогда не становится на позицию принципиального скептицизма, несмотря на болезненные формы, в которые вылился переход на точку зрения скептицизма в его личной биографии. Он считал, что по сути дела отрицать решительно все, это значит ровно ничего не отрицать. Как и Декарт, он отрицал во имя нового утверждения, во имя другого положительного знания. Кличка нигилизм, нигилисты, оставшаяся за Писаревым и его направлением в истории, и несправедлива, и неверна. И в идеологии, и в общественности он не только отрицал, но отрицаемому в то же время противопоставлял положительные суждения и положительные планы. «Какой скептицизм полезен в науке?— спрашивает Писарев. «Конечно, не тот,—отвечает он,—который ухитряется посредством разных диалектических тонкостей отрицать существование видимого мира, или собственной особы мыслящего суб'екта. Такой метафизический скептицизм одинаково безобразен и одинаково бесплоден, как в школе, так и в науке. Полезен в науке только тот благоразумный скептицизм, который не позволяет исследователю успокаиваться на неполном или неточном об'яснении изучаемых явлений. Этот скептицизм, составляющий естественный атрибут каждого здорового и сильного ума, полезен всегда и везде, и в науке, в в политике и в литературной критике, и в обыденной жизни. Везде и всегда человек должен смотреть трезвыми глазами на самое явление, на голый факт, не обращая никакого внимания на ту красивую или некрасивую формальную оболочку, в которую нарядилось это явление по тем или другим обстоятельствам»[1].

Но в то время, как Декарт начал построение нового здания науки с поисков нового **метода**, лишь в правильности последнего видя гарантию достоверности и плодотворности, Писарев антитетически противопоставлял отрицаемому свои убеждения. Статьи Юркевича, например, Писарев отказывается разбирать, отказывается становиться к ним в какие бы то ни было даже критические отношения. Он просто проходит мимо их, он

[1]) Писарев, т. V: Педагогические софизмы, стр. 489.

отрицает. Критикуя Лаврова, он в трех положениях да
сущность его мировоззрения, а затем уж его не критикует,
оспаривает, а просто противопоставляет ему свои положени
предлагая читателю свободный выбор между своей мудрость
и мудростью Лаврова. Так как это противопоставление пре
ставляет интерес как сжатую формулировку мировоззрения П
сарева, данную им самим, выпишем ее: «Я все основываю
непосредственном чувстве; Лавров все строит на размышлени
и на системе; я требую от философии осязательных результато
Лавров довольствуется бесцельным движением мысли в сфе
формальной логики. Я считаю очевидность полнейшим и еди
ственным ручательством действительности; Лавров придает ва
ное значение диалектическим доказательствам, спрашивает
сущности вещей и говорит, что она непостижима, следовательн
предполагает, что она существует как-то независимо от явлени
В области нравственной философии взгляды наши почти ди
метрально противоположны. Лавров требует идеала и цели жиз
вне ее процесса; я вижу в жизни только процесс и устран
цель и идеал, Лавров останавливается перед аскетом с о
бенным уважением; я даю себе право пожалеть об аскете, к
пожалел бы о слепом, о безруком или о сумасшедшем. Лав
видит в человечности какой-то сложный продукт разных нр
ственных специй и ингредиентов; я полагаю, что полнейш
проявление человечности возможно только в цельной личнос
развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно,
сдавленной служением разным идеалам, не потратившей с
на борьбу с собой»[1]).

Писарев не критикует Лаврова, а ставит свои воззре
рядом с воззрениями Лаврова—на что же он рассчитывает,
лагая, что читатель выберет именно его воззрения, а не воззре
его противника? Пренебрегши методическими изысканиями,
чем основывает сам Писарев правильность своей точки зрен
Нетрудно показать, что Писарев в обосновании своего ми
воззрения опирается на здравый смысл. Считая лично
рычагом общественного преобразования, он, с естественной
следовательностью, сделал ее здравый смысл критерием ее
нок и опорой ее выводов. И люди, и книги для него тол
материалы собственных суждений: выборку же этих материа
и приговор им произносит здравый смысл. Мало пламенно
бить идею, нужно еще уметь не терять способности руко
ствоваться голосом здравого смысла. Написав статью «Бед
русская мысль» по поводу исследования Пекарского о Пет
ской Руси, Писарев следующим образом об'ясняет свой спо
пользования фактами, приведенными Пекарским: «...будем б
факты из его же книги, а рассуждать о них будем по-свое
т.-е. не так, как рассуждают ученые, а так, как рассуждают
стые люди, не лишенные здравого смысла» (т. VII, стр. 1
Привести все случаи, когда Писарев ссылается и опира
на выводы здравого смысла, это значит удлинить нашу ста
до бесконечности. Чтобы с особенной силой подчеркнуть пл
творность точки зрения здравого смысла, Писарев показыв
как баснописец Крылов приходит к тем же выводам, к ка

[1]) Писарев, т. I: Схоластика XIX в., стр. 369.

пришел историк Бокль, чрезвычайно им (Писаревым) ценимый. В баснях о медведе, о музыкантах и о глупом судье Крылов доказывает, что сила ума важнее безукоризненной нравственности. Эту же мысль Бокль возводит в мировой закон. Показав совпадение выводов Крылова и Бокля, Писарев подчеркивает совпадение выводов простого здравого смысла с результатами передового научного исследования. Крылова он приводит, подчеркивает он, «не для того, чтобы похвастаться русской сметливостью, а для того, чтобы показать, до какой степени результаты разумной и положительной науки соответствуют естественным требованиям неиспорченного и незасоренного человеческого ума» [1]).

Опираясь на здравый смысл, Писарев пренебрег выработкой метода. Но Писарев был сверх того утилитарист. Анализ утилитаризма Писарева выходит за пределы намеченной нами темы,—эта задача относится уже к рассмотрению, главным образом, моральных воззрений Писарева. Но не только моральных. Писарев понимал нравственность очень широко—как совокупность людских отношений. Следовательно, утилитарный принцип он вносил и в область рассмотрения явлений не только чисто индивидуального порядка, но и в область явлений общественных, исторических. А мы уже указывали, что в построении своих общефилософских воззрений Писарев подходил из соподчинения их общественному служению. Писарев считал, что мы бедны и глупы. Основная задача его современников заключалась, по его мнению, в увеличении умственного и вещественного капитала русского народа. И в первую очередь умственного—ибо материальное богатство, согласно исторической теории Писарева, является простым последствием накопления реального познания. А так как задача преобразования русского общества была неотложной, время не ждало, то Писарев требовал такой работы, которая давала бы наибольший коэффициент полезного действия. Работников мало, работы уйма, задачи огромны—следовательно, экономь свои силы. Писарев провозглашает принцип экономии умственных сил. Реалист в своей деятельности должен бить в одну точку, не тратя зря своих сил, не отвлекаясь на второстепенные задачи или на работу, не имеющую общественного значения. «Те люди, которые по своему положению желают работать умом, должны расходовать свои силы с крайней осмотрительностью и расчетливостью, т.-е. они должны браться только за те работы, которые могут принести обществу действительную пользу. Такая экономия умственных сил необходима везде и всегда, потому что человечество еще нигде и никогда не было настолько богато деятельными умственными силами, чтобы позволять себе в расходовании этих сил малейшую расточительность. Между тем, расточительность всегда и везде была страшная, и оттого результаты до сих пор получались самые жалкие. У нас расточительность также очень велика, хотя и расточать-то нам нечего. У нас до сих пор всего какой-нибудь двугривенный умственного капитала, но мы, по нашему известному молодечеству, и этот несчастный двугривенный ставим ребром и расходуем безобразно. Нам строгая экономия еще необходимее,

[1]) Писарев, т. III: Мотивы русской драмы, стр. 286.

чем другим, действительно образованным народам, потому, что мы в сравнении с ними—нищие... Экономия умственных сил увеличит наш умственный капитал, а этот увеличенный капитал. приложенный к полезному производству, увеличит количество хлеба, мяса, одежды, обуви, орудий и всех остальных вещественных продуктов труда...», пишет Писарев уже в 1-й главе «Реалистов», статьи, наиболее полно выражающей его credo. «Экономия умственных сил есть не что иное, как строгий и последовательный реализм», дает он резюме вышеизложенному, переходя ко второй главе. Принцип экономии умственных сил у Писарева шире принципа экономии мышления современных позитивистов, но он полностью уже содержит в себе последний. Борясь за экономию умственных сил, Писарев направляет свой удар против идеализма и против эстетики, против «диалектических мудрствований, лирических воздыханий и эстетических умилений». Белинский—натуралист, а не гегельянец и не эстетик—принес бы, по мнению Писарева, в десять раз больше пользы, чем им это было сделано в действительности. Но не только против идеализма, против чистого умозрения направляет Писарев свой удар. Исходя из неправильно понятого метода естествознания, опирающегося будто бы только на ф а к т, он ополчается на всякую теорию, на теоретизирование вообще, видя в теории, как таковой, проявление того же осужденного им идеализма. Исходя из факта, противопоставленного теории, Писарев правильное положение о мужестве признать свое незнание там, где начинается область неисследованного, расширяет до положения, что знание, вообще, возможно лишь о том, что непосредственно воспринимается органами чувств. Будучи, таким образом, подготовлен, он, прочитывая Конта, находит созвучие своим мыслям в его агностицизме, в отказе от причинного об'яснения, ибо причинность есть уже умозаключение из фактов, в самом факте ее ощупать нельзя. Принцип экономии умственных сил проявляет себя так же, как принцип экономии мышления, как переход на точку зрения описания. Скептицизм по адресу идеализма, методологически необоснованное противопоставление естественно-научного материализма идеализму, при встрече с утилитарным принципом в морали и постановке общественных задач и дало позитивистическую порчу писаревского материализма.

К теории развития мирового рынка и мирового хозяйства [1]).

И. Дашковский.

I.

Основным и господствующим фактом современной экономической жизни является мировой рынок и мировое хозяйство. Это констатируется в бесчисленных описательных работах, посвященных новейшей истории хозяйства и современному его положению. Даже те авторы, которые, подобно Зомбарту, склонны защищать парадоксальную идею, что «единичные народные хозяйства становятся все более и более законченными микрокосмами, и внутренний рынок перевешивает постепенно для всех отраслей значение внешнего рынка» [2]), все же вынуждены признать, что необходимейшим условием роста внутреннего рынка является «постоянное и непрерывное экстенсивное расширение мирохозяйственных связей».

Развитие международных экономических отношений есть своего рода диалектический процесс. Как известно, обмен и торговля исторически возникают «на конечностях общественных организмов». Международная, междуплеменная торговля есть исходный пункт развития обмена, вместе с которым развивается и капиталистическое хозяйство [3]). В дальнейшем капитализм постепенно расчищает для себя необходимое «поле эксплоатации» внутри страны, разлагая остатки натурального строя, прокладывая повсюду пути товарного хозяйства и превращая последнее в капиталистическое. В этот период происходит интенсивное «образование внутреннего рынка» для капитализма. Когда эта работа достаточно проделана вглубь и вширь, наступает снова очередь международного обмена, но уже не на примитивных основах, а на фундаменте крупного производства и машинной техники. Капитализм «втаскивает» одну за другой все нации и страны в мирохозяйственный оборот. Наступает эпоха мирового хозяйства.

Трубадурами этого международного обмена выступают всегда экономисты той страны, которая занимает господствующее по-

---

[1]) Настоящая статья представляет собою извлечение из подготовляемой к печати работы.

[2]) Werner Sombart, Die deutsche Wirtschaft im neunzeinten Jahrhundert und im Anfang des 20 Jahrhunderts, 4 Auflage, S. 387.

[3]) «Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии историю жизнедеятельности современного капитала». Капитал, т. I, стр. 116 (изд. 1920 г.).

ложение на мировом рынке. Так как эпоха развития буржуазной политической экономии совпала с господством Англии на мировом рынке, то вполне естественно, что теория классиков стала боевым знаменем буржуазного «космополитизма», который по существу был только адэкватной формой выражения национальных интересов английского капитала. В развитии «космополитической» теории можно отметить две стадии: первый период, связанный с именами А. Смита и Рикардо, характеризуется преобладанием интересов международной торговли в собственном смысле слова, т.-е. в смысле вывоза товаров. Восхваляя выгоды международного обмена, и Смит и Рикардо отрицательно относились к тенденции переносить за пределы страны капиталы и предпринимательство.

Но уже Милль делает в этом отношении шаг вперед, указывая, что вывоз капитала является могущественной силой для расширения поля занятия оставшемуся капиталу. Можно вполне справедливо сказать, что чем больше, до известного предела, мы будем высылать капитал, тем больше мы будем его иметь и тем большую сумму его мы будем в состоянии удержать в отечестве [1]). Такая эволюция классической теории находилась в тесной связи с изменением экономической обстановки. От экспорта товаров английский капитал перешел, по окончании наполеоновских войн, к экспорту капитала. Погоня за более высокими прибылями взяла верх над «привязанностью к отечеству», и Милль только зарегистрировал совершившийся факт. Правда, он еще не совсем разделался со старой идеологией и доказывает выгоды экспорта капитала тем соображением, что экспорт способствует возрастанию суммы капитала, остающейся в отечестве. Но это была уже простая дань предрассудкам, от которых позднейшее поколение экономистов успело целиком освободиться.

В теории международных экономических отношений так же, как и во всех других вопросах политической экономии, классики оставались верны своему основному методу—выдавать специфические законы буржуазного хозяйства за естественный порядок вещей, за предустановленную гармонию. Движущую силу развития мировой торговли они видели в материальных условиях производства, а не в общественной форме, которую они принимают при капитализме. Международная торговля раздвигает рамки разделения труда, увеличивая его производительность. Рост производительности является простым следствием технического фактора—разделения труда, которое поэтому является наиболее естественным порядком вещей. Естественные законы неизбежно должны пролагать себе путь через искусственные препятствия, создаваемые неправильной политикой общественной организации—государства и пр. Поэтому развитие международной торговли неизбежно.

Из естественного порядка вещей исходил, кстати сказать, и виднейший противник классической школы на континенте Европы—Фр. Лист. Но он, в противоположность классикам, утверждал, что наибольшие экономические выгоды получаются не от разделения труда между странами, а от соединения труда

[1]) Д.-С. Милль, Основания политической экономии, 1898 г., стр. 651.

в пределах одной и той же страны, в частности от соединения промышленного и земледельческого производства. Яркий образчик того, как видоизменяется смысл «естественных законов», когда они должны выражать противоположные интересы различных групп буржуазии, в данном случае буржуазии Англии и Германии в первой половине XIX века. Правда, и Лист не отказывался от «космополитизма» по отношению к более или менее отдаленному будущему, когда это позволят обстоятельства конкурентной борьбы. Он также считал необходимым кокетничать «общечеловеческими» соображениями. «Что цивилизирование всех наций, распространение культуры по всему земному шару есть миссия человечества—это вытекает из тех неизменных законов природы, согласно которым цивилизованные нации побуждаются непреодолимой силой к перемещению своих производительных сил в менее культурные страны» [1]).

«Естественные законы» бессознательно для своих интерпретаторов говорили на чистейшем языке буржуазных категорий, в тех случаях, напр., когда выгоды международного обмена подкреплялись аргументами от нормы прибыли или заработной платы. Но так как эти категории в представлении буржуазной экономии имели «допотопное существование», то тем самым силы развития мирового рынка оказались независимыми от какой бы то ни было формы общественной организации. Они коренились в «неизменных законах природы».

В своих комментариях к Рикардо Диль правильно отмечает, что «идеи Рикардо о внешнеторговой политике находится в теснейшей связи с его теорией распределения национального дохода; он выступает за свободную торговлю потому, что она оказывает наиболее благоприятное влияние на распределение богатства внутри народного хозяйства» (K. Diehl, «Erläuterungen», Bd. III, II Theil, S. 326).

Только Маркс поставил вопрос о мировом рынке на настоящую научную почву. Он показал, что создание мирового рынка явилось отнюдь не функцией «законов природы», как таковых, а **функцией капитала**, и перенес, таким образом, исследование на почву **общественных** законов, свойственных **определенной эпохе**. «Что такое свобода торговли при современных общественных отношениях?—спрашивает Маркс.—Свобода капитала. Устраните те немногие национальные преграды, которые продолжают стеснять свободное развитие капитала,—и вы лишь откроете ему свободное поле деятельности» [2]). И далее, раскрывая сущность протекционизма, Маркс находит в нем кровное родство, несмотря на кажущуюся противоположность, с системой свободы торговли:

«Покровительственная система есть лишь средство, с помощью которого насаждается в данной стране крупная промышленность, т.-е. создается зависимость этой страны от мирового рынка. Но уже с той минуты, как страна становится в зависимость от всемирного рынка, она начинает также зависеть более или менее и от свободной торговли».

---

[1]) **Fr. List**, Das nationale System der Politischen Oekonomie, Vierte Auflage. S. 213.

[2]) **К. Маркс**, Речь о свободе торговли.

Таким образом, обе как будто исключающие друг друга, системы экономической политики, ведут,—по Марксу,—к одному и тому же результату: расширению сферы деятельности капитала, расширению мировых экономических связей.

Теории мирового рынка не повезло в марксистской литературе. Сам Маркс предполагал значительную часть своего исследования посвятить анализу внешней торговли, мировому рынку и мировому хозяйству. Об этом он говорит в первых строках своей «К критике политической экономии»: «Я рассматриваю систему буржуазной экономии в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, всемирный рынок». Незаконченность «Капитала» отразилась именно на последних трех частях марксова плана. В частности теория международных экономических отношений представлена там только в виде попутных замечаний, которые, впрочем, сами по себе имеют громадную научную ценность и позволяют в основных чертах восстановить систему взглядов Маркса по этому вопросу.

Что касается послемарксовой экономической литературы, то, хотя вопросам мирового хозяйства уделялось и уделяется очень много внимания, общая теория международного обмена осталась в ней слабо разработанной. Спор о значении внешних рынков для капитализма между марксистами и народниками, возобновившийся в наши дни вокруг теории Розы Люксембург, вращался, главным образом, вокруг проблемы реализации, или осложнялся специфическими вопросами современного империализма, предполагающего далеко зашедшую монополизацию важнейших отраслей мирового хозяйства, сильное влияние «внеэкономических» факторов и т. п. условий, мешающих проявлению экономических законов капитализма «в чистом виде». Между тем, без «чистой теории» мирового рынка нельзя разобраться в реальном переплете мирохозяйственных явлений, подобно тому, как без «чистой теории» товарного и капиталистического хозяйства нельзя понять общего хода хозяйственной жизни, взаимоотношений классов и т. д. Теория «реализации» есть только часть этой чистой теории. Вопрос о реализации прибавочной стоимости нельзя отделить от вопроса о ценах, ибо только через цену потенциальная прибавочная стоимость превращается в реальную прибыль. Образование цен в международном обмене нельзя понять, не имея общей теории международного обмена, а международный обмен есть часть более широкой области международных экономических отношений (включающих миграцию капиталов, так наз. «обмен услугами», передвижение рабочей силы и т. д.). Одним словом, здесь непочатый край теоретического исследования, в котором марксистская наука сделала лишь первые шаги.

Отсутствие разработанной теории в этой области сказывается прежде всего в недостаточном исследовании причин, сколько-нибудь вызвавших возникновение современного мирового рынка и его развитие. До сих пор попадаются в литературе, которую с некоторой условностью можно назвать марксистской, взгляды, согласно которым развитие мирового хозяйства не является специфической функцией капиталистической формы хозяйства, а результатом «перераспределения производительных сил», вызван-

ного «законом убывающей производительности» (См. Маслов «Наука о народном хозяйстве»). По существу это есть возврат к классической школе.

Не установлено также до сих пор определенного отношения к существующей классификации—«единичное хозяйство», «народное хозяйство», «мировое хозяйство».

Мы начнем поэтому с попытки систематизировать по этим вопросам взгляды Маркса, которые дают богатый материал особенно по первому вопросу, с тем, чтобы на основе добытых результатов более уверенно ориентироваться в вопросах международного обмена по существу.

II.

Прежде всего к постановке вопроса. Анализ условий развития мирового рынка, собственно говоря, есть дело экономической истории, которая должна брать вопрос во всей его конкретности. В такой постановке история мирового хозяйства явится вместе с тем и историей капитализма, который возник на определенной исторической почве, а вовсе не есть результат какого-то «саморазвития мирового разума». Но нас здесь интересует не история, а **теория** вопроса, т.-е. нам надо выяснить, какие **специфические** черты капиталистического хозяйства вызвали ту мировую экспансию, которая привела к мировому хозяйству. При этом мы опять-таки остаемся на почве «чистого капитализма», не «оскверненного» монополиями, империализмом и т. п. плодами грешной действительности. Разумеется, мы рассматриваем это только, как методологический подход, как первое приближение к проблеме.

Говоря о развитии мирового рынка и мирового хозяйства, как об одной из специфических функций **капитала**, мы отнюдь не противопоставляем это утверждение другому положению, по которому возникновение мирового хозяйства есть результат влияния материальных, технических, географических или, вообще говоря, **естественных** факторов. В конечном счете и сам капитализм, если последовательно восходить к его историческим корням и истокам, включает в числе своих движущих сил «естественные» факторы. Но эти факторы влияют на общественное развитие не иначе, как **через определенные формы общественных отношений**. Наиболее значительные произведения буржуазной экономической мысли, посвященные вопросам территориального размещения и территориальных связей народного хозяйства—работы Тюнена в области сельского хозяйства и Альфреда Вебера в области промышленности как раз потому и дали серьезный результат, что они **не ограничились** анализом материальных элементов хозяйства. Тюнен исследует зависимость размещения сельско-хозяйственных культур в условиях **рыночного обмена**. Вебер подчеркивает влияние **капиталистических форм** хозяйства на размещение промышленности, например, в области так наз. «рабочей ориентации» предприятий, влияние рентных отношений и пр. Мы уже не говорим о том, что самая **возможность** постановки проблемы рационального размещения отраслей хозяйства требует, как предварительного условия, всестороннего проникновения в хозяйствен-

ную жизнь закона стоимости и коммерческого расчета, характерных только для определенной ступени развития общественных форм.

Вот почему мы начинаем с анализа влияния этих форм и соответствующих им экономических категорий. Таким путем мы вернее доберемся и до «естественных» факторов и сумеем установить их надлежащее место в хозяйственных процессах.

Самая общая «причина» заключается уже в противоречиях товарной формы продукта. Товарное производство основано на раздвоении продукта труда по линии потребительная стоимость и стоимость, при чем последняя приобретает исключительное значение для капитализма. Капитализм впервые ввел в широком масштабе в хозяйственную жизнь рационалистическое начало, по определению Зомбарта, умение считать. Но всесторонний хозяйственный счет мыслим лишь в абстрактных единицах, которые должны свести к общему знаменателю все разнообразие товарного мира. Почва для этого оказалась подготовленной вместе с появлением абстрактной формы богатства—денег, воплощения всеобщей формы стоимости. Но сама стоимость в ее противопоставлении потребительной стоимости, могла развиться только там, где продукт труда окончательно превратился в товар sans phrase, во всесторонне отчуждаемую вещь, а это стало возможным только на путях расширения внешней сферы обмена. «На арене мировой торговли товары универсально развертывают свою стоимость. Поэтому и здесь самостоятельное воплощение их стоимости противостоит им в качестве денег, мировых денег. Только на мировом рынке деньги вполне развертывают свою функцию товара, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма реализации человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адэкватным их понятию» [1]).

Если к этому расширению внешнего рынка толкает уже простой факт раздвоения товара на потребительскую стоимость и стоимость, факт, общий для простого товарного и для капиталистического хозяйства, то тем большее значение тенденция к расширению должна получить в собственно капиталистическом хозяйстве, где встает специфическая проблема производства прибавочной стоимости, как самоцель. В простом товарном хозяйстве продукт труда связан еще непосредственно с производителем, которому он принадлежит, и с потребителем, поскольку последний приобретает его для удовлетворения своих потребностей. Полезная форма этого продукта, его потребительская стоимость сохраняет еще целиком свое значение при обмене. Наоборот, в условиях капитализма, где основной целью покупки и продажи является простое непрерывное производство и увеличение стоимости, как таковой, форма продукта, ее полезные свойства становятся безразличными. Для промышленного капиталиста потребительская стоимость его товара является лишь неизбежным «злом», поскольку без этих свойств невозможно реализовать стоимость и прибавочную стоимость. Для капиталистического покупателя, поскольку он приобретает средства производства, полезные свойства покупаемых товаров

[1]) Маркс. Капитал, т. I, стр. 116, изд. 1920 г.

расцениваются опять-таки не с точки зрения удовлетворения потребностей, а с точки зрения их пригодности для производства стоимости. Только в этом смысле капиталист обращает внимание на качества и свойства. Господство абстрактной формы богатства над конкретной, господство стоимости над потребительской стоимостью, прибавочной стоимости над стоимостью, все эти характернейшие черты капитализма могут, однако, получить свое полное развитие, если беспрерывно происходит рост разнообразия товаров, обращающихся на капиталистическом рынке. Своеобразное противоречие сказывается здесь в том, что в том самом обществе, где потребности подчинены производству стоимости и прибавочной стоимости, наибольшее значение приобретает разнообразие товаров, служащих целям удовлетворения все растущего разнообразия потребностей. «Если бы прибавочный труд или прибавочная ценность выражалась только в национальном прибавочном продукте, то увеличение ценности ради ценности и потому стремление к прибавочному труду нашло бы предел в ограниченности, узком круге потребительских ценностей, в которых была бы представлена ценность труда. Следовательно, только внешняя торговля раскрывает настоящую природу (прибавочной ценности), как ценности, так как она показывает, что заключенный в ней труд есть общественный труд, который выражается в неограниченном ряде потребительских ценностей и действительно придает смысл абстрактному богатству»[1]).

Наибольшее однообразие потребностей, наибольшее однообразие продуктов, служащих для их удовлетворения, господствует, таким образом, там, где принцип удовлетворения потребностей составляет основу хозяйственной жизни в примитивном натуральном хозяйстве. Наоборот, там, где производство игнорирует потребности, последние громче всего заявляют о своих правах и требуют все большую и большую дозу «раздражения» для увеличения силы ощущения.

Рост разнообразия потребностей и средств их удовлетворения может совершаться и в экстенсивном, и в интенсивном порядке, которые переплетаются между собой. Обыкновенно, новые потребности появляются вначале под влиянием соприкосновения с внешней средой, которая доставляет неизвестные или редкие до того времени продукты. Развитие капиталистической техники, возникающей именно на почве обмена с внешним миром, увеличивает затем разнообразие продуктов при помощи собственных ресурсов. Здесь можно наблюдать переплетение самых сложных взаимодействий. Увеличение разнообразия потребительских благ, идущее рука об руку с интенсификацией потребностей, способствует расширению поля обмена и расчленению трудовых процессов на всевозможные виды и формы. Вместе с тем, по мере распространения обмена вглубь и вширь, все большие массы людей вырываются из обстановки локальной ограниченности, вовлекаются в нивелирующий кругооборот капиталистического производства, который нивелирует их привычки, вкусы, потребности и средства к их удовлетворению. На этой почве растет массовое производство, которое предполагает более быстрый рост техники и все более и более частые перемены

[1]) Маркс. Теории прибавочной стоимости, том III, стр. 210.

в ней. А часто меняющаяся техника сама по себе уже создает крайнюю неустойчивость и переменчивый спрос. (Наиболее устойчивый характер быта существовал только в средние века, с его господством традиции и цеховщины в ремесленном производстве). Так растет интенсивность обмена внутри данной общественно-экономической единицы, опережаемая в то же время еще более интенсивным производством товаров.

Необходимость их сбыта толкает в свою очередь к поискам внешних рынков, к искусственному внедрению продуктов цивилизованного мира среди отсталых народов.

Во всяком случае территориальное расширение сферы товарного хозяйства представляет собою, с одной стороны, необходимое условие возникновения и развития капитализма, а с другой—его результат. Оно находит себе естественные границы—в «ограниченности земли». Еще в 1858 году Маркс считал этот процесс начерно законченным, хотя последующие факты показали, что это было начало, а не конец. «Собственно, задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить мировой рынок, хотя бы в общих чертах, и установить производство, покоющееся на его основе. А так как земля—шар, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии это дело закончено» [1]).

Постоянно растущее разнообразие «богатства, ищущего наслаждений», разнообразие потребительных стоимостей предполагает разнообразие сфер производства и следовательно разностороннее снабжение капиталистического общества средствами производства. Отсюда постоянно растущий спрос на сырые материалы, как для старых отраслей, требующих непрерывного увеличения количества сырья, так и для новых видов промышленной деятельности, для которых необходимые сырые материалы должны быть специально культивированы.

Расширение сферы обмена разрешает и этот вопрос. Благодаря ему капиталистическое производство и капиталистическое накопление становится совершенно независимым от натуральной формы продукта труда данной страны и превращается в чистое производство стоимости. Вот почему Маркс считает возможным, анализируя кругооборот общественного капитала, отвлекаться от внешней торговли.

Благодаря внешней торговле, накопление капитала в стране может происходить в любой материальной форме: страна может богатеть исключительно производством предметов роскоши, хотя сами по себе эти предметы не только не могут способствовать росту производства, но, наоборот, в большинстве случаев представляет собою простую растрату производительных сил. Этим определяется факт существования многих стран, являющихся представителями так называемых монокультур. «Этим определяется все общественные отношения отсталых наций, напр., рабских стран в Северо-Американских Соед. Штатах (см. Cairnes) или Польши и т. д., которые связаны с мировым рынком, покоящемся на капиталистическом производстве. Как бы ни был велик прибавочный продукт, который такие страны извлекают

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, перевод Адоратского, Гос. Изд., стр. 74.

в простом виде, как хлопчатую бумагу или хлеб из прибавочного труда своих рабов, они могут остаться при этом простом недифференцированном труде, меж тем как внешняя торговля дает им возможность (превратить) этот простой продукт в любой вид потребительной ценности» [1]).

Такие «монокультуры» обязаны своим существованием капитализму не только в том смысле, что он образует для них рынок сбыта, но и в другом отношении. «Постоянное превращение рабочих в «избыточных» вызывает в странах крупной промышленности вынужденную эмиграцию и ведет к колонизации новых стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, напр., превратилась в место производства шерсти. Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее известные части земного шара в области земледельческого производства по преимуществу, а другие—в области промышленного производства по преимуществу. Эта революция стоит в тесной связи с переворотом в земледелии... Самое экономическое развитие Соед. Штатов есть продукт европейской, в особенности английской крупной промышленности. Соед. Штаты в их современном виде (1866 г.) все еще следует рассматривать, как колонию Европы» [2]).

Правда, это была своеобразная колония, от которой в скором времени европейской метрополии пришлось защищаться введением ряда защитительных пошлин на американские продукты. Поднять, по выражению Парвуса, «бунт» против своей колонии. Тем не менее, капиталистическое развитие С. Штатов есть прямой результат европейского капитализма.

П. Маслов, следуя своей idee fixe—«закону» падения производительности труда в земледелии, изображает этот процесс по своему:

«В мировом хозяйстве перераспределение производительных сил происходит таким образом,—так как при редком населении получается большая производительность труда, то оттуда и начинают вывозить продукты сельского хозяйства. Там, где более плотное население, там более низкая производительность труда, и туда ввозят продукты сельского хозяйства. Так как производительность труда определяет издержки производства, то там развивается обрабатывающая промышленность. Значит, при образовании мирового хозяйства, на мировом рынке происходит перераспределение производительных сил, при котором из редко населенных районов хлеб начинает поступать на мировой рынок. При этом замечается такая тенденция, что поступление на мировой рынок, главным образом, зерновых продуктов и продуктов животноводства, все более отдаляется от мирового рынка» [3]). По Маслову, само возникновение обрабатывающей промышленности в странах плотного населения есть результат падения производительности земледельческого труда в них. Переселение из этих стран в колонии происходит под влиянием абсолютного

---

[1]) Теории прибавочной ценности, I, стр. 201.
[2]) Капитал, том I, стр. 449—450.
[3]) П. Маслов, Влияние расстояния на распределение производительных сил, Москва 1926 г., стр. 19—20.

перенаселения, ибо средства существования растут медленнее числа рабочих рук, применяемых в сельском хозяйстве. Н стоит распространяться о том, что эта теория как две капл воды похожа на теорию Мальтуса, от которого Маслов в той ж книжке **на словах** открещивается, что она ничего общег с теорией населения Маркса не имеет. Уместно только задаг следующий вопрос: если в странах плотного населения падае производительность труда, то откуда же берутся там капитал для создания и мощного развития обрабатывающей (а такж и добывающей, напр., угольной) промышленности? И почем эти страны «низкой производительности» находят возможным и: быток своих капиталов экспортировать туда, где и без тог земля течет молоком и медом? Претендуя создать на основ пресловутого «закона» свою теорию развития мирового хозяйств: Маслов совершенно игнорирует такие существенные, напр., дл мирового хозяйства факты, как **иммиграцию** в страны пло ного населения, рабочей силы для работы в промышленност как **вывоз** продуктов сельского хозяйства из плотнонаселе ных земледельческих стран (из Индии, напр.) и т. д. Теори падения производительности труда должна неминуемо приве Маслова к рикардианской точке зрения, согласно которой к питал экспортируется из страны менее производительного страну более производительного труда, смешав закон падени нормы прибыли с падением «производительности капитала». Это неизбежный результат пренебрежения общественными форма при анализе общественных явлений. К этим вопросам мы н деемся еще вернуться в следующей статье.

Для возмещения своих продуктов продуктами другой м териальной формы капитализм вовсе не нуждается в том, чтоб эти последние были обязательно произведены капиталистическ путем. Он их находит и берет в любой сфере, при любы общественно-экономических формациях. Огромные массы сыр и пр. материалов для капиталистического производства до с пор доставляет некапиталистическая среда, «третьи лица». Э продукты превращаются в капитал уже после своего отч ждения, в руках капиталиста. Поскольку капиталистическ промышленность требует постоянного возобновления этих за сов, она тем самым **попадает в известную зависимос от этой некапиталистической среды**. «В этом смыс капиталистический способ производства обусловлен способа производства, находящимися на иной, чем он, стадии развит Но его тенденция заключается в том, что он, по возможнос всякое производство превращает в товарное производство; гл ным средством для этого служит вовлечение этих способов п изводства в процессе его обращения, а развитое товарное про водство само уже является капиталистическим товарным про водством. Проникновение промышленного капитала повсюду ус ряет это превращение, а вместе с ним и превращение всех не средственных производителей в наемных рабочих» [1].

Блестящие иллюстрации того процесса, при помощи ко рого совершается «приобщение» отсталых стран к благам питалистической цивилизации дала, как известно, Роза Л

[1] Капитал, том II, стр. 84.

сембург. Однако выводы Маркса прямо противоположны выводам Розы Люксембург. Ликвидация некапиталистического окружения должна, по мнению Люксембург, поставить капиталистическое общество в невозможность существовать. Наоборот, по Марксу, поскольку речь идет о питании капиталистического производственного процесса продуктами некапиталистической среды, разложение последней, превращение ее в капиталистическую среду обеспечивает **более регулярное** воспроизводство сырья, чем это доступно докапиталистическим формам хозяйства.

Включение всех стран в сеть мирового обмена предполагает, разумеется, международное разделение труда. Известно, какое значение придавали фритредеры свободной торговле, которая должна дать возможность каждой стране сосредоточиться на производстве тех товаров, для которых имеются наиболее благоприятные естественные условия.

Как в других вопросах экономики, так и в области разделения труда буржуазная экономия усматривала, во-первых, естественное проявление человеческой природы, а во-вторых, вмешательство абсолютного разума. Адам Смит, напр., впервые исследовавший систематически вопрос о разделении труда (в мануфактуре), понимал связь, которая существует между степенью разделения труда и размерами рынка, но все же в качестве конечной причины он выдвигал «человеческую природу, которая проявляет непреодолимую склонность (напр.) к обмену» [1]. Природа буржуазного общества была об'явлена, таким образом, образцовой естественной природой. Не далеко ушли от Смита и позднейшие экономисты, в том числе и Ф. Лист, который, исходя из тех же общих требований человеческой природы, указывал на особое значение проблемы **соединения** труда, промышленного и земледельческого, в пределах одной и той же страны. Маркс подошел к вопросу о разделении труда с точки зрения исторической, связав его с основами капиталистического способа производства. Прежде всего он указал, что система разделения труда не представляет из себя чего-либо постоянного, а меняется вместе с изменением экономических условий. Ремесленное разделение труда не похоже на мануфактурное, мануфактурное не похоже на разделение труда в эпоху машинного производства. «Развитие (мануфактурного) разделения труда предполагает предварительное соединение рабочих в одной мастерской» [2]. А такое соединение уже предполагает капиталистическое производство. Таким образом, «прогресс» разделения труда не есть результат саморазвития естественного разума, а следствие развития капитализма. «Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности [3]. Но когда же осуществляется эта основная форма разделения труда? Только с развитием машинного

---

¹) Цитирую по немецкому изданию: A d. **Smith**, Wesen und Ursachen des Volkswohlstandes, S. 19.

²) Нищета философии, стр. 111.

³) Капитал, т. I, стр. 343.

производства. «Только крупная машинная индустрия доставляет прочный базис для капиталистического земледелия, радикально экспроприирует подавляющее большинство сельского населения и довершает разделение земледелия и домашней сельской промышленности, вырывая корни последней: пряденье и ткачество. А, следовательно, только она завоевывает для промышленного капитала весь внутренний рынок» [1]). Но теми же путями завоевывается и внешний рынок. Разрушительное действие капитала, вооруженного машинной техникой, сказывается далеко за пределами страны. «Дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и сношений служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая на последних ремесленное производство, машинное производство приводит эти рынки к принудительному превращению в области производства соответствующего сырого материала. Так Ост-Индия была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, джут, индиго и т. д.» [2]). Вместе с развитием механической индустрии внешняя торговля вообще начинает брать перевес над внутренней. «Изобретение машин докончило отделение мануфактурной промышленности от земледельческой. Ткач и прядильщик, соединенные раньше в одной семье, были разделены машиной. Благодаря этой последней, прядильщик может теперь жить в Англии, в то время, как ткач находится в Восточной Индии. До изобретения машин промышленность каждой страны направлялась, главным образом, на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия—лен, Франция—шелк и лен, Восточная Индия и Левант—хлопок и т. д. Благодаря применению машин и пара, разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже единственно от всемирного рынка, от международного обмена и международного разделения труда» [3]). Такая зависимость очень часто наносит тяжелые удары промышленности, если ей не удается достаточно быстро разложить докапиталистические отношения в колониальных и отсталых странах. Так, Маркс неоднократно останавливается на тех усилиях, которых стоила англичанам работа по превращению Индии и Китая в Хинтерланд капиталистической промышленности. «Их торговля оказывает здесь революционизирующее влияние лишь постольку, поскольку они дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную интегральную часть этого единства промышленно-земледельческого производства, и таким образом разрывают общину. Но даже здесь это дело разложения удается им лишь очень медленно. Еще менее оно удается им в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит им на помощь. Большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности, в цену которых входят faux frais повсюду пронизывающего их процесса обращения» [4]).

[1]) Там же, стр. 772—773.
[2]) Там же, стр. 449.
[3]) Нищета философии, стр. 112—113.
[4]) Капитал, том III, часть 1, стр. 318.

Известно, какими методами капитализм преодолевает эти препятствия: они целиком копируют приемы эпохи «первоначального накопления», которые, таким образом, не только предшествуют возникновению капиталистического строя, но служат ему постоянным спутником, сопровождающим его победное шествие по земному шару. Роза Люксембург посвятила блестящие страницы своего труда описанию этих методов, но она дала только добавочную иллюстрацию к положениям, задолго до нее формулированным Марксом.

Разделение труда между членами одного и того же общества—ремесленное, мануфактурное и т. д. — имеет своим первоначальным исходным пунктом естественные половые и возрастные различия в пределах семьи и рода. Возникши на естественной основе, оно в своей дальнейшей эволюции подчиняется уже целиком законам общественного развития.

То же самое относится и к системе международного разделения труда. Первоначально оно существует в виде естественных различий в формах производства и существования самостоятельных общин, находящихся в зависимости от различий в окружающей природе. Обмен, возникающий между общинами, застает эти различия, как готовый исторический факт, и только связывает между собою эти разнородные сферы производства, тем самым превращая каждую из них в зависимую часть совокупного общественного производства. Дальнейшая судьба этого междуплеменного, международного, межгосударственного разделения труда находится уже в зависимости не столько от естественных условий, сколько от условий самого экономического развития. Попытки свести многообразное международное разделение труда в современную эпоху к естественным, географическим, расовым и т. п. условиям Маркс жестоко бичует и высмеивает, называя их плоскими тавтологиями и общими местами (см. «Введение к критике политической экономии»).

«Нам говорят, например, что свободная торговля вызвала бы международное разделение труда и тем указала бы каждой стране тот род производства, который наиболее соответствует естественным выгодам ее положения. Вы можете подумать, господа, что производство кофе и сахара представляет собою естественное призвание Вест-Индии.

Двести лет тому назад природа, очень мало думающая о торговле, совсем не разводила там ни кофейных деревьев, ни сахарного тростника. И не пройдет, быть может, пятидесяти лет, как там нельзя уже будет найти ни кофе, ни сахару, так как вооруженная дешовыми средствами производства Ост-Индия уже начала победоносную борьбу против этого мнимого естественного призвания Вест-Индии» [1]).

Насколько верным оказалось это пророчество, показывает яркий факт изменения роли Соед. Штатов—важнейшей части «Вест-Индии»—в мировом хозяйстве. Что касается производства сахара, то «естественное призвание» к этому роду занятий было обнаружено в самой Европе, после того, как в земледельческой культуре широкое распространение получило свеклосеяние, которое пришлось защищать таможенными пошлинами от конку-

[1]) Маркс, Речь о свободе торговли.

ренции американского тростника, самой же Европой вызванного к жизни.

«В некоторых отношениях Европа прекрасно сумела сбросить с себя ту зависимость, в которую ее ставили колонии, пока она только от них могла получать известные товары. Если некогда ревностно искали экзотических продуктов для европейского рынка и европейской промышленности, то теперь не менее ревностно стараются создавать в Европе местные суррогаты колониальных продуктов. Тростниковый сахар заменяется свекловичным, индиго заменяется химической краской; картофель начинают сеять в Европе, и он достигает здесь колоссального распространения; хотя в меньших размерах, но все же успешно начинает культивироваться в Европе и табак. На-ряду с этим, впрочем, начинают потребляться новые продукты, которые привозятся из-за моря. Первое место среди них занимает петролеум (керосин). Как известно, он чрезвычайно быстро вошел во всеобщее употребление во всей Европе. Но с неменьшей быстротой и успехом с ним начали конкурировать газ и электричество. Как предмет употребления в конце XIX столетия довольно широкое распространение получил какао; как сырье для промышленных целей начали распространяться джут и каучук. Однако какао вместе с кофе уже и теперь должен вести тяжелую борьбу против конкуренции различных суррогатов кофе, а по мере того, как каучук находит себе все большее применение в промышленности, промышленная техника все ревностнее старается найти суррогаты для него. Получается такое положение: с одной стороны, Европа перестает нуждаться в колониях, как в поставщиках чисто колониальных товаров, с другой стороны, из-за моря все больше ввозится продуктов, которые Европа сама производит с древнейших времен: зерновой хлеб и шерсть[1]).

Естественно-исторические, расовые и пр. условия, конечно, имеют свое значение в системе международного разделения труда. Но огромный шаг вперед, сделанный марксистской экономией, состоял в доказательстве того, что естественные различия стран все более и более отступают на задний план по сравнению с различиями культурно-исторического порядка. Последние же непрерывно сглаживаются в общем ходе капиталистического развития, являясь только функцией капитала, и в то же время постоянно возникают вновь, ввиду неравномерности капиталистического развития в разных странах. На этой почве происходит непрерывное перемещение и перераспределение географических центров производства и обмена. Мировой рынок является более сильным определяющим фактором, чем климат, почва, раса и т. п. Перечисляя условия, определяющие степень производительности труда, Маркс отводит естественные условия на последнее место:

«Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, раз-

[1]) Парвус, Колониальная политика и крушение капиталистического строя, стр. 124.

мерами дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями» [1]). Но при этом нужно принять во внимание, что и сами естественные условия не остаются постоянными. «Человек, который занимается общественным производством, также находит уже измененную природу (напр., силы природы, превращенные в органы его собственной деятельности» [2]). Но даже тогда, когда естественные условия не подвергаются изменениям, их использование человеком находится в зависимости от степени культурного развития страны. «Внешние естественные условия экономически распадаются на два большие класса: естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д. На низших ступенях культуры—первый род на высших—второй род имеет решающее значение» [3]). С другой стороны, те естественные условия, которые можно отнести к субъективным элементам производства—расовые особенности, также в большинстве случаев подчинены общественным законам. «Не все народы имеют одинаковые особенности для капиталистического производства. Некоторые первобытные народы, как турки, не имеют для этого ни темперамента, ни характера. Но это исключения. С развитием капиталистического производства создается средний уровень буржуазного общества и вместе с тем темпераментов и характеров у различных народов. [Этот способ производства] в сущности является космополитическим, подобно христианству» [4]).

Измененная естественная среда, унаследованные культурно-исторические особенности все-таки прикреплены к условиям пространства и времени. Люди «не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой всей их истории,—потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы,—это результат практической энергии людей, но сама энергия ограничена условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения» [5]).

Приведенная выписка, таким образом, устанавливает те причины, которые обусловливают известную иерархию в положении различных стран и народов. Это—унаследованная культурно-

[1]) Капитал, том I.
[2]) Теории прибавочной стоимости, том III, стр. 245.
[3]) Капитал, т. I, стр. 514.
[4]) Там же, стр. 351.
[5]) Маркс, Письмо к Анненкову,—Письма Маркса и Энгельса, стр. 7.

историческая среда, которая базируется на известном состоянии производительных сил. Но чем больше совершается накопление этих сил, тем больше содействуют они сближению разных наций и стран, тем больше истории народов об'единяется в общую историю человечества. В частности, как мы выяснили раньше, эту миссию выполняет капиталистический строй, революционизирующий все формы хозяйства, уничтожающий всякие исторические перегородки. Очень частые перемещения стран по лестнице разделения труда происходят, между прочим, под влиянием развития транспортных средств, совершенно изменяющего дислокацию центров производства и обмена [1]).

III.

Мы рассматривали до сих пор процессы развития мирового рынка с точки зрения тех движущих сил, которые *обусловлены противоположностью и противоречием между потребительной и меновой стоимостью товаров*. Но в связи с противоречием, заложенным в этих основных категориях товарного хозяйства, и на почве его возникает другое *противоречие между производством и потреблением, которое образует другую группу сил, ведущих к развитию мирового обмена*. Мы рассматриваем эту противоположность условий капиталистического производства и потребления отнюдь не в том смысле, какой придала ей Роза Люксембург. Люксембург пришла к выводу, что это противоречие *абсолютно* исключает возможность накопления в капиталистическом обществе, и, следовательно, возможность су-

[1]) Каутский указывает, что современное разделение труда между участниками мирового рынка основано, с одной стороны, на естественных различиях, с другой—вытекает из социально-экономических условий. Исключительному влиянию капитализма следует приписать разделение стран на индустриальные и аграрные типы, хотя естественные условия не вызывают необходимости такой вредной специализации. Но капитализм сам подготовляет условия, способствующие уничтожению этого деления, индустриализируя аграрные страны. Каутский полагает, что социалистический строй сведет международное разделение труда к размерам, обусловленным только естественно-историческим характером разных стран (См. его «Handelspolitik und Sozialdemokratie»). Не может быть, конечно, сомнений, что дело идет к ликвидации или, во всяком случае, к громадному ослаблению противоположности между индустриальными и аграрными странами, в смысле сближения экономических типов. Однако ожидать, что тем самым разделение труда сведется к «естественным границам», не приходится. Во-первых, сами эти естественные условия непрерывно меняются, отчасти сами по себе, отчасти под влиянием культурных изменений. А, во-вторых, даже в пределах одинаковых типов хозяйств возможна и неизбежна *в каждый данный отрезок времени* специализация в тех или других направлениях, вытекающая из социально-экономических, культурных, бытовых особенностей. Содержание, направление, формы могут меняться, «прикрепление» отдельных стран к специальным отраслям исчезнет, но «перемежающаяся» специализация остается, ибо трудно себе представить одновременное и совершающееся повсеместно одинаковым темпом и в одних и тех же формах экономическое развитие. «Меняются группировки потребностей, новые потребности вызывают новые искусства, новые искусства меняют распределение производственной энергии и придают значение новым частям земли» (Гобсон). Что касается специфических условий капитализма, то здесь действует целый переплет противоречивых тенденций, из которых одни способствуют сближению хозяйственных типов, другие создают новые противоположности. Большая часть из них связана с законом тенденции нормы прибыли к понижению и с противодействующими ей причинами, среди которых не последнее место занимает веберовская теория «агломерации» промышленного производства. Однако рассмотрение всех этих вопросов относится к дальнейшему.

ществования последнего—ведь без накопления капиталистическое хозяйство немыслимо. Спасательным поясом для капитализма должна явиться некапиталистическая среда. Таким образом, одно из основных противоречий капитализма, которое в системе Маркса является движущей силой его развития, в руках Розы Люксембург превратилось в плоское противоречие, делающее капитализм просто невозможным, т.-е. оказалось лишенным всякого диалектического содержания.

Еще в полемике с Прудоном, сетовавшим по поводу того, что распределение общественных богатств не соответствует тому, что должно было быть «в теории»—размерам производства, Маркс писал:

«Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась в течение семидесяти лет на 2.700 процентов, т.-е. в 1840 г. было произведено в двадцать семь раз больше, чем в 1770 г. Г. Прудон спросил бы: почему английский рабочий 1840 г. не сделался в двадцать семь раз богаче рабочего 1770 г. Такой вопрос заранее, конечно, предполагает, что англичане могли бы произвести все это богатство помимо тех исторических условий, при которых оно было произведено, т.-е. без накопления частных капиталов, без современного разделения труда, без употребления машин, без анархической конкуренции, без наемных рабочих рук, словом, без всего того, что основывается на антагонизме классов. Но именно эти-то условия и были существенно необходимы для развития производительных сил и возрастания излишка продуктов. Следовательно, чтобы развить такие производительные силы и такой излишек продуктов, необходимо было существование классов, из которых одни богатели, другие же погибали от нищеты... Уничтожьте эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество. Ваш Прометей превратится в привидение без рук и без ног, т.-е. без машин и без разделения труда, наконец, безо всего того, чем вы заранее его снабдили для получения излишка продуктов»[1].

Таким образом, антагонизм производства и потребления есть по Марксу противоречие, движущее вперед. По Розе Люксембург—это тупик капиталистического хозяйства. Маркс говорит: уничтожьте этот антагонизм и вы уничтожите само существование капиталистического общества. Роза переворачивает эту формулу вверх ногами: наличие этой противоположности уничтожает возможность существования капиталистического общества. Если оно тем не менее существует, то только потому, что оно существует лишь отчасти, поскольку рядом с ним еще имеются в наличности «третьи лица». Точки зрения, взаимно исключающие друг друга, при чем у Розы здесь явный уклон в сторону метафизической или формально-логической постановки вопроса: да—да, нет—нет.

Мы не будем здесь останавливаться на известной контроверзе по поводу теории Р. Люксембург. Наша задача дать характеристику марксовского понимания антагонизма производства и потребления. По Марксу противоречие состоит не в том, что прибавочная стоимость в условиях расширенного воспроизводства вообще не может быть реализована в пределах внутреннего потребительского рынка, а в том, что производство имеет

[1]) Нищета философии, стр. 86.

постоянную тенденцию обгонять даже расширяющееся в связи с ним потребление, ибо цель капиталистического производства—вовсе не удовлетворение потребностей. «Совершенно ложная абстракция: нацию, способ производства которой основан на стоимости, далее, которая организована капиталистически, рассматривать как собирательный организм, работающий только для удовлетворения национальных потребностей» [1]).

Капитал есть самовозрастающая стоимость, стоимость, которая, во-первых, находится в постоянном движении, во-вторых, совершенно «эмансипировалась от силы, создающей стоимость»—от рабочей силы, и, следовательно, от потребностей этой рабочей силы. Капитализм имеет постоянную тенденцию расширить производство до пределов, обусловленных размерами наличных производительных сил: «производство происходит соответственно производительным силам, т.-е. соответственно возможности при данной массе капитала эксплоатировать максимальное количество труда, не считаясь с существующими границами рынка, с платежеспособными потребностями» [2]). С другой стороны, он имеет не менее постоянную тенденцию сводить потребление рабочих масс только к необходимому минимуму.

«Масса производителей ограничена и, соответственно природе капиталистического производства, должна быть всегда ограничена средним размером потребностей» [3]). Эволюция потребностей этих слоев населения состоит, главным образом, в том, что увеличивается их разносторонность вместе с ростом разнообразия в производстве. Но общие размеры стоимости, предназначенной для удовлетворения этих потребностей, мало изменяются, и тем сильнее ощущается неудовлетворенность.

Увеличение производительности труда, которое есть постоянный спутник капитализма, еще более сталкивает эти полярные тенденции. «При одинаковом количестве продуктов страна тем богаче, чем меньше ее производительное население по сравнению с непроизводительным. Потому, что относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда» [4]). Если же рабочее население не уменьшается, если оно даже растет, то все же размеры производства растут еще быстрее, между тем как «среднее количество населения никогда не может потребить больше среднего количества жизненных средств, следовательно, его потребление не растет соответственно возрастанию производительности труда». Здесь дано общее условие перепроизводства. Однако это перепроизводство—не хроническое, ибо «перманентных кризисов не бывает». Оно должно нарастать до известной величины, чтобы прорваться наружу, как кризис, после которого наступает временное скрытое недопроизводство.

Равновесие между производством и потреблением, вытекающее из об'ективных законов хозяйства, которым должна, в конце концов, подчиняться и капиталистическая форма производства,

---

[1]) Маркс. Капитал, том III. ч. 2, стр. 389.
[2]) Теории прибавочной стоимости, том III, ч. 2, стр. 199.
[3]) Там же, стр. 200.
[4]) Теории приб. стоимости, том I, стр. 220.

существует только, как некая абстрактная средняя линия, представляющая собою равнодействующую постоянных отклонений, диспропорций, взрывов и катастроф.

Капиталистическое производство периодически наталкивается на ограниченность рынка и с такой же периодичностью испытывает необходимость расширить его географические границы. «Так как рынок имеет внешние географические границы, внутренний рынок ограничен в сравнении с рынком, который является внутренним и внешним; последний опять-таки ограничен в сравнении с мировым рынком, который опять-таки в каждый данный момент бывает ограничен, (хотя) сам по себе он и способен к расширению. Поэтому, если мы признаем, что рынок должен расширяться, чтобы не было перепроизводства, то тем самым мы признаем, что перепроизводство может получиться; ибо, так как рынок и производство (представляют) два самостоятельных (момента), то возможно, что расширение одного из них не соответствует расширению другого, что границы рынка не расширяются для производства достаточно быстро, или что новые рынки—новые расширения рынка—быстро могут быть обгоняемы производством, так что расширенный рынок теперь так же служит границей, как и раньше более тесный. Поэтому Рикардо вполне последовательно отрицает необходимость расширения рынка с расширением производства и возрастанием капитала»[1]).

Другими словами: если бы рынок и производство представляли собою, как думает Рикардо, две стороны одного и того же целого, представляли собой исключительно момент единства, то в таком случае никакой необходимости в расширении рынка не было бы. Но, по Марксу, между «рынком» и производством существует более сложная зависимость. Хотя они и представляют собою единство в том смысле, что производители, встречающиеся на рынке, в конце концов, работают друг для друга, но единство, формально разорванное на самостоятельные моменты: ибо производители работают независимо друг от друга, а, кроме того, рыночный обмен совершается при помощи денег, а не в форме натурального товарообмена. Следовательно, сумма покупок и продаж одних и тех же участников товарооборота, которая математически совпадает при непосредственном обмене (что и образует момент единства), при денежном обмене в каждый данный момент не совпадает. Единство здесь осуществляется не при каждом акте обмена, а только как статистическая средняя многих актов на протяжении большого периода времени. Во-вторых, при капиталистическом товарообороте самостоятельное движение производства и рынка получает не только характер различных, не совпадающих между собою движений, но движений противоречивых, противоположных: производство фактически безгранично, рынок (понимаемый, как рынок сбыта произведенных товаров) ограничен в каждый данный момент.

Разрешение этого противоречия достигается либо насильственным путем кризиса, либо путем географического расширения рынка, которое тоже в большинстве

1) Теории, т. II, 2, стр. 192.

случаев происходит насильственным путем. А затем противоречия воспроизводятся в расширенном масштабе, на более широкой территории.

Расширение рынка до пределов мирового рынка, помогая разрешению противоречий, возникших на узкой базе национального производства, воспроизводит эти противоречия в удесятеренном масштабе на мировой арене по трем причинам:

1. Перепроизводство возникает на почве диспропорции между различными сторонами процесса общественного кругооборота капитала. Эта диспропорция обусловлена неравномерностью развития различных отраслей хозяйства, неравномерностью производства потребления и т. п. Но расширение мирового рынка, ставя в зависимость друг от друга страны, находящиеся на разных ступенях экономического развития, увеличивает в десятки раз эту неравномерность. Это подчеркивает Маркс, высмеивая теорию Сэя о невозможности общего перепроизводства на примере небольшой «интернациональной» иллюстрации.

«Не Англия произвела слишком много, а Италия произвела слишком мало. Не было бы перепроизводства, если бы Италия, во-первых, имела достаточно капитала для возмещения английского капитала, который был вывезен в Италию в виде товаров; во-вторых, если бы она так затратила этот капитал, что он производил бы те именно предметы, в которых нуждается английский капитал как для возмещения самого капитала, так и для возмещения получаемого с того дохода; итак, имелся бы не факт действительно — если иметь в виду действительное производство в Италии—существующего перепроизводства в Англии, а факт воображаемого недопроизводства в Италии; это именно воображаемое недопроизводство, ибо: во-первых, в Италии предполагается такой капитал и такое развитие производительных сил, каких там не существует; во-вторых, здесь делается столь же утопическое предположение, что этот несуществующий в Италии капитал затрачен именно таким образом, как это было необходимо для того, чтобы английское предложение и итальянский спрос, английский спрос и итальянское производство дополняли друг друга. Это означает другими словами лишь следующее: не было бы перепроизводства, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу» [1]) и т. д.

Такая равномерность—утопия в пределах одной страны, и вдвойне утопия—при мировом рынке. Мировой рынок увеличивает, таким образом, масштаб раздирающих капиталистическое общество противоречий, вытекающих из неравномерности развития.

2. Мировой рынок способствует укрупнению размеров производства, дальнейшей специализации и разделению труда, что было бы невозможным при узких размерах национального рынка.

Сам по себе этот факт, не говоря уже о повышенной норме прибыли и накопления благодаря внешней торговле (об этом речь будет впереди), еще больше усиливает раствор «ножниц» между масштабом производства и размерами потребления. А это еще больше усиливает стремление к расширению за пределы

---

[1]) Теории прибавочной стоимости, т. II, 2, стр. 197.

существующего рынка, революционирует промышленность, способствуя ее концентрации и специализации. А потом промышленность революционирует торговлю. Вот причина, благодаря которой господство на мировом рынке перешло от торговых наций (Голландия) к промышленным (Англия).

3. Сталкиваясь на мировом рынке с докапиталистическими формами хозяйства, крестьянским и пр., находящимися еще в условиях натурального существования, капитализм должен прежде всего разрешить проблему создания рынка, разложения натурального строя и превращения его в товарное хозяйство, а затем и капиталистическое. Но путь к этому лежит через разорение крестьянства.

«Одно из необходимых последствий развития крупной промышленности заключается именно в том, что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем того самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьянство не может жить. Крестьяне разоряются, как крестьяне; их покупательная сила сводится до минимума, и пока они не обоснуются в новых условиях существования, в качестве пролетариев, они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов» [1]). Как известно, это был основной довод народников в пользу теории о неизбежности некапиталистической эволюции России, об «искусственности» капитализма у нас, об отсутствии для него внутреннего рынка.

Народники ошиблись в том же самом смысле, в каком ошиблась Роза Люксембург: они «доказали» больше, чем следовало. Из несомненного факта разорения крестьянства, сокращения покупательной силы населения и т. д. они делали вывод о «невозможности» капитализма, тогда как на самом деле эти симптомы свидетельствовали только о болезненных судорогах его роста, которые сопровождали повсюду первые шаги капиталистического способа производства.

Однако несомненно, что в тех явлениях, которые сопутствуют проникновению капитализма в отсталые страны современного мира, есть существенно новые элементы, делающие родовой кризис гораздо более острым.

Во-первых, первоначальное развитие капитализма в старых странах капиталистического производства началось с возникновения мануфактуры, которая, с одной стороны, очень медленно совершала процесс разложения ремесленной и крестьянской формы хозяйства, а с другой, сама на них опиралась. Кроме того, уже по своему характеру преобладающего ручного производства, мануфактура требовала больше рабочих рук, чем соответствующие размеры машинного производства. Таким образом, переход от самостоятельного хозяйства через разорение в ряды пролетариата, несмотря на громадные бедствия, которыми он сопровождался для народных масс, совершался все же относительно благополучно с точки зрения общественного производства в целом. Наоборот, в современные страны мелкого производства капитализм «ввинчивается» сразу при помощи железных

[1]) Письмо Энгельса к Ник.—ону,—Письма Маркса и Энгельса, стр. 300.

дорог и продуктов развитой машинной индустрии. «Химическое» действие машины кое в чем отличается от действия мануфактур. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что история не знает бунтов против мануфактуры, тогда как борьба рабочих с машиной есть необходимый этап в капиталистическом развитии каждой страны. Разрушительное действие современной индустрии на мелкое производство отсталых стран неизмеримо острее. Оно ввергает в ужасающую нищету сразу десятки миллионов.

Во-вторых, в европейских странах смена ремесла капиталистическим производством, отделение промышленности от земледелия происходило в такой форме, что мануфактуры, а затем и машинное производство возникали на том же самом месте, в той же самой стране, где происходила ломка старых форм хозяйства. Напротив, проникновение капитализма в азиатские страны, в страны Восточной Европы и пр. выражалось не в форме организации там капиталистического производства (по крайней мере—в начале), а в форме организации сбыта капиталистически произведенных товаров, центры производства которых находились в Европе. Китай, Индия и пр. получали на свою долю все бедствия первоначального периода развития капитализма, не приобретая его положительных результатов.

В-третьих: Европейский капитализм, даже в лице мануфактуры, получил свой первый толчок от мировой торговли и от потребностей колониальных рынков. Они создали для него широкий фундамент расширения производства, независимого от потребностей внутреннего рынка. «При относительно малом количестве рабочих, завещанных средними веками, потребности новых колониальных рынков не могли быть удовлетворены, и мануфактуры в собственном смысле слова открыли тогда новые области производства сельскому населению, которое по мере разложения феодализма прогонялось с земли» [1]). Наоборот, капиталистическое производство, если оно даже организуется в новых странах, не только не имеет перед собой этих перспектив, но находится под сильнейшим давлением конкуренции более передовых капиталистических стран, отнимающих у него внутренний рынок.

В странах старого капитализма действует закон относительного сокращения переменного капитала, занятого в производстве, при абсолютном росте числа рабочих. Этот абсолютный рост обусловливается расширением капитала, в частности расширением отраслей, производящих орудия и средства производства. Но для тех более отсталых стран, которые только вовлекаются в процесс капиталистического производства, этот путь роста численности пролетариата закрыт наполовину или на три четверти. Первоначально они получают готовые товары из высоко развитых стран. Только понемногу они переходят к собственному производству товаров. Но производство орудий находится не в их руках. Азиатские страны до сих пор еще не вышли из марксовского второго подразделения капитала: производство предметов потребления. Отрасли тяжелой индустрии, которые в наибольшей степени поглощают рабочую силу, сосре-

[1]) Капитал, том I, стр. 426.

доточены не здесь, а в метрополии. «Как подарками для детской елки в настоящее время служит игрушечные железнодорожные поезда и пароходы с моторами, так приносят в Азию железные дороги целые бумагопрядильные фабрики [1]).

Все эти обстоятельства обусловливают общий характер катастрофичности, сопровождающей расширение капиталистического рынка, но не могут, конечно, ни приостановить этого расширения, не предотвратить развития капиталистических отношений и капиталистического производства повсюду, где эти отношения зарождаются. Доказательства—развитие Японии, Индии, Китая и т. д. в нашу эпоху. Если перечисленные нами условия противодействуют этому процессу, то есть не менее сильно действующие средства, содействующие ему, и среди них самое главное—экспорт капитала, о котором, однако, речь будет идти в другом месте.

Из сделанного нами анализа видно, что рынок сбыта капиталистически произведенных товаров, распространяясь все больше и больше вширь, на новые территории, по необходимости должен стать все более и более мелким рынком, убывать в своей относительной емкости. Это очень важное обстоятельство, которое, как мне кажется, недостаточно подчеркивалось до сих пор в литературе, и недоучет которого влечет за собой существенные пробелы в анализе причин империализма и пр. Очень часто, напр., ссылаются на грандиозность пространств и количество населения, которое обеспечивают, будто бы, неограниченный простор для дальнейшего расширения капитализма на более широкой базе. Такие указания чаще всего делаются буржуазными апологетами и их помощниками из лагеря II Интернационала. В самом деле: Индия, Китай вмещают почти половину населения земного шара, населения, едва затронутого капиталистическим хозяйством. Впору ли беспокоиться о рынках и т. п. Мы приведем по этому поводу несколько длинную выписку из того же письма Энгельса к Ник.—ону, которое мы выше уже цитировали:

«Капиталистическое производство, будучи переходною экономическою фазою, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся очевидными лишь по мере его собственного развития. Это стремление—создавать себе рынок и в то же время разрушать его—представляют как раз одно из таких противоречий. Другое такое противоречие, это то «безвыходное положение», к которому оно ведет и которое наступает скорее в стране без внешнего рынка, какова Россия, чем в странах более или менее способных к соперничеству с другими на открытом мировом рынке. Это положение без всякого видимого исхода находит, однако, себе исход у последних стран в героических средствах торговой политики, т.-е. в насильственном открытии себе новых рынков. Последний новый рынок, открывшийся этим путем для английской торговли и оказавшийся способным вызвать временное оживление благосостояния, это—Китай. Поэтому-то английский капитал так настаивает на по-

---

[1]) Парвус. Колониальная политика и крушение капиталистического строя, перевод Е. Грау, стр. 150.

стройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского земледелия и домашней промышленности: при чем здесь это зло не будет даже уравновешено хотя бы в некоторой мере развитием собственной крупной промышленности, а потому сотни миллионов народа будут поставлены тут в полную невозможность жить. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал раньше и которая затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами. Этот новый соперник в области труда начнет соперничать с американским, австралийским и европейским трудом на основе китайских понятий об удовлетворительном уровне жизни... И вот, если вся система производства в Европе не успеет перемениться ранее наступления этого момента, то ей придется приступить тогда к этой перемене [1]).

Вот где истинный источник «катастрофичности» нашей эпохи, поскольку речь идет о взаимоотношениях с «третьими лицами». Именно громадные размеры тех масс, которые капитализм приводит в движение, лишая их возможности жить, разоряя их, как крестьян, и не имея возможности превращать их немедленно в пролетариев — именно это есть основная причина того факта, что капитализм начал задыхаться. Колоссальные азиатские «резервы»—это не резервы капитала, а резервы его могильщика—пролетариата.

Тов. Бухарин отмечает одну сторону вопроса [2]), доставляемую «третьими лицами»: сверхприбыль и ее монопольный захват крупнейшими капиталистическими державами, которые порождают взаимную борьбу за пределы и пр. Это, несомненно, обстоятельства колоссального значения, но, взятые сами по себе, они не в состоянии полностью об'яснить современную эпоху. К ним необходимо прибавить то противоречие, которое так ярко отмечено Энгельсом и которое, между прочим, наилучшим образом об'ясняет причины особой революционности наиболее молодых стран капитализма. Это также целиком гармонирует со взглядами Ленина на причины, по которым капитализм «лопается» прежде всего в отсталых странах.

Однако мы еще вернемся к этой теме в другой связи.

Роль мировых капиталистических монополий, имеющая решающее значение для судеб капитализма, не должна заслонять в наших глазах действия других разрушительных сил, вызванных к жизни современным строем капитализма и независимых от той или иной формы последнего. Необходимо помнить, что и в период монополий продолжают действовать законы, вскрытые Марксом в эпоху капитализма свободной конкуренции.

С другой стороны, самый факт такого необычайно быстрого захвата всех земель, раздела всего мира немногими крупнейшими империалистическими государствами, который произошел в промежутке каких-нибудь тридцати с лишним лет (с 1880 г. по 1914 г.) должен заставить нас искать причины этого небывалого в истории явления в особых условиях капитализма нашей эпохи. Такое необычайное распространение вширь становится необ-

---

[1]) Письма Маркса и Энгельса, стр. 301.

[2]) См. Н Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр. 124.

ходимостью тогда, когда существуют особые затруднения, мешающие распространению вглубь. Экспансия заменяет в этом случае интенсивное разложение старых форм.

Во многих отношениях современная эпоха напоминает в мировом масштабе период конца XVIII и начала XIX века в Европе. Тогда капитализм ломал старые формы в Европе, вызывая в меньшем масштабе те самые явления, которые теперь наблюдаются в масштабе мировом. И тогда «вытесняемые крупной промышленностью рабочие (мануфактур и ремесла и т. д.) попадали в худшее положение, чем рабочие самой крупной промышленности» [1]). В рабочем классе этот период на-ряду с вспышками революционного движения, вызвал острую борьбу против машин, а в буржуазной экономии эта эпоха отразилась расцветом мальтузианства, видевшего источник всех бед в чрезмерном размножении людей. История повторяется. Виднейшие представители современной буржуазной науки, как, напр., Кейнс, снова обращаются к мальтузианству за об'яснением причин современных бедствий. Недавно Кейнс высказался в том смысле, что безработица в Англии вызвана чрезмерной населенностью ее. Но ту же мысль в более общей форме он высказал еще в своей первой книге, посвященной Версальскому договору. Он указывал тогда на перенаселение всей Европы, как на причину ее страданий. В том же духе он об'яснял и русскую революцию. «Великие исторические события часто бывают следствием вековых перемен в численности населения, а также и прочих фундаментальных экономических причин; благодаря своему постепенному характеру эти причины ускользают от внимания современных наблюдателей, которые видят в событиях следствие ошибок государственных людей или фанатизма атеистов. Таким образом необычайные происшествия последних двух лет в России, колоссальное потрясение общества, которое опрокинуло все, что казалось наиболее прочным: религию, основы собственности, землевладение, равно как политический порядок и сословную иерархию, являются, быть может, более следствием роста населения, нежели деятельности Ленина или заблуждений Николая; весьма возможно, что разрушительные силы чрезмерной плодовитости расы играют большую роль в разрыве оков, налагаемых на народ условностями, нежели могущество идей или ошибки автократии» [2]).

Апелляция к «законам народонаселения» свидетельствует лишь о бессилии современного капитализма справиться с собственными противоречиями, которые превратились в противоречия мирового масштаба и не могут быть устранены простым расширением «внешнего поля эксплоатации», как это было в XIX веке.

IV.

Если первоначальной почвой, на которой возник мировой рынок и международные экономические связи, было различие потребительских благ, создавшее предпосылку са-

[1]) Архив Маркса и Энгельса, т. I: Маркс и Энгельс о Фейербахе, стр. 241.

[2]) Кейнс, Экономические последствия Версальского мирного договора, стр. 6.

мого обмена и стоимости, то движущими силами этого процесса в его заключительной фазе становится различие стоимостей производства одних и тех же товаров в разных пунктах земного шара и обусловленное им разнообразие норм прибыли. Закон стоимости попрежнему остается основной пружиной движения. Но характер его действия изменился, первоначально оно выражалось в противоречии, заложенном в товарной форме хозяйства, противоречии между потребительной стоимостью и стоимостью. В дальнейшем перешло в противоречие между условиями производства стоимости и условиями ее реализации при капитализме. Затем оно переходит в противоречие между уровнем развития производительных сил и уровнем накопления, что выражается в различной величине стоимости и нормы прибыли в разных странах. Само собою разумеется, что господство одной из перечисленных форм не отменяет действия остальных. Тут существует теснейший переплет, усложняющийся вместе с ростом мирового рынка. Но окраску эпохи дает обыкновенно одна из перечисленных форм проявления закона стоимости. Последний период капитализма, характеризуемый преобладанием экспорта капитала, является ничем иным, как выражением господства третьей формы противоречия, которая вызывает не только перемещение товарных масс, но и перемещение самих производительных сил между странами.

Мы переходим теперь к более сложной и менее исследованной проблеме мирового хозяйства—к анализу стоимостных отношений в международном обмене.

Однако предварительно нам необходимо уточнить некоторые понятия, которыми мы оперировали до сих пор, как ходячими терминами («внешний рынок», «мировое хозяйство», «народное хозяйство» и пр.), хотя различные авторы вкладывают в них различное содержание. Нам необходимо разрешить здесь два вопроса: 1. Что следует подразумевать под термином «внешний рынок» или «внешняя среда» по отношению к данной экономической системе? и 2. Какой смысл следует придать классификации—«единичное хозяйство», «народное хозяйство», «мировое хозяйство»?

Как известно, понятие «внешний рынок» употребляется в экономической литературе в двояком значении. Чаще всего ему придается чисто географическое или политико-географическое толкование. Внешний рынок есть рынок, лежащий за пределами данной ограниченной территории, рынок другой страны, другого государства. Исключительно в этом смысле трактуется внешний рынок в буржуазной литературе. Поскольку речь идет о таких международных отношениях, которые определяются разнообразием продуктов, производимых в различных странах, разнообразием потребительских благ, создающим фундамент обмена и стоимости,—такое определение внешнего рынка вполне достаточно. Внешний рынок, есть рынок, доставляющий товары другой потребительской формы, чем те, которые доставляются из данной страны. Но и такой внешний рынок не должен вовсе совпадать с политическими границами.

Иначе встает вопрос о внешнем рынке с точки зрения проблемы реализации прибавочной стоимости. С точки зрения тео-

рии Розы Люксембург эта реализация возможна только на внешнем рынке, имеющем докапиталистическую хозяйственную структуру. В чистом капиталистическом обществе она невозможна. С марксистской точки зрения такой внешний рынок не представляет теоретической необходимости для капитализма, но практически он значительно облегчает проблему реализации. Во всяком случае, рынок с этой точки зрения должен быть не просто внешним в географическом смысле, но и экономически-внешним, иным по своей организационно-хозяйственной структуре, рынком «третьих лиц». Географическое понимание заменяется экономическим.

Однако когда мы подходим к вопросу о стоимостных отношениях в мировом хозяйстве, то оказывается, что понятие внешнего рынка с точки зрения этой проблемы должно отличаться от первых двух. Величина стоимости изменяется от страны к стране не только в зависимости от различия типов экономической структуры, но прежде всего в зависимости от среднего уровня производительности труда в каждой стране, от уровня производительных сил. Степень развития производительных сил может быть различна в странах, принадлежащих к одному и тому же экономическому типу. Этому различию между странами Маркс придавал очень важное значение. Мы знаем, что основная предпосылка трудовой теории стоимости—равенство производителей и равенство труда. «Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленного количества индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет, подобно всякой другой, одну и ту же человеческую рабочую силу, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует, как такая общественная рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время» [1]).

Но этот средний труд представляет собою величину, данную только для данного определенного общества в определенных условиях места и времени. «Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определенного общества представляет величину данную» [2]).

Еще определеннее Маркс говорит об этом в главе о национальных различиях зарплаты.

Различия этого рода представляют собою, по нашему мнению, решающий признак, по которому надо делить экономическую среду на внутреннюю и внешнюю, так как в нашу эпоху наиболее сильно действующим фактором международных отношений является различие стоимостей, обусловленное различным состоянием производительных сил в разных странах. Внешний рынок есть, таким образом, рынок страны, находящейся на иной ступени развития производительных сил. Само собою понятно, что при определении

[1]) Капитал, том I, стр. 5.
[2]) Там же, стр. 11.

уровня производительных сил речь может итти лишь о средних статистических наблюдениях.

При сравнении уровня производительности труда в разных странах могут возникнуть некоторые затруднения, которые, однако, являются мнимыми затруднениями. Производительность труда есть натуральный, а не ценностной показатель. Он служит лишь основанием для измерения ценности. Отсюда следует, что сравнивать производительность труда можно лишь в пределах строго однородной отрасли производства. Между тем хозяйство целой страны представляет собой сплетение разнообразнейших отраслей производства. Какой же коэффициент может выразить отношение производительности труда в двух или нескольких странах? Современная статистика легко справляется с этой задачей сведения к общему знаменателю разнородных явлений при помощи индексных средних. Достаточно знать отношения по отдельным отраслям, чтобы при их помощи построить абстрактный коэффициент (тотальный индекс), выражающий отношение производительности группы отраслей хозяйства в двух или нескольких странах. Так измеряется, например, движение производительности народного хозяйства во времени. Этот метод неприменим, однако, в тех случаях, когда та или иная отрасль представлена в одной стране и не представлена в другой. Нам думается, что гораздо удобнее воспользоваться другим «тотальным индексом», введенным в экономическую науку Марксом, а именно—средним органическим строением общественного капитала. Состав капитала служит у Маркса орудием сравнения относительной производительности труда не только в пределах однородных отраслей, но и между разнородными отраслями, например, между промышленностью и сельским хозяйством. Из современных статистиков этому вопросу уделяет большое внимание М. Смит (см., напр., ее «Очерки статистической методологии», «Экономические основы калькуляции» и др.). Необходимо здесь попутно отметить, что при таком методе сравнения понятие «органического строения капитала» придется перенести и на те формы хозяйства, которые не являются капиталистическими в собственном смысле (крестьянское, ремесленное и пр.). Это отнюдь не противоречит марксизму. Маркс в одном месте замечает, что при господстве капиталистической системы хозяйства категории, свойственные последнему, получают отражение так же и в докапиталистических формах, хотя они здесь выступают с иным социальным содержанием. Это дает право, с известной условностью, расширить применение капиталистических категорий за пределы капиталистических отношений, поскольку дело ограничивается узко-специальным вопросом.

Может показаться, что предлагаемое нами различие внутреннего и внешнего рынка по уровню производительности представляет шаг назад в сравнении с прежним делением по социально-экономической структуре, ибо оно заменяет общественный подход—техническим. Это указание неверно по двум причинам. Во-первых, деление по органическому составу общественного капитала есть экономическое, а не техническое деление (т.-е. оно включает в себе момент общественных отношений). Маркс неоднократно употребляет этот признак,

сравнивая передовые и колониальные страны. Сама производительность труда есть функция общественных отношений. Во-вторых, неправильно думать, будто деление экономических форм по структуре возможно только в виде сплошного противопоставления «капитализма» «феодализму», «натурально-патриархальному» строю и т. д. Внутри каждой из этих систем есть в свою очередь различные стадии и ступени, отличающиеся иным характером общественных отношений. «Торговый», «промышленный», «финансовый» капитал являются глубоко отличными друг от друга формами общественных отношений в пределах одного и того же широкого понятия «капитализм». Между тем, старое деление рынка по линии «капиталистический рынок» и «рынок третьих лиц» явно недостаточно, чтобы охватить различия этого второго порядка. Взаимоотношения между современной страной финансового капитала и «промышленной» (в узком смысле слова) страной почти в той же мере гетерогенны, как и отношения капитализма с третьими лицами. Вот почему мы полагаем, что классификация по уровню развития производительных сил способна в большей степени охватить разнообразие явлений международных экономических отношений, чем классификация по структурным признакам. Само собою разумеется, что последняя классификация этим не устраняется. Для определенных целей она может оказаться вполне пригодной.

Таким путем мы находим ключ к разрешению вопроса о соотношениях между единичным, народным и мировым хозяйством. В экономической литературе есть тенденция свести это трехчленное деление к двухчленному. Одни экономисты (главным образом, представители немецкой исторической школы—Бюхер, Шмоллер, Зомбарт и пр.) попросту зачеркивают мировое хозяйство, не признавая за ним никакого права на существование. Мировой обмен они признают вещью второстепенной с точки зрения национального хозяйства. Мировой рынок призван только заполнить «прорехи» в народно-хозяйственном организме. «Народное хозяйство»—вот центр, вокруг которого вертится мир и... историческая школа национальной экономии. Несколько более туманно ту же точку зрения защищает R. Calwer. Мировое хозяйство, по его мнению, не является «самостоятельным организмом», существующим рядом с народно-хозяйственными организмами, так как ему недостает существеннейших признаков организма: строгого расчленения и тесной взаимозависимости частей. Отдельные народные хозяйства еще слишком самостоятельны для того, чтобы их можно было рассматривать, как членов миро-хозяйственного организма. Поэтому можно скорее говорить о «хозяйстве мирового рынка» (Weltmarktwirtschaft), чем о мировом хозяйстве. Что разные страны неодинаково втянуты в мирохозяйственный оборот—это верно (эта различная степень участия особенно бросается в глаза, если брать процент внешнего оборота каждой страны в отношении к его общему торговому обороту). Но ведь и внутри народных хозяйств существуют громадные различия в «рыночности», напр., между крестьянским и фабричным производством. Далее небольшой процент внешнего торгового оборота в отношении ко всему торговому обороту может оказаться очень большим для отдельных важных отраслей промышленности, втянутых в мировое хозяйство. С другой сто-

...ны, чем крупнее народно-хозяйственная единица, тем больше будет при всяких условиях доля ее внутреннего оборота по сравнению с внешним. Отсюда, однако, вовсе не следует, что наиболее крупные страны являются наименее важными членами мирового хозяйства. Наконец, поскольку мировой рынок расширяется под влиянием расширенного производства, необходимо постоянно помнить, что и при расширенном воспроизводстве наибольшая часть продукта умещается в рамки простого воспроизводства. Из того факта, что прибыль составляет сравнительно небольшую долю по отношению ко всему годовому продукту, только круглый невежда может сделать заключение о ничтожном значении прибыли в системе капиталистического хозяйства. То же самое можно сказать о рассуждениях, отрицающих существование мирового хозяйства на том основании, что доля внешней торговли меньше доли внутренней торговли в народно-хозяйственном обороте. Признавать же существование мирового рынка, как экономической необходимости, и в то же время отрицать существование мирового хозяйства—вдвойне нелепо.

Роза Люксембург подвергла эту, с позволения сказать, «теорию» едкому и жестокому, но вполне заслуженному осмеянию в своей работе «Введение в политэкономию». Однако она сама также стоит на точке зрения двухчленной формулы с той лишь разницей, что вместо мирового она считает необходимым зачеркнуть «народное хозяйство». «Имеется ли, должны мы спросить прежде всего, в действительности то, что мы называем народным хозяйством? Разве каждый народ ведет какое-то обособленное хозяйство, какую-то замкнутую хозяйственную жизнь»,—спрашивает Роза, и отвечает на оба эти вопросы отрицательно.

Наконец, в русской литературе Бухарин сводит трехчленное деление к двухчленному путем устранения единичного хозяйства.

«Каждое из развитых в капиталистическом смысле хозяйств превратилось в своего рода «национально-государственный трест» [1]). Еще определеннее Бухарин высказывается в своей «Экономике переходного периода». «Единицами, составляющими систему современного мирового хозяйства, являются не единоличные предприятия, а сложные комплексы, «государственно-капиталистические тресты... Капиталистическое «народное хозяйство» превратилось из иррациональной системы в рациональную организацию, из бессуб'ектного хозяйства в хозяйствующий суб'ект... Вместе с тем отнюдь не уничтожилась ни анархия капиталистического производства вообще, ни конкуренция капиталистических товаропроизводителей.

Эти явления не только остались, но и углубились, воспроизводясь в рамках мирового хозяйства... Товарное хозяйство здесь вовсе не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь организованным распределением. Товарный рынок становится

---

[1]) Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, стр. 68.

лишь действительно мировым, переставая быть националь- ным»[1]).

В буржуазной литературе, признающей существование мирового хозяйства, делаются попытки провести между народным и мировым хозяйством не экономическую, а юридическую границу. К явлениям мирового хозяйства относят только ту группу отношений, которая подвергается регламентации и регулированию на основе международных договоров, конвенций и пр. Понятно, что главным выразителем этого направления должен быть немецкий профессор, который вообще не может представить себе каких-либо отношений без санкции свыше. Это Гармс. Вот его определение: «Мировое хозяйство есть совокупность взаимоотношений и взаимодействий между индивидуальными хозяйствами земного шара, обусловленных высоким развитием средств сообщений и регулируемых и поощряемых международными договорами». Об общем умонастроении Гармса достаточно свидетельствует такое заявление: «Нужно остерегаться обосновывать науку о мировом хозяйстве на фундаменте «капитализма», как бы это ни казалось удобопонятным».

Существует еще одна точка зрения в экономической литературе, которая, признавая существование мирового хозяйства на-ряду с народным, отрицает вместе с тем наличие каких-либо специфических особенностей в мировом хозяйстве, которые требовали бы создания особой экономической теории международных отношений. Проблемы «международного обмена», с этой точки зрения, существуют лишь постольку, поскольку к вопросам экономики примешиваются вопросы политики, поскольку «международные» отношения являются в одно и то же время и «междугосударственными». В русской литературе сторонником этих взглядов является Струве. Дело обстоит, однако, «совсем наоборот». Именно тогда, когда к вопросам международной экономики подходят с точки зрения политических границ, исчезает сама проблема. С экономической точки зрения решительно ничего не изменилось от того, что, напр., Рур и Лотарингия, входившие до войны в одно и то же политическое тело, теперь разделены границей. Теория экономических сношений между различными хозяйственными организмами приобретают смысл лишь в том случае, если эти организмы представляют разные хозяйственные типы или разные ступени экономического развития. Мы увидим в дальнейшем, что поставленная в такую плоскость, эта теория, не является противоположностью обычной теории обмена и стоимости, требует, однако, для согласования с последней, некоторого расширения, уточнения и видоизменения понятий, установившихся в экономической литературе. Правильно указывают, что и внутри той или иной страны, между различными территориями существуют отношения, напоминающие так наз. «международные» отношения. Мы их к «международным» (в условном смысле—трудно подобрать другой термин) и относим. Одни так-же мало изучены теоретически, как и другие. Это обстоятельство нисколько не суживает рамки теории, а, наоборот, открывает перед ней богатое поприще.

---

[1]) Н. Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 14.

Из сделанного нами краткого обзора видно, какая разноголосица существует в этом вопросе. Рискуя эту разноголосицу умножить, мы все же считаем необходимым отбросить все приведенные попытки упрощения классификаций и остаться при старом делении.

Что касается Розы Люксембург, то она, по нашему мнению, слишком поторопилась упразднить «народное хозяйство» на том основании, что народы не ведут в настоящее время обособленного хозяйства. Это—недостаточное основание. Ведь точно таким же образом можно «доказать», что и «единичные хозяйства» исчезли, поскольку они еще в меньшей степени обособлены от других хозяйств.

Правда, принципиальное отличие между «народным хозяйством», взятым в отношении к мировому, и единичным, взятым в отношении к народному, состоит в том, что первое отношение есть отношение двух анархических систем («псевдо-хозяйств» по терминологии Струве), а второе—выражает отношение организованной единицы к неорганизованному целому.

Но это различие лежит в другой плоскости и в данной связи не имеет никакого значения.

Важно установить, что отсутствие обособления еще не означает ликвидации данного экономического комплекса. Только в том случае народное хозяйство перестало бы существовать, как таковое, если бы развитие мирохозяйственных отношений окончательно стерло всякие различия между странами, будь это различия в структуре хозяйственных отношений, или в состоянии производительных сил. Но и те, и другие различия продолжают еще существовать, хотя есть тенденция к их ослаблению, поскольку капитализм становится всеобщей формой хозяйства (мы имеем здесь в виду восходящую линию развития капитализма, а не эпоху его упадка),—а «средняя интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны» [1]). Пока эти различия существуют, существует и «народное хозяйство», как реальная совокупность, обособленная от других хозяйственных комплексов и в то же время находящаяся с ними в регулярных экономических отношениях обмена и т. п.

---

[1]) Капитал, т. I, стр. 566.

Проблема материи[1]).

Густав Ми.

ПРЕДИСЛОВИЕ[2]).

Революция, совершающаяся в физике на наших глазах, не может не вызывать потребности в пересмотре всей системы методологических положений, лежащих в основе теоретического естествознания. Круг идей и методологические основы, на которых развивалась физика, неразрывно связаны с атомистическим и механистическим мировоззрением. На этом пути к концу XIX столетия физика достигла громадных успехов. В гениальном Г. Герце механистическое мировоззрение нашло своего наиболее яркого представителя. Механика Герца есть попытка «свести все многообразие физических явлений к движению простых однородных материальных точек, единственных подлинных кирпичей мироздания». Однако в дальнейшем своем развитии физика не пошла по пути, который намечал Г. Герц. Новые экспериментальные данные и развитие теоретической физики заставляют все больше и больше чувствовать недостаточность и неприемлемость механистического мировоззрения для обоснования современной физики. Это хорошо сознают все мыслящие физики. Еще в 1910 г. М. Планк в своей статье «Новейшая физика и механистическое мировоззрение» подчеркивает несостоятельность механистического мировоззрения.

Печатаемая ниже речь видного немецкого физика Г. Ми ставит своей задачей разобраться в вопросе о роли и месте механистического воззрения в современной физике. Эта речь не представляет чего-либо нового в отношении специального физического содержания. Ее интерес состоит в том, что мы имеем попытку критически подойти к основным понятиям современной физики.

Ми чрезвычайно убедительно показывает логическую несостоятельность механистического воззрения, несостоятельность его как основы современной физики. Но кроме этого он пытается наметить и основные вехи в вопросе о новом «мировоззрении», которое должно быть положено в основу современной науки. И здесь у него мы находим много интересных мыслей, весьма близко стоящих к диалектическому материализму. Ми понимает, что, отказавшись от механического толкования мира, мы должны поставить вопрос о том, как понимать движение и материю в этом случае. Место понятия о движении, как о простой пере-

---

[1]) Печатаемая статья появилась в издании Speyer u. Kaerner Universitätsbuchhandlung в 1925 г. и воспроизводит речь Г. Ми, произнесенную 26 I 1925 г.

[2]) Более обстоятельная оценка взглядов Ми и других естествоиспытателей будет дана в одном из ближайших номеров журнала. *Ред.*

мене места в пространстве, должно занять, по мнению Ми, более общее понятие, понятие изменения состояний.

Отбрасывая механистическое мировоззрение, физика, утверждает Ми, остается насквозь материалистичной, поскольку ее предметом всегда остается материальная (протяженная) субстанция, об'ективно существующая вне зависимости от нас.

Эти формулировки находятся в полном соответствии с основными положениями диалектического материализма. Если Ми сознательный материалист, то его диалектика «стихийна» и некоторые его утверждения вызывают все же сомнение.

Прежде всего Ми недостаточно понимает взаимоотношение непосредственного (чувственного) и опосредованного (разумного) знания. Если верно утверждение, что мы не можем остановиться на первом и должны перейти ко второму, то неверно, что разумное знание имеет дело с «абстрактными понятиями», с «серыми абстракциями». В действительности разумное знание делается все более и более конкретным. Так же неверно, что пустота или эфир есть нечто однородное и не поддается восприятию, что путом математических выводов можно понять образование узлов в эфире, что все многообразие мира можно свести к немногим математическим законам. В этих положениях у Ми проявляется влияние взглядов математико-механистического мировоззрения, против которого он борется в других отношениях.

Но, если здесь Г. Ми изменяет его критическая способность, то зато его замечания об исторической и психологической обусловленности механистического мировоззрения верны и остроумны.

Механистическое мировоззрение, дитя XVIII века, и до сих пор пленяет нас своею простотой и наглядностью. Но современная физика сложна, переросла это мировоззрение и отказывается уложиться в эти простые и ясные для здравого смысла положения. Однако здравый смысл, как давно уже заметил Энгельс, является плохим руководителем, если он выходит за пределы домашнего употребления и отваживается на теоретические исследования.

И Г. Ми правильно отмечает, что, продолжая в современной физике держаться за механистическое мировоззрение, мы ясности и наглядности здравого смысла приносим в жертву истину.

Задача нашего журнала не только знакомить с новейшими достижениями науки. Еще более важной является задача показать, как современная наука подходит к критике основных вопросов методологии и как в горниле революции в теоретическом естествознании выковывается диалектический подход к изучению природы.

Показать и развить ростки диалектики в современном естествознании, подвергая критике все реакционное, что в ней еще сохраняется,—составляет одну из главных задач естественно-научного отдела нашего журнала. Мы печатаем поэтому статью Ми как первую из ряда статей, изображающих те сдвиги в современной науке, которые несомненно содействуют укреплению диалектического материализма.

Ред.

* * *

Поверхностному мышлению кажется, что естествознание подтверждает сенсуалистическое мировоззрение. Однако, как это ни странно, если только правильно понимать методы естествознания, оно не только не поддерживает наивный сенсуализм, но представляет полное отрицание его. В самом деле, как только мы начинаем систематическое исследование мира, как чего-то независимого от нашей воли и чувств,—а именно в этом и состоит задача и деятельность естествоиспытателя,—нам приходится оставить простые, непосредственные представления, служащие первичным материалом для нашего познания. Мы заменяем их абстрактными и уже не имеющими чувственного содержания системами понятий, которые часто бывают уже совершенно не наглядными.

Свет для физика есть явление, протекающее независимо от воспринимающего его глаза. В большинстве случаев он наблюдает свет не непосредственно глазом, данным ему природой, а пользуется фотографической пластинкой, термоэлементом, болометром. Все эти инструменты являются как бы искусственными органами зрения, которые физик сам себе создает, и которые реагируют на свет ничуть не хуже, чем наши природные органы зрения.

Эти искусственные органы зрения представляют для физического исследования прежде всего то преимущество, что восприятия, например, при наблюдении света, свободны от суб'ективных обманов зрения и что наблюдения становятся по возможности об'ективными. Кроме того, и в этом их второе преимущество, посредством этих инструментов все стороны явления, подлежащие исследованию, могут быть определены с большей достоверностью и точностью, чем нашими глазами.

На примере одного из свойств света—его цвета—я постараюсь показать, как мало общего имеют чувственные восприятия с теми качествами явлений и вещей, которые интересуют физика.

Искусственный орган для различия цветов, который мы называем спектроскопом, показал нам как несовершенен наш глаз и как мало он приспособлен для анализа цветности света.

Наш глаз, например, воспринимает различные виды света как одинаковые, несмотря на то, что об'ективно они совершенно различны. Он неспособен различить смесь красного и желтого цвета от оранжевого, в то время как наш искусственный орган доказывает, что желтый и красный цвета никогда не могут быть соединены при смешении в однородный цвет. Каждый из цветов сохраняется при смешении неизменным, подобно тому, как два тона a и c при одновременном их звучании не смешиваются, а остаются неизменными. Разница в том, что наше ухо анализирует составной тон правильно в то время, как глаз не в состоянии разложить смешанный цвет.

Если бы наше ухо было организовано так же несовершенно, как и наш глаз, то оно воспринимало бы тона a и c, как некоторый средний тон.

Несовершенство нашего глаза в восприятии цветов идет так далеко, что спектроскоп дает нам возможность узнать целый ряд цветов, на которые наш глаз вовсе не реагирует.

Другими словами: существует целый ряд световых лучей, которые для нашего глаза вовсе не освещают мир.

В физике мы эти виды света называем ультра-фиолетовыми и инфракрасными лучами.

Для чистого физического исследования совершенно безразлично, возбуждает ли данный вид света наш глаз или нет. Физика показывает нам, что наш глаз вообще реагирует только на очень малую область из всего многообразия световых лучей.

Таким образом, для физики свет есть явление, происходящее во внешнем мире и совершенно независящее от нашего чувственного восприятия.

Мы могли бы сказать: в мире физики исчезают свет и богатство красок; они уступают место системе отвлеченных понятий, серой абстракции. Место живых ощущений в физической науке занимают числа.

Мы подчиняем все числу. Не только интенсивность физически воспринятых явлений обозначаются числом, но и целый ряд других свойств, так, например, «длина волны» определенного света есть номер для его цвета.

Несмотря на все это, в физике все еще проявляется известное стремление сохранить остатки чувственности даже в самых последних теоретических конструкциях.

Во многих книгах по физике, авторы которых не слишком хорошо разбираются в вопросах теории, мы, например, читаем, что последней целью физических теорий является сведение всех явлений к движению материальных частиц.

Движение материальных частиц—это нечто такое, что можно себе хорошо и наглядно представить: разве мы не видим в молекулярных теориях маленькие частички, из которых состоит материя, буквально толпящихся, роящихся и сталкивающихся друг с другом?

Этот остаток чувственного содержания наших восприятий, который как бы не позволяет нам окончательно углубляться в пустыню серых абстракций, служит причиной того, что взгляд, по которому все вообще сводится к движениям материальных частиц, кажется многим необходимым, хотя, как мы увидим, с научной точки зрения эта тенденция совершенно несостоятельна.

Человек от природы имеет наклонность к сенсуализму, в особенности физик и техник, и это, конечно, имеет свое основание.

Физика—и, пожалуй, все науки о природе—возникла не из потребности чисто созерцательного, пассивного познания. Она хочет познать природу для того, чтобы овладеть ею. Но законы природы можно постичь, а затем и использовать для своих целей, если мы, не входя в математические вычисления, составим себе о них некоторые чувственные представления.

И часто техник делает свое заключение на основании природного чутья, не прибегая к математическому анализу. Этим и об'ясняется потребность иметь наиболее наглядную, чувственную картину явлений.

Теоретику всегда придется считаться с этой потребностью, и именно поэтому он придумывает наглядные модели для иллюстрации процессов, не имеющих наглядного характера. Так, например, мы прибегаем к механическим аналогиям для уяснения электромагнитных явлений, а периодические колебательные явления света становятся яснее, если мы их сравниваем с колебаниями в упругой среде.

Но, поступая так, надо всегда помнить, что все эти механические аналогии непременно имеют какой-нибудь существенный дефект и что они никогда не могут в точности передать иллюстрируемое ими явление.

Всем хорошо известно, что учение об атомистическом строении материи в современной физике уже не играет роль гипотезы. Это учение составляет общепризнанную и безупречно экспериментально доказанную основу физики.

Подобно биологии, которая методом окрашивания может выделить из клеточки ту или иную ее составную часть и таким образом сделать ее видимой, физика знает также методы, которыми можно выделить отдельные, особо устроенные атомы из всех других. Посредством впускания воды можно достичь осаждение водяного пара на отдельных атомах в виде капелек и таким образом сделать эти атомы видимыми.

Хотя при такой постановке опыта нельзя узнать формы атома, но мы все же можем их сосчитать и доказать глазу их существование. Такие подсчеты атомов в самом деле много раз производились.

На этом примере мы достаточно ясно видим, как тонкая атомная структура материи может быть предметом экспериментального исследования. Существует множество других методов, исходящих из различных принципов и дающих полное соответствие результатов между собой. Посредством этих методов удалось вычислить с большой точностью число частиц, из которых состоит любое тело. Здесь я не буду приводить точных чисел, а ограничусь тем, что укажу порядок величины числа атомов. Твердые тела содержат в кубике, сторона которого равна 3 см., в круглых числах квадрильон атомов, т.-е. миллиард × миллиард атомов. Если мы представим себе кубик со стороной в 0,003 мм.—такой кубик можно увидеть при помощи хорошего микроскопа—то в прежнем кубике будет содержаться миллиард маленьких кубиков и каждый из таких кубиков будет содержать миллиард атомов. Твердые тела состоят сплошь из кристаллов. Так песчаник состоит из множества мелких кристалликов горного хрусталя; мрамор—из зерен известкового шпата. Излом металла обнаруживает своеобразное зернистое строение, а маленькие зернышки и есть частички кристаллов, из которых составлен металл. Каждый кристаллик содержит невообразимо огромное число атомов, и мы знаем, что атомы в кристалле расположены в строго определенном порядке. Они составляют тонкую и удивительно правильную решетку, которую, если химический состав кристалла не слишком сложен, можно исследовать в мельчайших подробностях.

Уже поднимается вопрос о том, нельзя ли при помощи рентгеновских снимков сделать атомную решетку непосредственно видимой для глаза.

Пока это не удается осуществить, но это, конечно, не значит, что этот вопрос спустя некоторое время снова не будет поставлен и при благоприятных обстоятельствах не сможет быть разрешен.

Не следует, однако, думать, что в кристаллической решетке атомы остаются совершенно неподвижными; напротив, они постоянно находятся в чрезвычайно быстром колебательном дви-

жении, гораздо более быстром, чем жужжащие крылышки маленького насекомого.

Мы можем с достаточной точностью определить среднюю скорость колебательного движения атомов и величину их отклонения от положения равновесия.

Движения отдельных атомов чрезвычайно многообразны и, выражаясь научным термином, совершенно нестройны и беспорядочны. Их можно сравнить с движением роя необычайно большого числа мельчайших насекомых. Таким образом, благодаря более глубоким методам исследования, которыми располагает физик, мы убеждаемся в том, что там, где наш природный глаз видит лишь мертвую и косную материю, царит непрерывное, многообразное, пульсирующее движение.

Разнообразие этих тончайших, скрытых от глаза движений, так велико, что оно всегда будет как бы смеяться над нашими попытками дать описание каждого отдельного движения во всех его деталях. Наука должна довольствоваться тем, что она может дать описание всех тонких и необычайно быстро сменяющихся явлений в грубых средних величинах.

Можно было бы думать, что эта атомистическая концепция материи, правильность которой в физике общепризнана и которая не допускает ни малейшего сомнения в своей истинности, должна неизбежно повести к механистически-атомистическому мировоззрению, которое утверждает, что все различные явления в конечном счете сводятся к движению материальных частиц, совершающихся по законам Ньютоновой механики. Однако эти механистические представления, кажущиеся столь вероятными, разбиваются об одно непреодолимое затруднение.

В явления, которые мы определяем в узком смысле слова как материальные, постоянно врываются действия и процессы, которые имеют свое пребывание только в пустом пространстве между атомами и материальными телами.

Остановимся прежде всего хотя бы на излучении, которое посылается материей в пустое пространство и в другом месте снова воспринимается материей; таким образом устанавливается связь между отдаленнейшими неподвижными звездами и землей.

Представление о том, что излучение есть явление в пустом пространстве, во все времена казалось физикам мало приемлемым.

Ньютон, основатель теоретической механики и родоначальник механистического мировоззрения, хотел преодолеть это затруднение тем, что он считал свет состоящим из потока (лучей) материальных частиц, которые с громадной скоростью выбрасываются светящимися телами.

Однако это представление о свете оказалось совершенно непримиримым с наблюдающимися явлениями интерференции и дифракции.

Эти явления показывают, что свет есть периодическое колебательное движение, распространяющееся постепенно от источника света, подобно тому, как звук распространяется от звучащего тела. В физике такие периодически распространяющиеся явления называем волнами.

Для того, чтобы сохранить механистическое об'яснение световых явлений, делались в достаточной мере фантастические предположения о том, что пространство между двумя материальными,

в собственном смысле слова, телами только кажется пустым, а на самом деле заполнено материей, состоящей из весьма тонких атомов. Эту материю называли эфиром.

Атомы эфира могли быть приведены в периодическое движение колебательными движениями атомов обыкновенной материи, гораздо большими по своим размерам, чем атомы эфира, точно так же, как атомы воздуха приводятся в движение несравненно большими по размеру колеблющимися колоколами. Явление распространения света в эфире должно совершаться точно так же, как и распространение звука в более грубом, по сравнению с эфиром, воздухе.

Если бы эти представления были правильны, если бы обыкновенная материя могла приводить в движение эфир, а эфир в свою очередь мог действовать, согласно известным законам механики на материю, то эфир должен был бы увлекаться движениями больших тел, в которых промежутки между атомами тоже заполнены эфиром, наподобие того, как вода увлекается двигающимся в ней пористым куском ткани.

Подобные движения эфира можно было бы доказать на опыте: например, движение эфира оказывало бы такое же влияние на распространение света, как воздушное течение на распространение звука.

Однако самые точные и тщательно поставленные эксперименты не могли обнаружить ни малейшего следа движения эфира, эфирного ветра.

Неотразимо напрашивалось заключение: «Эфир не приводится в движение атомами материи». Отсюда следует, что и свет не может состоять из колебательных движений частиц эфира, приводимых в действие атомами обыкновенной материи.

Но этим выводом окончательно разрушается представление о том, что все явления могут быть сведены в конечном счете к движению материальных частиц. Лишь очень медленно, с большим трудом завоевывало признание это положение. Установление его имеет, однако, большое значение для дальнейшего развития теории.

Только в последние годы прошлого столетия, главным образом, под влиянием голландского физика Г. А. Лорентца, эти взгляды на значение эфира получили общее признание.

Дальнейшее следствие развиваемых взглядов состоит в том, что эфир не есть вещество, состоящее из атомов, в котором совершаются движения. Среда, которая передает свет, будем ли мы ее называть «эфиром» или нет, есть не что иное, как само пустое пространство.

Под словом «эфир» в современной физике мы понимаем «пустоту», поскольку она является ареной физических явлений, а следовательно, и об'ектом физического исследования.

Что же понимаем мы под словом «пустое»?

Не что иное, как «совершенно однородное с самим собой» и поэтому «само не поддающееся восприятию». Действительно, мы можем воспринимать только различия. Оптически пустое—это значит вполне однородная, прозрачная, среда. Такую среду мы могли бы видеть только на границе, по ее отличию от окружающей ее среды. Воздух был бы для нас пуст, оптически не

поддавался бы восприятию, если бы в нем не носились мельчайшие частицы паров и не создавали неоднородности.

Тот факт, что мы можем воспринимать материю, что мы можем выделить часть ее и заключить в сосуд, то, что мы даже можем отличить некоторое количество материи, помещенное в сосуд от того, которое в нем находилось раньше, все это в конечном счете основано на том, что материя состоит из отдельных неоднородных атомов, которые мы, по крайней мере в понятии, можем строго различать.

Эфир, в противоположность материи, не может сам по себе быть воспринятым: мы не можем ухватиться за него, не можем наполнить им сосуд, так как он в полном смысле слова однороден и не обладает никакими неоднородностями, поддающимися различению.

Можно спросить: «пустое» разве не значит то же, что и «не существующее»? Здесь, конечно, дело в том, что понимать под словом «существует».

Можно было бы положение: «в пустом пространстве не существует ничего» понимать в том смысле, что в этом пространстве, пока в нем нет настоящих материальных частиц, не могут происходить никакие физические явления. В таком толковании это положение было бы ложным. Поэтому мы говорим: и «пустота» есть физическая субстанция, потому что она может быть наполнена физическими состояниями, интенсивность которых может увеличиваться от нуля до любых пределов, как мы это наблюдаем на периодических явлениях, выступающих, напр., под видом света. В этом смысле, в последнее время, мы снова в теоретической физике называем «пустоту» — «эфиром» после того, как некоторое время слово эфир находилось в забросе, благодаря тем злоупотреблениям, которые с ним совершали механистические теории.

Итак, эфир есть субстанция, которая остается для нас всегда недоступной, поскольку мы не можем ощущать, воспринимать ее, подвергнуть ее прямому непосредственному исследованию.

Но эта субстанция достаточно ясно обнаруживается для нас благодаря тому, что происходящие в ней явления связаны с явлениями в материальных телах, и поэтому она может быть исследована косвенными путями. Но что же это за состояние, которые могут происходить в пустоте и ни в коем случае не состоят из движения материальных частиц? Что это за состояния, периодическая смена которых составляет свет?

Нельзя ли эти состояния наблюдать вне зависимости от периодических возмущений, как статические состояния эфира, и таким образом подвергнуть более тщательному исследованию?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы рассмотрим пустоту еще с другой стороны, как звено, соединяющее отделенные друг от друга материальные тела.

Как известно, материальное тело может оказать механическое действие на другое тело и через пустое пространство. Так, например, солнце как бы эластичными шнурами удерживает планеты около себя и препятствует им, следуя закону инерции, улететь в бесконечное пространство.

Эту связь мы называем тяготением или силою тяжести. Эта связь осуществляется не посредством каких-нибудь материаль-

ных связей между солнцем и планетами, а действует сквозь пустое пространство.

Известно, что уже Ньютон, открывший действие тяготения в планетной системе, считал факт передачи силы через пустое пространство связанным с большими логическими затруднениями, но не мог найти удовлетворительного выхода. В последнее время к этому затруднению так привыкли, что даже перестали считать его затруднением. Стали считать невозможным проведение механистической и атомистической теории без предположения, что существуют силы, действующие между частицами через пустое пространство.

Таким образом, окончательно утвердилось в науке так называемое непосредственное действие на расстоянии (дальнодействие). Согласно механистическому воззрению силы дальнодействия связывают материальные тела так, что всякое изменение в положении или конфигурации тел, удаленных на как угодно большое расстояние, мгновенно может быть обнаружено на месте наблюдения, по действию этих сил дальнодействия на наблюдаемые материальные тела.

Над тем, что предположение непосредственного действия на расстоянии противоречит основным положениям логики, мало задумывались.

Так как, принимая дальнодействие, мы не приходим в столкновение с аксиомами арифметики, то можно было прекрасно довести до конца все расчеты, не наталкиваясь ни на какие логические противоречия—и этим удовлетворялись.

В аналитической механике дальнодействие до настоящего времени играет большую роль, хотя в физике давно признана его несостоятельность и невозможность.

Замечательно, что существуют три различные силы дальнодействия, строго различаемые друг от друга: сила тяжести, электрическая и магнитная сила.

Ни одна из них не может быть сведена к другим. Они качественно различны.

Многим мыслящим физикам были не по сердцу эти таинственные силы дальнодействия, но первый, кто отважился освободиться от этих традиций дальнодействия, был Фарадей, гениальнейший из физиков XIX столетия. Фарадей является истинным творцом научной теории электричества. Он дал первый толчок к тому коренному преобразованию системы понятий в физике, которое не закончено еще и по сей день.

Согласно воззрениям Фарадей, так называемые силы дальнодействия передаются через среду. Мы можем представить себе действие электрической силы следующим образом: вокруг заряженного электричеством тела эфир приходит в особое состояние,—состояние электрического напряжения; это состояние делает его способным действовать на тела, заряженные электричеством. Когда тело заряжено электричеством, оно вследствие этого вступает во взаимодействие с эфиром или, употребляя термины механического описания, твердо с ним связывается. Оно воздействует на эфир, вызывая в нем состояние напряжения и в то же время оно испытывает со стороны эфира, находящегося в состоянии электрического напряжения, механическую силу.

Развитие физики со времени Фарадея привело к неопровержимому заключению, что состояние электрического напряжения в эфире составляет как бы первичное явление (Urphänomen), которое выражается в наблюдающихся воздействиях на материальные тела и не нуждается в механическом об'яснении.

Долгое время, потребность в наглядных картинах побуждала пытаться дать описание эфира, как сложного тела, состоящего из атомов, в котором, как и в обыкновенном теле, могут быть вызваны упругие натяжения, которые и обнаруживаются в действии электрических сил.

Все подобные попытки оканчивались неудачею, и причина неудач лежит в том, что, как было указано выше, механическое истолкование воздействия на эфир со стороны материальных тел вообще невозможно.

В состоянии электрического напряжения мы встречаемся с такой формой проявления эфира, которая не может быть истолкована механически, но, несмотря на это, может быть подвергнута систематическому исследованию, так как она выявляется в процессе взаимодействия с материей.

Экспериментальные исследования установили, что электрическое состояние эфира может быть связано причинной связью с другим состоянием эфира, обнаруживающимся в однозначно определенных действиях на особым образом приготовленные материальные тела.

Это второе состояние эфира мы называем магнитным состоянием.

Обнаружилось, что электрическое состояние может возникнуть, измениться или исчезнуть только в том случае, если в эфире наступают некоторые магнитные состояния, подобно тому, как упругие напряжения могут быть вызваны, изменены или уничтожены только в том случае, если в теле имеют место небольшие движения, которые сопровождают деформации тела, необходимо связанные с состоянием напряжения.

В свою очередь, магнитное состояние эфира может быть вызвано, изменено или уничтожено только появлением электрических напряжений, не находящихся в состоянии равновесия, которые как бы преодолевают силы энерции магнитного состояния. Появление магнитного состояния можно сравнить с появлением, изменением или уничтожением движений в упругих телах, которые предполагают наличность упругих напряжений, не находящихся в равновесии и преодолевающих силы инерции движения материальных тел.

Изучение закономерных связей между движениями и напряжениями в упругих средах составляет предмет теории упругости; закономерные связи между электрическими и магнитными явлениями в эфире составляют предмет учения об электричестве.

Подобно тому, как теорию упругости можно назвать механикой упругих тел, учение об электричестве можно, с известными оговорками, назвать механикой эфира.

Я должен еще раз подчеркнуть, что явления в эфире ни в коем случае нельзя отождествить с явлениями в упругой материальной среде—они совершенно не поддаются механистическому об'яснению. Однако их во многих отношениях можно сравнить с явлениями в упругой среде и благодаря этой аналогии можно

часто облегчить себе понимание совершенно не наглядных процессов в эфире.

Поясним это на примере:

Взаимодействие между упругими натяжениями и движениями инертной среды могут при соответствующих условиях совершаться периодически. Из теории упругости можно легко вывести законы этих периодических процессов—упругих колебаний и законы, по которым, при известных условиях, «упругие волны» распространяются в среде.

Точно так же взаимодействие между электрическими и магнитными явлениями в эфире может совершаться с правильной периодичностью, и из основных законов теории электричества можно вывести закон, по которому должны происходить эти явления, которые называются электрическими колебаниями, и каким образом они будут распространяться как электрические волны в пустом пространстве. Глубокое экспериментальное и теоретическое исследование и прежде всего работы Генриха Герца неопровержимо установили, что свет есть не что иное, как электрические волны.

Задача, о которой я говорил раньше, и которая заключалась в том, чтобы, создав стационарные состояния эфира, без быстрых периодических возмущений, вызываемых светом, затем без помехи заняться изучением законов этих состояний, таким образом вполне разрешена наукой. Эти стационарные состояния суть электрические и магнитные состояния эфира, и они не поддаются механическому об'яснению: они суть первичные явления.

Мы видели, что признание сил дальнодействия представляет необходимый постулат механистического мировоззрения и этот постулат противоречит логике естествознания. Но кроме этого есть еще одно понятие, о логическую недопустимость которого должно разбиваться механистическое мировоззрение. Это введенное Ньютоном в механику понятие инертной массы.

Странным образом, долгое время не замечали, что это понятие, так, как его толкует механистическое мировоззрение, логически недопустимо.

Часто, даже тогда, когда говорили, что наглядное механистическое об'яснение явлений природы состоит в сведении их к движению материальных частиц, не давали себе ясного отчета в том, что подобное движение только потому становится настоящим физическим явлением, что оно связано с действием сил, именно с силами инерции. Силы инерции выступают в теле всякий раз, когда изменяется состояние его движения.

Эти силы, конечно, не могут быть в свою очередь сведены к каким-нибудь движениям; механические теории должны их принимать как в последнем счете первичное явление.

Факт существования сил инерции, по крайней мере, так же загадочен, как и силы дальнодействия.

Я попытаюсь пояснить это на одном примере.

Когда мы спускаемся в лифте, то в первое мгновение, когда лифт начинает двигаться, мы испытываем странное ощущение, как будто наше тело стало легче; мы не стоим на полу лифта так твердо, как всегда.

Когда лифт доходит до конца, то в короткое время, когда он внезапно останавливается, мы, наоборот, чувствуем, что стали

как будто тяжелей и наши ноги давят на пол более сильно, чем всегда.

Силы, которые мы ощущаем в начале и конце движения, и есть силы инерции.

Они подобно силе тяготения распределяются на все точки тела; нам кажется, что они как бы не материальными нитями тянут все части нашего тела внутри и снаружи. Если бы движение было, как это утверждают старые механические теории, ни чем иным, как переменой места в пространстве, в котором не существует ничего, кроме материи, то было бы совершенно непонятно, почему возникают при изменении скорости эти силы инерции.

Они были бы физическими действиями, не имеющими никакой физической причины, и поэтому-то мы должны были сказать, что понятие инертной массы в механистической теории противоречит логике естествознания.

Все становится ясным, если мы пустое пространство будем рассматривать как физический об'ект, как эфир. В эфире, который проникает во все промежутки между атомами тела, появляются как реакция на изменение движения, новые состояния, которые и выявляются в теле как силы инерции.

Если правильно понимать этот ход мыслей, то со всей определенностью видно, что сведение всех физических явлений к движению материальных частиц с самого начала должно быть исключено. В самом деле, движения могут быть настоящими физическими явлениями только благодаря связанным с ними силам инерции, силы же инерции по самой своей природе не могут считаться первичными явлениями, так как они суть действие пространства, в котором происходит движение. Таким образом, движение материальных тел не может быть первичным явлением. к которому надо сводить все остальные.

Скорее наоборот, для сил инерции, сопровождающих движения, надо искать об'яснение в чувственно не наглядных, не воспринимаемых процессах, которые движение вызывает в эфире.

Этим самым мы приходим к новому и весьма важному положению: если движение материи при всех обстоятельствах воздействует на эфир, то существование материи, не находящейся во взаимодействии с эфиром, попросту невозможно. Не существует, следовательно, изолированных и самостоятельно, самих по себе, существующих атомов, как это утверждала старая атомистическая теория, основанная на механистических представлениях.

Как мы видели, связь между материей и эфиром есть то, что мы называли электрическим зарядом. В самом деле, в последнее время, независимо от общих рассуждений, которые мы здесь приводили, благодаря целому ряду опытных данных, неопровержимо доказано, что наименьшие составные части материальных тел, которые мы называем атомами, в свою очередь сами построены из более простых частей—протонов и электронов. Основное свойство этих последних состоит в том, что они обладают совершенно неизменным электрическим зарядом: протоны положительным, электроны отрицательным. Мы можем, следовательно, утверждать, что материя не может быть отделена от эфира, так как последние кирпичи материи постоянным и неизменным спо-

собой связаны с эфиром. Все механические силы, обыкновенные силы упругости, силы, с которыми тела действуют друг на друга при непосредственном соприкосновении, а также и силы, обнаруживающиеся при химическом взаимодействии атомов, мы должны представлять себе, как действия, обусловленные эфиром. Только через эфир возможны в конечном счете взаимодействия между атомами, мельчайшие частицы которых постоянно прочно связаны с эфиром. Эти представления, которые в последнее время завоевали себе всеобщее признание со стороны физиков, называют электрической теорией материи, потому что взаимодействие между материей и эфиром всегда по природе своего электрического характера, или точнее электрического и магнитного, потому что электрические явления необходимо имеют своим следствием магнитные явления. Силы тяготения, на которые мы раньше уже указали, как на третий вид так называемых сил дальнодействия, допускают, согласно новейшим теориям тяготения, между которыми наибольший интерес представляет теория Эйнштейна, толкование, как некоторый вторичный эффект, который всегда связан с появлением электрических состояний и который из мест наиболее интенсивных электрических напряжений в эфире распространяется во все стороны. Также и возникновение сил инерции в эфире делается совершенно понятным с точки зрения электрической теории материи. Когда заряженная электрическая частичка движется в эфире, она сопровождается электрическим напряжением, создаваемым ею вокруг себя. Для того, чтобы напряжения в эфире могли переноситься из одного места в другое, вокруг движущейся частички должно создаться магнитное поле. Если частичка движется с постоянною скоростью, то, как показывает теория электричества, магнитные состояния и электрические напряжения симметрично распределены вокруг частицы, как около центра, и потому не дают повода к появлению сил. Как только движение перестает быть постоянным, изменяется магнитное поле и благодаря его инерции выводятся из равновесия электрические напряжения.

Если частица совершает, например, ускоренное движение, то электрическое напряжение остается как бы позади нее. Позади частицы напряжение немного усиливается, впереди немного ослабляется, и следствием этой несимметрии напряжения является сила воздействия эфира на частицу: остающиеся позади напряжения эфира стараются воспрепятствовать ускоренному движению частицы. Эти силы есть не что иное, как силы инерции. Конечно, ни в коем случае нельзя утверждать, что явления движения и ускорения материальной частицы совершаются так просто, как мы только что изложили; многое указывает на то, что в действительности явления протекают гораздо сложнее. Однако об'яснение действия сил инерции принципиально ни в чем не изменится, если нам удастся прийти к полному, ясному во всех деталях об'яснению ускоренного движения. Во всяком случае мы видим, что возможность понимания сил инерции эфира дана вместе с электрической теорией материи.

Представление о сущности материи и ее связь с эфиром, к которому мы пришли, страдает, однако, существенным недостатком. Оно само по себе двойственно. Когда мы говорим об элементарных частицах, о последних кирпичах, из которых по-

строена материя, мы все же держимся механистических представлений, согласно которым материя является субстанцией физического мира. Когда же мы говорим об эфире и его состояниях, которые проявляются во всех физических явлениях, мы защищаем как раз антимеханистическую точку зрения, так как эфир и его состояние не поддаются непосредственному чувственному наблюдению. Подобное двойственное мировоззрение не может удовлетворить наш разум, и мы стараемся заменить это двойственное представление единым. Конечно, эти поиски единого мировоззрения должны совершаться со всею осторожностью, которая подобает экспериментальной науке, и все следствия, вытекающие из новой единой системы представлений, должны быть экспериментально проверены и подтверждены на опыте. После всего, что было нами сказано, мы должны поступать следующим образом: надо поставить под сомнение самостоятельное существование материальных частиц так, чтобы в нашей картине мира сохранить единую мировую субстанцию—эфир. То, что мы воспринимаем как элементарные материальные частицы, в нашей картине мира будут места, в которых эфир обнаруживает особое поведение, именно это будут места, где возникают электрические напряжения и в которых они достигают огромной интенсивности. Это будут как бы узлы электрических напряжений, точки сгущения электрической энергии напряжения. Все физические явления суть многообразие движений так называемых силовых линий, которыми мы наглядно изображаем состояние электрического напряжения в эфире. Если при движении линий сил передвигаются и их узловые точки, то мы воспринимаем это как движение материальных частиц. Если части силовых линий отделяются от области узловых точек и начинают свободно двигаться в пространство, то мы наблюдаем световые волны. Оптические явления мы уже не отделяем от чисто-материальных, потому что и те и другие суть изменения в одной и той же среде.

Таким образом, мы окончательно отошли от системы представлений старого атомизма: мир мы уже не представляем себе состоящим из отдельных атомов. Существует единая мировая субстанция, в которой все явления, как сложны ни были бы отдельные их детали, подчинены, вероятно, немногим основным законам, которые поддаются чрезвычайно изящной математической формулировке.

И в то же время нельзя отрицать, что прав атомизм, когда он утверждает, что материя состоит из огромного числа мельчайших частиц, которые в большинстве физических явлений остаются неизменными. Это положение доказывается, как я уже отметил в начале моего доклада, бесчисленным количеством физических и химических экспериментов.

Как же примирить подтвержденный опытом атомизм с развитыми нами воззрениями?

Этот вопрос и составляет то, что я называю «проблемой материи».

В то время, как старый атомизм рассматривал материю, являющуюся для него субстанцией физического мира, просто как данную, для нового физика вопрос о существовании материи пре-

вратился в проблему и, можно сказать, в самую глубокую проблему всей физики.

Эта проблема сможет быть разрешена, когда мы будем знать в окончательной, полной формулировке простые законы физики эфира.

Путем чисто математических выводов из этих законов мы сможем понять, почему в эфире образуются узловые точки электрического поля такой большой прочности и притом строго определенного вида: электроны и протоны.

Для решения этой глубочайшей и, возможно, последней проблемы физики ей остается пройти еще очень длинный путь.

До сих пор основные уравнения эфира нам известны лишь приближенно для некоторых особенных случаев. Мы знаем уравнения теории электричества, которые с большой точностью дают законы для состояния относительно слабых напряжений и к тому же в местах весьма удаленных от узловых точек в эфире; далее мы знаем основные уравнения механики, которые представляют среднее поведение больших материальных тел, построенных из множества узловых точек.

Только новейшие исследования стали заниматься физическими явлениями внутри отдельного атома, т.-е. в области непосредственной близости от отдельных узловых точек. Эти исследования строения атома составляют важнейший предмет новейшей физики и уже дали целый ряд замечательных закономерностей, которые теория квант старается привести в стройную систему. Надо, однако, сознаться, что мы еще очень далеки от единой математической формулировки теории квант и пока делаем ощупью первые шаги в этой области. Но о д н о положение составляет неопровержимый результат исследований в области строения атома: старая механика недостаточна для исследования внутриатомных процессов. Можно с полною уверенностью предсказать, что рано или поздно надо будет совершенно отказаться от представления, что узловые точки электрического поля, в особенности электроны ведут себя, как будто бы они были мельчайшими неизменными материальными частицами. Это представление об электронах, которое до сих пор стараются сохранить, есть не что иное, как отзвук, последний остаток некогда господствовавшего атомизма. Старая механика, считавшаяся раньше фундаментом всей физики, сейчас имеет значение, поскольку она дает с р е д н е е из необозримо огромного числа движения отдельных атомов, в то время, как отдельные движения подчиняются совершенно иным законам.

Подобно этому и понятие об н е и з м е н н о м электроне должно будет играть роль упрощенной модели, с помощью которой можно будет сравнительно просто вывести некоторые законы, в то время как узловые точки напряжений во внутриатомных процессах будут претерпевать разнообразные изменения.

Если мы бросим взгляд на развитый нами ход мыслей, то нам станет ясным что, несмотря на развитие и смену теорий, сущность физики остается тою же.

Если мы слово «материя» будем употреблять в несколько более общем смысле, чем это обыкновенно делали в физике, и будем понимать под материей, в противоположность духу, всякую субстанцию, имеющую протяжение, то на место старого

атома становится новая материя—именно эфир, и физика остается насквозь материалистичной, как того требуют ее строгие и неизменные методы: это значит, она знает только пространственные явления и протяженные, а не духовные субстанции. И все-таки, что за универсальная материя эфир, это тонкое вещество, являющееся в необозримом многообразии процессов природы и в то же время составляющее единство всего мира в его мельчайших частицах—атомах!

В этой субстанции мы можем себе мыслить многообразие всех явлений, подчиненным немногим простым математическим законам, из которых можно получить необычайно богатые содержанием следствия.

Вот та картина мира, которая кажется идеальной современному физику.

В истории человечества мы всегда можем заметить связь между различными движениями в области духовной жизни. Атомизм—дитя XVIII века и рационализма. Он носит отличительные черты рационализма: простоту, ясность, наглядность и легко доступен для понимания.

До сего дня сознательно или бессознательно мы все еще держимся за это творение XVIII века, и поэтому механистическое мировоззрение господствует над мышлением и над всем духовным миром естествознания.

Но мы уже начинаем понимать, что, подобно рационалистическим теориям, простота и ясность атомизма и механистических представлений возможна только потому, что этой простоте, в сущности, приносится в жертву истина. В самом деле, несомненно, было бы самообманом думать, что, исходя из атомизма и механистических представлений, можно построить последовательную картину мира. Поэтому-то мы и обращаемся к другой картине мира.

Я думаю, что эта новая картина являет некоторые характерные черты, свойственные всей современной духовной жизни: стремление к единству и к всеобщей связи физических процессов. Это стремление находится в резком контрасте с распадением мира на отдельные атомы. Очень интересно отметить, что, связанная с точным экспериментальным исследованием, физика идет по путям, которые совпадают с путями духовного развития в других областях.

V с'езд русских физиков.

Г. Е.

В 1920 г. происходил I с'езд русских физиков в Ленинграде (тогда Петрограде). С'езд этот положил начало последующим, почти ежегодным, с'ездам физиков. До войны имели место по образцу германских общие с'езды русских естествоиспытателей (и врачей), бывшие, каждый в своем роде, событием в истории русской науки.

Эпоха первого с'езда—60-е годы прошлого века—может считаться важнейшей вехой в этой истории.

С'езды обыкновенно заслушивают отдельные доклады, в которых излагаются результаты исследования в какой-нибудь специальной области; кроме того, ставятся обобщающие доклады, в которых подводятся итоги всех научных работ за известный период в той или иной области науки.

Первые, по сути дела частные и специальные вопросы, разбираются, главным образом, в секциях, вторые же, иногда тесно связанные с теорией познания, с методологией, с философией, разбираются (или заслушиваются) на пленарных заседаниях с'езда.

Если по форме V с'езд физиков (фактически бывший всесоюзным) не отступил от этой традиции, то по содержанию он значительно уступает довоенным с'ездам,—в смысле постановки общих докладов, затрагивающих методологию науки.

Это мы отмечаем не только потому, что читателей нашего журнала будут интересовать больше всего именно эти вопросы, но и потому, что современная физика на каждом шагу упирается в методологию и философию.

К сожалению, с'езд как бы избегал этих принципиальных, методологических вопросов (конечно, бессознательно), а может быть отчасти и потому, что по недоразумению сложилось представление, что в советской стране все вопросы, не имеющие прямо технического или узко-специального значения, не представляют особого интереса.

Между тем именно в Советском Союзе, где разрабатывается новая научная методология (материалистическая диалектика), именно здесь нужно ждать от научных с'ездов более активного отношения к методологическим проблемам. Мало того, мы осмеливаемся высказать пожелание, чтобы наши научные с'езды взяли на себя задачу проработки широкими кругами научных работников важнейших проблем марксистской методологии, которые ставят на очередь развитие точного естествознания.

Посмотрим, что дал в этом отношении только что закончившийся V с'езд физиков.

На общих собраниях с'езда заслушаны были три речи: акад. А. Ф. Иоффе «Электрические свойства диэлектриков», акад. П. П. Лазарева «Современные проблемы геофизики» и проф. В. К. Лебединского «Эволюция понятия об энергии». Первая тема весьма интересна и имеет громадное значение в электротехнике. Здесь работы акад. А. Ф. Иоффе и его сотрудников обещают разрешить многие нерешенные до сих пор вопросы теории и техники (изоляторы (диэлектрики) и их электрические свойства). Вторая речь была посвящена вопросу о новых методах изучения геофизики посредством искусственного воспроизведения в лабораторных условиях некоторых геофизических явлений: морские течения, полярные сияния и т. п. Третья речь об эволюции понятия энергии должна была носить методологический характер, так как в ней был задет основной вопрос об отношении энергии к материи. Краткая речь проф. В. К. Лебединского была посвящена как раз вопросу о периодической смене «дуализма» материи и энергии «монизмом» и наоборот.

Процесс развития физики совпадает с все более и более обостряющимся дуализмом материи и энергии. Энергия сначала в виде потенциальной, а затем в виде лучистой энергии все более и более «отвязывается», отделяется от материи. В процессах излучения энергия приобретает как бы полную самостоятельность. Теория световых квантов как бы завершает полное отделение энергии от материи. Но, одновременно с отделением от материи, энергия как бы материализуется, так как в теории световых квант кванты рассматриваются как материальные тельца и, следовательно, проведенный до конца дуализм снова приводит нас к монизму в виде материализованной энергии. Проф. Лебединский отметил, что монистического взгляда на неотделимость энергии от материи держался Г. Герц, считавший и потенциальную энергию видом энергии кинетической.

Этот процесс отделения энергии от материи, приводящий в конце концов к «материализации» энергии, как будто несколько удивляет докладчика и в конце речи он ставит вопрос о том, что надо решить раз навсегда: есть ли материя энергия или энергия есть материя.

Этот вопрос ставился марксизмом (Энгельсом) более полувека тому назад и прекрасно им разрешен. Ленин, разбирая в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» кризис в современной физике, дал блестящие формулировки этой проблемы. Энергия есть свойство (проявление) движущейся материи. Проф. В. К. Лебединский не различает здесь просто физическое понятие материи от философского. Это и приводит его к неправильной постановке вопроса.

Два общих собрания были посвящены так называемым дискуссионным вопросам по «новой квантовой механике». И это были наиболее интересные моменты с'езда. На них мы остановимся более подробно.

Еще очень недавно теория квантов Бора противопоставлялась классической механике и электродинамике (Ньютон-Максвелл),—и с полным правом противопоставлялась, так как эта теория вносила совершенно новые принципы в классическую физику, и до самого последнего времени она органически не сраслась с ней. Теперь можно, в известном смысле, и эту тео-

рию и всю старую физику поставить рядом. Теорию Бора можно назвать «классической» квантовой механикой, потому что физика уже не удовлетворяется комбинированием классической физики с теорией Бора, и в ней разрабатывается «новая квантовая механика».

Первым с'езд заслушал доклад проф. Тартаковского о кризисе классической квантовой теории. Развитая в 1913 г. Бором квантовая теория была чрезвычайно плодотворна, так как она давала рациональное об'яснение необ'яснимых до сих пор эмпирических фактов (спектральные серии и т. д.). Ее победное шествие было связано с моделью атома Резерфорда-Бора. Благодаря ее успехам получила рациональное об'яснение и периодическая система элементов.

То обстоятельство, что квантовая теория органически не связана и не согласуется с классической механикой и электродинамикой, то, что она абсолютно не приложима для об'яснения целого ряда важнейших вопросов (физическая оптика), в глазах физиков искупалось ее внутренней стройностью и ее соответствием с опытом. А встречавшиеся затруднения, не разрешимые ни с точки зрения классической механики, ни с точки зрения квантовой теории, физики надеялись, так или иначе, со временем разрешить. И, действительно, целый ряд таких трудностей был выяснен с дальнейшим развитием теории Бора. Но огромное количество вопросов так и осталось не разрешенными (интенсивность спектральных линий, действие скрещенных электрического и магнитного полей, наконец, спектры всех тяжелых элементов, толкование мультиплетов и их расщепление в магнитном поле). Этого мало. Оказалось, что если требовать от теории не только качественного, но и количественного совпадения с опытом, то ни одного точного количественного совпадения теория квантов Бора не давала, давая в то же время невиданные до нее в области излучения качественные об'яснения и превосходно оправдывавшиеся предсказания в целом ряде областей.

На-ряду с этим бросалась в глаза вся логическая непоследовательность классической квантовой теории. Противореча обычной механике и электродинамике и в то же время стремясь максимально ужиться с нею (принцип соответствия), классическая квантовая теория при решении той или иной задачи пользовалась обычными методами старой физики и лишь в конце накладывала, так называемые, квантовые ограничения (условия), носящие характер большого произвола, да притом противоречащие первоначальным исходным положениям старой физики. В силу этого она носила на себе печать эклектичности и вызывала справедливое стремление к новым, более стройным и целостным теориям.

Здесь, вообще говоря, возможны были два пути: или оставаясь в рамках старой квантовой теории усовершенствовать, усложнять модель атома, чтобы притти к лучшему совпадению с опытом,—например, принять, что электрон в атоме вращается, что он сам по себе имеет магнитный момент и т. д., и тогда некоторые эмпирические факты получают об'яснение,—либо же, желая получить более стройную теорию, отказаться

от старой квантовой теории и делать попытки построения «новой квантовой механики» на существенно новых принципах.

Из этих попыток внимание с'езда привлекли к себе две новейших теории; теория Гейзенберга и теория Шредингера, не насчитывающие и двух лет своего существования.

Мы должны остановиться на этих теориях, поскольку в них ставятся методологические и гносеологические вопросы. В кратко обрисованной нами здесь крутой ломке квантовой теории, конечно, не могут не ставиться такие вопросы. И кроме того, как это в свое время великолепно было отмечено Лениным, физика здесь в мучительно-болезненном процессе рожает диалектический материализм. Она не удовлетворяется устаревшим механическим материализмом, приближается к диалектике, не нередко впадает в идеализм. Знание теории диалектики помогло бы здесь физикам избежать этой крайности. К чести наших советских физиков надо сказать, что, как показали прения, они очень не хотели становиться на точку зрения чистого феноменализма, как это есть, отчасти, у Гейзенберга. Но в то же время недостаток знакомства с диалектикой здесь, как нигде более, давал себя знать. Правда, иногда совершенно стихийно «вырывались» диалектические формулировки.

На последнем (89-м) с'езде немецких естествоиспытателей и врачей Гейзенберг поставил принципиальные вопросы своей теории в более резкой форме, чем это было сделано на нашем с'езде [1]).

Гейзенберг отказывается говорить о самой реальности атомов и электронов, а следовательно, и о моделях. Он хочет «иметь дело лишь с величинами, непосредственно наблюдаемыми на опыте».

«Программа новой квантовой механики, — говорит Гейзенберг, — состояла в том, чтобы освободить ее от всяких наглядных картин (auschauliche Bilder) и на место законов классической кинематики и механики установить простые соотношения между экспериментально данными величинами». На место оставленного новой квантовой механикой понятия о «месте электрона» она ставит совокупность физически определенных величин. Координата электрона заменяется двухмерной таблицей величин возможных излучений. Но в прежней квантовой теории имели дело с координатами электронов, связывая их с оптическими величинами. Что же здесь заменяет эти координаты? Их заменяет формальный математический символ, двухмерная таблица величин, матрица, из бесконечного числа членов, соответствующих различным состояниям атома. Матрица является символическим изображением всей «истории жизни» атома, и математические операции над матрицами дают возможность решать конкретные физические задачи. Это положение является основным для Гейзенберга. В катодных лучах, в радиоактивных процессах мы можем наблюдать первичные (для настоящего времени) частицы материи непосредственно. В этих процессах мы приписываем электронам и протонам такую же реальность

[1]) Речь Гейзенберга напечатана в № 45 «Naturwissenschaften». Ср. также речь Бора на с'езде скандинавских математиков в августе 1925 г. (Naturwissenschaft, 1926 г., № 1).

как и всем предметам внешнего мира. «Это представление, говорит Гейзенберг,—с течением времени оказалось ложным (falsch), что вполне естественно, если мы примем во внимание принципиальную недоступность восприятию (prinzipielle Unanschaulichkeit) этих прерывных элементов. Электроны и атомы не[1]) обладают тою же степенью непосредственной реальности, что и предметы нашего повседневного опыта. Исследование характера физической реальности, свойственной электронам и атомам, составляет как раз предмет атомной физики и тем самым и квантовой механики» (l. c., p. 990). Таким образом вопрос идёт не только о необходимости применения моделей, но о реальности атома, о закономерности атомистической картины мира. Если огромным завоеванием науки надо считать то, что эти вопросы могут решаться средствами физики, то все же нельзя упускать из виду, что методологическая постановка и разрешение этих вопросов немыслимы в рамках теоретической и экспериментальной физики, и требуют привлечения для своего разрешения не только последнего слова физических наук, но и последнего слова философии—диалектического материализма.

Новая «рациональная квантовая механика» (выражение Бора) дает количественные совпадения с опытом, лучшие по сравнению с прежней теорией, и об'ясняет целый ряд фактов (половинные квантовые числа), не поддающихся об'яснению в классической теории квант.

Легко видеть диалектические моменты в ее физическом содержании, но не менее несомненно и то, что в методологических вопросах Гейзенберг приходит к чистой феноменологии, к ограничению физики формальным математическим описанием, т.-е., в конечном счете, к махизму, идеализму.

На нашем с'езде, как мы уже отметили, никто не ставил так резко этих вопросов. Большинство выступавших в прениях, да и сам докладчик (И. Е. Тамм) склонны были рассматривать теорию Гейзенберга, как первый подход, не исключающий и других методов уже с нового вида моделями и т. д. Большинство не присоединялось к «феноменализму» и «агностицизму», которые проводит в своей теории сам Гейзенберг. Следует, конечно, пожалеть, что на с'езде не раздалось по этому вопросу ни одного голоса со стороны физиков-марксистов. Здесь их «философские» речи были бы чрезвычайно уместны.

Новая квантовая механика Шредингера исходит из совершенно других оснований. Она—волновая par excellence.

В связи с обсуждением теории Шредингера был затронут вопрос о молярной и молекулярной механике и о прерывности и непрерывности. В. Р. Бурсиан очень удачно сравнил развитие современной физики с развитием оптики: развитие физической оптики представляет борьбу эмиссионной (корпускулярной) теории Ньютона с волновою теорией. При чем часть явлений хорошо об'ясняется одной теорией, но последняя бессильна перед целым рядом явлений, прекрасно об'ясняемых другой теорией. Вопрос ставится сейчас не об абсолютной достоверности той или другой теории, а об их синтезе. Мы привыкли думать, что наша механика и ее основные законы, выведенные на основании наблю-

---

[1]) Курсив Гейзенберга.

дений молярных движений, должны носить характер абсолютной истины. Это, конечно, ни на чем не основано, и весьма вероятно, что при переходе к изучению микрокосмоса его законы окажутся существенно иными. Весь вопрос о пределе действий молярных законов. В природе действуют и те и другие законы и неправильно было бы представлять себе молярные законы как простую сумму молекулярных; законы микрокосмоса принципиально, качественно отличны от законов макрокосмических.

В современной оптике одна часть явлений толкуется с точки зрения волновой теории, другая часть — с точки зрения корпускул.

Механика Шредингера стремится дать синтез тех и других движений, и тем самым построить такую теорию материи, такую механику, которая обнимала бы и молярные и молекулярные законы движения. Явления и законы в микрокосмосе теория Шредингера также считает отличными от явлений и законов в макрокосмосе, но признает их единство. Подобно тому, как в оптике мы сейчас стали перед необходимостью синтеза волновой и корпускулярной теории, так и механика Шредингера стремится дать синтез механики волнового и корпускулярного движения, стремится дать новую теорию материи и новую механику, которая обнимала бы и молярные и молекулярные законы движения, т.-е. явилась бы синтезом и обобщением ньютоновской и квантовой механики. В своей механике Шредингер приходит к дифференциальным уравнениям, которые, как известно, для своей определенности требуют определенных условий на границах. Полагая, что функция—решение этого уравнения—должна быть н е п р е р ы в н о й во всем пространстве, Шредингер с необходимостью приходит отсюда к выводу, что это уравнение имеет решение не при всех значениях параметров, а только при некоторых определенных п р е р ы в н ы х значениях. Эти значения параметра, оказывается, соответствуют квантовым числам и характеризуют в своей совокупности состояния атома. Таблица (матрица) Гейзенберга получается, таким образом, из уравнения Шредингера, и его формальные символы получают физический смысл. А обе эти теории приходят, как мы видели, к тем же квантовым числам, которые рассматривала и старая квантовая теория.

Дискретная совокупность значений, характеризующих состояние атома, есть совокупность значений параметров (Eigenwerte), при которых уравнение Шредингера имеет решение. И эта дискретная совокупность значений получается при условии, что функция, входящая в уравнение, должна быть непрерывна во всех точках пространства.

Таким образом, прерывность и непрерывность не исключают, а предполагают друг друга, и это хорошо отметил в своем выступлении проф. Фок, подчеркнувший, что надо отказаться от старого понятия о прерывности и непрерывности.

Доклад Я. И. Френкеля об «Итогах и перспективах квантовой теории» также затрагивал весьма важный и существенный вопрос. Основная особенность квантовой механики, в отличие от механики обыкновенной, это то, что она имеет дело со статистическими коллективами, а не с отдельными индивидами

(телами), как обыкновенная механика. Мы не наблюдаем поведения одного атома, а лишь поведение статистической совокупности атомов. В этом смысле можно провести аналогию между методами квантовой механики и методами кинетической теории материи. Однако нам кажется неправильным делать отсюда вывод о принципиальной невозможности наблюдения отдельных состояний атома. То, что новая квантовая механика по своим методам приближается к статистической механике, говорит только о том, что законы статистического коллектива атомов качественно отличны от законов движения единичного атома.

Вместо представления о месте атома и его координатах в данный момент времени, как мы видели выше, вводится понятие о формальном математическом символе, который относится уже не к одному атому в данный момент времени, а характеризует, так сказать, всю «историю его жизни», состояние, в котором он может находиться. Символическая матрица Гейзенберга может быть истолкована либо как относящаяся к статистической совокупности атомов в данный момент времени, либо как «история жизни» одного атома. Гейзенберг придерживается второго толкования. Но, думается, более правильным было бы толкование матрицы, как относящейся к статистическому коллективу. Тогда нет основания отказываться от рассмотрения состояния отдельного атома.

Этим мы и должны ограничить наши краткие замечания об этих крайне интересных новинках в теоретической физике. Повторяем, диалектические материалисты не могут не обратить внимания на вопросы, которые стоят в центре внимания современной физики. В свою очередь физики много бы выиграли от знакомства и пользования диалектическим методом. Хотя дискуссия по новой квантовой механике происходила на пленарных заседаниях с'езда, однако дискуссии в настоящем смысле этого слова не было, хотя здесь, несомненно, имеется много принципиальных вопросов, требующих дискуссии, не говоря уже о специальных вопросах (вывод ур. Шредингера). А дискуссия могла бы быть, и отсутствие выступлений на дискуссионных собраниях отнюдь нельзя считать показателем единодушия в основных вопросах развития новой физики.

Если дискуссионные собрания демонстрировали ломку старых воззрений, то секция общей физики могла насчитать не мало докладов, стремившихся вывести законы новой механики из ньютоновской механики (К. Н. Шапошников), или же дать физическое истолкование квантов на основе томсоновской модели (Н. П. Кастерин). В этом направлении получались более или менее эффектные результаты, но ценою принятия некоторых новых допущений—постулатов, которые носят пока произвольный характер. Такие попытки носят на себе печать известной натянутости. Жаль, что их авторы не выступали в «квантовых» дискуссиях на общих собраниях с'езда. Любопытно отметить, что в секции общей физики был заслушан доклад из истории естествознания: в Босковиче А. Н. Щукарев усмотрел предшественника Бора, но этот исторический «экскурс» весьма натянут. История предшествующей мысли имеет громадное до сих пор неоцененное значение для современной науки, но она требует к себе более об'ективного отношения и более глубокого

подхода. В этом отношении, например, гораздо поучительнее для теории световых квантов идеи оптики Ньютона.

Очень жаль, что не нашла своего должного отражения на с'езде теория относительности, хоронить которую на 100%, может быть, несколько рано собрались некоторые товарищи. Доклад т. А. К. Тимирязева с его известной точкой зрения на опыты Дейтон-Миллера встретил весьма сильное и, кажется, веское возражение со стороны А. Ф. Иоффе. Последний указывал на большую грубость и научную несостоятельность опытов Дейтон-Миллера, не соблюдавшего, по словам очевидца А. Ф. Иоффе, элементарных правил научного экспериментирования. Приведем здесь всего лишь одну мысль А. Ф. Иоффе, который говорил, что если сейчас опыты Дейтон-Миллера дают результаты, согласные с теорией, то обстановка опыта настолько несовершенна, что ничего не было бы удивительного, если бы эти опыты дали результаты в несколько раз превышающие теоретические данные. В настоящее время известный физик-экспериментатор Милликан заново производит опыты Дейтон-Миллера по всем правилам научной техники. Нужно ждать результатов его опытов.

Только в этом разрезе и упоминалась теория относительности. А нужно было бы поставить широчайшие методологические вопросы, которые с ней связаны, и которые связывали бы ее с классической физикой и с, например, теорией квант. В этом отношении и т. А. К. Тимирязев сузил вопрос, совершенно не касаясь в своем докладе общих методологических и философских вопросов.

Из докладов, затрагивающих методологические и философские вопросы (кроме важнейших приведенных выше), можно упомянуть о докладе Л. Я. Штрума «Сверхсветовая скорость в специальной теории относительности и принцип причинности», связывающем понятие о причинности с понятием о необратимых процессах и о докладе Б. Л. Розинга о запаздывающих и опережающих потенциалах, ставящем вопрос о синтезе «настоящего и прошедшего». На этих докладах за недостатком места, к сожалению, не останавливаемся.

Развитие теоретического естествознания, потребность систематизировать и обобщить гигантский экспериментальный материал, с необходимостью приводит естествоиспытателей к диалектическому подходу в изучении природы, к диалектическому материализму. Эта мысль, неоднократно высказывавшаяся Энгельсом, особенно часто приходит на память в связи с работой с'езда. С'езд ясно показал, как велик «спрос» на марксистскую методологию, хотя пока, быть может, со стороны физиков и бессознательный.

Русские физики имеют здоровые идейные тенденции, не имея нарочито сознательной научной «реакционности», они следуют давнишним материалистическим традициям, отмеченным в России в свое время Лениным. С основным массивом русской науки марксисты смогли бы сработаться. Таково убеждение, вынесенное нами с V с'езда русских физиков.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Монистический взгляд на историю философии и ее спорные вопросы[1].

А. Варьяш.

В № 7—8 1926 г. «Под Знаменем Марксизма» вышла статья тов. Асмуса под заглавием: «Спорные вопросы истории философии», посвященная изложению и критике первой части первого тома моей работы: «История новой философии».

В виду того, что тов. Асмус выдвинул возражения по ряду существенных вопросов, исследованных в названной книге, я попытаюсь раз'яснить наши разногласия и доказать, что они основываются частью на недоразумении, частью на дефектах в понимании тов. Асмусом не только марксистской диалектики, но и материализма вообще.

Тов. Асмус возражает в первую очередь против того, якобы высказанного мною, взгляда, что «корень материализма и основное его отличие от идеализма—в трактовке понятия причинности»[2].

В действительности дело обстоит «несколько» иначе. Я считаю (и подчеркивал это в своей работе [3]), что основное расхождение между материализмом и идеализмом заключается в вопросе о существовании материи независимо от нашего сознания и об ее первенстве по отношению к духовным явлениям. Но почему я все-таки уделил наибольшее внимание вопросу о причинности? Потому, что большинство идеалистов настоящего времени ,двусмысленно относится к существованию материи, не решается прямо отрицать его, а старается «перетолковывать» его, т.е. понимать материю как—по существу—не-материю. Из этой

---

[1]) От редакции. Давая место ответу т. Варьяша, редакция считает своей обязанностью предпослать ему следующее замечание. И тон, и содержание, и стиль удручающе длинной заметки Варьяша способны возбудить в читателе вопрос: «Да известно ли редакции нашего журнала назначение редакторского карандаша?» Вопрос вполне законен, и все же редакция сочла нужным, не пуская в дело своего карандаша, набрать ответ Варьяша в том виде, как он вышел из-под пера автора: дело в том, что литература такого рода—в некотором смысле «знамение времени». У нас расплодился такой сорт «писателей», что на совершенно законную и до щепетильности корректную критику (так и было в случае Варьяш-Асмус, где последний по-товарищески критиковал первого) отвечает сплошной бранью и крикливой бессодержательностью. Думается, что, напечатав текст Варьяша так, как он дан, мы тем самым обеспечиваем себе возможность получить одобрение т.т. читателей на отказ иметь дело с подобной литературой (ведь мы печатаем не шедевр!)—в будущем. Едва ли нужно прибавлять, что в данном споре все симпатии редакции на стороне т. Асмуса.

[2]) В. Асмус, Спорные вопросы истории философии,—«Под Знам. Маркс.» № 7—8, 1926 г., стр. 224.

[3]) См. стр. 44 «Истории новой философии», т. I, часть 1.

операции «результирует» отрицание бытия материи. Иначе обстоит дело с причинностью, в отношении которой идеалисты, в том числе и Гуссерль, полагают, что не все подчиняется этому принципу—стало быть—не всякое об'яснение есть об'яснение по причинности. Прямое и недвусмысленное отрицание универсальности причинности идеалистами и заставило меня больше внимания уделить этому вопросу. Тов. Асмус, желая быть, повидимому, марксистом, дал уловить себя идеалистам по весьма важному пункту: а именно по пункту об универсальности причинности. Он говорит: «Кардинальный пункт философии Гуссерля... в утверждаемом им различии (между эмпирической и идеальной установками) и двух видов интуиции: эмпирической и идеальной, которые оба направлены на один и тот же предмет, но раскрывают его для знания в двух принципиально-различных аспектах: первая—об'ясняет в каузальных связях «действительности», а вторая—описывает, выражает этот же предмет не в причинных связях существования, но в связях сущностных»[1]).

Это, конечно, основной тезис феноменологии Гуссерля. Но ясно хотя бы из самого определения тов. Асмуса, что я прав, утверждая, что в вопросе о причинности имеется открытое, между материалистами и идеалистами, не затушеванное расхождение. Этого никак нельзя сказать о существовании материи. Отрицание материи без всякой оговорки представляет собой такой абсурд, что редко найдется кто-нибудь даже из идеалистов, кто начинает прямо с него. Идеалисты делают обходные движения, «доказывают», что материя, конечно, есть, но «понимают» ее иначе, чем материалисты. В результате этого выходит или то, что материя—это явление и не вещь в себе, или комплекс ощущения или неизвестно что («Трансцендентальный X» Канта) и т. д. Но так обстоит дело с причинностью! Идеалисты (и современные еще решительнее, чем прежние) или отрицают ее об'ективное значение вообще, или, как Гуссерль, ее общезначимость. Поэтому я писал, что расхождение в понимании причинности является в настоящее время самым радикальным различием между идеализмом и материализмом. Расхождение по вопросу о причинности является в конечном счете следствием расхождения в основном вопросе об отношении материи к духовным явлениям (материя первична, духовные явления—вторичны). Согласно Энгельсу (см. «Л. Фейербах»), решение вопроса, является ли мыслитель материалистом или идеалистом, зависит от того, признает ли или не признает данный мыслитель «основным началом природу», т.-е. материю со своими об'ективными свойствами и отношениями как существующую вне и независимо от нашего сознания. Но тут же Энгельс добавляет, что «вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: «как относятся к окружающему нас миру наши мысли о нем?». Дальше идет подробный анализ этой связи, начиная от того, что «не материя порождается духом, а дух представляет собой самое высокое порождение материи»[2]).

---

[1]) В. Асмус, Спорный вопрос истор. филос. Стр. 222. Курсив и кавычки тов. Асмуса.

[2]) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 36, Госиздат, 1922 г.

. Из принципа первоначального об'ективного существования материи, как действительной материи, а не как явления, психики или инобытия духа, вытекает причинность, как об'ективная связь между материальными вещами. «Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, т.-е. причинная связь того поступательного движения—говорит Энгельс—это развитие является у Гегеля простым снимком с поступательного движения понятия, движения произвольного, вечного, совершающегося неизвестно где, но во всяком случае совершенно независимо от человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей»[1].

Я заострил вопрос о причинности именно потому, что главное нападение на материализм идет в данное время под флагом похода против универсальности причинности, в каком походе об'ективно участвует и Асмус, как мы увидим по поводу его возражения на мою критику Гуссерля.

Совершенно естественно, что во время удивительных, можно сказать, гигантских успехов естествознания, в эпоху кинетической теории материи, электронной теории и т. д. для идеалистов фронтальная атака на материализм значительно затруднена. Атака направляется сейчас, главным образом, на другую часть фронта: на фронт причинности, т.-е. строгой об'ективной закономерности диалектического развития природы и общества. Именно из этого будет понятно стремление Гуссерля раздвоить науку на две принципиально различные половины: «первая—по выражению тов. Асмуса—об'ясняет в каузальных связях «действительности», а вторая—описывает, выражает этот же предмет не в причинных связях существования, но в связях сущностных»[2]. Именно поэтому утонченная, изощренная, но софистическая теория Гуссерля воюет в первую очередь за право двух аспектов в науке, но именно поэтому я и заострил вопрос о причинности. Если этот принцип универсален, то нет места такой «науке», которая требует принципиально особого и независимого от «другого рода» исследования. Вот именно в этом пункте надо «разрушить фундамент проблематики Гуссерля», здесь корень претензии Гуссерля на автономию «сущностного узрения» по отношению к причинному об'яснению.

Тов. Асмус старается перенести точку опоры в критике гуссерлианства на другой вопрос, а именно: будто у Гуссерля основным принципом является автономия сущностной области. Тов. Асмус верил словам, когда надо было бы смотреть на «сущность» философии сущностей, каковая состоит именно в водворении сущностей для ограничения причинного исследования явлений.

На этот пункт нужно направить критику. Я думаю, что марксисты согласятся в этом вопросе со мною, а не с т. Асмусом, «увлеченным формально-онтологическими учениями новейшего идеализма» типа Гуссерля. Мы увидим, что т. Асмус попал на удочку этого новейшего идеализма, борющегося орудием до...

---

[1]) Там же, стр. 49. Подчеркнуто мною.

[2]) Асмус, Спорный вопрос ист. фил., стр. 222.

вольно тонким для того, чтобы попасть под его влияние, тому, кто хотя и говорит о надобности его критики, но только желает ее направить не на этот коренной пункт. Разве т. Асмус не думает, что основной тезис Гуссерля есть уже следствие отрицания универсальности и единственности причинного об'яснения? Если же он знает это, почему он так решительно указывает на другой—производный момент? Только потому, что Гуссерль сам обращает на него внимание читателя? Или я плохо понимаю т. Асмуса? Тогда я прошу об'яснить, что иное означает его фраза, если не оправдание Гуссерля в данном важном вопросе (вопросе о правомерности и автономии особого рода, непричинного исследования, называемого Гуссерлем учением о сущностях): «Ни о каком «уничтожении» принципа причинности, равно как ни о каком «уничтожении» об'яснения не может быть и речи у Гуссерля»[1]). Очевидно, что т. Асмус полагает, раз Гуссерль признает частичное значение причинности именно в области природы, то моя критика Гуссерля неправильна. Однако надо думать, т. Асмус знает касающийся теории естествознания взгляд Гуссерля, согласно которому природа есть область гипотетического, «не так достоверного бытия» (выражение Гуссерля), как «бытие» гуссерлевых сущностей, не допускающих в свою очередь по самому своему смыслу—никакого причинного об'яснения. Я утверждаю, что причинность есть или универсальный принцип, или ничто. Но разделение мира на мир причинный и на мир сущностей, хотя и последний есть только другой аспект того же мира, есть, вопреки мнению т. Асмуса, законнейшее детище отрицания принципа причинности и возможности материализма вообще, в том числе и диалектического. Гуссерлево разделение является скорее разновидностью «новейшего» учения, что кроме необходимости господствует еще и случайность, имеющая более глубокий, об'ективный смысл. Я же вслед за основоположниками диалектического материализма полагаю, что ни гуссерлевым сущностям, ни случайности ничего об'ективного в мире не соответствует и что, следовательно, и нет автономной области чистого описания, принципиально оторванной от причинного об'яснения. Но мы сейчас увидим, что т. Асмус в дальнейшем уже открыто стоит на точке зрения двух родов законов и защищает дуализм об'яснения, являющийся следствием идеалистического мировоззрения.

Перейдем к этому другому, не менее кардинальному пункту моей книги, оспариваемому т. Асмусом. Это—вопрос о монизме об'яснения исторического возникновения какого-нибудь научного учения с одной стороны и его содержания—с другой. Тов. Асмус, надо признать, был первым из моих немалочисленных критиков, кто вообще заметил этот пункт, и заметил именно как «первый и коренной» [2]) хотя и не «недостаток», как полагает рецензент, а вопрос. Это есть то следствие, которое я делаю из принятого мною универсального принципа причинности, исходя из положения Энгельса, что только так «обнаруживается в природе и в истории диалектическое развитие, т.-е. причинная связь того

---

[1]) Асмус, Спорный вопрос ист. фил., стр. 221.
[2]) Там же, стр. 215.

поступательного движения, которое сквозь все отклонения в сторону и сквозь все попятные шаги пробивается от низшего к высшему» [1]). С монизмом в об'яснении дело по Энгельсу обстоит так: «Диалектика сводилась к науке об общих законах движения во внешнем мире и человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по форме различны, так как человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, а большей частью пока еще и в человеческой истории, они действуют бессознательно, в виде внешней необходимости, посредством бесконечного множества *кажущихся* случайностей» [2]). Вот на что опирается моя теория «относительной имманентности», как ее называет рецензент. Я должен еще подчеркивать и здесь, как я сделал и в своей книге, что принцип причинности в ее диалектическом понимании гораздо богаче и содержательнее, чем логики до сих пор полагали.

Моя теория «относительной имманентности» исходит из критики того взгляда, что существует два рода об'яснения: 1. Доказательство «логическое», или «имманентное», по которому содержание данной теории или хотя бы какой-нибудь отдельной истины естествознания оказывается правильным. 2. Другой род об'яснения—исторического порядка. Данная теория возникает в определенном месте и времени. Об'яснение возникновения есть задача истории. Эти два ряда об'яснения, как и отражаемые ими закономерности, пока что стоят параллельно, между тем как, по Марксу, существует только одна наука: история, а именно—история природы и история общества. Пусть об'яснит дело всем известный пример. Галилей доказал свои законы свободного падения и *бросания* тел при помощи бесконечно-малых и при допущении непрерывности механических процессов. История же об'ясняет *возникновение* этих законов из тогдашнего состояния и направления развития производительных сил, из развития военной техники, из надобности исчисления траекторий снарядов и т. д. *Какова тут связь между имманентным об'яснением* («*доказательством*») *по содержанию и историческим об'яснением происхождения этого содержания?* Как будто никакая! И по т. Асмусу это так и должно быть! Ибо—говорит он—«думать иначе, значит, впадать в ошибку, которая на языке логики называется «переходом в другой род» [3]). Значит, я допустил формально-логическую ошибку: «μετάβασις εἰς ἄλλο γένος» [4]) (по-русски: «переход в другой род»). Но я допустил, по т. Асмусу, и quaternio terminorum. Мимоходом я должен заметить, что т. Асмус, повидимому, не очень сведущ в области формальной логики, ибо если это—ошибка, то во всяком случае—не quaternio terminorum, которая возможна лишь при силлогизме, где допускается и требуется только три термина. Однако мое доказательство вовсе не силлогистично, как это будет сейчас видно.

---

[1]) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 49.
[2]) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 49. Курсив наш.
[3]) Асмус, Спорный вопрос, стр. 216.
[4]) Там же, стр. 217.

Ход доказательства следующий. Естественно-научная истина выводится из принципов и уже доказанных истин данной науки. Но как эти принципы, так и законы математики и логики, необходимые для ее доказательства, не были даны нам испокон века, а сами были открыты в ходе исторического развития общества (в конечном счете его производительных сил), при чем в большинстве случаев путем преобразования, дополнения и обобщения старых принципов. Асмус называет это решение «насквозь релятивистическим». Я же говорю: Оно нисколько не релятивистично, — оно было бы таковым, если бы я утверждал, что эти принципы были нами выдуманы для определенных целей, а не открыты нами, т.-е. не найдены в самой природе. Однако в природе они существовали и раньше. Законы природы не зависят от того, нашли ли мы их уже, или еще не нашли. Но мы ищем и находим большею частью те из законов, кои нам необходимы в практических целях. Открытие и в дальнейшем строгое доказательство какой угодно правильной теории происходили всегда так, что естествоиспытатели искали элементарные об'ективные отношения, из которых возможно синтезировать ту истину, установление которой представляло собой интерес для практики. Обыкновенно техническая нужда предшествует теоретической постановке вопроса. Большая часть математических истин не выскочила из головы «свободно творящих математиков» (как некоторые из них думают), а были им заданы в целях решения практических проблем естествознания. Большая часть, но не все! И сейчас имеется ряд математических истин, даже целые области, которые только довольно косвенно подходят к практическим проблемам, напр., теория множества. Но она дает основание для теории функции, последняя же нужна для теории дифференциальных уравнений и только это касается непосредственно естествознания и техники. (Иногда связь более непосредственная. Напр., некоторые части теории чисел непосредственно связываются с кристаллографией). Но я нигде не говорю, что связь эта должна быть всегда непосредственной. Бывает и то (хотя весьма редко), что теория выдвигает вопросы, не исходящие пока из технических потребностей, или, что опираясь на правильную теорию, мы умеем разрешить и такие задачи, правильность решения которых оправдывается только позднее экспериментами или наблюдением. Бессмертным примером для этого случая являются уравнения Максвелла, на основании которых Герц открыл электромагнитные лучи. Или открытие Лавуазье Нептуна. Но это ничуть не идет вразрез с моим решением связи содержания и возникновения теорий. Именно потому, что мы не выдумываем и не навязываем своей теории природе, а открываем их при помощи бесчисленных попыток и действительного исследования, а не путем одной только дедукции, ясно, что, открывая действительные основные законы, из них должно следовать не только то, что дало повод для их искания, но и по принципу, — все, что принадлежит данной области явлений, т.-е. и новые до сих пор неизвестные явления и их законы. Это, конечно, никогда не бывает полностью достигнуто. Новые факты, об'ясняемые из старых принципов вынуждают исследователей изменять, расширять и обобщать последние. В чем тут «на-

сквозь релятивистическая концепция?» Релятивизм полагает, что теории являются лишь удобным средством для систематизации, но отнюдь не обязательно означают об'ективную истинность. Дал ли я повод для такого «истолкования» своих взглядов, т. Асмус? Не дал! У меня старые теории не исчезают, а перерабатываются, обобщаются, видоизменяются. Распространив эту теорию на всю область знания, в том числе и на математику и логику, я писал в истории новой философии, рецензируемой т. Асмусом: «С этой точки зрения, разумеется, нет никакого смысла говорить просто о ложности, с точки зрения Маркса, формальной логики. Формальная логика не неверна, а недостаточна... Она имеет значение для аристотелевского описания природы, но непригодна, например, для современной биологии, или для теории функций»[1]. Несколько дальше, обобщая это на все закономерности, я писал: «Если в ходе исторического развития начинают активно выступать новые закономерности, или же значительно расширяется круг действия старых, то пересмотр существующих теорий логики становится неизбежным».

Значит, их пересмотр, а не выкидывание!

Таких мест в моей книге немало. Надо прочитать только страницы 24, 25, 29. Когда в естествознании новая, лучшая теория идет на смену старой, то это большей частью бывает расширением, обобщением последней, и только в самых редких случаях нужно бросить вообще старую теорию. Старая теория уничтожается новой, впитывающей в себя все, что в старой было правильно. Это есть, по моему убеждению, не релятивизм, а одно из следствий диалектического материализма.

При этом я различал логические теории от действительного мышления. Логика, как и всякая другая теория, является сознанием того, что есть. В силу тысячелетней привычки люди сделали исключение с логикой Аристотеля. Мышление происходило во время Аристотеля диалектически, как и природа была и в то время диалектична. Аристотель сам дал некоторые ценные диалектические анализы, хотя и идеалистические, в своей «Метафизике».

Еще удивительнее возражение Асмуса против моего решения вопроса о связи об'яснения содержания и происхождения этого содержания, так как он выдвигает этот мой аргумент в качестве опровержения. Он утверждает, что «под «логическими принципами» и «логикой» т. Варьяш разумеет здесь не логическую структуру теории, не логику мышления (формальную, или диалектическую), а лишь философские теории о логическом мышлении»[2]. Тов. Асмусу удалось здесь здорово запутаться, и он думает, что его путаница превращается в опровержение меня.

Вот, что я писал и на что ссылается т. Асмус.

«Мы вернулись бы назад (к старой не диалектической концепции об'яснения. *А. В.*), если бы... рассматривали логику как нечто раз навсегда данное, не зависящее от времени и места, как вечное достояние человеческого организма. В действитель-

[1]) Варьяш, История новой философии, том I, ч. 2, стр. 32.
[2]) Асмус, Спорный вопрос истории философии, стр. 215—216.

ности таким вечным [1]) достоянием является не та или другая система—например Аристотелевская,—а самая мыслительная способность человека вообще. Логика не тождественна с этой способностью, а есть лишь ее теория. Подобно любой теории действительности, и теория мышления—логика—является лишь приближенным отражением действительности [2]). Вот как я решаю вопрос о логике: природа и общество с одной и мышление, как реальный, хотя весьма сложный и своеобразный пространственно-временный процесс, с другой стороны! Ясно это? Кто перепутывает? Путает т. Асмус, утверждая, что я понимаю «логическую структуру теории», как теорию о логическом мышлении. Ясно, для чего это ему нужно. Если только теории о мышлении обусловливаются общественными условиями, но не самое мышление, как идеологическая надстройка над экономическим базисом, то «концепция Варьяша связи базиса с теоретическим содержанием идеологии не демонстрирует» [3]). Вот, что было важно т. Асмусу: «Спасти» имманентность этого содержания, т.-е. неподчинение принципу Маркса: бытие определяет сознание (а не только теории о нем!). Ведь содержание идеологии, за исключением логически-методологических теорий, есть не теория об идеологии, а самая идеология; она, идеология, будучи не теорией мышления, а самое мышление,—по утверждению т. Асмуса,—не изменяется и поэтому связи базиса с самой идеологией конец, крышка! Тов. Асмус гнет именно сюда, ибо он говорит там же об «учении о логике» и, продолжая на следующей (стр. 217) странице ту же идею, уверяет меня, что «в указанном нами (т.-е. т. Асмусом. *А. В.*) выше соотношении между базисом и содержанием философской теории никакого «дуализма»—в страшном для Варьяша смысле,—никакого «разрыва» или «отрицания» причинных связей нет» [4]). Я, конечно допускаю, что в этом ничего «страшного» для т. Асмуса нет. Зачем была бы страшна для него «легкая» ревизия принципа: «Бытие определяет сознание», ревизуя его тем, что он ограничивает сознание только теориями о нем? Это, конечно, приемлемо не только для т. Асмуса, но и для всех дуалистов и вообще для непоследовательных идеалистов. Но не для марксистов, относящихся, как известно, к этому принципу серьезно и последовательно. При этом т. Асмус впадает в ту самую ошибку, о которой я говорил в своей книге,—он не различает мышления и логики, как его теории. И он считает логику, т.-е. учение о мышлении, самим мышлением. Логика есть учение о мышлении, но не непосредственное мышление («учение о логике», как Асмус говорит). Что же касается того его утверждения, что причинная связь между базисом и содержанием философских теорий остается в силе, это верно, но не об этом здесь идет речь. Речь идет о том, что самое мышление и не только теории о нем изменяются в силу изменения базиса (правда, часто очень не непосредствен-

---

[1]) Я уже на стр. 25, т.-е. еще до этого анализа, уже излагаю, что и это вечное достояние развивается, т.-е. не застревает на одном месте.

[2]) Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 24. Курсив в подлиннике.

[3]) Асмус, Спорный вопрос истор. фил., стр. 216.

[4]) Там же, стр. 217.

ным путем). Как т. Асмус может утверждать, что я «разумею» под структурой теорий философские теории о логических принципах идеологии, когда как раз на том же месте, на которое он ссылается (однако не цитируя), я начинаю развивать это важное различие (стр. 24—25). Я цитирую только одну фразу, и то сокращенно, этой главы книги: «само человеческое мышление... подвержено развитию»[1]). Если бы это было не так, то, конечно, причинная связь между базисом и надстройкой ограничилась бы связью между базисом и теориями об идеологии, но не с самой идеологией. Потому, что сомнения одолевают т. Асмуса именно в вопросе о связи базиса со всей надстройкой, понятно, что он упрекает меня в смешении факта мышления с теорией о нем. Между тем, поскольку я знаю, по крайней мере в такой форме и с рядом выведенных из него следствий, как раз у меня впервые это различие подчеркивается и проводится во всем сочинении. Словом, я буду и дальше придерживаться того принципа, что диалектическая причинная связь имеет место не только между базисом и теориями об идеологиях, но в первую очередь между базисом и с самими идеологиями. Вопреку тому, что по т. Асмусу это—«переход в другой род». Слов нет, очень интересно, что одно из основных положений марксизма: то, что общественное бытие определяет общественное сознание, по мнению т. Асмуса, страдает такой элементарной формально-логической ошибкой, как «переход в другой род». Поистине, новое «оригинальное опровержение» марксизма! Я же утверждаю в противовес т. Асмусу, что марксизм есть цельное мировоззрение и сочетание его с идеализмом не удастся. Такое «примирение» в корне невозможно.

Чтобы доказать, что целью т. Асмуса является спасение дуализма, я цитирую еще одно место на той же странице, в том же контексте: «Монизм историко-философского метода, в том смысле, в каком его понимает т. Варьяш,—не существует» (Спорн. вопр., стр. 216). В каком смысле? В смысле монизма об'яснения содержания и возникновения этого содержания. В этом вопросе должен сохраняться дуализм,—по мнению т. Асмуса: надстройка—оторвана от базиса.

Отпадает и второе возражение т. Асмуса насчет подмены «теории логики» «потребностью в создании тех или иных теорий»[2]). Верно, что между ними нет «однозначной причинной связи». Но я этого никогда и не утверждал. Тов. Асмус сам цитирует то место из моей книги, где я опровергаю такой упрощенный подход. Тогда в чем упрек? Он ссылается на мое утверждение, что можно вывести потребность той или иной теории (в данном месте у меня примером служит уравнение Лапласа) из состояния в данное время производительных сил. Я думаю, что этого не будет отрицать ни один марксист. Но я нигде не утверждаю, что «указание... общественно-обусловленных потребностей в решении каких бы то ни было познавательных задач равносильно открытию «однозначной причинной связи» между этими потребностями и логическим содержанием соот-

---

[1]) Курсив в подлиннике. История новой философии, стр. 25.

[2]) Асмус, Спорный вопрос, стр. 216.

ветствующих теорий»[1]). Хотя человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может и решить, как Маркс сказал и т. Асмус допускает, все же эти вещи неравносильны. Однако т. Асмус напрасно пытается подсказать этим, будто я это утверждаю или, даже, что это следует из моего анализа. Его попытка тем страннее, что сам рецензент цитирует сейчас же место, где я—заранее предвидя возможность таких недоразумений—опровергаю такой взгляд. Но из того, что эти проблемы неравносильны, вовсе не следует то, что выводит рецензент. По его мнению, «причинная связь может быть установлена только между историческим фактом появления известных теорий и общественными потребностями, их вызывавшими, но отнюдь не между этими потребностями и содержанием самих теорий. И это потому,—продолжает Асмус,—что всякое рассмотрение содержания теории и есть, говоря опять словами логики, переход в «другой род», где масштабом уразумения, оценки и критики будут служить уже не потребности, как факты социальной жизни, но теоретические проблемы, как таковые со своими методами, приемами, логическими принципами[2]). «Или»: «Все эйдетические науки принципиально независимы от всех наук о фактах». Несоблюдение этого различия и Гуссерль называет «переходом в другой род» (Гуссерль, «Идеи и т. д.», стр. 16—18).

Тов. Асмус ссылается на мое утверждение, что, например, истина или не истина теоремы Пифагора зависит от истинности аксиом геометрии; а то, что эта теорема возникла в шестом столетии до н. э. в нижней Италии, об'яснимо лишь из исторических условий этой страны в ту эпоху. Это так. Но, к сожалению, т. Асмус не понял дела. Я борюсь против того взгляда, впрочем весьма распространенного, что дуализм об'яснения неизбежен, что об'яснение исторического возникновения теории и его общественных условий, с одной стороны, и имманентное об'яснение ее содержания, с другой, где «масштабом уразумения служат теоретические проблемы как таковые и т. д.», остаются без связи между собой. Если их нельзя синтезировать, то это будет дуализм, хотя не «страшный» для рецензента. Но это только потому, что он не продумывает до конца, иначе бы он понял, что дуализм об'яснения (что т. Асмус считает неизбежным) может быть следствием только дуализма между действительным, эмпирическим миром, с одной, и миром логических и иных принципов—с другой стороны. Вот что не понимает или не желает понимать т. Асмус. Но из такого взгляда он никогда монизма и в особенности диалектически-материалистического монизма не достигнет. Он на словах признает, что причинность единственный путь научного исследования (стр. 217). Но—продолжает он—надо «поразмыслить немного, что к чему». Да, надо! Например, что говорит т. Асмус—это есть дуализм: мир

---

1) Там же, стр. 216.

2) Там же. Я указываю, что утверждение Асмусом недопустимости перехода насчет фактов и теоретических проблем есть точное повторение взгляда Гуссерля на эту проблему. «Существуют чистые науки сущности,—говорит Гуссерль,—как чистая логика, чистая математика, чистая теория чисел, пространства, движения и т. д. Они доподлинно (durchaus) чисты от положения фактов по всем своим мыслительным процессам (Denkschrifte).

действительности с одной и мир истин с другой стороны. Здесь заметно влияние гносеологии Лейбница, с ее фактическими и умозрительными истинами. Лейбниц был, слов нет, великим гением. Не даром Маркс так высоко ценил его, как правильно указывает на это и т. Асмус. Но Маркс питал и я питаю уважение к Лейбницу за разработку аристотелевой логики, исчисление бесконечно-малых, первые дифференциальные уравнения, анализ положения, принцип сохранения механической энергии, эволюцию, зачатки для диалектики и т. д., но не за его метафизику, которая хотя и обнаруживает изумительное остроумие и дедуктивную способность его творца, все же есть метафизика. Немудрено, что т. Асмус не принимает моего решения этого трудного вопроса. Я решаю его так. Гносеологический дуализм (являющийся—хотя и скрытым, но все же прямым следствием онтологического дуализма) происходит от того, что в традиционных логических теориях или не дается никакая связь между причинностью и достаточным основанием или первая провозглашается частным случаем последнего. Первый вариант—дуализм, второй—идеализм. Я же так решаю: причинность—это связь между реальными отношениями мира; связь истин—это есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное». Вся идеалистическая путаница происходит от неправильного понимания того, что такое содержание какой-нибудь теории, отражающей действительность. Многие думают, что содержание теории есть сложное построение из понятий, и только, которые, хотя и являются отражениями действительности, но все же связываются по своим автономным принципам, данным раз навсегда, неизвестно откуда, очевидным самим по себе. Я же думаю, что операции с понятиями представляют собой воспроизведение в человеческой голове того синтеза, который происходит в самом мире, и поэтому можно об'яснить факт познания, его причинную зависимость от природы и общества и тем самым и правильность его без всяких чудес, предустановленных гармоний, априорных конструкций, приписывания законов сознания природе и т. д. Так и только так не отрывается мир, как он есть, от его познания нами. «Диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог и, значит, метод об'яснения происходящих в природе процессов развития»[1]). Поэтому я определил связь между причинностью и достаточным основанием так, что последнее есть частный случай причинности, ее применение к человеческому мышлению, которое представляет собой ступень,—хотя и наивысшую ступень,—развития природы, но не больше и не что-нибудь еще кроме этого. Обе другие концепции ведут неминуемо именно к тому, что человеческое сознание и его понятия представляют собой, кроме наивысшей формы существования материи, еще нечто другое.

Напрасно старается Асмус посрамлять это материалистическое учение, как «релятивизм математизирующего типа» (?! *А. В.*), ссылаясь на то, что эта концепция «появляется впервые в истории новой философии у скептика и суб'ективиста Канта».

[1]) Энгельс, Диалектика Природы,—«Архив М.-Э.», т. II, стр. 126—127.

Он цитирует два места у Канта. Первое место из «опыта об отрицательных величинах», писанного Кантом в его докритическом периоде, где он говорит, что «реальное основание никогда не бывает логическим основанием». Кант здесь не устанавливает связи между ними вообще! А у меня реальное основание, т.-е. причинность, есть основание логического основания. В другом месте (из его ответа Эбергарду в 1790 г.) Кант различает, как и в «Критике чистого разума», логический (формальный) принцип основания, как подчиненный закону противоречия, и трансцендентальный (материальный) принцип, предполагающий чувственное созерцание. Выходит, по Асмусу, что это то же самое, что и я писал. Тов. Асмус знает, конечно, что трансцендентальное у Канта означает такое априорное правило, которое не мы абстрагируем из природы, а предписываем ей. Но Кант вставит и слово «материальное» (в скобках). Неужели из этого следует кантианство моей мысли? Но рецензент должен знать, что «материальное» у Канта есть результат синтеза через априорные категории чувственного многообразия, и не существующая независимо от нашего сознания материальная природа. Что хочет указать этой цитатой т. Асмус? Где имеется здесь мое определение, что логическое основание есть частный случай причинности? Кант различает эти принципы, как различал их уже Лейбниц, и различает в аналогичном смысле, что и Лейбниц! Тов. Асмус знает об этом хотя бы из рецензируемой им моей книги. Исторически неверно и то его утверждение, что эта идея впервые появляется у Канта. Что думал Кант о связи причинности и основания, это лучше всего ясно из «Критики чистого разума», от которой Кант не отказался и в 1790 г. И разве там Кант так определяет их связь, как я? Ничуть не бывало! Он прямо отождествляет их, называя их не то причинностью, не то достаточным основанием. Здесь в лучшем случае хромает знание истории т. Асмуса. Свою «вторую аналогию» Кант обозначает так: «Принцип (Grundsatz) последовательности времени по закону причинности». Но на странице 285 (в той же главе) уже говорит так: «В том, что предшествует, надо найти условие, под которым событие всегда (т.-е. необходимо) следует. Следовательно, принцип достаточного основания (der Satz vom zureichenden Grunde) есть основа возможного опыта, т.-е. об'ективного познания явлений касательно их отношения в последовательности времени». Как это похоже на мой взгляд? У Канта эти два принципа тождественны! Их отождествление же означает шаг назад даже по отношению к докритическому пониманию их Кантом. А что такое природа у Канта? Вот что! «Без разума не было бы вообще природы, т.-е. синтетического единства многообразий явлений по правилам» (Там же, стр. 727). Усилия т. Асмуса «доказать» «релятивизм» моего взгляда на связь причинности и основания [1]) просто смешны.

---

[1]) Недоразумение тов. Асмуса по вопросу о релятивизме основывается на одной приведенной мною формуле Эйнштейна, из его специальной теории относительности, аналогичной определению Лейбницем кинетической энергии. За этой приведенной мною (стр. 263) и всем известной формулой Эйнштейна идет опечатка. Формула Эйнштейна была ошибочно набрана, и корректор, желая исправить, вычеркнул ее и опять написал—оши-

Другое решительное возражение тов. Асмуса относится к моему пониманию субстанции Спинозы. Он цитирует лишь одну фразу, где я говорю о том, что субстанция в понимании Спинозы есть об'ективная закономерность явлений (модусов на языке Спинозы). Но он замалчивает, или не замечает, что я дальше даю более подробное об'яснение этой субстанции. На странице 199 я писал: «Природа (Спинозы) есть единая и единственная субстанция. Заимствованный у схоластики термин «бог» означает у Спинозы нечто совершенно другое, чем у Ансельма, Дунса Скота и др. средневековых философов реалистов. Все сходство между творцом «Этики» и реалистами заключается лишь в том, что и у последних бог означал единственную субстанцию, *частями которой являются все вещи*. Но Спиноза совершенно преобразил это понятие. Бог не есть для него суб'ект-об'ект, притом единственный, а лишь основное, не носящее персонального характера, закономерное единство вселенной. В равенстве бог-природа *природа* означает у Спинозы единство материи и энергии, а бог означает, что в основе всех форм и преобразований этой единой материи лежит всегда и вечно одна и та же закономерность причинности, изменения же являются лишь мо́дусами, но не самостоятельными субстанциями». Я с полным правом мог бы полагать, что это место (и вся глава, где оно имеется) дает вполне ясное представление о том, как я понимаю субстанцию Спинозы. Асмус ссылается на Фейербаха. Фейербах сказал знаменательную фразу, что Спиноза был «задрапированный в теологические одежды материалист». Тов. Асмус сам указывает, что и я ссылаюсь на Фейербаха. На стр. 189 я писал: «У Спинозы, как говорит Фейербах, материализм еще покрыт теологической оболочкой. И дальнейшая судьба спинозизма показывает, что учение было по существу материализмом».

Тов. Асмус, к сожалению, забыл об одной мелочи. Он забыл о том, что и по Фейербаху спинозизм есть *задрапированный в теологические одежды материализм*, а не просто материализм. Асмус (правда, он не самостоятелен в этом отношении) полагает, что Фейербах эти слова: *задрапированный в теологические одежды* писал только так себе, ничего под ними не подразумевая. Определение Фейербахом спинозизма вполне справедливо, но справедлива *вся фраза*, а не часть ее. В настоящее время пошло в моду рассматривать субстанцию Спинозы, как материю и только. *Где остается тогда знаменитый эпитет Фейербаха: «задрапированный в теологические одежды»*? Так легко история философии Спинозы не пишется! Я дал свое определение о спи-

---

бочно. Наконец, я вычеркнул то, что «исправил» корректор, написал снова эту формулу и подписал, чтобы наборщик знал, что эту подписанную формулу он должен набрать. Он же набрал и подпись! (Не разбираясь в этом деле) Тов. Асмус по существу впал в ту же ошибку. Я полагаю, что адресованный мне упрек тов. Асмусом в релятивизме основывается на этом недоразумении, благодаря случайному незнакомству с этой известной, одной из основных формул теории Эйнштейна. Эта формула представляет собой большой интерес, но надо подчеркивать—что *ее можно получать и исходя из классической теории*, и мне и в голову не пришло представить ее в качестве доказательства правоты Лейбница или современной теории относительности. Я провел историческую параллель и не больше.

позовой субстанции вполне ясное: она есть единство вселенной, вещи суть части ее, единство же означает: единство материи и энергии, в основе которой (материи) лежит об'эктивная закономерность причинности; модусы же до Спинозы не являются самостоятельными субстанциями. Мое определение поэтому удовлетворяет и забытой тов. Асмусом (да не только им) части определения Фейербаха: по которому эта субстанция не только материя, но материя в теологической оболочке. В основе материи лежит закономерность причинности, а модусы не субстанции. Вот в чем теология! Если этого не принимать, то в чем заключается теология? То надо было бы прямо сказать, что у Спинозы остатков теологии нет. Но тогда не ссылайтесь на Фейербаха.

Однако тов. Асмус, может быть, возразить против такого об'яснения теологической оболочки у Спинозы .. предложит другое определение, менее отдающее теологией. Но я скажу, почему я предпочел это определение. Потому, что Спиноза сам так говорит! «Я говорю, — пишет Спиноза, — что я имею весьма различное мнение о боге и природе, чем которые защищают неотеоретики-христиане. Я утверждаю, что бог есть присущая (имманентная), как говорят, а не преходящая причина всех вещей. Я же говорю со св. Павлом и, может быть, со всеми античными философами, хотя и иным образом, что все находится в боге, движется в боге. Я смею это сказать, вместе со всеми античными евреями, поскольку можно догадаться по некоторым, хотя и всячески искаженным преданиям. Некоторые, кто думает, что богословско-политический трактат склоняется к тому, что бог и природа (под которой понимается какая-нибудь масса или телесная материя) есть одно и то же, в корне ошибается» (Письмо XXI Спинозы к Генриху Ольденбургу. Гага, ноября 1675 г.). Значит, Спиноза писал это письмо в конце своей жизни, за 15 месяцев до его смерти и после окончания «Этики» (умер он в феврале 1677 г.). Я предоставляю тов. Асмусу совместить свое иное толкование субстанции Спинозы с этим местом. Пусть он предложит более соответствующее толкование, но только, конечно, не выдуманное, а как полагается у историка философии, соответствующие мысли самого Спинозы. А почему мне было нужно дать, по мнению тов. Асмуса, такое определение субстанции Спинозы? (Как мы видели, определение, учитывающее цитированное место из письма Спинозы). Тов. Асмус легко об'ясняет «тайну». Вместо того, чтобы заглянуть в самого Спинозу, нет ли у него какого-нибудь об'яснения по этому вопросу, тов. Асмус «с легким сердцем» дает следующее не совсем научное об'яснение: «так как материализм, в понятии т. Варьяша исчерпывается закономерностью и каузальностью, то т. Варьяш просто подставляет под субстанцию Спинозы свое скудное определение, чтобы затем с легким сердцем перейти к другим вещам» (стр. 224). Так ли это? Нет, не так! Тов. Асмус пытается изобразить дело так, будто я впал в это «ошибочное» толкование субстанции Спинозы благодаря тому, что и сам придерживаюсь взгляда Спинозы относительно того, что «материализм исчерпывается закономерностью и каузальностью» (Рецензия Асмуса, стр. 224).

Тов. Асмус цитирует страницу 143—144 моей книги (где излагается спинозизм). Следовательно, надо предполагать, что он прочел всю страницу, в которой стоит следующее: «По вопросу об отношении между мировыми законами и мировой материей возможны три решения. Во-первых: законы мира первичны по отношению к самому миру. Мир есть продукт действия этих законов. Эта точка зрения рационалистов XVII века (главным образом Спиноза, Лейбниц...). Во-вторых, законы мира тождественны с самим миром... В-третьих, материя первична, а мировые отношения, законы мира представляют собой неот'емлемые качества материи. Такова точка зрения современного материализма, марксизма». Ясно ли, что я отнюдь не придерживаюсь точки зрения, что материализм исчерпывается закономерностью и каузальностью? С легким сердцем поставленная т. Асмусом гипотеза об «источнике» моего толкования Спинозы, как будто, отпадает. Не по той сложной, выдуманной т. Асмусом, а по другой весьма простой причине, что я толковал Спинозу на основании того, что Спиноза писал. Я не берусь об'яснить неудачу толкования т. Асмусом моего толкования тем, что он не знал о цитированном письме Спинозы. Но если он знал о нем, мне хотелось бы знать, как он совмещает свое толкование субстанции Спинозы, как материю, с этим письмом? Это во-первых. Во-вторых, я вовсе не стою на точке зрения Спинозы в этом вопросе. Если т. Асмус все же находит, что я доказал мое несогласие со Спинозой в вопросе о причинности, я могу еще процитировать из своей книги два места (оба на странице 146):

«Мы, действительно, наблюдаем, как в первой, восходящей фазе своего развития... буржуазия отдает предпочтение об'ективным законам природы перед материей, этим субстратом всех естественных отношений». Как видно, здесь говорится о взглядах буржуазии в лице своих представителей, а не о моих. Дальше! «Спиноза... показал, что один из кажущихся возможных способов материалистического решения мировой загадки не приводит к цели. И тем самым он расчистил дорогу для Маркса и для марксистского решения этой проблемы».

Мне кажется, что мое действительное отношение к спинозизму совершенно ясно, и, может быть, после всего сказанного выше даже тов. Асмус откажется от своего «истолкования источника» моего решения, который лежит единственно в сказанном самим Спинозой и представляет собой прямо противоположное моей точке зрения, являющейся тождественной позиции марксизма.

Мое толкование Спинозы, как читатель мог убедиться по письму Спинозы, соответствует тому, как истолковывал себя сам Спиноза. Но посмотрим, как истолковал Спинозу другой мыслитель, авторитет которого, надо думать, примет и тов. Асмус. Именно Маркс. В «Святом семействе» он пишет против Бр. Бауэра, толкующего спинозизм по обыкновению, как направление, господствующее в XVII веке, как в своем французском развитии, делающей материю субстанцией, так и в теизме, называющем материю более духовным именем».

««Говоря точно и в прозаическом смысле» (т.-е. не по фантазии Бр. Бауэра. *А. В.*), французское просвещение, а в осо-

бенности французский материализм XVIII века представляет собой... открытую, ясно выраженную борьбу против метафизики XVII столетия, и против всякой метафизики, именно против метафизики Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница... «Говоря точно и в прозаическом смысле» есть два направления французского материализма: одно из них ведет свое происхождение от Декарта, другое—от Локка» (Aus dem lit. Nachl. von K. Marx und Fr. Engels. B. II. S. 232. Ausgabe Mehring's). Здесь Маркс прямо отвергает взгляд Бауэра на спинонизм, как «господствующий в своем французском развитии», т.-е. в французском материализме. Если субстанция Спинозы есть материя и только, то оказывается, что вместе со мной ошибся и Маркс, да и сам Спиноза плохо понял и неправильно толкует себя, так как он толкует себя совершенно иначе, чем тов. Асмус. После двух таких авторитетов, как Спиноза в своем собственном деле и Маркс, мнение т. Асмуса, думается мне, мало для кого будет убедительно.

Для указания на все недоразумения и дефекты в знании т. Асмусом истории философии в этой ответной статье не хватит места. Что сказать, например, к его возражению насчет новых атрибутов, не предусмотренных Спинозой»—как, например, самосознание? Однако шестое определение первой книги «Этики» говорит: «Под богом я разумею существо абсолютно бесконечное, т.-е. с у б с т а н ц и ю, с о с т о я щ у ю и з б е с к о н е ч н о м н о г и х а т р и б у т о в, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность». Теорема XXI II книги говорит об идее идеи. «Идея разума (idea mentis) соединена с разумом точно так же, как разум соединен с телом». Или т. Асмус опять хочет поправлять Спинозу, обходя мимо этих положений?!

Непонятно и то возражение рецензента, что «realitas objectiva» Декарта превращается на стр. 82 в «интенциональный предмет представления, что было бы возможно разве в том случае, если бы Декарт окончил не школу Лафлеш в Анжу, а гетингенский философский факультет Гуссерля» (стр. 225). Тов. Асмусу, повидимому, невдомек, что «интенциональный предмет не является духовным достоянием Гуссерля, а именно общим с Декартом наследством схоластики под названием: inexistentia intentionalis objecti. И это тем более непонятно, что сам Гуссерль не один раз говорит об этом в своих логических исследованиях в части II и в «Идеях» исходит из cogito Декарта. Как мог т. Асмус обнаружить такой дефект в элементарном вопросе истории философии, читая так невнимательно хотя бы мою книгу? На той же странице, на которой он цитирует это realitas objectiva, стоит у меня: «Это различие показывает, что Декарт, считавший себя вполне свободным от схоластики, находился еще под довольно сильным влиянием ее» (Ист. Нов. Фил., стр. 82).

Тов. Асмус считает неудовлетворительным и мой социальный анализ возникновения философских систем. Я я считаю его далеко не полным, не всесторонним. Однако я сам указываю на это, что впрочем и рецензент отмечает. Я писал, что эта задача одним писателем почти не разрешима. Но следует ли из этого, что не нужно делать попыток разрешить ее? По-моему не следует. Дело начато, и если мне не удалось осуществить его с желаемой полнотой, то задача состоит в том, чтобы осуще-

ствить. Я буду очень рад, если т. Асмус дополнит оставленные мною проблемы своими собственными исследованиями. Но я должен указать в этом пункте на неверное изображение дела. Асмус утверждает, что «все исследования социологического порядка... фактически занимают в книге ничтожное место» (Асмус, Спорн. вопросы, стр. 219). В первой части I тома «Истории новой философии» из 330 страниц (не считая введения, где также не мало места посвящено теории этого вопроса) все же я на 56 стр. занимаюсь историческими анализами, не считая и биографий, также содержащих анализы социологического порядка, т.-е. им посвящена приблизительно $^1/_6$ часть всего труда. Допускаю, что это мало. Но думается мне, что $^1/_6$ часть двухтомной работы нельзя признать ничтожным местом. Ведь, сам т. Асмус отмечает, что моя книга «не то—чисто-исследовательская работа «большого» стиля с грандиозными и чрезвычайно ответственными тематическими и методологическими задачами, но то это—очерк не столько исследовательский, сколько повествовательно реферирующего типа (стр. 219). Эта оценка рецензента правильна (он ставит в кавычки слово «большого» стиля, но я сам этого нигде не утверждаю и предоставляю другим решать, большого или небольшого стиля мои исследования). Тов. Асмус, очевидно, думает, что я не знаю, что у меня имеется как очерк «чисто исследовательский с грандиозными и чрезвычайно ответственными тематическими и методологическими задачами», так и «очерк повествовательно реферирующего типа» и что трудно оба задания выполнить. Я это знаю не хуже т. Асмуса. Весь вопрос лишь в том, нужна ли такая работа сейчас в нашей идеологической обстановке? Можно ли пустить в данное время большое сочинение чисто исследовательского типа, предполагающего уже знание и содержание философских систем? Надо только посмотреть, сколько из классических сочинений переведено на русский язык и сколько их разработано, чтобы убедиться в потребности именно такого типа сочинений. О Декарте, Бейле, Лейбнице в нашей литературе имеется немного. Больше всего можно было бы сказать, что предлагаемое сочинение должно было бы писаться не в об'еме 140—150 печ. листов, а вдвое большем. Но и наша учащаяся молодежь, и наша издательская обстановка вряд ли в состоянии теперь полностью использовать такое сочинение действительно «большого» стиля. Поэтому я и был принужден довольствоваться тем, что возможно. Неминуемые пробелы при этом я стараюсь дополнять так, что об особо важном нам периоде истории философии я начал писать отдельную монографию (О философии Гегеля). В настоящее время другого реального плана я не мог создать. История возникновения так же, как и подробное изложение системы Гегеля, представляет собой с точки зрения понимания марксизма такую исключительную важность, что она не укладывается в рамки даже сравнительно детального изложения других систем. Я считаю, что в данное время это есть наиболее подходящий план в этой области.

Перехожу к итогам.

1. Тов. Асмус критикует мою критику Гуссерля, при чем ему не нравится, что я это сделал, исходя из отрицания Гуссерлем причинной связи в определенной области. Он утверждает, что философия Гуссерля заранее и принципиально воздержи-

вается от этого принципа и поэтому, так умозаключает рецензент, критиковать его за это не зачем.

Тов. Асмус не подумал, что именно отгораживание Гуссерлем области сущностей есть результат его отношения к причинности. При этом тов. Асмус не прав даже с точки зрения Гуссерля, которого он защищает весьма неудачно. Он, повидимому, не знает, что Гуссерль был намерен дать анализ и категории причинности, полагая, что категории существования должны получать свое феноменологическое освещение.

Вот отношение Гуссерля к этой задаче: «Нет ни одной (науки о фактах. Tatsachenwissenschaft. *А. В.*), которая как наука полностью развитая—могла бы быть чистой от эйдетических познаний и, следовательно, могла бы быть независимой или от формальных или материальных эйдетических наук... Каждый факт включает в себя материальное, сущностное ядро (Wesensbestand) и каждая эйдетическая истина, принадлежащая к включенной в нем (в этом ядре. *А. В.*) чистой сущности, должна доставлять закон, с которым данное фактическое единичное (die Einzelheit) связано (ein Gesetz abgeben muss, an das die gegebene faktische Einzelheit gebunden ist) (Гуссерль, «Идеи», стр. 18). Все сочинение Гуссерля полно таких мест. Он называет ту часть его учения, в которой проблемы естествознания будут освещены по его методу, материальной онтологией. Здесь должно будет или должно было бы быть место и феноменологическому анализу каузальности. Он читал лекции по этому предмету в рамках своей феноменологии, однако до сих пор не опубликовал их, вероятно, потому, что сам не был доволен ими. Феноменология, правда, не пользуется принципом причинности, но должна была бы по плану Гуссерля об'яснить его, как и все гносеологические категории, и Гуссерль никогда не отрицал своей обязанности по этому поводу. Он дал феноменологию времени и пространства, так же он хотел дать и феноменологию причинности. Препятствовала этому именно негодность феноменологии как для этой цели, так и для других категорий, для которых он выработал свою теорию (теории времени, пространства и обоснование математики).

Тов. Асмус соглашается со всеми идеалистами в том, что принцип причинности не играет такой важной роли в философии, как думаю я. Ввиду того, что и сегодняшние идеалисты в своем большинстве открыто не отрицают существования материи, только перетолковывают его на идеалистический лад, и вместе с тем открыто отрицают универсальное значение (т.-е. значение без исключения во всех областях) причинности, я полагаю, что я поступал правильно, когда вопрос заострил на этот момент, подчеркивая, конечно, в своей книге, что существование материи является основным принципом материализма (см. Историю Нов. Фил., III, ч. 1, стр. 44). В настоящее время атака против материализма идет именно по линии причинности, будь то в форме признания случайности, как беспричинных явлений, будь то, как у Гуссерля, в форме установления особого рода исследования сущностей, чуждающихся по своей природе причинного об'яснения. Воздерживается ли Гуссерль от применения даже формальных законов логики, как

я утверждаю (что вполне естественно с его точки зрения сущностной интуиции), или не воздерживается, как утверждает это тов. Асмус, здесь не место решать этот вопрос. Во всяком случае сам Гуссерль признает, что он воздерживается, только не считает это своим недостатком, а признаком подлинно интуитивного метода. Если т. Асмус сопоставит введение к «Логическим Исследованиям» и последние главы «Идей» (особенно стр. 304—305), то он сам может убедиться, что Гуссерль считал феноменологию наукой, при помощи которой он «приходит к проблемам теоретического выяснения с точки зрения разума (vernunftheoretische Aufklärung) формальной логики» («Идеи», стр. 304—305). Он принимает формальную логику, но не в качестве предпосылки своей феноменологии, а, наоборот, феноменология обосновывает у него и логику. См. еще его ответ на критику Вундта. Тов. Асмус полагает, раз феноменологические исследования двинутся в понятиях, то этим уже сказано, что приемы формальной логики, ее принципы, дедуктивные формы умозаключения ipso facto применяются. Дело в том, что описания вообще (в том числе и феноменологические) используют лишь небольшую часть даже формальной логики, и оперируют, например, не столько принципом противоречия, сколько принципом различения.

Как видно, т. Асмус не совсем так понимает Гуссерля, как Гуссерль сам себя, и напрасно говорит, что мои «удары попадают не в Гуссерля, но в какое-то философское чучело, которое сам т. Варьяш себе выдумал» (Асмус. Спорн. вопр. стр. 223). Все это происходит потому, что т. Асмусу неудобно признать универсальность причинной связи и старается осилить ее путем весьма неудачной передержки моей мысли, «передавая» ее так: «все, что угодно, должно быть причинно связано со всем, что угодно». Пусть т. Асмус покажет, где я утверждаю это, или хотя бы покажет то, из какой мысли у меня можно сделать этот вывод? Верно то, что все явления связаны со всеми явлениями, хотя и не непосредственно. Но это «не непосредственно» я достаточно подчеркиваю в Истории Нов. Фил. (например, стр. 24—27). И все же, несмотря на это для случайности (несмотря на то, что мы—люди—почти никогда не можем провести причинное об'яснение до конца), в природе места не остается.

2. Это же самое сомнение в универсальности причинности заставляет тов. Асмуса утверждать, что мой монистический и материалистический взгляд на связь между причинностью и основанием—кантианский релятивизм. Мы видели по цитатам из Канта, как плохо понимает Асмус Канта, который вообще не признает причинности в об'ективном мире (для вещей в себе).

3. Тов. Асмус весьма небрежно отнесся к моему анализу субстанции Спинозы. Я показал из текста Спинозы, что т. Асмус не понял самого основного у Спинозы, именно субстанции. С точки зрения современного материализма материя вечна, несотворима, и отдельные вещи состоят из материальных частей, т.-е. существует множество субстанций, выходящих из одного синтеза и входящих в другие. У Спинозы субстанция творит модусы, она не только материя, но и творческая (хотя материальная) сила. Закон у него не только отношение между

вещами, но и зодчий этих вещей, ибо модусы, отдельные телесные вещи, не являются, по учению Спинозы, субстанциями. В этом теологическая оболочка его системы. Спинозизм есть безусловно материализм, но еще в теологической оболочке. Если же это неприемлемо для т. Асмуса, пусть он даст другое определение, способное об'яснить не только то, что субстанция Спинозы—это материя (в чем я ничуть не сомневаюсь), но и что это—материя еще задрапирована в теологические одежды, как Фейербах правильно наметил и как и тов. Асмус признает это,—пусть он даст определение, удовлетворяющее этим условиям и все же отличающееся от моего определения.

4. Я признал, что т. Асмус прав в том, что мой социальный анализ страдает недостатками. Но на это я указал в своей книге раньше всякой рецензии и указал, что один человек не в состоянии исчерпать вопроса. Это—задача целого поколения. Я должен еще указать на не особенно большую доброжелательность критика, выставившего ряд мелких возражений с мотивировкой, что весь мой социальный анализ «состоит из мелочей». Я спрашиваю, почему «мелочь», например, главы: «теолого-политический трактат и исторический материализм». Между тем рецензент в своем изложении говорит о нем так, что это можно понимать, как похвалу, да и не только насчет этой части имеется «осторожное» одобрение. Или почему «мелочь» «Связь понятий непрерывности и бесконечно-малых с общественными отношениями»? В трех четвертях своей статьи тов. Асмус старается быть об'ективным (не считая его фактических ошибок в истории философии и недоразумений), последняя же четверть говорит о том, что нет «особой радости» по поводу моей Истории Новой Философии. Каждый внимательный читатель может убедиться, что у меня имеется не мало глав, которые понравились т. Асмусу. Но он хвалит меня с большой осторожностью, очевидно для того, чтобы я не впал в «самомнение». Могу успокоить его! Самые лестные отзывы не могли бы отвлечь мое внимание от пробелов в моей книге. Исправить те действительные ошибки, на которые мне укажут, я всегда буду стараться. В этом отношении и статья т. Асмуса не оказалась бесполезной. Кое-что из нее я могу использовать, хотя нужно отметить, что она носит скорей педагогический, чем исследовательский характер[1]).

---

[1]) Подчеркивание того, что т. Асмус старался дать правильное изложение моей работы (хотя это весьма часто не удавалось ему) и не стремился искажать смысл ее, может казаться для некоторой части читателей излишним. Но, к сожалению, она не излишня. Я указываю, например, на «Критику» Гр. Б., помещенную в № 6 «Под Знаменем Марксизма», стр. 237—240, на мою критику фрейдизма. Я не ответил на эту статью, автор которой не постеснялся назвать пока единственную в нашей литературе более подробную критику фрейдова бессознательного „фрейдизмом с точки зрения". Автор такими выходками, повидимому, старался отпугивать знающих фрейдизм марксистов от критики фрейдизма под видом «защиты» марксизма. Т. Асмус указывает на то, что один из рецензентов отмечал «влияние фрейдизма» на меня. «Но мы не будем останавливаться на этом пункте» (стр. 224)—говорит тов. Асмус. А зачем повторять отметку «одного рецензента», если он не хотел останавливаться на ней? Что же? Этот рецензент так авторитетен для тов. Асмуса, что дальше уже говорить не зачем?

Дальше. Т. Асмус выставляет в качестве «доказательства» моего увлечения математикой приложение к Спинозе, где я на основе «mosgeometricus», т.-е. рационалистического метода самого Спинозы, старался выяснять связь

5. Тов. Асмус впервые заметил центральный вопрос моей методологической установки: попытку монистического об'яснения возникновения систем, с одной стороны, и их содержания—с другой. Однако он только уловил наличность моей попытки, но не понял способа разрешения этого важного вопроса. Я дал этот способ так, чтобы стало возможным понимать причинную (весьма сложную и опосредствованную) зависимость не только теорий идеологии, но и самой идеологии от базиса, от экономических фактов и их законов. При этом я старался выявить логику, не как самое мышление, а как теорию мышления и показал на ряде примеров, что не только теории, но и само мышление, мыслительное содержание без рефлексии логической подвержено развитию, именно диалектическому развитию, т.-е. показал, что способы исследования не просто исторически чередуются друг за другом, а что следующие приемы исследования снимают в себе предыдущие способы в качестве ограниченных случаев. Тов. Асмус характеризует мой подход так: «Если методологическое введение эклектично, то специальная историческая часть книги страдает противоположным (? А. В.) недостатком: специализмом. «На всю историю философии Варьяш смотрит глазами математика» и т. д. (стр. 224). Асмус валит с больной головы на здоровую: об'яснение из тех же принципов как возникновения, так и содержания систем он называет—эклектизмом. Тогда, надо полагать, дуализм об'яснения этих двух главных проблем, т.-е. об'яснения истории возникновения при помощи оторванных от содержания законов Асмус рассматривает как монизм во имя принципа недопустимости «перехода в другой род». Значит, тов. Асмус рассматривает дуалистический способ, при чем принципиально дуалистический (не переходите в другой род!) способ об'яснения, как монизм, об'яснение же как возникновения, так и содержания систем из тех же диалектических принципов ввиду «грешного» перехода в другой род, как эклектизм, т.-е. как дуализм, ибо эклектизм без дуализма, т.-е. без несвязанных друг с другом научных принципов, не мыслим. Словом, т. Асмус переименовал монизм в эклектизм, и наоборот. Никому же не хочется быть эклектиком. Но и прощаться с дуализмом (т.-е. с половинчатым идеализмом) т. Асмусу тоже не хочется. Что остается в таком случае? Переименовать вещи, назвать монизм эклектикой и эклектику монизмом. Мой «чрезмерный» монизм не нравится т. Асмусу. Это, видите ли, «увлечение идеями математической логики» и т. д. Для меня и «математическая логика» входит в общую систему диалектики. Она тоже не с неба свалилась со своими «имманентными» законами! Конечно, т. Асмус, кто ни за что не склонен «переходить из одного рода в другой», вынужден и для математической логики установить свои только ей свойственные

между субстанцией и атрибутами у Спинозы. Упрек т. Асмуса в математическом рационализме, сделанный им на мой счет, был бы уместен, если бы я не дал критики этого метода. Однако я дал ее! Последние страницы того самого Приложения занимаются критикой рационалистического метода (Ист. Нов. Фил., стр. 218—220). Я писал там: «Метод Спинозы был рационалистичен и в целом вовсе не диалектичен». Дальше я там же утверждаю, что возможность применения его метода, которую я показал, еще далеко не означает правильности его метода (Там же, стр. 220).

имманентные законы. Не переходите, настаивает тов. Асмус, из математики в физику потому, что это: порочный переход А что будет в таком случае с переходом вообще, т.-е. одним из основных понятий диалектики?—Неизвестно. Конечно, логика математики не представляет собой ни осуществления (и еще меньше воплощения) диалектики, ни наиболее плодотворной или богатой области ее. Она, наоборот, как раз наименее богатая область диалектики, т.-е. область, где все богатство диалектического перехода качества в количество и обратно меньше всего происходит в тех разнообразнейших формах, которые мы видим в более сложных науках. Однако переход все же имеется, и даже немаловажный. Для об'яснения изомерии, химических свойств элементов, явлений изотопии, категория: порядок абсолютно необходим. Я принимаю, что т. Асмус знает этот элементарный факт. А что думает т. Асмус? Какая наука об'ясняет категорию порядка? Именно математическая логика и теория множеств! Как известно, последняя есть учение о кардинальных и порядковых числах, учение об их свойствах (т.-е. о мощности и порядке).

У т. Асмуса взгляд другой. Он видит огромную кучу принципов в разных областях наук. А переход? Это воспрепятствуется Аристотелем в VI книге Органона под названием ζετάβασις εἰς ἀλλογένος — по-русски: переход в другой род, значение которого Аристотель понял не так узко, как т. Асмус, и весьма часто применял его и не всегда неправильно. Конечно, т. Асмус вправе так мыслить, но не вправе называть это монизмом и диалектикой, и мой взгляд—эклектизмом. Если этот «метод» переименования будет практиковаться (и уже начался), то это будет переход на язык философии пьесы Шекспера: Комедия заблуждения,—но для просвещения головы читателей. Давайте, поэтому, придерживаться старых значений этих слов, и не обижаться, если я не пойду на вашу игру слов, а буду называть вашу философию—эклектизмом (т.-е. дуализмом) и свою—монизмом (именно—материализмом диалектическим).

Я не могу касаться второстепенных вопросов, против которых т. Асмус имеет свои возражения. (Расположения материала, изложения мыслителей по проблемам или в порядке их сочинений и т. д.). Я коснусь еще его «обвинения» в специализме. Оно больше чем странно. Разве т. Асмус не думает, что вся наша философия страдает как раз анти-специализмом, и изобилует общими разговорами о качествах вообще, о количестве вообще, о мере как таковой и т. д. и т. д.? Какой в этом толк? Люди науки ждут от марксистов указания, как им в своей области лучше, в духе диалектики, подходить к научной работе. Математик ждет их указания—в чем заключается диалектичность построения вещественных чисел, аналитических функций, сингулярных решений дифференциальных уравнений и т. д.; физик ждет освещения, в чем диалектичность обратимых и необратимых процессов и еще тысячи других проблем. Тов. Асмус (к сожалению, не только он) отмежевывается от этого, ссылаясь на то, что это—специализм. Но если вы, кроме общих, действительных для всех областей истин, не имеете ничего «специального», то из ваших «указаний» для специалистов получается мало толка! Им нужен специализм,

и они оценят и будут и дальше ценить только те специальные указания, которые дают в их руки приемы, с которыми они могут с успехом подходить к своим специальным задачам. Общие же принципы им известны не хуже, чем вам, но они часто относятся с недоверием к ним именно потому, что они хотят видеть, как эти принципы диалектики могут быть применимы в той области, которая непосредственно их интересует. Утверждать, что специализм—это «страдание», означает лишь неверие, что диалектика есть такой же деловой и действительный метод в области естествознания, каким он известен в области общественных наук, где он и разработан наиболее подробно благодаря Марксу, Энгельсу и Ленину. Но Энгельс и Ленин применяли его и к естествознанию, при чем они не смотрели на специальные принципы «с гордостью чистых философов», а вошли вплотную в гущу естественно-теоретических проблем (в проблемы химии, электричества, электронной теории и т. д.). Подход т. Асмуса: осуждение специализма есть не что иное, как признание универсального значения диалектики на словах, и отрицание на деле. Из такого антиспециалистического «настроения» результирует между прочим и такой бред, который действительно выплыл в наше богатое всякими курьезами и нелепыми блужданиями время: что естествознание, как оно есть, не диалектично; нужно бросить современное, зараженное—«увлеченное количеством»—естествознание и построить лучшее, новое. Назад к качественной физике Аристотеля или Бекона и т. д!

Человечество оставило физику Аристотеля и Бекона, потому что при помощи их нельзя строить ни корабля, ни аэроплана, ни трамвая, ни динамо и т. д. А путем новой подаренной кличкой «количественная» физикой можно! Вот в чем «маленькая» разница! Решает—по марксизму—практика. Природа диалектична и, следовательно, монистична в самой себе, а не под условием нашего перетолкования!

Я кончаю противоположным тому, что пишет т. Асмус: тем, что да здравствует специализм! Наша диалектика тогда будет праздновать свои победы в естествознании, когда диалектики-специалисты по примеру Энгельса сумеют указать специальные диалектические приемы. Тогда все признают ее могущество. Этот упрек т. Асмуса я поэтому принимаю, но не как упрек, а как похвалу.

К спорным вопросам истории философии.

(Ответ А. Варьяшу).

В. Асмус.

Надо уметь делать научное употребление из научных идей.

Г. Плеханов.

I.

Признаюсь, я никогда не думал, что моя рецензия произведет такое сильное впечатление на тов. Варьяша. Я отправил рецензию в Москву и от общения с великими умами и большими идеями, навеянными чтением грандиозного труда А. Варьяша, вновь обратился к моим скромным работам по истории философии XVII века. А так как в этих работах мне до странности редко, до удивления мало приходилось пользоваться «Историей новой философии» Варьяша, ибо, откровенно говоря, я всегда предпочитал для этой цели книги не столь «монистичные», не столь «однозначные», но зато более основательные, более точные, ясно и недвусмысленно изложенные, то должен сознаться, что мало-по-малу впечатление, оставленное во мне чтением книги тов. Варьяша, стало сглаживаться, а образ автора—тускнеть в моей памяти. Поэтому, когда я получил огромную ответную статью А. Варьяша, это маленькое событие явилось для меня даже неожиданностью. Мое любопытство еще больше возросло, когда, бегло перелистав статью тов. Варьяша, я узнал, что мне оказана особая и притом—не малая честь и что я—один из немногих критиков, которых А. Варьяш вообще удостаивает ответа. Далеко не все мои товарищи, писавшие о Варьяше, попали в такое счастливое положение. Бедному товарищу Гр. Б., например, совсем «не повезло», и он, очевидно, долго еще будет понапрасну ждать снисходительных об'яснений и поучений тов. Варьяша. Взволнованный исключительным вниманием, которое мне оказал тов. Варьяш, окрыленный его комплиментами насчет моей понятливости,—словом, выросши в собственных глазах, я приступил уже не к беглому любопытному просмотру, а к внимательнейшему чтению и, так сказать, штудированию статьи Варьяша. Но тут меня ждало изрядное разочарование. Уже из первых страниц статьи тов. Варьяша я увидел, что т. Варьяш неспособен дать то настоящее, плодотворное, столь высоко мною ценимое интеллектуальное наслаждение, которое доставляет действительно

принципиальная борьба с действительно идейным, прямым и смелым противником и которое одно может придать полемике ценность и широкий общий интерес. Чем дальше продвигался я, вернее продирался, через дебри этой многословной, растянутой, педантичной, местами не очень вразумительной, неряшливо написанной статьи, тем больше охладевало мое любопытство, падал принципиальный интерес, иссякало полемическое вдохновение и вместо них росли—скука, равнодушие, нетерпеливое ожидание конца и—в лучшем случае—недоумение. Скажу более. Статья т. Варьяша оказалась гораздо хуже его книги. Если книга тов. Варьяша не вызвала во мне особенного восторга, то все же в ней я—и, думается, не я один—в полной мере оценил добросовестность автора, научную осведомленность, серьезное стремление последовательно провести оригинальную трактовку историко-философского монизма и некоторые удачные образцы его применения. Самые недостатки книги Варьяша,—а они крупные и их не мало,—стушевывались в ней до известной меры благодаря подробной разработке ее повествовательной части. Как бы ни была однобока, узка, «привативна» и потому неверна, предложенная Варьяшем, интерпретация истории философии, но таково уже, говоря словами самого тов. Варьяша, природа «интенционального предмета» его историко-философских исследований, что, даже преломляясь в тенденциозном схоластическом изложении с точки зрения математической логики, предмет этот должен был сохранить хоть часть ему принадлежащих свойств. В конечном счете книгу т. Варьяша спасает ее конструктивное несовершенство: гипертрофия повествовательного содержания. Великолепный материал. Декарт, Спиноза, Лейбниц, сам стоит за себя, выдерживает тиски даже самой последовательной «импликации», узнается даже в перелицованном виде самой схоластической логистики.

Напротив, апология тов. Варьяша лишена даже этого достоинства, если, впрочем, может быть достоинством то, что принадлежит, собственно, не самому автору, а предмету его работ. В апологии Варьяша вместо «предмета» читатель видит перед собой только самого т. Варьяша, со всеми его личными, никому не интересными и ненужными слабостями, обидами и недостатками. Да и самого т. Варьяша видит не в твердом и спокойном состоянии ума, который сознает свою правоту в основном и потому не боится сознаться в своих погрешностях и заблуждениях, но в состоянии дурно скрываемого раздражения, невнимательном к противнику и мелочно-придирчивом.

В своей рецензии на книгу тов. Варьяша я уже указал, насколько склонен т. Варьяш совершать ошибку «перехода в другой род». Мне кажется, что вся ответная статья т. Варьяша есть также—сплошной «переход в другой род», а именно: переход от неудачного «монизма» к еще более неудачной «полемике». Тов. Варьяш не только плохой полемист. Он—полемист на редкость мало оригинальный. Основной прием полемики т. Варьяша (кстати сказать,—прием до обидного явный, обнаженный) представляет точное повторение, рабскую копию того «метода», посредством которого он в своей книге столь неудачно опровергал Гуссерля. Вместо того, чтобы по существу отвечать на мои действительные возражения, т. Варьяш под видом моих мыслей

опровергает собственные измышления, сваливая на меня всю ответственность за свою непонятливость или фантазию. Мало того. Слышав, вероятно, где-то, что на войне нападение—лучший метод защиты, т. Варьяш, со всей присущей ему «однозначностью», но зато крайне недиалектично решил использовать это мудрое правило в деле собственной защиты. В результате его статья—не столько ответ на мои замечания и возражения, сколько пространная и в некотором роде «исследовательская» характеристика моего мировоззрения, моего метода и их опровержение. Должен прямо сознаться: я был не мало смущен, сконфужен и даже раздосадован, когда подумал о тех читателях «Под Знаменем Марксизма», у которых хватит терпения дочитать до конца статью Варьяша и которых тов. Варьяш так беззалостно и так бестактно заставляет на протяжении 20 с лишним страниц заниматься моей скромной особой, утомительно доказывая им, что Асмус—дуалист и эклектик.

Переносить свой спор с тов. Варьяшем в эту плоскость я, конечно, не стану. У меня есть печатные работы, в которых я не на словах, не в методологических манифестах, а на практике показал, каков мой историко-философский метод и в какой степени может он быть характеризован, как дуализм и эклектика. Задача моего настоящего ответа—не оправдаться перед лицом монизма и перед его строгим блюстителем т. Варьяшем, но показать, что т. Варьяш, во-первых, очень плохо понял (или сделал вид, что не понял) суть выдвинутых мною против него возражений, а, во-вторых, что в той части, в какой он их все-таки кое-как понял, он очень неудачно пытался их отразить и опровергнуть.

II.

По словам т. Варьяша, цель его статьи—выяснить наши разногласия. Но вся беда в том, что эти разногласия лежат по большей части совсем не в той плоскости, в какой их усматривает тов. Варьяш. В своей статье т. Варьяш из сил выбивается, желая убедить читателя, будто спор между нами есть принципиальный спор о монизме в историко-философских исследованиях. С комическим педантством, с усердием, достойным лучшего приложения, в дешевом тоне снисходительного доктринерства т. Варьяш выписывает цитату за цитатой из Энгельса и Маркса, доказывая мне, как школьнику вуза или как восставшей тени суб'ективного социолога, что основатели диалектического материализма были строгими и выдержанными монистами во взглядах на историю. Спасибо за поучение! Но не в этом, т. Варьяш, суть спора между нами! Т. Варьяш выдвигает, выдумывает мнимое, несуществующее разногласие и тем самым отвлекает внимание читателей от очень крупного действительного, основного, существенного разногласия между нами. Тов. Варьяш изо всех сил старается убедить свидетелей нашей дискуссии, будто я иду походом против монизма и против принципа каузальности. Но не об этом у меня речь. В работе Варьяша я оспаривал отнюдь не принципиальный замысел исторического монизма. Тов. Варьяш напрасно трудился, подбирая из Энгельса и Маркса ворох цитат для моего возвращения к ортодоксальному монизму. Если уж дошло до принципиальных деклараций мо-

низма и каузальности, то в этом деле я мог бы даже предложить тов. Варьяшу свои скромные услуги. Я нахожу даже, что т. Варьяш не сумел использовать самых сильных, самых лучших цитат на эту тему. Я бы, например, на месте тов. Варьяша ни за что не обошел бы одно место из «Капитала», где Маркс дает, по моему мнению, кое-что посильнее тех цитат, которые удалось припомнить и набрать тов. Варьяшу. «Технология,—говорит Маркс,—раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса,—некритична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем наоборот, — из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а, следовательно, научный метод» (К. Маркс, «Капитал», I, М. 1909, стр. 336; курсив мой. *В. А.*). В этом месте Маркс мимоходом, в примечании, в «подвале» дал едва ли не самое ясное, точное, строгое и монистическое выражение своей исторической методологии. И этот тезис я, как и все последовательные марксисты, как и мнящий себя последовательным марксистом тов. Варьяш, принимаю целиком, вижу в нем основной тезис методологии и притом принимаю во всей резкости, с какою в нем сформулирована монистическая сущность исторического материализма. Так что не в монизме тут дело. В «методологии» Варьяша я осудил не декларацию монистического принципа, а только формальный, поверхностный, вульгарный способ его трактовки. Плохо не то, что т. Варьяш—монист; плохо то, что его монизм—абстрактный, вербальный, словесный, замазывающий действительные методологические ошибки автора, обходящий реальные, конкретные трудности исторического метода и исторического исследования.

Как истый метафизик, как некий гносеологический и антидиалектический Бранд, т. Варьяш гордо заявляет: причинность для меня—или универсальный принцип, или ничто. Как настоящий фразеолог, любитель громких словечек, т. Варьяш поучает: «между идеями и общественным производственным процессом существует только одно (подчеркнуто мной. *В. А.*) соотношение, а именно, что идеи, в конечном счете, однозначным и причинным образом (курсив мой. *В. А.*) определяются этим производственным процессом»[1]). Как подлинный педант-вербалист, т. Варьяш разглагольствует: «Содержание идеологии нужно вывести имманентно из логических принципов, но эта имманентность всегда останется относительной, представляя собой следствие из принятой логической системы; однако в этом случае сама, принятая в качестве масштаба, логика является историческим продуктом»[2]). А я утверждал в рецензии и теперь утверждаю, что во всех этих громких заявлениях, фразах, словах и

---

[1]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 11.
[2]) Там же, стр. 26.

словечках—ни одной действительно новой мысли, ни одного действительного, реального шага вперед в развитии нашей методологии сравнительно с тем, что уже сделано Марксом, Энгельсом, Плехановым, но очень много путаницы, двусмысленности и прямого извращения. Я утверждал и теперь повторяю, что «монизм», который т. Варьяш с таким великолепным самодовольством противопоставляет «обычному» «параллелизму» генетического об'яснения и систематического обоснования, не только не есть новое уточнение, развитие или углубление нашего метода, но что он—либо словесная шумиха, несерьезная игра в ученые термины вроде «однозначная и причинная связь», либо—если это серьезный замысел—извращение и вульгаризация исторического метода. На деле он—и то, и другое. В самом деле: что обещал нам т. Варьяш?—Методологическую реформу, радикальное преодоление неизжитого дуализма, якобы царящего в ходячих марксистских представлениях об историческом исследовании. А что на деле дал т. Варьяш?—Придумал пару новых в нашей методологии, напыщенных и бессодержательных слов—вроде «относительной имманентности» и «однозначной причинной зависимости». Но разве в словах тут дело? И разве словами заполняются пробелы и трещины в методологии? Нужно конкретно показать, в чем состоит то реальное новое содержание, которое кроется под этими терминами, нужно детально раз'яснить, что тут нового и в чем действительное отличие «нового» метода от «обычного» параллелизма и дуализма. А конкретно мы имеем следующее.

Теория «относительной имманентности» тов. Варьяша есть в лучшем случае повторение в неясной, двусмысленной форме того, что несравненно проще, яснее и обстоятельнее было сказано классиками диалектического материализма. Об относительной самостоятельности идеологического развития прекрасно писал Энгельс—Конраду Шмидту, Мерингу, Иосифу Блоху, Штаркенбургу. Об этом же много и превосходно писал Плеханов. Но ни Энгельс, ни Плеханов никогда в этом вопросе не путали так, как путает т. Варьяш, никогда не выезжали на громких словах и на пустых терминологических выдумках. Ибо что доброго можно сказать о формуле т. Варьяша, в которой, рядом с известными, от Энгельса взятыми, словами, «в конечном счете», стоят и вопиют, требуют раз'яснения выдуманные т. Варьяшем и только запутывающие дело слова: «только одно соотношение», «однозначная причинная зависимость» и т. п.? Не так решали трудные вопросы Плеханов и Энгельс! Когда ученики обратились к старику Энгельсу и просили раз'яснить им, в чем состоит существо монистического взгляда на историю, Энгельс не отделался иероглифическими формулами, не отмахнулся сакральными фразами об «однозначной и причинной связи», но дал деловое и конкретное раз'яснение. Из этого раз'яснения видно, что, вопреки мнению т. Варьяша, ни Энгельс, ни Маркс под экономической обусловленностью идеологического развития никогда не разумели «только одно соотношение», только «однозначную причинную зависимость». Напротив, Энгельс множество раз, на все лады раз'яснял, что в историческом познании причинную зависимость между экономикой и идеологическим развитием нельзя понимать метафизически, т.-е. «однозначно»,

как «только *одно* отношение». «Чего всем этим господам не хватает,—писал Энгельс в 1890 году Конраду Шмидту,—так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину — там следствие. Они не видят, что это пустая абстракция (слышите, тов. Варьяш?), что такие метафизические полярные противоречия в действительном мире существуют только во время кризисов, что весь великий процесс происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень не равны: экономическое движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решительным), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало» [1]. Энгельс не закрывает глаза на действительную сложность исторического процесса. Он не замазывает эффектными словечками реальные проблемы и прямо говорит о *взаимодействии*. Другое дело наш храбрый и последовательный монист. «Обычный» параллелизм его не удовлетворяет. Он—не просто монист, но монист углубленный. Он утверждает, что причинная связь между общественным производственным процессом и идеологическим, научным развитием—«однозначная». В пояснение этого своего открытия он указывает, что в предложенной им новой теории из экономических отношений выводятся не только общественные потребности в исторически развивавшихся науках, теориях и проблемах, но также и самые теории, в их логическом составе, содержании и обоснованиях. Тов. Варьяш прямо заявляет, что его теория «относительной имманентности» есть решительное отрицание обычного, неизжитого еще и среди марксистов взгляда, будто существуют два об'яснения: *логическое* доказательство, в силу которого известное положение или теорема оказываются правильными, и *генетическое* об'яснение, выводящее данное положение из производственной основы исторического процесса [2]. Тов. Варьяш не мало гордится этим «углублением» монизма. А я утверждал в рецензии и теперь по-новому постараюсь растолковать, что теория т. Варьяша, во-первых, в лучшем случае доказывает только соответствие между общественными потребностями и научной *проблематикой*; во-вторых, что она никакого «однозначного» выведения *логического* обоснования, *логического* содержания из общественно-исторических условий не демонстрирует; наконец, в-третьих, что не только фактически, но и *по существу, принципиально* Варьяш своей теории доказать не может, ибо монизм исторического об'яснения на *логические* связи, на *логическое* содержание и *логическое* обоснование теории распространяться *не должен* и *не может*. Тов. Варьяш выходит из себя, кричит о моем дуализме, эклектизме, пугает меня Гуссерлем и т. п. А я говорю в ответ на это, что *малейшее* колебание, *малейшая* уступка Варьяшу в этом вопросе есть *релятивизм* (но в приемлемом

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма. Изд. «Московский Рабочий» 1923 г., стр. 287. Еще резче против упрощенного понимания причинности в письме Энгельса Мерингу от 14 июля 1893 года. Здесь Энгельс отбрасывает плоское понимание причинности, в основе которого «лежит заурядное недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно раз'единенных полюсах, *абсолютно не видящее взаимодействия*» (там же, стр. 310; курсив мой. *В. А.*).

[2]) А. Варьяш, Монистический взгляд и т. д., стр. 146.

для нас—диалектическом, а в самом дурном — скептическом смысле этого слова) и что теория Варьяша не только не есть вывод из взглядов Энгельса и Плеханова, но что она им прямо противоречит. Начнем с Плеханова. Никто не сделал больше, чем он, для раз'яснения монистической природы нашего исторического метода. Но Плеханов никогда не допускал той ошибки «перехода в другой род», которую упорно делает и так неудачно защищает т. Варьяш. В классической книге: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов писал, например, следующее: «В сочетании человеческих понятий и представлений есть свои особые законы», этого, насколько нам известно [1]), не отрицал ни один из «экономических» материалистов» [2]). И несколько далее: «Идеи, чувства и верования сочетаются по своим особым законам. Но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами» [3]).

Здесь, с исключающей всякие недоразумения ясностью, Плеханов прямо говорит, что законы сочетания и связи идей не имеют ничего общего с внешними обстоятельствами, т.-е. тем производственным процессом, обусловленными нуждами, которые побуждали людей к накоплению запаса знаний и «направляли их внимание в соответствующую сторону» [4]). Вот это-то я и имел в виду, когда писал в своей рецензии, что тов. Варьяш совершает ошибку «перехода в другой род». Я даже не очень напирал на эту ошибку, так как сам же т. Варьяш оказался не в силах выдержать бремя собственного «монизма» и в одном месте своей книги простодушно проговорился, что «историческим вопросом в строгом смысле (курсив мой. *В. А.*) является вопрос лишь о том, каким общественным потребностям отвечала данная научная теория или идеология, т.-е. из какой исторической необходимости она возникла» [5]). Отсюда я вывел, что об исторической обусловленности логического обоснования теорий и идеологий т. Варьяш говорит отнюдь не серьезно, не «в строгом смысле». Отсюда—мягкий тон моих замечаний по этому вопросу. К сожалению, из ответной статьи т. Варьяша я убедился, что т. Варьяш «серьезно» решил распространить «строгое» понятие монизма даже на логические обоснования. Но тогда пусть уж не пеняет на меня т. Варьяш, если я прямо скажу ему, что его теория—«в строгом смысле»—релятивизм и ни в каком смысле не материалистическая диалектика. В своей рецензии я писал, что переход от анализа исторических условий развития теории к анализу ее содержания есть «переход в другой род», что при анализе содержания «масштабом разумения, оценки и критику будут служить уже не потребности, как факты социальной жизни, но теоретические проблемы, как таковые, со

[1]) В то время, когда Г. Плеханов писал эти строки, еще не существовало «монистической» теории т. Варьяша. Иное дело—наше «богатое всякими курьезами и нелепыми блужданиями время». В наше время такие «экономические» материалисты есть. Или, может быть, тов. Варьяш не экономический материалист?

[2]) Г. Плеханов, т. VII, изд. 2, стр. 216; курсив Г. Плеханова.

[3]) Там же, стр. 217; курсив мой. *В. А.*

[4]) Там же, стр. 219.

[5]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 27.

своими методами, приемами, логическими принципами, предпосылками и практическим критерием достоверности» [1]). Тов. Варьяш страх как хочет найти здесь зловредный дуализм. А я говорю, что *ни одного атома* онтологического или методологического дуализма здесь нет и что, напротив, всякий, кто в этом вопросе станет на точку зрения Варьяша, сейчас же, неизбежно должен будет слететь с «монистических» вершин в плоскость самого беспросветного релятивизма. Вы сомневаетесь? Вы требуете доказательств, т. Варьяш? — Извольте! Вспомните, например, что писал Маркс в 1868 году Кугельману по поводу *закона стоимости и теории стоимости*. «Так как процесс мышления,—писал Маркс,—сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом* (курсив Маркса), то *действительно понимающее мышление может быть лишь одним и тем же*, изменяясь только по степени и в зависимости от зрелости развития и в частности развития органа мышления. *Все остальное вздор*» [2]). Спрашивается, где здесь «однозначное» выведение логики, т.-е. законов «понимающего мышления» из исторически-обусловленных общественных потребностей? Об этом Маркс не говорит ни слова. И ни один последовательный марксист-диалектик, кроме запутавшегося релятивиста вроде Варьяша, не станет говорить об этом. Маркс не хуже Варьяша знает, что процесс мышления «сам вырастает из известных условий». Но из факта исторической обусловленности процесса мышления Маркс не делает никаких релятивистических выводов относительно логики. Наоборот. Именно потому, что логические формы и законы «сами вырастают в известных условий», они, по Марксу, действуют, как законы природы. А «законы природы,—говорит Маркс в том же письме,—вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются» [3]). Так думал Маркс. И так думает каждый последовательный, т.-е. не желающий сбиваться на релятивизм, марксист. И наоборот: стоит только уступить здесь хотя бы одну пядь Варьяшу—и тотчас же обязательно получится *релятивизм и вульгаризация* исторического метода. Если *логика* научной теории, т.-е. логическое содержание и обоснование,—словом, то, что Плеханов называл «особыми законами сочетания понятий и представлений», должна быть «однозначным и причинным образом» выведена из производственного процесса, то никакой теории истины, кроме сугубо-релятивистической, построить нельзя. И это настолько очевидно, что когда т. Варьяш попытался «доказать» свою «теорию», то, чтобы достигнуть хотя бы видимости доказательства, ему пришлось сделать в ходе доказательства логическую ошибку, а именно подменить понятие «логика теории» понятием «теория логики». Тов. Варьяш торжественно оповестил мир о сделанном им открытии, будто *логика* есть такой же исторический продукт, как и обусловленные производством общественные потребности, которыми выдвигались, вызывались к жизни научные проблемы и

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 7—8, стр. 216—217.

[2]) *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Письма. стр. 153; курсив мой. *В. А.*

[3]) Там же, стр. 153.

теории. В этом рассуждении ошибка замаскирована двусмысленностью слова «логика». А я эту двусмысленность раскрываю и говорю: если под словом «логика» вы изволите разуметь философские теории о логических формах, принципах и законах мышления, которые развивались от Аристотеля до Варьяша, то вы, конечно, правы. В этом пункте никто вас не оспаривает. Но ведь вы-то имели в виду иное! В вашем «доказательстве» вы, пользуясь двусмысленностью слова «логика», незаметно протаскиваете и вводите другое его значение, вы говорите уже не о теориях логики, но о логических основах теорий. Ваша эквивоция, ваша quaternio terminorum состоит именно в этом. Вы доказываете не историческую обусловленность логических систем и теорий, вы хотите доказать, что не теория, а те логические принципы, законы и формы, в которых выражается и которыми обосновывается достигнутое на данной ступени исторического развития знание, сами суть продукт истории и стоят в «однозначной и причинной зависимости» от производственных отношений.

— Но помилуйте, — защищается тов. Варьяш, — разве я не различаю теории логики от логики теории? Напротив, именно я-то и ввел впервые в нашу науку это различение! — И тов. Варьяш цитирует места, указывает страницы, где он это различение проводит. Признаюсь, мне было стыдно за т. Варьяша, когда я читал это место. Я не знал, чем об'яснить эту замечательную наивность: видеть ли в ней «прием» полемики, или редкий пример непонятливости. Здесь, как впрочем всюду, тов. Варьяш безбожно извращает смысл моего возражения, отвлекает внимание читателя от действительной путаницы, допущенной им в рассуждении. Я обвинял Варьяша не в том, что он вообще не понимает разницы между логикой теории и теорией логики, а в том, что Варьяш, признавая это различие на словах, формально, абстрактно, не помнит его и не проводит именно там, где оно как раз всего нужнее и где оно должно быть сохранено во всей отчетливости. Тов. Варьяш отвлеченно, формально это различие как будто видит, даже пытается сам его сформулировать. Но как он это делает! В своей книге и в ответной статье тов. Варьяш говорит: «вечным достоянием является не та или другая (логическая. *В. А.*) система—например, Аристотелевская,—а сама мыслительная способность человека вообще. Логика не тождественна с этой способностью, а есть лишь ее теория» [1]). Тов. Варьяш наивно думает, что в этой до отчаяния неясной, путаной фразе он серьезно отличает логику теории от теории логики. Заблуждаетесь, уважаемый моист! Если вы что-либо и отличаете здесь, то не логику теорий от теорий логики, а «мыслительную способность человека вообще» от логических теорий. Но с каких это пор и на каком основании логические принципы мышления превратились у вас в «мыслительную способность», с каких это пор «монизм» протаскивается ценой сумбурного смешения логики с психологией, а также путем реставрации старых-престарых и неуклюжих разговоров о «способностях», смеяться над которыми давно уже забыла история

---

[1]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 24; Монистический взгляд и т. д., стр. 149.

психологии. Ошибаетесь, последовательный «монист»! Логиче-ские принципы теории и «мыслительная способность человека вообще»—не одно и то же. Теорема Пифагора доказывается не при помощи «мыслительной способности человека вообще», но она не доказывается и при помощи «Органона» Аристотеля. Она доказывается при помощи логических принципов, логических операций, она выражается в логических формах мышления, об-ективное значение которых коренится в том, что наше мышление есть мышление предметное, познающее действительные связи того, что есть, и которые, как принципы мышления, должны быть строго отличаемы и от «способности мышления вообще» и от того, исторически обусловленного, теоретического отражения и выражения, которое эти принципы последовательно получали у Аристотеля, в логике Пор-Рояля, Декарта, Лейбница, Канта и Гегеля.—Так вот как проводите вы различие между логикой теорий и теориями логики! Вы хотели провести его, но с первых же шагов сбились и не различили, но смешали психологию с логикой. В этом ваша первая, не формально-силлогистическая, а существенная, принципиальная ошибка. Но вы и формальную ошибку сделали. Эта ошибка остается во всей своей красе и силе даже тогда, если мы сделаем вам уступку и «для простоты» согласимся с вами, будто вы точно отличаете «логику теорий» от «теорий логики». Формальная логическая ошибка, допущенная вами в доказательстве вашей «монистической» теории, состоит в следующем.

Вы желали доказать, что не только проблематика развивающейся науки, но и логические принципы обоснования научных теорий находятся в «однозначной и причинной зависимости» от экономического развития. А так как доказать это положение невозможно, ибо, как показал Плеханов, между законами сочетания понятий и внешними обстоятельствами, побуждающими нас открывать законы и строить теории, нет ничего общего, то вы подменили значение термина «логика» и, говоря о «логике», стали разуметь под нею не «логику теории», как вы—для доказательства вашей мысли—должны были сделать, а «теории логики». Эта подмена всего очевиднее в том месте вашей книги, где вы утверждаете, что «эта имманентность (логических принципов. *В. А.*) всегда останется относительной, представляя собой следствие из принятой логической системы... в этом случае сама, принятая в качестве масштаба, логика»... и т. д. [1]). Ни один способный понимать русскую речь человек не усумнится, что в этой вашей фразе «логика» на глазах читателей превратилась в «логическую систему», т.-е. из «логики теории» превратилась в «теорию логики». Результаты этой маленькой подмены налицо. В результате вы доказали совсем не то, что вы хотели и обещали доказать. Вы доказали (впрочем, и без вас всем известный, никакого открытия не составляющий факт), что теории логики, как и все остальные научные теории, изменялись в причинной зависимости от исторического развития, в последнем счете,—от развития экономических отношений. Так как вы обещали доказать одно положение, а на деле доказали совсем другое, то вы сделали ошибку, которая на языке формальной

---

[1]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 26.

логики называется ignoratio elenchi (т.-е. подмена доказываемого тезиса). Но так как в ваших рассуждениях эта подмена замаскирована, прикрыта однозвучностью термина «логика», в котором ходячее употребление смешивает всегда, а вы—не всегда, но именно в вашем доказательстве—смешали оба значения: и «логику теории» и «теории логики», то я имел полное право назвать вашу ошибку эквивоцией или quaternio terminorum. По этому поводу вы растерянно замечаете: «т. Асмус, повидимому, не очень сведущ в области формальной логики, ибо если это—ошибка, то во всяком случае—не quaternio terminorum, которая возможна лишь при силлогизме, где допускается и требуется только три термина» [1]). Стыдитесь, ученейший математический логик! Перелистайте свои учебники по логике! Термин quaternio terminorum возник, как показывает этимология слова, для обозначения логической ошибки, которая состоит в учетверении терминов силлогизма. Но так как условием или причиной такого учетверения (как и в вашем злосчастном «доказательстве») обычно оказывается гомонимия или однозвучность слова, которая есть источник множества подобных ошибок не только в одних силлогизмах, но и в других видах доказательств, например, в так называемых «кажущихся умозаключениях» и проч., то потому в логике, особенно в последнее время, вошло в обычай называть «эквивоцией» не только специально-силлогистическую ошибку « учетверения понятий», но, как верно замечает известный знаток формальной логики проф. А. Введенский, «и всякую ошибку, возникающую из-за однозвучности понятий, в чем бы эта ошибка ни состояла» [2]). Но так как термин «эквивоция» скорее характеризует причину происхождения рассматриваемой ошибки, чем ее логический состав, то большинство логиков, дорожащих точностью логических обозначений, предпочитают для указания логической природы данной ошибки не «эквивоцию», но именно quaternio terminorum. В своей рецензии я дважды и, как видно из сказанного, с полным основанием квалифицировал вашу ошибку назвав ее в первый раз «эквивоцией» [3]) (=экивоком), а во второй—quaternio terminorum [4]). Если же вы, т. Варьяш, и после сказанного будете настаивать на точности, то единственная уступка, которую я в этом вопросе могу сделать—и то не Вам, а моей логической щепетильности—состоит в том, что впредь (если мне только придется еще вспоминать о ней) я буду называть вашу ошибку не «эквивоцией», но только quaternio terminorum.

Из этого «пассажа» читатель ясно увидит, какой основательный полемист т. Варьяш и насколько пристала ему роль корректора и блюстителя логической терминологии. Нетрудно, впрочем, понять, откуда идет у Варьяша этот забавный педантизм, в котором он ухитрился перещеголять даже формальную логику, где термин quaternio terminorum применяется далеко не так узко. Тов. Варьяш знает. что термин этот возник для

[1]) А. Варьяш, Монистический взгляд и пр., стр. 146.
[2]) А. Введенский, Логика как часть теории познания. Спб. 1923, стр. 191.
[3]) «Под Знаменем Марксизма», № 7—8 за 1926 г., стр. 216.
[4]) Там же, стр. 217.

обозначения ошибки в силлогизме, а так как тов. Варьяш прин-
ципиальный «монист», т.-е. принципиально не желает понять,
какое различие существует между генетическим об'яснением и теоретическим анализом, то ему, разумеется, и
вдомек, каким это образом современная формальная логика может применять термин, возникший для характеристики силлогистической ошибки, к обозначению ошибок однородных по логическому смыслу, но не силлогистических.

Можно было бы покончить здесь с вопросом о «монизме» тов. Варьяша. Должен только напоследок сделать маленькое замечание. Тов. Варьяш напрасно гордится, приписывая себе честь открытия или углубления своего «монизма». Должен прямо сознаться: чем дальше «углублялся» я в теорию Варьяша, тем яснее начинал я понимать, что пресловутая теория «относительной имманентности», на которую тов. Варьяш, как на булавку, насаживает сразу и логическое доказательство и историческое об'яснение, страх как напоминает кое-какие генетические теории, принадлежащие ортодоксальным... идеалистам и мистикам. «Вот что писал, например, небезызвестный С. А. Алексеев (Аскольдов) в своей диссертации «Мысль и действительность». В трогательном согласии с идеями Варьяша этот почтенный идеалист оспаривает выдвинутую Гуссерлем и поддержанную Н. О. Лосским критику генетического психологизма. «Думать,—говорит Алексеев,—что... возникновение есть процесс, интересный лишь для психологии, это значит сильно преувеличивать маленькую лишь правду антипсихологизма. Н. О. Лосский,—продолжает он,—как и все антипсихологисты, не замечает, что возникновение, вообще генезис познавательного содержания в человеческом сознании, являясь некоторой цепью причин и следствий (курсив мой. *В. А.*), могущих обсуждаться с психологической и даже, быть может, физической точки зрения, имеет еще в себе и другую сторону, которую гносеологу не приходится игнорировать. Эта сторона есть известный вид познавательного обоснования через происхождение (курсив С. Алексеева). Можно было бы привести множество примеров из области различных наук, иллюстрирующих тот факт, что критерием истины весьма часто является ее происхождение...» [1]) (курсив С. Алексеева).

Это согласие между последовательным монистом-диалектиком Варьяшем и последовательным идеалистом-мистиком Алексеевым наводит на размышления. Оба они совпали не в бесспорной истине, а в заблуждении. Обоих об'единяет релятивистическая теория науки и органическая неспособность к различению генезиса научных теорий и их логического значения.

III.

Но спор между Варьяшем и мною идет не только в плоскости методологии. Работа Варьяша содержит ряд ошибок и в анализах исторических. Эти ошибки частью—прямое следствие основных методологических заблуждений т. Варьяша, отчасти же суть ошибки историко-философской интерпретации и

[1]) С. А. Алексеев (Аскольдов), Мысль и действительность. М. 1914, изд. «Путь», стр. 7.

вытекают из плохого понимания излагаемых систем. В своей рецензии—и без того затянувшейся—я только бегло мог указать т. Варьяшу часть его ошибок. Я даже согласен взять на себя часть вины за то непонимание, какое проявил т. Варьяш в своем ответе на мои возражения. Быть может, нужно было подробнее растолковать т. Варьяшу сущность его заблуждений. Ответ т. Варьяша подтверждает необходимость этого невеселого об'яснения. Тов. Варьяш почувствовал себя уязвленным в своей монопольной области (ведь он в истории философии единственный пока «последовательный монист») и в своем ответе решил какою бы то ни было ценой отпарировать все мои возражения. Я никогда не читал ничего более жалкого, недостойного и безвкусного! В этом ответе все замечательно—начиная с формы полемики и кончая ее содержанием. Здесь все знакомые уже нам из «методологии» «приемы» доходят в историко-философских «раз'яснениях» Варьяша до карикатуры.

Взять для примера, хотя бы Гуссерля. Тов. Варьяш решил использовать мои замечания, чтобы в своем ответе выдать самому себе похвальный лист за мастерство в применении диалектики. Варьяш не отрицает, что в критике Гуссерля он заострил вопрос о причинности. Он только утверждает, что это обязательно нужно было сделать—из высших соображений диалектики. Тов. Варьяш слыхал кое-что о том, что диалектика требует—в зависимости от изменяющихся условий развития—выдвигать в научной полемике на первый план те вопросы, в которых сосредоточивается актуальная идеологическая борьба современности. Ухватившись за этот—вполне правильный—общий принцип диалектики, т. Варьяш начинает утомительно и длинно доказывать мне, что современный спор между материализмом и идеализмом развертывается не вокруг вопроса о материи, а вокруг вопроса о причинности. Современные идеалисты—уверяет Варьяш—не решаются прямо отрицать существование материи и потому идут фронтальной атакой не против материи, а против каузальности.

Смысл этого поучения до наивности прост и ясен. Тов. Асмус—хочет доказать Варьяш—плохой диалектик; он не ориентируется в современных философских спорах: он по-старинке, с запозданием топчется вокруг вопроса о существовании материи. Другое дело—искушенный в диалектике Варьяш: он, видите ли, хорошо понимает, что в современных научных спорах, «в эпоху кинетической теории материи, электронной теории и т. д.», вопрос сегодняшнего дня есть уже не вопрос о бытии материи, но вопрос об универсальном значении принципа причинности. Что ответить основного философского спора о материальности мира. Это неправда, будто в современной философии ослабело напряжение основного философского спора о материальности мира. Это неверно думать, будто «в эпоху кинетической теории материи, электронной теории и т. д.» нападение идеалистов идет главным образом на фронт причинности. Конечно, вопрос о причинности имеет громадное значение. «Вопрос о причинности,—писал В. И. Ленин,—имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего «изма» [1]). Но как бы ни было велико напряжение этого вопроса в наши дни, вопросом о причинности не может быть оттеснен на второй план фун-

[1]) Н. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, ГИЗ 1925, стр. 112.

даментальный философский вопрос о материи. «Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи,—писал В. Ленин,—есть... вопрос который ставился с самого начала философии, вопрос, который... не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние»[1]. «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии, — спрашивает В. Ленин, — борьба идеализма и материализма» [2]. «Диалектическое перемещение спора в плоскость, главным образом, спора о причинности стояло бы в грубом противоречии со всем, что Ленин писал о новейшем идеализме. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин показал, что именно гигантские, как выражается Варьяш, успехи естествознания, открытия кинетической теории материи, электронной теории и т. д. были использованы современным идеализмом для нового похода против материализма и притом как раз в его основном онтологическом содержании, т.-е. для похода **против материи**. «Связь современного «физического» идеализма с кризисом современной науки,—писал Ленин,—общепризнана» [3]. «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. **Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками.** «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и якобы по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе» [4].

Тов. Варьяш напрасно поторопился сдать вопрос о материи в архив исторических древностей. Напрасно старается он убедить читателя, будто в наши дни этот вопрос уже второстепенный. Когда Ленин писал «Материализм и эмпириокритизм», были известны уже и кинетическая теория материи и теория электронов. Но это не помешало Ленину посмеяться над наивными людьми вроде Варьяша, которые думают, будто с прогрессом физики вопрос о существовании материи **уже** утратил свою остроту и значение. Как бы предвидя возможность «диалектических» конвертов в этом вопросе, Ленин прямо говорит в одном месте, что не по линии причинности идет основное, фундаментальное различие между идеализмом и материализмом: «Что касается Энгельса,—говорит Ленин, то ему не приходилось, если я не ошибаюсь, **специально по вопросу о причинности** противопоставлять свою материалистическую точку зрения иным направлениям. В этом для него не было надобности, раз он **в более коренному вопросу об об'ективной реальности внешнего мира** вообще отмежевал себя вполне определенно от всех агностиков» [5]. «Действительный важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления,—писал Ленин в другом месте,—состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных св[...]

---

1) Н. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Гиз, 1925, стр. 93—[...]
2) Там же, стр. 93
3) Там же, стр 2 7.
4) Там же, стр. 239; курсив мой. *В. А.*
5) Там же, стр. 114; курсив мой. *В. А.*

зей и могут ли быть эти описания выражены в точной математической формуле,—а в том, является ли источником нашего познания этих связей об'ективная закономерность природы или свойства нашего ума»[1]) и т. д.

Как видит читатель, т. Варьяш, пожалуй, несколько поторопился выдать самому себе награду за гибкость и тонкость диалектики. По правде говоря, мне эта торопливость кажется подозрительной. Я даже сомневаюсь, можно ли ее об'яснить одним только научным тщеславием тов. Варьяша и его самодовольством. Не лежит ли более глубокая причина ее в том, что т. Варьяшу не очень хочется остаться лицом к лицу перед вопросом о материи, и не потому ли он стремится отвлечь внимание читателей от действительно капитального и основного вопроса философии к вопросу очень важному, но все же производному?

Но если б даже Варьяш был прав, если бы диалектика современных научных дискуссий выдвинула в очередь дня вопрос о причинности, как основной,—то и в этом случае мои замечания по поводу Гуссерля не потеряли бы своей силы. Здесь, как и во множестве других случаев, Варьяш постыдно извратил и замазал самую суть моих возражений. В моей рецензии я доказывал, что Варьяш крайне неудачно, крайне неловко критикует Гуссерля. Но корень этой неудачи я усматривал вовсе не в том, будто, критикуя Гуссерля, Варьяш вообще заострил вопрос о причинности. Такое заострение действительно есть, я в своем месте его отметил, и сам Варьяш его не отрицает. Но главный смысл моих возражений против критики Варьяша лежал не в этом. Я обвинял тов. Варьяша прежде всего в неточном, неряшливом изложении, в недопустимом грубом извращении учения Гуссерля по этому вопросу. Я обвинял Варьяша в том, что—прежде даже чем говорить о том, правильно или неправильно толкует Варьяш «сущность теории сущностей»—его «изложение» Гуссерлевской теории причинности есть недостойное извращение, безбожное перевирание учения Гуссерля, и перевирание тем более недопустимое, что сам же тов. Варьяш в своей книге дал торжественное обещание—стремиться к «максимальной точности» [2]) и заявил, что «при изложении авторов мы всюду старались дать точное изложение хода их мысли» [3]). Тов. Варьяш «опровергал» Гуссерля, утверждая, что теория Гуссерля лишена возможности «воспользоваться принципом причинности в целях реального об'яснения действительности» [4]). Но это—чистейшая выдумка. По Гуссерлю—действительному, а не выдуманному—как раз «в целях реального об'яснения действительности», причинность есть принцип—универсальный. Там, где речь идет о реальном об'яснении явлений природы, Гуссерль признает принцип причинности в самом универсальном, в самом категорическом смысле, не допускающем никаких ограничений, никаких исключений. В этом вопросе Гуссерль, как сторонник принципа каузальности, нисколько не уступит «самому» тов. Варьяшу. Скажем более. Свое утверждение

[1]) Там же, стр. 117; курсив мой. *В. А.*
[2]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 7.
[3]) Там же, стр. 7.
[4]) Там же, стр. 16; курсив мой. *В. А.*

универсального значения причинности Гуссерль обосновывает гораздо конкретнее, чем Варьяш. Гуссерль не оглушает читателя фразами à la Бранд-Варьяш: причинность для меня или универсальный принцип, или ничто. Гуссерль прямо говорит: «Все реальные свойства—каузальны» [1]). «Всякая вещь имеет свою природу... благодаря тому, что она есть центр об'единения причинностей внутри единой всеохватывающей природы (der einen Allnatur)» [2]). По Гуссерлю, все реальные свойства тел предполагают возможность их изменений, сами же изменения эти выражаются в причинных (каузальных) законах и могут быть определяемы «только через эти законы» [3]). Поэтому, по Гуссерлю, всякое «исследование того, что такое на самом деле есть вещь,... необходимо приводит к каузальным связям и заканчивается в определении соответствующих об'ективных свойств, как закономерных» [4]).

Ни один добросовестный критик Гуссерля, кроме Варьяша, не вывел бы отсюда заключения, будто Гуссерль «уничтожает» принцип причинности в деле реального научного об'яснения явлений природы. Софизм философии Гуссерля не в этом. Универсальное значение науки с ее каузальным принципом Гуссерль признает не хуже Варьяша, а по части пафоса, пожалуй, оставит Варьяша далеко позади себя. «Быть может, во всей жизни нового времени,—говорит Гуссерль,—нет идеи, которая была бы могущественнее, неудержимее, победоноснее идеи науки. Ее победоносного шествия ничто не остановит. Она на самом деле оказывается совершенно всеохватывающей по своим правомерным целям» [5]). Софизм феноменологии Гуссерля состоит в том, что, помимо реальных, фактических связей «существования», она пытается наметить особую сферу проблематики—сферу «нереальных», «эйдетических» связей сущностного. Здесь фундаментальное заблуждение Гуссерля. И ясно, что критика этого заблуждения не может итти по линии вопроса о причинности. Для разоблачения этого софизма анализ причинности недостаточен. Здесь необходимо вскрыть основной—онтологический—дуализм Гуссерля, показать несостоятельность, мнимую сущность тех «новых» об'ектов, которые он ставит перед «феноменологией».

Так вот в чем разногласия между мною и Варьяшем по вопросу о Гуссерле. Я не «защищаю» Гуссерля. Только такой беззаботный извратитель чужих слов, как Варьяш, мог приписать мне нелепое желание «защитить» Гуссерля [6]). Я только считаю, что извращение критикуемой теории не есть еще ее действительное опровержение и что такая «критика»

[1]) Э. Гуссерль, Философия как строгая наука, «Логос», 1911, ч. I, стр. 24; курсив мой. *В. А.*

[2]) Там же, стр. 24; курсив мой. *В. А.*

[3]) Там же, стр. 24; курсив мой. *В. А.*

[4]) Там же, стр. 24; курсив мой. *В. А.*

[5]) Там же, стр. 8; курсив мой.

[6]) Бессовестность этого «полемического, приема Варьяша бросится в глаза каждому, кто читал мою статью, в которой я не только раскритиковал «критику» Варьяша, но также показал, в чем должна состоять действительная критика Гуссерля (См. «Под Знаменем Марксизма» 1926 г. № 7—8, стр. 221—222).

приносит нам вред, а не пользу, ибо она ставит в смешное положение самого критикующего. В этом смысле я говорил, что Гуссерль и «не собирается» обосновывать принцип причинности, что философия Гуссерля есть «философия не-реального», что «своеобразие» его философии—в попытке дополнить науку об'ектами не причинного, а «сущностного» уразумения. Тов. Варьяш, не обратив, разумеется, ни малейшего внимания на то, что слова «не собирается» стоят у меня в кавычках, принимает их в буквальном смысле и начинает раз'яснять мне, что я—не прав, что Гуссерль обещал опубликовать феноменологический анализ также и причинности, и если до сих пор еще не успел напечатать его, то только потому, что остался им, должно быть, не совсем доволен.

Нисколько не сомневаюсь в этом. «Феноменология» Гуссерля принципиально изучает—«все», в том числе, стало быть, и причинность. Феноменология Гуссерля, пожалуй, даже самого тов. Варьяша может изучить и найти в нем его «материальное сущностное ядро». Но если Гуссерль—что я вполне охотно допускаю—и опубликует когда-нибудь феноменологический анализ причинности, то этим ни в малейшей мере не будет поколеблен тот факт, что феноменологическая «редукция» Гуссерля принципиально исключает всякое об'яснение посредством причинности. Сам Гуссерль писал об этом с полной ясностью: «В теории познания,—говорит Гуссерль,—которая хочет сохранить свой однозначный смысл, должно принципиально быть исключено как всякое научное, так и всякое донаучное становление природы, а с ним вместе и все высказывания, которые внутренно заключают в себе положительные (thetische), экзистенциальные утверждения о вещностях в пространстве, времени, причинных связях и проч.»[1]).

Дуалистический смысл этого учения совершенно ясен. Все природное, весь мир реальных связей существования, включая сюда и психическое[2]), подчинен—без малейшего ограничения—принципу причинности. Но сверх мира реального изменения и становления, над ним есть еще мир «смысла», царство «сущностных связей». Здесь принципом познания будет уже не причинность, но «сущностное уразумение». Гуссерль и его школа считают, что здесь дуализма никакого нет, что мир сущностей не сверх природы, но в ней же, что здесь различие

[1]) Э. Гуссерль, Философия как строгая наука, стр. 13; курсив мой. *В. А.*

[2]) Здесь не будет бесполезно особо отметнть, что каузальный принцип Гуссерль распространяет не только на мнр физической природы, но также целиком и на психическое, поскольку оно есть об'ект естественно-научного изучения. «Всякое психологическое определение,—говорит Гуссерль,—есть тем самым психо-физическое именно в том широком смысле, что оно одновременно обладает и никогда не погрешающим физическим соозначением. Даже и там, где психология—опытная наука—сосредоточила свои силы на определении самих процессов сознания, а не психофизических зависимостей в обычном узком смысле слова, даже н там эти процессы мыслятся, как процессы природы, т.-е. как относящиеся к человеческим или животным сознаниям, которые, в свою очередь, имеют само собою разумеющуюся н доступную пониманию связь с телами людей илн животных... Итак, будем считать твердо установленным следующее положение: всякое психологическое суждение заключает в себе экзистенциальное полагание физической природы, безразлично—выраженное или невыраженное» (Э. Гуссерль, Философия как строгая наука, стр. 11; курсив мой. *В. А.*).

не двух *миров*, но двух различных способов установки (Einstellung), *на один и тот же мир*. А мы говорим, что здесь—несомненный *дуализм* и что теория Гуссерля есть реставрация идеалистического раздвоения мира. Вскрыть этот дуализм значит опровергнуть Гуссерля. Вот что я писал в рецензии. Не правда ли, это похоже на «защиту» Гуссерля?

Но т. Варьяшу мало того, что он бестолково изложил учение Гуссерля. Уличенный в ошибке, он и тут, на своей ошибке пытается капитал сколотить, воспользоваться ею, чтобы продекламировать мне еще несколько наставлений. «Тов. Асмус,—пишет Варьяш,—старается перенести точку опоры в критике гуссерлианства на другой вопрос, а, именно, будто у Гуссерля основным принципом является автономия сущностной области. *Тов. Асмус верил словам, когда надо было бы смотреть на «сущность»* философии сущностей, каковая состоит именно в водворении сущностей *для отмены причинного исследования явлений*»[1]). В этой на редкость бессовестной фразе тов. Варьяш замахивается на меня бесспорным *общим местом* и тем самым замазывает свою грубейшую *фактическую* ошибку. Верно, что анализ идеологии не должен ограничиваться *воспроизведением* формального хода мыслей; он должен взвешивать удельный вес каждого отдельного мотива, определять доминанту, докапываться до корней, до глубочайших *интересов, тенденций*, в конечном счете—классовых, сознательно или бессознательно движущих автором теории. Все это—истины бесспорные. Лошади кушают овес и сено. Волга впадает в Каспийское море. Варьяш хочет быть монистом. Все это так. *Этого* можно было мне и не доказывать. Но никакой, даже самый глубокий анализ даже самых последних скрытых целей теории[2]) не должен превращаться в игнорирование, отрицание или прямое извращение прямого и точного смысла ее учений. Истолкование не есть искажение. Интерпретация не есть импровизация. Анализ не есть выдумка. А в цитированной фразе Варьяша, особенно в подчёркнутых мною словах, под аккомпанемент «диалектической» проповеди протаскивается явная, нелепая и ненужная выдумка. Это вздор—утверждать, что феноменология Гуссерля задумана «для отмены причинного исследования явлений». Нигде, ни в каком месте, ни в каком издании своих сочинений Гуссерль—ни формально, ни по сути—не говорит, будто мир явлений не подлежит принципу причинности. Цель Гуссерля, глубочайший мотив, доминанта его философии—водворение онтологического дуализма. «Не верить» Гуссерлю надо, но не в вопросе о причинности, а там, где он утверждает, что в его учении о двойственной установке познания дуализма нет. *Сюда* должна быть направлена критика гуссерлианства. Но, конечно, не Варьяшу, считающему основной *онтологический* вопрос философии—второстепенным, разрешить эту задачу.

---

[1]) А. *Варьяш*, Монистический взгляд и т. д., стр. 144; курсив мой. *В. А.*

[2]) В своей статье «Бергсон и его критика интеллектуализма» («Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 3) я *на деле, в конкретном* анализе показал, насколько я доверяю *словам* буржуазных идеологов.

IV.

Я долю размышлял, пытаясь выяснить себе, почему в «Истории новой философии» Варьяша так много «философии» и так мало «истории». Поразмыслив, я составил—не смею сказать твердое убеждение,—но во всяком случае—гипотезу. Я выскажу ее здесь именно в этом качестве—как гипотезу.

Я думаю, секрет некоторых неудач тов. Варьяша в том, что он пришел к истории философии—со стороны, т.-е. от других наук. Но по этому поводу, чувствую, я должен сказать несколько слов о специализме.

В своей рецензии я писал, что работа Варьяша страдает специализмом. Тов. Варьяш, со свойственной ему и далеко не часто встречающейся тонкостью понимания, истолковал мои замечания в том смысле, будто я рекомендую, чтобы науками, например, математикой или химией, занимались не специалисты-математики или химики, а «ученые вообще». По этому поводу т. Варьяш, натурально, пришел в негодование и разразился вдохновенной и бурной проповедью, которая заканчивается эффектным призывом: «Да здравствует специализм!».

Успокойтесь, дорогой товарищ! Ни, я об'явленный дуалист и эклектик, ни, смею сказать, никто из моих московских товарищей, на которых вы, со свойственной вам прямотой и смелостью, не называя их по именам, таинственно намекаете—в вашей финальной проповеди и в других местах вашей статьи,—как на моих вдохновителей и сообщников, не идут походом против специализма и в частности против вас, ученый специалист! Более того. Я даже серьезно думаю, что в вашей «Истории новой философии» было бы гораздо меньше недостатков и ошибок, если бы... Вы были более сведущим специалистом по истории философии. Вы опять все перепутали и не поняли самой сути моего замечания. Я возражал не против ваших специальных познаний и открытий в области «аналитических функций, сингулярных решений дифференциальных уравнений и т. д.». Я возражал против обнаружившегося в Ваших историко-философских анализах стремления излагать в с ю историю философии с точки зрения математики и математической логики, с точки зрения чрезвычайно специальной, но для и с т о р и ч е с к и х целей—слишком у з к о й, о д н о б о к о й, н е д о с т а т о ч н о й. Только ваша фантазия могла внушить вам нелепую мысль, будто я восстаю против специализма в о о б щ е. Я восстаю только против попыток решать с п е ц и а л ь н ы е проблемы одной науки (в данном случае—истории философии)—методами и средствами—тоже специальными,—но д р у г о й науки. В этом слове «другой»—все дело. Свой отвод против вашего специализма я заявил как раз в с п е ц и а л ь н ы х интересах истории философии. Поняли, уважаемый специалист? Может быть, хотите пример?—Эволюционная теория Дарвина, сама по себе—хорошая вещь, специальная вещь; социология, сама по себе—тоже хорошая вещь, тоже специальная вещь; но попытка разрешить с п е ц и а л ь н ы е проблемы с о ц и о л о г и и путем простого перенесения в социологию с п е ц и а л ь н ы х понятий, методов и законов эволюционной теории—очень плохая вещь и называется на нашем языке не прогрессом специальной науки социологии, а в у л ь г а р и з а ц и е й

не двух миров, но двух различных способов установки (Einstellung), на один и тот же мир. А мы говорим, что здесь—несомненный дуализм и что теория Гуссерля есть реставрация идеалистического раздвоения мира. Вскрыть этот дуализм значит опровергнуть Гуссерля. Вот что я писал в рецензии. Не правда ли, это похоже на «защиту» Гуссерля?

Но т. Варьяшу мало того, что он бестолково изложил учение Гуссерля. Уличенный в ошибке, он и тут, на своей ошибке пытается капитал сколотить, воспользоваться ею, чтобы прокламировать мне еще несколько наставлений. «Тов. Асмус,— пишет Варьяш,—старается перенести точку опоры в критике гуссерлианства на другой вопрос, а, именно, будто у Гуссерля основным принципом является автономия сущностной области. Тов. Асмус верил словам, когда надо было бы смотреть на «сущность» философии сущностей, каковая состоит именно в водворении сущностей для отмены причинного исследования явлений»[1]). В этой на редкость бессовестной фразе тов. Варьяш замахивается на меня бесспорным общим местом и тем самым замазывает свою грубейшую фактическую ошибку. Верно, что анализ идеологии не должен ограничиваться воспроизведением формального хода мыслей; он должен взвешивать удельный вес каждого отдельного мотива, определять доминанту, докапываться до корней, до глубочайших интересов, тенденций, в конечном счете—классовых, сознательно или бессознательно движущих автором теории. Все это—истины бесспорные. Лошади кушают овес и сено. Волга впадает в Каспийское море. Варьяш хочет быть монистом. Все это так. Этого можно было мне и не доказывать. Но никакой, даже самый глубокий анализ даже самых последних скрытых целей теории[2]) не должен превращаться в игнорирование, отрицание или прямое извращение прямого и точного смысла учений. Истолкование не есть искажение. Интерпретация не есть импровизация. Анализ не есть выдумка. А в цитированной фразе Варьяша, особенно в подчеркнутых мною словах, под аккомпанемент «диалектической» проповеди протаскивается явная, нелепая и ненужная выдумка. Это вздор—утверждать, что феноменология Гуссерля задумана «для отмены причинного исследования явлений». Нигде, ни в каком месте, ни в каком издании своих сочинений Гуссерль—ни формально, ни по существу не говорит, будто мир явлений не подлежит принципу причинности. Цель Гуссерля, глубочайший мотив, доминанта его философии—водворение онтологического дуализма. «Не верить» Гуссерлю надо, но не в вопросе о причинности, а там, где он утверждает, что в его учении о двойственной установке познания дуализма нет. Сюда должна быть направлена критика гуссерлианства. Но, конечно, не Варьяшу, считающему основной онтологический вопрос философии второстепенным, разрешить эту задачу.

---

[1]) А. Варьяш, Монистический взгляд и т. д., стр. 144; курсив мой. *В. А.*

[2]) В своей статье «Бергсон и его критика интеллектуализма» («Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 3) я на деле, в конкретном анализе показал, насколько я доверяю словам буржуазных идеологов.

IV.

Я долго размышлял, пытаясь выяснить себе, почему в «Истории новой философии» Варьяша так много «философии» и так мало «истории». Поразмыслив, я составил—не смею сказать твердое убеждение,—но во всяком случае—гипотезу. Я выскажу ее здесь именно в этом качестве—как гипотезу.

Я думаю, секрет некоторых неудач тов. Варьяша в том, что он пришел к истории философии—со стороны, т.-е. от других наук. Но по этому поводу, чувствую, я должен сказать несколько слов о специализме.

В своей рецензии я писал, что работа Варьяша страдает специализмом. Тов. Варьяш, со свойственной ему и далеко не часто встречающейся тонкостью понимания, истолковал мои замечания в том смысле, будто я рекомендую, чтобы науками, например, математикой или химией, занимались не специалисты-математики или химики, а «ученые вообще». По этому поводу т. Варьяш, натурально, пришел в негодование и разразился вдохновенной и бурной проповедью, которая заканчивается эффектным призывом: «Да здравствует специализм!».

Успокойтесь, дорогой товарищ! Ни, я об'явленный дуалист и эклектик, ни, смею сказать, никто из моих московских товарищей, на которых вы, со свойственной вам прямотой и смелостью, не называя их по именам, таинственно намекаете—в вашей финальной проповеди и в других местах вашей статьи,—как на моих вдохновителей и сообщников, не идут походом против специализма и в частности против вас, ученый специалист! Более того. Я даже серьезно думаю, что в вашей «Истории новой философии» было бы гораздо меньше недостатков и ошибок, если бы... Вы были более сведущим специалистом по истории философии. Вы опять все перепутали и не поняли самой сути моего замечания. Я возражал не против ваших специальных познаний и открытий в области «аналитических функций, сингулярных решений дифференциальных уравнений и т. д.». Я возражал против обнаружившегося в Ваших историко-философских анализах стремления излагать в с ю историю философии с точки зрения математики и математической логики, с точки зрения чрезвычайно специальной, но для и с т о р и ч е с к и х целей—слишком у з к о й, о д н о б о к о й, н е д о с т а т о ч н о й. Только ваша фантазия могла внушить вам нелепую мысль, будто я восстаю против специализма в о о б щ е. Я восстаю только против попыток решать с п е ц и а л ь н ы е проблемы одной науки (в данном случае—истории философии)—методами и средствами—тоже специальными,—но д р у г о й науки. В этом слове «другой»—все дело. Свой отвод против вашего специализма я заявил как раз в с п е ц и а л ь н ы х интересах истории философии. Поняли, уважаемый специалист? Может быть, хотите пример?—Эволюционная теория Дарвина, сама по себе—хорошая вещь, специальная вещь; социология, сама по себе—тоже хорошая вещь, тоже специальная вещь; но попытка разрешить с п е ц и а л ь н ы е проблемы с о ц и о л о г и и путем простого перенесения в социологию с п е ц и а л ь н ы х понятий, методов и законов эволюционной теории—очень плохая вещь и называется на нашем языке не прогрессом специальной науки социологии, а в у л ь г а р и з а ц и е й

и натурализацией социологического метода. Или еще. Математика—прекрасная вещь, учение о множествах—великолепнейшая вещь, логистика... гм?—ну, словом,—почтенная вещь. Но распластать всю историю философии на Прокрустовом ложе логистики, подойти ко всей истории философии только, или хотя бы преимущественно, с точки зрения математики—это значит упрощать, схематизировать, извращать историю философии. Это значит, быть может, даже не знать всего, что полагается знать для того, чтобы писать историю философии. Ваш для примера хотя бы то, что у вас вышло с Кантом. Я нахожу, что в этом «пассаже» вам не хватило именно специально-исторических сведений—по истории рационализма XVIII века. Впрочем, ошибаюсь: в этом «пассаже» вам помешал еще и другой ваш недостаток, к которому, я надеялся, мне уже не придется возвращаться, но который, волей-неволей, пришлось вспомнить: это—ваша неверная, преувеличенная мысль, будто в настоящее время («диалектический» курсив—Ваш) основное различие между материализмом и идеализмом идет по линии причинности. Вот тут-то я и ловлю вашу «диалектику» на слове. Если вы действительно думали, как вы уверяете, в своем ответе, что различие между идеализмом и материализмом в вопросах причинности оказывается главным различием не всегда, не в философии вообще (о, диалектик!), но только в современной философии, то чем об'яснить, что это же самое различие—по вопросу причинности—вы считаете капитальным не только для современных идеологов—вроде Гуссерля,—но и для Канта?

На самом деле вы думаете иначе. В своей книге вы писали: «Отличие между материализмом и идеализмом в понимании причинности является самым радикальным, какое только можно мыслить» [1]). В этой фразе, как видно из контекста, в частности из следующей фразы, вы говорите об идеализме не в смысле вашей хитрой «диалектики», не о современном идеализме, а об идеализме вообще. Это—во-первых. Усвоив этот общий, но неверный принцип, вы стали утверждать, что идеализму недоступно понимание различия между реальной причинностью и достаточным основанием: «если два явления a и b, — пишете вы,—относятся друг к другу как причина и действие, то выражаемые через «a» и «b» понятия этих явлений находятся между собой в зависимости по достаточному основанию. Идеалисты,—пишете вы,—сомневаются в правомерности такого различия» [2]). Идеалисты,—утверждаете вы,—склонны смешивать две совершенно различные вещи: «1) взаимную связь истин и 2) взаимную связь действительно существующих вещей» [3]). Это—во-вторых.

Но ваши эти утверждения—неверны. Они неверны не вообще, но именно исторически. Нельзя говорить, как вы это делаете, об идеализме вообще. О каких исторических, дей-

---

[1]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 13; курсив автора.

[2]) Там же, стр. 18; курсив автора.

[3]) Там же, стр. 17—18.

ствительных идеалистах изволите вы говорить? Вот тут я и возражаю: это неверно, будто все идеалисты не различали между реальной причинностью и достаточным основанием. Многие не различали. Но были и такие, что различали. В развитии идеализма тоже есть диалектика. Рационалистический идеализм XVIII в., идеализм Лейбница и даже Вольфа—это одно, суб'ективный идеализм Канта—совсем другое. Вы же все эти различия валите в одну кучу. Вам это нужно для поддержки вашей излюбленной мысли, будто причинность есть та лакмусова бумажка, по которой одной сразу можно отличить идеалиста от материалиста. Хорошо понимаю вас, даже сочувствую. К сожалению, помочь ничем не могу. Исторически дело шло не так просто. Сразу не отличишь. Вот, например, Кант, Шопенгауэр. И идеалистами были, а реальную причинность от логического достаточного основания отличали.

Обо всем этом я написал в рецензии. Даже цитаты из Канта—для наглядности—привел. А что вышло из этого?

Здесь должен прямо сказать—вышло такое, что и писать совестно. Изобличенный в исторической ошибке, т. Варьяш притворился, что моего возражения не понимает. Он и раньше это делал. Но на сей раз вышло особенно удачно. В своем ответе он, не краснея, делает вид, будто смысл моего возражения—в том, что я обвинил его в... кантианстве! И Варьяш защищается, доказывает, что он—не кантианец.

Не трудитесь, т. Варьяш, не надо: верю без всяких доказательств. Не трудитесь, так как в этом я вас никогда не обвинял и даже надеюсь, что и впредь (хотя трудновато поручиться за ближнего) никогда обвинять не буду. Вы приписали мне ваш собственный прием полемики. Это только вы имеете обыкновение, вместо ответа на деловые и конкретные возражения, оглушать ваших оппонентов словечками: дуализм, эклектизм, «не-марксизм» и тому подобными. Мои приемы—несколько иного свойства. Я оставляю вам в полной неприкосновенности и ваш «марксизм», и вашу «диалектику». Я принимаю за данное, что и то и другое—налицо, и занимаюсь только определением их качества.

Переходя вновь к конкретностям, к Канту, замечаю, что, помимо чрезвычайно удачного вашего приема,—искусно приписанного мне вами желания обвинить вас в кантианстве—в вашей статье есть другое—не менее сильное—возражение, на этот раз уже «по существу». Вся 153-я страница вашего ответа заполнена этим беспримерным «возражением», равного которому по бессовестности и по исторической наивности мне не приходилось еще читать в серьезной полемической литературе. А именно: в рецензии я привел важное место из статьи Канта против Эбергарда, где Кант ясно устанавливает различие между логическим и реальным основанием. Так как Варьяш в своем ответе смазал это—невыгодное для него—место, то я, к сожалению, должен привести его вновь: «Всякое положение,—говорит Кант,—должно иметь основание,—это—логический (формальный) принцип познания, который не стоит рядом с положением противоречия, а подчиняется ему. Всякая вещь должна иметь свое основание,—это—трансцендентальный (материальный) принцип, который никто никогда не

доказал из положения противоречия (и вообще из одних только понятий, без отношения к чувственной интуиции) и не докажет» [1]). Эту и другую цитату из Канта я привел не для того, чтобы доказать, будто Варьяш—кантианец. Я привел ее, чтобы показать, насколько извращает Варьяш *историческую* перспективу, приписывая *всем* идеалистам «предрассудок, будто зависимость между истинами и зависимость вещественная *логически* неразличимы» [2]). Вот, например,—Кант и кантианцы. Идеалистами были, а «зависимость между истинами» и «зависимость вещественную» *логически* различали. Мало того. Кант не только «признает» различие между *логическим* основанием и *реальной* причиной. Кант на нем *настаивает*, его *подчеркивает*, к нему постоянно возвращается. Кант прямо упрекает логику за то, что она этого различия не замечает. Кант говорит: «Основание... всегда должно быть нечто иное, чем следствие, и кто в основание не может привести ничего иного, кроме самого данного следствия, тот признает, что он не знает (или в самом деле нет) никакого основания! А *это различие или просто логическое* (*в способе представления*—in der Vorstellungsart) или *реальные* (*в самом об'екте*—in dem Objecte selbst)... Реальное же различие есть именно то, которое нужно для синтетического суждения. *Логика, говоря, что суждения* (асерторические) *должны иметь основание, вовсе не заботится об этом различии* и абстрагирует от него, потому что оно относится к содержанию познания (weil er auf den Inhalt der Erkenntniss geht). *Но когда говорят: всякая вещь имеет свое основание, то подразумевается всегда под этим реальное основание*» [3]).

Так и последователь Канта—Шопенгауер—неоднократно касается «в высшей степени важного различия между основанием познания и причиною» [4]), а в историческом очерке развития закона достаточного основания критикует исторические образчики «смешения и подмены *логического* закона основы познания *трансцендентальным физическим законом причины и действия*» [5]). В частности, говоря о Вольфе, Шопенгауер хвалит его за то, что Вольф «*первый отчетливо выделил оба главные значения нашего основного закона и выяснил разницу между ними*» [6]). Здесь же Шопенгауер отмечает, что уже Вольф «настаивал» на том, что «нельзя путать закона достаточного основания с законом причины и действия» [7]).

---

[1]) I. Kant, Ueber eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll. 1790. Изд. Гартенштейна, B. III, стр. 319, раздел A: Beweis der objectiven Realität des Begriffs vom zureichenden Grunde, nach Herrn Eberhard,-S. 327 ff.

[2]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 18; курсив мой. *В. А.*

[3]) Письма Канта к Рейнгольду (изд. Hartenstein, B. X, S. 508 ff.); курсив мой. *В. А.*

[4]) Шопенгауер, О четверояком корне и т. д., гл. II, § 6, стр. (М. 1900).

[5]) Там же, стр. 8; курсив мой. *В. А.*

[6]) Там же, § 10, стр. 17; курсив мой. *В. А.*

[7]) Там же, стр. 17.

Так было дело в действительности. Казалось бы, чего яснее? Ан нет, т. Варьяш и тут не унимается. Пойманный, уличенный в исторической ошибке, Варьяш начинает вывертываться. Он извращает ясный и точный смысл моих исторических поправок и старается представить наш спор в таком свете, будто я утверждал, что Варьяш представляет соотношение между логическим основанием и реальной причиной совершенно так же, как Кант. И Варьяш с негодованием доказывает, что, хотя Кант это различие проводил, однако, в совершенно ином смысле, чем это делает Варьяш. По словам Варьяша, «Кант различает эти принципы, как различал их уже Лейбниц, и различает в аналогичном смысле, что и Лейбниц» [1]).

Значит, все-таки различал! Значит, все-таки ошибался т. Варьяш, значит, неверно, что «все идеалистические искажения этого принципа (принципа причинности. *В. А.*) покоятся на пренебрежении одним чрезвычайно важным различием» [2]), а именно—различием между «взаимной связью истин» и «взаимной связью действительно существующих вещей» [3]). Но этого мало. Свое позорное отступление Варьяш прикрывает новой исторической ошибкой. Варьяш утверждает, что проводимое Кантом различие есть различие—традиционное в идеализме, общее у Канта с Лейбницем. Но это различие у Канта—не традиционное и не тождественное с различением Лейбница! Традиционна здесь только ошибка Варьяша, который просто повторяет обычное, шаблонное и поверхностное представление о рационализме XVIII века. Если бы Варьяш лучше знал историю рационализма, если бы он был знаком с ним по новейшим специальным о нем исследованиям, то тогда он понимал бы, почему именно Кант должен быть назван первым из мыслителей XVIII века, который противопоставил логическое основание—вещественному принципу причинности в совершенно новом и далеко не традиционном смысле. Особенно забавно, что Варьяш, о котором я, судя по его книге, думал, что он порядочно знает и понимает Лейбница, утверждает, что Кант «различает эти принципы» «в аналогичном смысле, что и Лейбниц». Варьяш не понимает, что между последовательным рационалистом Лейбницем и суб'ективистом-скептиком Кантом именно в этом пункте—при видимой генетической близости—целая пропасть принципиальных различий. Для Лейбница, а также для его последователя и продолжателя Вольфа логическая связь истин имеет свое основание в реальной связи вещей. В школе Лейбница—Вольфа raison (ratio) означает не только способность уразумения, но также и уразумеваемое, т.-е. саму связь вещей. Так, по определению Лейбница, «La raison est la verité connue, dont la liaison avec une autre moins connue fait donner notre assentiment à la derniere. Mais particulierement et par excellence on l'appelle raison, si c'est la cause non seulement de notre jugement, mais encore de la verité même, ce qu'on appelle aussi raison à priori, et la cause dans les choses repond à

---

[1]) А. Варьяш, Монистический взгляд и т. д., стр. 153.

[2]) А. Варьяш, История новой философии, т. I, ч. 1, стр. 17; курсив мой. *В. А.*

[3]) Там же, стр. 17—18.

la raison dans les verités [1]). Поэтому в школе Лейбница—Вольфа принцип достаточного основания излагается **не в логике**, **а в онтологии**, а у Вольфа логика, предшествуя онтологии в порядке последовательности **методической**, **принципиально**, однако, сама покоится на **онтологии** [2]). Поэтому в школе Лейбница—Вольфа априорное доказательство рассматривается, как **чисто-аналитический** процесс, ибо посредством доказательства мы—в демонстративной форме—обнаруживаем лишь то, что содержится в вещи реально. Поэтому в учении Лейбница не могла возникнуть та противоположность **аналитических и синтетических** суждений, которая играет, как известно, капитальную роль в «критическом» (=суб'ективно-скептическом) идеализме Канта. С точки зрения Лейбница либо надо говорить, что **все** аналитические суждения суть в то же время—априорные синтетические, либо отказаться вовсе от особого термина для априорных синтетических суждений [3]). Напротив, у Канта его разделение суждений на аналитические и синтетические есть разделение **фундаментальное** и имеет в качестве необходимой предпосылки различие **логического** и **реального** основания. Введя различие логического и реального основания, Кант получил возможность ввести различие аналитических и априорных синтетических суждений. А на этом различии покоится весь трансцендентальный идеализм. Поэтому у Канта **онтология** превращается в **логику**, а закон достаточного основания лишается того смысла, какой он имел в рационализме. Ни в каком другом факте не обнаруживается с такой очевидностью **разрыв Канта с традицией классического рационализма**, с традицией Лейбница и Вольфа, как в той настойчивости, с какою Кант вводит свое отличие **логического основания от реального**. Различие это было нужно Канту именно для обоснования **трансцендентального** идеализма.

В свете сказанного читатель без труда оценит основательность историко-философских представлений Варьяша, который утверждает, что Кант различал **логическое и реальное** основание в том же смысле, что и Лейбниц [4]). Особенно комична чванная серьезность, с какой тов. Варьяш поучает меня, доводя до моего сведения ряд, очевидно, укрывшихся от моего взора истин, вроде того, что Кант—идеалист, что у него принцип причинности—трансцендентальный, что, по Канту, категория причинности неприменима к «вещам в себе». Очень полезные истины! Особенно, если принять во внимание, что, как я показал, раз-

---

[1]) **Leibnitz**, Nouveaux essais sur l'entendement humain Rudolph Eric Raspe (Hannovre. 1764), liv. IV, Chap. XVII, p. 443; курсив мой.

[2]) **Wolf**, Discursus praeliminarls de philosophia in genere, §§ 89—91. Напр.: «Quod si in Logica omnla demonstranda, petenda sunt principia ex Ontologia atque Psychologla. Ср. еще Ontologia, §§ 494—499, Psichologia empirica §§ 482—483; Psychologia rationalis, §§ 444—452.

[3]) О лейбницевском понимании закона достаточного основания см. I. **Bergmann**, Ueber den Satz des zureichenden Grundes (Zeitschrift für immanente Philosophie, 1897, B. II, H. 3).

[4]) Изложенная здесь сравнительная характеристика учений Канта и Лейбница о достаточном основании не есть **моя** выдумка, но представляет достояние **специальных** историко-философских работ. В таком виде она известна историкам уже **более десяти** лет.

личие принципов причинности и логического основания понадобилось Канту специально для обоснования трансцендентального идеализма. И тов. Варьяш смеет после этого повторять мне свои историко-философские аз-буки-веди!

Но и это еще не все. Тов. Варьяш не только имеет смелость повторять мне свои азы; он и повторить-то их, как следует, не умеет. Удрученный моими указаниями на то, что, вопреки его мнению, Кант проводил различие между двумя родами оснований, желая как можно сильнее стушевать, ослабить смысл этого различения, тов. Варьяш читает мне лекцию: «Тов. Асмус,—говорит он,—знает, конечно, что трансцендентальный у Канта означает такое априорное правило, которое не мы (? *В. А.*), абстрагируем из природы, а предписываем ей. Но Кант в скобках вставляет и слово «материальный»... Но рецензент,—продолжает наш резонер и специалист по истории философии,—должен знать, что материальное у Канта есть результат синтеза через априорные категории чувственного многообразия и несуществующая независимо от нашего сознания материальная природа» [1]). В этой, до крайности бестолковой, стилистически безграмотной фразе каждое утверждение—верх или беззастенчивости или прямо-таки поразительного для историка философии исторического невежества. Тов. Варьяш ни словом не заикнулся о том, что термин «трансцендентальный» употребляется Кантом не только в смысле отношения к условиям априорного синтетического знания. Установив и подчеркнув различие между понятиями «трансцендентный» и «трансцендентальный», Кант, однако, сам этого различия строго не придерживался. Вот что пишет об этом такой знаток Канта, как Виндельбанд: ...«в высшей степени неточный и неопределенный язык Канта... делает то, что Кант далеко не выдерживает установленного им различия между трансцендентным и трансцендентальным; и очень часто он, по старой привычке, употребляет «трансцендентальный» там, где он разумеет трансцендентный» [2]).

Нетрудно догадаться, почему Варьяш так упорно молчит об этом втором значении термина «трансцендентальный». Это утаивание понадобилось ему, чтобы устранить всякую возможность истолковать кантовский принцип причинности, как принцип материальный. Однако в Кантовском понятии реального основания налицо оба смысла причинности: и трансцендентальный, и материальный. В третьем письме к Рейнгольду Кант раз'ясняет, что реальное основание может быть «или формальным (интуиция об'екта), как, например, стороны треугольника заключают в себе основание углов, или материальным (существование вещей)» [3]). Здесь «формальное реальное основание» соответствует трансцендентальному принципу априорных синтетических суждений, а материальное реальное основание»—материальному принципу причинности. Поэтому Шопен-

---

1) А. Варьяш, Моиистический вэгляд и т. д., стр. 153.

2) Ср. еще, напр., Rudolf Eisler, Wörterbuch der Philosophischen Begriffe, B. II, 2-te Auflage, стр. 515. «Die oben angegebene neuere Bedeutung erhält «transcendental» durch Kant. Zuweilen gebraucht er das Wort im Sinne von „transcendent" u. s. w. Цитированное у Виндельбанда место в «Истории новой философии», т. II, изд. 3, Спб. 1913, стр. 42.

3) I. Kant, S. W., изд. Hartenstein, B. X, S. 512; курсив мой. *В. А.*

гауер имел полное основание заметить, что «Кант приберегает причинную связь под именем «основания явления» для своего ложного выведения вещи в себе» [1]). Я уже не говорю о формулировках материального принципа причинности, принадлежащих самому Шопенгауеру. По словам Шопенгауера, «материя есть понятая в об'ективном смысле причинность, так как вся ее сущность заключается в действовании вообще... под чистой материей мы понимаем просто действование in abstracto, совершенно независимо от характера этого действия, т.-е.—самое чистую причинность» [2]).

Еще замечательнее «об'яснил» Варьяш кантовское понятие материи. Тов. Варьяш ни единым словом не заикнулся о том, что у Канта «материальное» означает не только «результат синтеза через априорные категории чувственного многообразия», но также и материальность мира в буквальном смысле, т.-е. существование вещей независимо от нашего сознания. В этом смысле Кант называл ощущения «материей чувственного знания» [3]). Кант прямо говорит, что наши ощущения возникают в нас в результате действия на нас предметов, существующих вне нас и независимо от нашего сознания. «Ибо чем же,—говорит Кант,—пробуждалась бы к деятельности способность познания, если не предметами, которые действуют (rühren) на наши чувства и отчасти сами производят представления, отчасти побуждают деятельность нашего рассудка сравнивать их, сочетать или разделять и, таким образом, перерабатывать грубый материал чувственных впечатлений в познание предметов, называемое опытом?» [4]). Уже современники Канта заметили, что именно в этих положениях—источник кантовского дуализма, а, например, Якоби прямо говорил, что без предпосылки вещи в себе нельзя войти в систему Канта, а с такой предпосылкой нельзя в ней оставаться [5]). О том, что Кант частично—материалист, а именно—поскольку он признает или предполагает самостоятельное существование предметов, действующих на нашу чувственность и рассудок,—писали бесчисленное множество раз Плеханов и Ленин. Мне совестно, что

---

[1]) А. Шопенгауер. Приложение к 1-му тому «Мир как воля и представление», М. 1900. стр. 463.

[2]) А. Шопенгауер, Мир как воля и представление, т. II, стр. 4[illegible]; курсив мой. *В. А.*

[3]) Кант, Критика чистого разума, пер. Н. Лосского, стр. 61.

[4]) Там же, стр. 24—25.

[5]) По словам Якоби, «сколь ни противоречит духу кантовой философии допущение предметов, воздействующих на чувства и вызывающих таким образом представления, все же трудно понять, каким образом без этого предположения кантова философия могла бы найти впервые доступ к себе самой и прийти к изложению своего учения. Ибо слово «чувственность» лишается тотчас же всякого значения, если не понимать под ним особой реальной среды между реальным и реальным, действительного посредствующего звена от одного нечто к другому, и если в понятии чувственности не предполагать уже содержащимися понятий внеположности и связанности действия и страдания, причинности и зависимости, как реальных и об'ективных определений» [Ф. Г. Якоби, О трансцендентальном идеализме, В. II. Приложение к диалогу «Давид Юм о вере или идеализм и реализм»; по-русски в сб. № 12 «Новых идей в философии» (К истории теории познания, I, стр. 9; курсив мой. *В. А.*)].

из-за Варьяша я вынужден напоминать об этих всем известных вещах. Сошлюсь лишь на Ленина: «Когда Кант допускает,—писал Ленин,—что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе,—то тут Кант материалист» [1]).

V.

Сказанным я мог бы ограничиться. И без того я уже злоупотребил вниманием читателя. Остановлюсь только на двух небольших вопросах. Первый из них—о Спинозе. Тов. Варьяш пространно доказывает мне, что я неправильно толкую материализм Спинозы. Как всегда, и здесь не обошлось без поучений и прописей. Тов. Варьяш для пополнения моих знаний о Спинозе даже отрывок из одного письма Спинозы перевел. Должен сознаться: я действительно не узнал этого письма, но не потому вовсе, что не был раньше с ним знаком (тов. Варьяш всегда выписывает известнейшие цитаты), а потому только, что тов. Варьяш очень уж плохо, нескладно и невнятно его перевел. Чем так переводить, уже лучше бы это место прямо по подлиннику процитировать: «dico, et quidem ad primum, me de Deo et natura sententiam fovere longe diversam abca»... [2]) и т. д. Или—если уж переводить, так, по крайней мере, заглянуть в какой-нибудь хороший настоящий перевод, например, в перевод Л. Я. Гуревич [3]). В этом переводе, по крайней мере, нигде не найдешь таких шедевров стилистики, как наполняющие «самодельный» перевод тов. Варьяша «питание мнения» (буквальный и потому нескладный перевод: dico... me... sententiam fovere...) «неотерики-христиане» (neoterici Christiani), «присущая» и «проходящая причина всех вещей» (rerum omnium causa immanens, transiens) и т. д. Я уже не говорю о ясности синтаксических построений т. Варьяша, под руками которого легкий и прозрачный язык Спинозы превратился в нечто дубоватое, неуклюжее и невразумительное.

Но это—мелочь, которой особого значения я, конечно, не придаю. Главное же то, что вся лекция Варьяша о Спинозе—излишня. Все, что написал Варьяш по поводу «моей» трактовки спинозизма и в частности «моих» взглядов на отношение Спинозы к материализму—сплошная выдумка. В своей рецензии я не раскрыл—за недостатком места—моего понимания спинозизма. В огромной в 19 страниц петитом рецензии Спинозе я посвятил всего лишь тринадцать строк. Мое возражение было направлено только против узости данной у Варьяша интерпретации спинозовской субстанции. По Варьяшу, понятие субстанции у Спинозы означает не более, как «мировую всеоб'емлющую закономерность в об'ективном смысле слова». Я указал, что этого мало, что об'яснение Варьяша неполно, что Варьяш только «для формы» повторяет известную фейербаховскую характеристику спинозизма, не развивая ее и не приводя в связь со своей интерпретацией. О том же, как я отношусь к фейербаховскому пониманию,

[1]) Н. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 149.
[2]) Benedicti de Spinoza opera, изд. C. H. Bruder, vol. II, p. 195.
[3]) Переписка Бенедикта де Спинозы, пер. Л. Я. Гуревич, под ред. А. Волынского, Спб. 1891, стр. 146—147.

у меня нет ни слова. Я не хотел в рецензии подымать вопрос, по которому идет дискуссия и который требует обстоятельного разбора. Если же тов. Варьяшу интересно в подробностях ознакомиться с моими взглядами на Спинозу, то я надеюсь в свое время это его любопытство удовлетворить. В специальной работе о Спинозе, которую я подготовляю к печати, я касаюсь и вопроса о материализме. Пока же нечего гадать по полету птиц и делать таинственные намеки на мою несамостоятельность в этом вопросе и на мою зависимость от «некоторых» лиц. А если так уж хочется поспорить с этими «некоторыми» лицами, то не лучше ли, а, главное, не достойнее ли, выступить честно, прямо и откровенно. Не очень-то вы храбры, тов. Варьяш!

В заключение два слова об «атрибутах» Спинозы. В рецензии я заметил, что тов. Варьяш неверно присоединяет к двум атрибутам Спинозы: протяжению и мышлению—третий атрибут: самосознание. Тов. Варьяш свою ошибку или, в лучшем случае, свой неточный, неряшливый способ выражения пытается прикрыть, как и всегда, пошлой и элементарной лекцией. Не стыдясь, не говорю уже—меня, но хотя бы читателей «Под Знаменем Марксизма», тов. Варьяш напоминает шестую дефиницию первой книги «Этики» и т. п. Поблагодарим за напоминание! Но—прибавим от себя—зачем передергивать? Зачем скрывать настоящий смысл обвинения? Ваша ошибка—не в том, что вы вообще допускаете третий или который бы то ни было еще атрибут в субстанции Спинозы. Ваша ошибка в том, что, вопреки точному и ясному смыслу учения Спинозы, вы этот атрибут определяете, называете самосознанием,—словом, признаете его познаваемым. А, по учению Спинозы, познаваемы только два атрибута: протяженность и мышление. Что же касается всех остальных бесчисленных атрибутов, из которых состоит субстанция Спинозы, то они все, по учению Спинозы,—непознаваемы. «Человеческой душе,—говорит Спиноза,—доступно только то познание, которое заключается в идее об ее актуально существующем теле или может быть выведено из этой идеи» [1]). А так как «идея тела» «не заключает в себе и не выражает собою никакого другого атрибута бога, кроме протяжения и мышления» [2]), то отсюда, по мнению Спинозы, следует, «что человеческая душа или, другими словами, идея человеческого тела не может ни заключать в себе, ни выражать собою никаких других атрибутов бога, кроме двух указанных» [3]). А так как, согласно теореме 10, ч. 1 «Этики» «из этих двух атрибутов и их видоизменений не может быть ни выведен, ни вообще постигнут никакой другой атрибут бога» [4]), то отсюда Спиноза заключает, «что человеческая душа не может иметь познания ни о каком ином атрибуте, кроме двух указанных, что и требовалось доказать» [5]). Потому сам же Спиноза раз'ясняет, что «основное

---

[1]) Benedicti de Spinoza opera, изд. Bruder, vol. II, Epistola, LXVI, стр. 331 (Гага 1675).

[2]) Там же, стр. 331.

[3]) Там же, стр. 332.

[4]) Там же, стр. 332; курсив мой. *В. А.*

[5]) Там же, стр. 332.

положение схолии к теореме 10, ч. 1, образуется... из нашего понятия о существе абсолютно-бесконечном, а не из того, что есть или могли быть существа с тремя—четырьмя и более атрибутами»[1]).

VI.

Мой ответ Варьяшу закончен. Можно было бы отметить еще кое-что, например, великолепное пренебрежение, с каким Варьяш, под предлогом что ли недостатка места, уклонился от ответа на мою критику конструктивных или, как выражается сам тов. Варьяш, «педагогических» недостатков его книги. Впрочем, где же ему достать внимания к таким скромным и мало-интересным вещам, когда мысль его все время погружена исключительно в «исследовательские» проблемы!

Никто не может помешать тов. Варьяшу предпочитать «исследования»—«педагогике». Пока же наши «педагогические» замечания остались непоколебленными. Однако, если бы тов. Варьяш дал себе труд, если не учесть, то хотя бы вникнуть в эти замечания, то он, быть может, не впал бы в забавное недоразумение по поводу своей критики термина «интенциональный предмет представления». Тов. Варьяш удивляется тому, как смел я оспаривать этот термин в применении к Декарту.

Соответствующая популярная лекция, которой, как всегда, сопровождает свой ответ т. Варьяш, состоит в указании мне, невежде в истории философии, того факта, что «интенциональный предмет представления» есть термин—исконно схоластический, а потому законный в применении к Декарту.

Однако смысл этого моего возражения—не историко-философского характера, но на сей раз действительно характера педагогического. Суть моего возражения в следующем.

В своей рецензии я отметил, что тов. Варьяш зависит в своей терминологии от «модных» в настоящее время Гуссерля и Мейнонга. Я отмечал, что т. Варьяш постоянно употребляет термины вроде «интенциональный», «акты», «функции» и т. д., не давая себе труда выяснить тот оттенок, в котором эти термины употребляют Husserl, Meinong и другие современные логики и психологи. В числе этих терминов есть и «интенциональный предмет представления». Так как тов. Варьяш употребляет этот термин не только при изложении Декарта и так как этот термин восстановлен и введен вновь в употребление именно Гуссерлем и Мейнонгом, то я считаю неудобным употреблять его, даже по отношению к Декарту, не выяснив, хотя бы в примечании, его происхождение, развитие и современные оттенки в употреблении. Это мое возражение остается в полной силе и после ответа тов. Варьяша. Тов. Варьяш напрасно защищается, напоминая, что зависимость Декарта от схоластики он в своем месте отметил. Отметил, но не по поводу важного в наше время термина «интенциональный предмет», а по поводу проводимого Декартом различения между realitas objectiva и realitas formalis[2]).

---

[1]) Там же, стр. 332; курсив мой. *В. А.*

[2]) А. Варьяш, История новой философии, т. I. ч. 1. стр. 82.

Что же касается «интенционального предмета», то о нем тов. Варьяш всюду говорит без всяких пояснений, как о чем-то само собой разумеющемся, и неопытный читатель так и не будет знать, откуда здесь этот термин: есть ли он влияние современной модной терминологии или же он употребляется для характеристики терминологического стиля эпохи. В этом и состояла суть моего возражения.

Подведем итоги. Волей-неволей нам пришлось коснуться всех главных вопросов, затронутых тов. Варьяшем в его ответе. В рецензии мы пытались характеризовать тов. Варьяша, как историка философии. В настоящей статье мы можем сделать попытку характеризовать тов. Варьяша и как полемиста. Полемические приемы тов. Варьяша уже нам известны: делать вид, что не понимаешь того, что говорит противник; не отвечать на то, что он действительно сказал; победоносно расстреливать его прописями известнейших цитат; опровергать то, чего противник никогда не говорил и по существу не мог говорить; при этом—изрекать свои прописи с неизменным самодовольством профессора, проучающего выскочку-ученика, и т. д.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы ответ тов. Варьяша был совершенно бесполезен. Помимо яркого и сильного представления о стиле и приемах Варьяша-полемиста, мы вынесли из знакомства со статьей тов. Варьяша и кое-какие новые впечатления, которые мы позволим себе сформулировать в крайне сжатых тезисах:

1) Ответ тов. Варьяша ни в одном пункте не поколебал данной мною в № 7—8 «Под Знаменем Марксизма» о б щ е й оценки работы т. Варьяша.

2) Из ответа тов. Варьяша видно, что т. Варьяш значительно хуже, чем я о нем раньше думал, знаком с историей рационализма XVIII века.

В заключение позволю себе провозгласить от себя следующий тезис: да здравствует специализм... в истории философии!

БИБЛИОГРАФИЯ.

Иностранная философская периодическая печать (1926 г.).

Установить главнейшие тенденции послевоенной иностранной философии, наметить ее основные проблемы и методы их разрешения, вычертить линию международного фронта между лагерями идеализма и материализма—это значит способствовать наиболее удачному выполнению очередных задач теории и практики воинствующего материализма.

Вместе с тем, при изучении иностранных философских течений необходимо учесть то обстоятельство, что в настоящее время особенно заостренное внимание к вопросам научной методологии является одним из важнейших условий дальнейшего углубления научно-исследовательской работы СССР в области философии.

Иностранная философская периодика, отражающая текущие идеологические интересы за рубежом, заслуживает самого тщательного изучения. С другой стороны, информация о ее состоянии не может не оказаться полезной для широкого читателя, сравнительно мало знакомого с тем, что происходит в данное время в философии за границами Советского Союза.

Задача настоящей статьи—указать наиболее характерные черты зарубежной философской периодики за 1926 год.

I.

Revue Philosophique de la France et de l'Etranger. Философское обозрение Франции и заграницы. 1926 г. №№ 1—2; 3—4; 5—6; 7—8; 9—10; 11—12.

Философский год «Revue Philosophique» открывает статьей Льва Шестова, посвященной критическому рассмотрению феноменологического идеализма Гуссерля—«Memento Mori (По поводу теории познания Эдмонда Гуссерля)» [1].

Основываясь, главным образом, на статье Гуссерля «Философия как строгая наука», Лев Шестов проводит мысль, что гуссерлевское понимание философии как строгой науки, противополагаемой философии как мировоззрения, «мудрости», по существу дела не отличается особой оригинальностью и аналогично позиции трансцендентального идеализма Канта, противопоставляющего критическую философию—метафизической. Гуссерлевский приоритет научно-философской мысли над «мудростью» Шестов сближает с учениями Сократа, Платона, Канта, Фихте и Декарта, но, в то же время, подчеркивает, что характерным отличием Гуссерля от этих мыслителей является его решительное отри-

[1] L. Chestov, Memento Mori (A propos de la théorie de la connaissance d'Edmond Husserl), «R. Ph.» 1926, № 1—2.

цание метафизики. Феноменология Гуссерля, признавая верховный авторитет разума, приводит, по мнению Шестова, к уничтожению всякой теории познания, так как разум, в таком случае, не нуждается в проверке. Между тем, существует граница, за которой следует руководиться не общими правилами логики, но «чем-то, что не имеет еще, а вероятно и никогда не будет иметь имени на человеческом языке». Попытка Гуссерля обосновать научную философию, исключающую мудрость, невыполнима; рационализма со всеми его доказательствами не может подавить в человеческом сердце убеждения, что последняя истина находится вне разума, за пределами «этого мира».

Появление на страницах «Revue Philosophique» (журнала, отличавшегося тенденцией в сторону позитивизма), этой своеобразной философской передовицы, призывающей «назад к Плотину», отнюдь не случайно. Статья Льва Шестова характерна для той борьбы, которая в настоящее время происходит внутри французской идеалистической философии между рационалистическим направлением и все растущим потоком внеразумного мистицизма.

Если даже феноменология Гуссерля встречает столь резкую критику на страницах «Revue Philosophique», то тем более ожесточенным нападкам подвергается действительно научное понимание законов развития природы и общества. В этом отношении весьма интересна и показательна статья Сэ—«Идея эволюции в истории»[1]), в которой отрицание теории исторического материализма сочетается с прямым политическим выпадом против СССР.

По мнению Сэ, динамическое понимание социальных явлений не учитывает того факта, что целый ряд цивилизаций (Древний Египет, Индия, Китай) веками не претерпевал изменений; более того, в тех случаях, когда социальные изменения происходят (Древняя Греция, современная Европа), они об'ясняются не внутренними причинами, но внешними влияниями: нашествиями враждебных народов и торговлей с другими странами. Кроме того, большое значение в истории имеет случайность; даже допустив, что личности играют второстепенную роль, все же следует признать, что они делают невозможным прямолинейное, закономерное движение эволюции. В истории нельзя установить характерных периодов, резких переходов; старое всегда сопровождает новое: внезапные революции особенно невозможны в экономике. Вся эволюция состоит в том, что изменения протекают более или менее быстро; поэтому важно учитывать нюансы в развитии, никакого же закона строгой и прямолинейной эволюции не существует. Из всех наук о человеке только лингвистика может сформулировать законы развития; задача истории как науки—устанавливать только тенденции в общественных явлениях.

Что же касается социальных противоречий, то Сэ считает их просто плодом воображения; на месте «вымышленных противоречий» в действительности находятся «условия жизни». Таким образом, Сэ отрицает основные положения исторического материализма и, целиком обнаруживая свою классовую физиономию, неизменными условиями жизни называет капиталистические отношения. Этот апологет «исторических нюансов» прямо выступает против марксистского миропонимания, заявляя, что «катастрофическая концепция К. Маркса противоречит данным истории»; более того, пример Советской республики, по его мнению, показывает, что силы прошлого не могут быть уничтожены внезапно

[1]) H. Sée, L'idée d'évolution en histoire, «R. Ph.» 1926, № 9—10.

революцней и что, во всяком случае, капитализм всегда готов возродиться из пепла.

Теория и практика идеалистического понимания социальных явлений вступают здесь во всей своей зловещей наготе, которой особую выразительность придает злобная выходка против СССР.

Если Сэ занимается «принципиальной» критикой марксизма, то Эдмонд Гобло («Логические упражнения по вопросу о суждениях стоимости»)[1] ставит частную проблему определения «стоимости работы», проводя в своем анализе различие между научной об'ективностью буржуазной политической экономии и ненаучным морализированием социализма.

«За равную работу—равная плата» («A travail égal—salaire égal»)—таков эпиграф к статье Эдмонда Гобло. Определить равную плату, говорит он, нетрудно: это равная сумма денег. Но что следует понимать под равной работой? Ответом на этот вопрос и служат «Логические упражнения».

Обмен, говорит Гобло, является равновесием стоимостей; стоимость же товара определяется количеством другого товара, на который он обменивается; измеряется стоимость единым товаром—деньгами. Не различая стоимости и меновой стоимости и совершенно не учитывая значения среднего общественно-необходимого абстрактного труда для определения стоимости, Гобло целиком ограничивает свои рассуждения пределами рынка. Цены рынка, по его мнению, одинаковы для всех, но все же для покупателя товар стоит больше, чем рыночная цена, иначе бы он его не купил, а для продавца—меньше, иначе бы он его не продал (смешение понятий стоимости и потребительной стоимости). Экономическая стоимость—об'ективная реальность, существующая «между людьми и вне их», она равна цене, ее измеряющей; но в каждом человеке («dans chacune des personnes») она выше или ниже. Для того, чтобы заработная плата была выражением действительной «стоимости работы» достаточно свободы торговли (le marché libre). Стоимость работы определяется заработной платой и, следовательно, равная работа—это работа, оплаченная одинаково. Стоимость появляется только в процессе обмена, обмен же обусловлен суждением выбора, сравнением количества получаемого удовольствия и получаемого неудовольствия. Следовательно, при наличии свободы торговли, т.-е. свободы выбора, рабочий всегда получает за свою работу ее полную стоимость. Неудовольствие и удовольствие суб'ективны, оценка может быть произведена только индивидуальным сознанием; каждый индивидуум—законный судья своих вкусов, но при этом—только своих. Об'ективная стоимость обусловлена индивидуальными предпочтениями. О справедливости можно говорить только тогда, когда имеется то или иное предпочтение, но в данном случае это выражение предпочтения может состоять только в том, что такой-то индивид согласен выполнять работу за такую-то плату. Заключив договор с предпринимателем, рабочий признает, что заработная плата действительно выражает стоимость работы, им производимой, и даже немного больше. Только заработная плата может измерять стоимость работы; вернее, заработная плата есть стоимость работы.

Таковы, по мнению Гобло, об'ективные данные науки политической экономии. Что же касается эксплоатации рабочих и т. п., то этот

---

[1] Ed. Goblot, Exercises logiques sur les jugements de valeur, «R. Ph.» 1926, № 5—6.

вопрос относится к компетенции не экономистов, но моралистов; от экономической стоимости работы следует отличать нравственную стоимость самого рабочего, стоимость человеческого усилия, человеческого страдания, человеческой личности. Подобными проблемами может заниматься морализирующий социализм, но не политическая экономия как об'ективная естественная наука.

Пытаясь на основе товарного фетишизма подменить научный социализм социализмом морализирующим и построив, таким образом, ветряную мельницу социальной утопии, Эдмонд Гобло устремляется на нее со всей энергией странствующего рыцаря, усевшись на исхудавшего конька свободной воли и потрясая копьем «об'ективной» политической экономии. Для характеристики логических экзерциций Гобло, играющего довольно крупную роль в современной философии Франции, достаточно добавить, что, по его мнению, пролетарий, продающий свою рабочую силу на рынке, поступает столь же свободно, как дама, срывающая розу; конечно, удовольствие от заработной платы сопровождается неудовольствием от работы, но ведь и наслаждение ароматом розы предполагает уколы шипов.

Не ограничиваясь областью социальных явлений, представители идеалистической философии пытаются укрепить свои позиции и по линии об'яснения природы.

Эдженио Риньяно («Жизнь с точки зрения целесообразности») [1], защищая теорию витализма, высказывает соображение, что для разрешения векового спора между виталистами и механистическим миропониманием необходимо точно установить черты целесообразности, характеризующие наиболее типичные проявления жизни. Эти телеологические черты Риньяно разбивает на девять основных категорий. 1) Финализм (целесообразность) элементарнейших биологических явлений проявляется, прежде всего, в ассимиляции: живая субстанция выбирает питательные элементы из окружающей среды. Метаболизм, совокупность процессов ассимиляции и диссимиляции, представляет новую фазу финализма, который проявляется в способности живой субстанции поддерживать устойчивое динамическое равновесие своих составных частей и восстанавливать его в случае нарушения посторонними факторами. 2) Финализм, проявляющийся в явлении рождения, отличает живые организмы от машин. Развитие организма как бы направляется скрытым разумом (une intelligence occulte), или «энтелехией». 3) Финализм морфологических и физиологических явлений предустановленной адаптации (adaption préétablie) состоит в том, что рождающийся организм в тот момент, когда он входит в соприкосновение с внешним миром, уже оказывается снабженным всеми органами и всеми функциями, необходимыми для приспособления к среде. 4) Финализм морфологических и физиологических явлений новой адаптации выражается в таких, например, фактах, как постепенное приспособление амёб и инфузорий пресной воды ко все более крепким соляным растворам, предохранительное утолщение кожи при влиянии внешних раздражений и т. п. 5) Финализм поведения низших организмов, позволяющий им принимать то положение, при котором они достигают оптимума жизни, отличает их от неорганической материи (matière brute). 6) Финализм рефлексов и инстинктов доказывается уже хотя бы примером цыпленка, который, едва вылупившись из скорлупы, уже приспособлен к собиранию зерен. 7) Финализм аффективных

[1] E. Rignano, La vie dans son aspect finaliste, «R. Ph.» 1926, № 3–4

тенденций выражается в движениях, обусловленных потребностями и желаниями. Активность и самопроизвольность отличают жизнь от пассивной и инертной неорганической материи и лежат в основе стремления к расширению индивидуальности. 8) Финализм интеллектуальной работы является, по мнению Риньяно, особенно сильным аргументом в пользу витализма. Наконец, 9) финализм общественной жизни, дополняющий целесообразность биологических явлений, выражается в юридических и нравственных нормах, благодаря которым возможно примирение интересов отдельных личностей. Только немногим избранным людям удается отождествить свои личные цели с общественными; воспитание должно способствовать распространению таких чувств, которые бы помогли превратить борьбу людей-эгоистов—в счастливую гармонию нравственных личностей. Следует ожидать появления морального гения, подобного Сократу или Христу, который бы принес людям этические нормы, способные примирить их интересы.

Таким образом, витализм Эдженио Риньяно сочетается со своеобразным общественным утопизмом: если свои доказательства идеалистически понимаемой биологической целесообразности он начинает ab ovo и вылущивает из яйца вместе с цыпленком аристотелевскую скрытую энтелехию, то залогом общественной телеологии для него служит уверенность в том, что гоббсовский человек-волк ко второму пришествию, узрев грядущего морального мессию, превратится в совершеннейшую моральную личность.

Вместе с тем, основная проблема современной философии естествознания—преодоление биологического механизма на основе диалектического материализма, как и следовало ожидать, остается совершенно вне поля зрения Риньяно; попытка его наметить основные категории целесообразных явлений в биологии превратилась в наглядную демонстрацию философской примитивности витализма.

Проблема общефилософского значения теории относительности Эйнштейна, привлекающая к себе усиленное внимание за границей, на страницах «Revue Philosophique» была поставлена А. Метцом в статье «Относительность и релятивизм» [1]).

Автора интересует вопрос, приводит ли теория Эйнштейна к отрицанию реальности научного об'екта. Соображения А. Метца направлены против того философского истолкования теории относительности, которое было сделано Бергсоном, высказавшим мысль, что Эйнштейн самое реальность ставит в зависимость от меры (mésure). Между тем, по мнению Метца, теория относительности, как и всякое научное построение, своим об'ектом имеет реальный мир. Всякий ученый изучает реальные вещи; в теории Эйнштейна не идет речь о пространстве трех измерений, но рассматривается континуум четырех измерений: трех—в пространстве и одного—во времени; тем не менее, и здесь физическое построение исходит из реалистического понимания мира, хотя и уклоняется от понятий «здравого смысла» и отказывается от ряда положений классической физики. Цель ученого и в этом случае—все более и более об'ективное познание реальности, независящей от него самого («La connaissance de plus en plus objective d'une réalité indépendante de lui-même»). Теория Эйнштейна, говорит А. Метц, отнюдь не приводит к философскому релятивизму, но утверждает абсолютные законы природы еще в большей степени, чем это делалось в классической физике.

---

[1]) A. Metz, Relativité et Relativisme, «R. Ph.» 1926, № 1—2.

Абель Рей («Физика и философия природы в конце XIX века»)[1] подвергает общефилософской оценке энергетическую теорию. Энергия, говорит он, которая, по словам представителей энергетической теории, является самим опытом во всей его чистоте, вовсе не может быть названа таким ясным, экспериментально обоснованным понятием, каким они ее считают. Роль априорной, произвольной гипотезы, как бы ее ни скрывали, весьма велика в энергетических построениях; не стоило изгонять априорные понятия массы и движения для того, чтобы строить предположения, экспериментально не обоснованные.

Вопрос методологического характера—о взаимоотношении индукции и обобщения ставит М. Дороллъ в статье «Проблемы индукции»[2].

Считая задачей обобщения установление постоянных отношений между фактами, Дороллъ на этом основании приходит к выводу, что обобщение отнюдь не является специфической формой индукции, но общим методом всякой научной работы, в области как экспериментального исследования, так и математического доказательства. Правильное обобщение должно быть четко сформулировано и охватывать многообразие различных представляющихся случаев, учитывая все существенные условия. Результаты экспериментального исследования должны сохранять свою силу даже при изменении самих явлений.

В изложенной статье следует отметить применение декартовского требования ясного мышления, как условия правильного познания.

Психологическое взаимоотношение качества и количества анализирует Ж. Ногиэ («Пространственный символизм качества»)[3]. Качества, говорит он, «даны» нам, они обусловлены пассивностью нашей природы; но порядок их нам «не дан» и носит «идеальный» характер. Пространственные величины также «даны» нам, но, кроме того, их порядок воспроизводится нами при помощи движений. Этот различного рода порядок, присущий качеству и пространственным величинам, и лежит в основе пространственного символизма качества.

Отдельным мыслителям прошлого и современности «Revue Philosophique» традиционно посвящает ряд специальных работ. П. Виллей напечатал большую статью «Роль Монтэня в философском движении»[4]. Подчеркивая недостаточное внимание, какое историки философии уделяли Монтэню, Виллей (примыкая в этом отношении к Гефдингу) указывает, что монтэневский скептицизм сыграл значительную роль в истории философии, разрушая авторитет схоластики и подготовив почву для Бэкона, Декарта и Паскаля. Виллей особенно подчеркивает всю важность хронологического изучения «Опытов» Монтэня, так как в таком случае возможно установить генезис его мировоззрения, эволюционизировавшего с течением лет: начав с анализа собственной личности как таковой, Монтэнь, в конечном итоге, нашел в себе человека, характерного для эпохи. В этом смысле его скептицизм, его отрицание авторитетов знаменует собой переход от средневековья к новому времени.

---

[1] A. Rey, Physique et philosophie de la nature à la fin du XIX siècle, «R. Ph.» 1926, № 11—12.

[2] M. Dorolle, Les problèmes de l'induction, «R. Ph.» 1926, № 9—10.

[3] J. Nogué, Le symbolisme spatial de la qualité, «R. Ph.» 1926, № 9—10.

[4] P. Villey, Montaigne dans le mouvement «phiosophique», «R. Ph.» 1926, № 5—6.

Повышенный интерес к идеализму Гегеля, характерный для современной зарубежной философии, нашел себе выражение в статье Валя—«Заметка о ходе мысли Гегеля» [1]). Анализируя гегелевское понятие «несчастное созиание», автор рассматривает вкратце диалектический метод, главным образом—«триаду», при чем подчеркивает значение Гегеля как об'ективиого идеалиста и характеризует его учение как романтический классицизм.

Ж. Греньe («Три итальянских мыслителя») [2]) дает подробную характеристику трех наиболее ярких представителей современного антигегельянского движения в Италии: рационалиста Алиотта (Aliotta), скептика Ренси (Rensi) и мистика Манакорда (Manacorda).

Английскому идеалисту Фрэнсису Герберту Брэдли, умершему в 1924 г., посвящена статья Э. Дюпра—«Метафизика Брэдли» [3]).

Э. Леру («Природа опыта по Джемсу Уорду») [4]) анализирует учение английского идеалиста Джемса Уорда, умершего в 1925 г.

II.

Revue de Métaphisique et de Morale.
Обозрение Метафизики и Морали. 1926. №№ 1, 2, 3, 4.

Эдженио Риньяно, сформулировавший на страницах «Revue Philosophique» девять основных положений своей апологии витализма, в «Revue de Métaphysique et de Morale» вступает в борьбу с материалистическим миропониманием как таковым, подводя под философию и науку метафизико-психологический базис («Психология в ее отношении к философии и науке») [5]). Философия, говорит он, разбивается на три основных отдела: 1) общее мировоззрение; 2) теория познания и 3) этика и учение о ценностях; для всех этих отделов философии психология не только играет полезную роль, но должна быть признана необходимым фактором. Прежде всего, психологический анализ оказывает громадную помощь при разрешении общефилософских вопросов; так, например, проблема целесообразности в природе разрешается на основании телеологического прототипа, обнаруживаемого психологией в явлениях сознания. Теория познания для разрешения спора между позитивистами и метафизиками должна также обратиться за помощью к психологии, которая показывает, что различие в точках зрения об'ясняется различием психической конституции противников, и, таким образом, неразрушимая жизнеспособность идеалистической метафизики находит себе об'яснение в психологии. Тем более, без помощи психологии невозможно разрешение моральных проблем. Наконец, зна-

---

1) I. Wahl, Note sur démarches de la pensée de Hegel, «R. Ph.» 1926, № 3—4. В последнем номере «R. Ph.» за 1926 г. напечатана первая часть второй статьи Валя о Гегеле.

2) J. Grenier, Trois penseurs italiens, «R. Ph.» 1926, № 5—6.

3) E. Duprat, La métaphysique de Bradley, «R. Ph.» 1926, № 7—8.

4) E. Leroux, La nature de l'expérience d'après J. Ward, «R. Ph.» 1926, № 1—2.

Английский перевод этой статьи напечатал журнал «Монист» в первом номере за 1926 г., целиком посвященном Джемсу Уорду. «The Monist. Quarterly Magazine Devoted to the Philosophy of Science», vol. XXXVI, 1926, № 1.

5) E. Rignano, La psychologie dans ses rapports avec la philosophie et avec la science, «R. de M. et de M.» 1926, № 4.

чение психологии для науки — в том, что никакое научное построение не может претендовать на познание реальности, пока его тезисы не только будут доказаны путем наблюдений и экспериментов, но также станут доступными человеческому воображению и интуиции. С психологической точки зрения, «об'яснить» — это значит дедуцировать сложные факты, мало нам привычные (familiers), при помощи комбинации, из других фактов, более простых и привычных. Различая психологию 1) анатомическую (нейро-гистологическую), 2) физиологическую (экспериментальную) и 3) психологическую в прямом смысле слова, Риньяно спешит подчеркнуть, что эмпирические данные психологического исследования нисколько не обосновывают «узкой материалистической концепции» («l'étroite conception matérialiste»), согласно которой духовная жизнь является простым свойством или активностью материи. По его мнению, наоборот, следует признать, что материя более или менее послушно подчиняется духовной активности, самым совершенным способом изучения которой является метод самонаблюдения. Таким образом, если в основу науки и философии Риньяно кладет психологию, то в основе психологии для него лежит интроспекция. Отправным пунктом для науки и философии служит «удивительный микрокосм нашего духа».

Истинный смысл борьбы Эдженио Риньяно за идеализм выступает здесь со всей ясностью и отчетливостью: действительным антагонистом его витализма оказывается не механическое понимание жизни, но материализм.

В том пункте своих рассуждений, где он коснулся вопроса о психологической обусловленности идеологических построений, Риньяно затронул, — быть может, сам того не заметив, — проблему относительности человеческих знаний и мнений, разрешаемую историческим материализмом путем учения о базисе и надстройках. Между тем, не только марксистский, но даже просто социологический метод изучения психологических явлений для последовательного идеалиста целиком неприемлем. С этой точки зрения, весьма показательна статья Рене Лакомба — «Социологический тезис в психологии»[1], специально трактующая боевой вопрос о взаимоотношении психологии и социологии. Лакомб выступает с рядом возражений против учения Дюркгейма и его школы о зависимости индивидуальной психической жизни от коллективного сознания. Прежде всего, говорит он, необходимо отметить, что индивидуальная мысль и индивидуальная воля во многих отношениях независимы от общества и даже, более того, могут вступить с ним в конфликт. За наукой нельзя отрицать известной автономии по отношению к социальной среде. Нельзя избегнуть дилеммы: 1) или наука истинна только в той мере, в какой она получает общественную санкцию (в таком случае она ничем не отличается от веры в мифы); 2) или же научная истина об'ективна и не обусловлена социально. Необходимо поэтому признать, что человеческий разум повинуется требованиям логики, более убедительным для него, чем социальные требования, а следовательно, индивидуальный разум отнюдь не является только отображением коллективного сознания. Нельзя согласиться, говорит он, также и с положением, что высшие психические функции, в частности мышление при помощи понятий, становятся возможными только благодаря социальной жизни. Наоборот, само общество

[1] R. Lacombe, La thèse sociologique en psychologie, «R. de M. et de M.» 1926, № 3.

предполагает мышление при помощи понятий, как условие своего существования, ибо для того, чтобы могло возникнуть коллективное сознание, необходимо, чтобы предварительно осуществилась возможность обмена идеями между индивидуальными сознаниями, т.-е. возникла речь, пользующаяся понятиями. Наконец, говорит Лакомб, пытаться установить причины и генезис разума — это значит попасть в порочный круг, так как логическая мысль сама является условием всякого научного исследования. Самый успех школы Дюркгейма среди психофизиологов Лакомб об'ясняет (horribile dictu) их материалистическими тенденциями —«странное следствие, которого, конечно, не предвидел Дюркгейм». Психические факты несводимы к социальным, так как последние сами в основе психичны («les faits sociaux sont au fond des faits psychiques»).

Таким образом, истинной целью столь ожесточенной борьбы с социологическим методом Дюркгейма является предохранительная прививка против материалистического понимания общественных явлений, столь опасного, по мнению Лакомба. Для этого-то индивидуальная психика об'является свободной от общественной санкции, а за наукою и философией отрицается даже право на изучение разума.

Философия случайности, столь характерная для буржуазной Франции XIX—XX в.в., нашла себе выражение в статье Шювера—«Случайность будущего и понятие непредвиденности в художественном творчестве» [1]).

Учения платонизма, неоплатонизма, стоицизма и томизма о художественном творчестве не удовлетворяют Шювера, так как, предполагая, что красота от века реализована в мире, они не отводят места случайности в области искусства. Проблема взаимоотношения художественного творчества и понятий случайности и непредвиденности, по мнению Шювера, неразрешима с точки зрения об'ективно-метафизической, отвлекающейся от личности художника и предмета искусства. Если обратиться к творящему суб'екту, то необходимо признать, что данные его психологии в тот момент, когда художественное произведение еще не оформлено, оставляют место для ряда недетерминированных возможностей, и здесь-то возникает взаимоотношение между случайностью и необходимостью. Эстетический мистицизм, рассматривая творческий духовный акт, как таковой, пренебрегает его условиями и результатами. Романтизм же, также исходя из независимого суб'екта, произведение искусства понимает только как проявление творчества. Эстетический мистицизм неприемлем, так как он смешивает понятия творчества и созерцания; ошибка же романтической эстетики состоит в обращении к таинственному гению, — в конечном итоге, романтизм возвращается к мистицизму. Между тем, художественная концепция предшествует произведению искусства, только как теоретическая идея, как потребность творчества; по существу же свою художественную характеристику она получает в самом произведении по мере его реализации. Следовательно, для разрешения проблемы необходимо проанализировать также художественный об'ект.

Влияние расы, среды и момента, установленное Ипполитом Тэном, неоспоримо,—но, на ряду с этим, необходимо также учесть индивидуальные особенности каждого произведения искусства, а также значение суб'екта, гения, который эпоху отображает по-своему отлично

---

[1]) C. Schuwer, Les futurs contingents et la notion d'imprévisibilité dans la création artistique, «R. de M. et de M.» 1926, № 2.

от другого творца. Влияние техники также неоспоримо, но оно не касается самого существенного в искусстве. Правильное понимание искусства должно сочетать теорию романтизма с детерминизмом; художественное творчество осуществляется на пересечении жизни и материи. Всегда активная и живая случайность порождается подвижным и плодотворным пересечением двух дополняющих друг друга реальностей: материи и формы, художника и его произведения. Между этими двумя различно детерминированными сериями остается место для бесконечно малого отклонения,—как если бы тончайшее острие своим колебанием вычерчивало зигзагообразную линию. С ретроспективной точки зрения науки и истории можно все об'ясинть, но в каждый данный момент в столкновении суб'екта и об'екта совершается творческий акт, и в рамках того, что можно предвидеть, рождается все богатство непредвиденного, т.-е. всего индивидуального и единственного в произведении искусства.

Как видно из изложенного, Шювер в своем толковании художественного творчества продолжает традицию Бутру и Бергсона, противопоставляющих детерминизму учение о случайности и творческой эволюции; вместе с тем, пытаясь примирить и согласовать учение о случайности с детерминизмом, романтизм с учением И. Тэна, —теория Шювера страдает эклектизмом, что проявляется уже в самом понимании случайности то как противоположности необходимости (влияние Бутру), то как пересечения причинных серий (влияние Курно).

Большой интерес представляет статья Ролэна Вавра—«Формальная логика и логика эмпиристическая» [1]), в которой основные законы формальной логики подвергаются критическому рассмотрению с точки зрения принципов математического доказательства. Ход его рассуждений сводится к следующему.

Число x алгебраично, если возможно алгебраическое уравнение с целыми коэффициентами:

$$a_0 + a_1 x + a_2 x^2 + \ldots \ldots + a_n x^n,$$

корень которого x.

Число x трансцендентно, если гипотеза его алгебраичности может быть приведена к абсурду.

Если это так, то спрашивается, должно ли число $r = 2^{\sqrt{2}}$ быть необходимо или алгебраическим, или трансцендентным. С этим не согласится эмпирист, считающий истинным только то, что действительно доказано, и абсурдным—только то, что действительно приводится к противоречию. Наоборот, идеалист, или—лучше сказать—формалист, отождествляющий истинное с непротиворечивым, назовет алгебраическими все числа, трансцендентность которых нельзя доказать; положение, абсурдность которого нельзя доказать, формально может считаться истинным. Формалист говорит, что число алгебраично, если существует алгебраическое уравнение с целыми коэффициентами, корнем которого оно является, и—трансцендентно, если такого уравнения не существует.

Но вся трудность, говорит Вавр, именно и состоит в разрешении вопроса, существует ли такое уравнение. Формальную логику поэтому следует применять с осторожностью. Не является ли закон исключенного третьего пережитком схоластики? Правда, тот, кто желал бы обойтись без формальной логики, должен был бы пользоваться совершенно особым

---

[1]) R. Wavre, La logique formelle et la logique empiriste, «R. de M. et de M.» 1926, № 1.

языком, так как современные языки морфологически тесно связаны с формальной логикой. Не явится ли, однако, математика искомым языком, преодолевающим формальные принципы? Действительно, интуиция ими не руководствуется, и принципы формальной логики не оказывают математику значительной помощи в его открытиях. Эти принципы отнюдь не являются условием всякой жизнеспособности мысли; они только содействуют точному отграничению мыслей, при этом отграничению чисто формальному («ils sont plutôt des principes de délimitation précise, mais toute formelle des pensées).

Закон противоречия и закон исключенного третьего являются как бы острыми ножницами, которые способствуют четкому формальному отделению А от не-А. Тесно связанные с употреблением отрицания — они его регламентируют и в этом смысле занимают первое место среди правил синтаксиса. Когда пишешь, необходимо соблюдать законы формальной логики: нельзя утверждать и А, и не-А. Вместе с тем, при выполнении этих правил вся научная работа еще остается впереди.

Следует различать, говорит Вавр, 1) логику формальную, для которой возникает альтернатива между истинным и ложным, и 2) математическую, эмпиристическую логику истинного и абсурдного, для которой уже нет альтернативы между истинным и абсурдным: истинное для нее обозначает то, что действительно доказано, и абсурдное — то, что действительно может быть сведено к противоречию в формальном смысле. Абсурдное имплицирует ложное, но ложное не всегда имплицирует абсурдное. Математическая, эмпиристическая логика является логикой прикладной, имеющей свои собственные законы (ses principes propres). Взаимоотношение между формальной и эмпиристической логикой Вавр формулирует следующим образом.

(А) К принципам, которые сходны в обеих логиках, относятся:

1) Принцип силлогизма. Если предложение А имплицирует другое предложение, которое имплицирует третье, то первое имплицирует третье.

2) Принцип дедукции. Если данное предложение истинно и если оно имплицирует другое предложение, то последнее также истинно.

3) Принцип противоречия. а — формальное изложение: одно и то же предложение не может быть истинным и ложным; б — эмпиристическое изложение: одно и то же предложение не может быть истинным и абсурдным.

4) Принцип импликации ложного и импликации абсурдного. а — формальное изложение: то, что имплицирует ложное, ложно; б — эмпиристическое изложение: то, что имплицирует абсурдное, абсурдно.

(Б) К принципам, которые не сходны в обеих логиках, относятся:

5) Принцип исключенного третьего. а — формальное изложение: одно и то же предложение может быть или истинным или ложным; б — соответствующего принципа в эмпиристической логике не имеется.

6) Принцип предикативности ложного и предикативности абсурдного. а — формальное изложение: ложность ложности предложения равнозначна его истинности; б — эмпиристическое изложение: истинность предложения имплицирует абсурдность его абсурдности[1]).

Статья Вавра на примере математики иллюстрирует тот кризис формального мышления, к которому приводит само развитие современной

---

[1]) Вышеизложенная статья Вавра послужила поводом к оживленной полемике на страницах «R. de M. et de M.» между ним и П. Леви, выступившим на защиту формальной логики. См. P. Lévy, Sur le principe du tiers exclu et sur les théorèmes non susceptibles de démonstration, «R. de M. et de M.» 1926. № 2; R. Wavre, Sur le principe du tiers exclu. Ibidem № 3; P. Lévy, Critique de

науки. Сама проблема создания математической логики, преодолевающей законы формальной логики, лишний раз укрепляет позицию диалектического миропонимания.

Из основных статей «Revue de Metaphysique et de Morale» за 1926 г. следует также отметить: Эйземан и Рокар, «Принцип соответствия и теперешнее состояние теории квант»[1]. Авторы полагают, что успех теории квант не позволяет еще говорить о научной революции, заменившей физику непрерывного физикой прерывного, как это делают люди, «склонные к мелодраматическому пониманию развития науки». В действительности же, по их мнению, имеются две системы об'яснения, которые, очевидно, будут согласованы тем или иным способом.

Винтер («Космологическая проблема и теория относительности»)[2] на основе анализа космологических построений Эйнштейна и де-Зиттера приходит к выводу, что общая картина мира не может быть дана наукой и что самое понятие вселенной, как всей совокупности явлений (l'univers total des événements), должно быть заменено более скромным понятием экспериментальной области (un domaine experymental), т.-е. совокупности фактов, доступных, хотя бы теоретически, наблюдению. Вместо того, чтобы напрасно пытаться построить об'ективное изображение вселенной, следует ограничиться изучением экспериментальных данных. Гюбер («Проблема ощущения»)[3] выставляет положение, что генезис ощущений получит об'яснение лишь в том случае, если будет создана теория, которая не будет исходить исключительно ни из абсолютной случайности, ни из детерминизма логического синтеза.

Отдельным мыслителям посвящены статьи: Брюншвиг—«Философия Эмиля Меерсона»[4]; Колонна д'Истрия—«Психология Биша»[5]; Леру—«Самый человечный из философов: Вилльям Джемс, по его переписке»[6]; Дорнак—«Луи Лиар»[7]; Дюркгейм—«Критика Сен-Симона и сен-симонизма (последние фрагменты курса истории социализма»[8]; Бертело («Мудрость Шекспира»[9]) характеризует мировоззрение Шекспира как «поэтическую и пасторальную мудрость ренессанса».

В информационном отношении весьма интересно сообщение Этьена Жильсона—«VI Международный философский кон-

---

la logique empirique (Reponse à M. Rolin Wavre). Ibidem № 4. См. также R. Wavre, Y-a-t-il une crise des mathématiques? A propos de la notion d'existence et d'une application suspecte du principe du tiers exclu. «R. de M. et de M.» 1924, № 3.

1) I. Eisemann et Y. Rocard, Le principe de correspondance et l'état actuel de la théorie des Quanta, «R. de M. et de M.» 1926, № 2.

2) M. Winter, Le problème cosmologique et la théorie de la relativité «R. de M. et de M». 1926, № 3.

3) R. Hubért, Le problème de la sensation, «R. de M. et de M.» 1926, № 1

4) L. Brunschwieg, La philosophie d'Emile Meyerson, «R. de M. et de M.» № 1.

5) F. Colonna d'Istria, La psychologie de Bichat, ibidem, № 1.

6) E. Leroux, Le plus humain des philosophes: William James d'après sa correspondance, Ibidem, № 2.

7) L. Dauriac, Louis Liard, ibidem, № 3.

8) E. Durkheim, Critique de Saint-Simont et du Saint-Simonisme (Derniers fragments d'un cours d'histoire du socialismes, ibidem, № 4.

9) R. Berthelot, La sagesse Schakespearienne, ibidem, № 2.

гресс»[1]), вкратце передающее содержание почти всех прочитанных на конгрессе докладов; конгресс состоялся в С.-А. С. Ш. (Гарвардский Университет, Массачузет) и продолжался с 13 по 17 сентября 1926 года. Жильсон указывает, что на конгрессе выявились две основных тенденции: 1) стремление ограничить философскую работу научными, эмпирическими данными и 2) стремление выйти за границы науки в область метафизики. Большая часть членов конгресса примкнула ко второму течению. Многие ораторы указывали, что научный эмпиризм, разрешая ряд проблем, в то же время дает начало новым проблемам, о существовании которых он даже не подозревает. И все же, говорит Жильсон, под влиянием критического и позитивного духа XIX в. большинство членов конгресса останавливалось на границе этой земли обетованной, не смея в нее проникнуть. Великим уроком конгресса Жильсон считает тот вывод, что между физикой и метафизикой не существует непроходимой зоны, и высказывает пожелание, чтобы VII Международный философский конгресс, который соберется в 1930 г. в Оксфорде, пошел еще дальше по тому же пути.

Для нас не столь интересны личные чаяния Жильсона, сколь та характеристика, которую он дает VI Международному философскому конгрессу, подкрепляя ее изложением прочитанных на конгрессе докладов.

Буржуазная философия за последние годы все более и более проникается антинаучными тенденциями, заключая то скрытый, то явный союз с религией. VI Международный философский конгресс, выявивший послевоенные настроения ответственных представителей буржуазной философии в этом отношении в'есьма показателен.

III.

Archives de Philosophie.

Философские Архивы. Том III. 1925—26.

В первой тетради третьего тома «Archives de Philosophie», которая посвящена «Очеркам психологии и научной философии», прежде всего, можно отметить статью Роберта Маршаля—«Вечное возвращение»[2]), дающую анализ идеи космической повторяемости событий. Главное внимание Маршаля привлекают учения Бланки, Метерлинка и Ницше. Учение о космической повторяемости событий для него неприемлемо на том основании, что оно предполагает отрицание целесообразности вселенной; между тем, традиционная философия, говорит он, достоверно устанавливает, что вселенная имеет цель, так как она сотворена чистым разумом и активностью—богом.

Этот дедуктивно-богословский способ мышления характеризует все направление «Archives de Philosophie», и «очерки научной философии» по существу являются очерками, направленными против научной философии.

Хозе А. Перец («Теория относительности»)[3]), анализируя понятие «основной скорости», приходит к выводу, что теория

---

[1]) E. Gibson, Le VI Congrès international de philosophie, ibidem, № 4.

[2]) Robert Marchal, Le retour éternel, «Arch. de Phil.», v. III, 1 (Etudes de psychologie et de philosophie scientifique»).

[3]) José A. Perez, Théorie de la relativité, «Arch. de Ph.», v. III, c. 1.

Эйнштейна 1) не вносит никакого изменения в понимание природы и ее свойств, 2) вводит весьма полезное изменение в способы измерения и 3) нисколько не противоречит схоластической космологии.

Жан Клейн в «Заметке о случае» [1]) проводит мысль, что телеологическое миропонимание нисколько не нарушается математическими и физическими теориями вероятности (probabilité) и случая (hasard): статистические теории больших чисел в применении к космосу столь же мало противоречат теологии, как учение о всеобщем тяготении или система Птоломея. Эмпирическое учение о случае (hasard), как о пересечении причинных серий, по мысли Клейна, не дает ответа на философский вопрос о роли случайности (contingence), исключающей причинность.

Очерки психологии, помещенные в «Archives de Philosophie» преследуют те же цели, что и очерки философии; так Сегон в статье «Узнавание воспоминаний» [2]) говорит о значении памяти с точки зрения человеческой духовной целесообразности. Воспоминание состоит не только в том, чтобы механически воспроизвести прошлое, но в том, чтобы светом опыта одухотворить грубый механизм поступков. Истинная человеческая жизнь—это жизнь духовная (la vie spirituelle); благодаря памяти мы находим самих себя; в памяти осуществляется разум.

Вторая тетрадь третьего тома «Archives de Philosophie»—«Очерки о св. Фоме» [3]) целиком посвящена изучению и пропаганде томизма; наконец, в третьей тетради приводится критическая библиография философии за 1924—25 год.

Михаил Дынник.

(Продолжение следует).

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА.

Библиотека марксиста, под редакцией Д. Рязанова.

Выпуски I—X.

I. Карл Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. ГИЗ. 1926 г.

II. Фр. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. ГИЗ 1926 г.

III. Фр. Энгельс. Крестьянская война в Германии. ГИЗ. 1926 г.

IV. Карл Маркс, мыслитель, человек, революционер. ГИЗ. 1926 г.

V. Поль Лафарг. Томас Кампанелла. Гиз. 1926 г.

VI. Г. В. Плеханов. Основные вопросы марксизма. ГИЗ. 1926 г.

VII. Карл Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. ГИЗ 1926 г.

VIII. Карл Маркс. Гражданская война во Франции в 1871 г. ГИЗ. 1926 г.

---

[1]) Jean Klein Note sur le hasard, ibibem, v. III, c. 1.
[2]) I. Segond, La reconnaissance des souvenirs, ibidem, v. III, c. 1.
[3]) «Arch. de Ph.», v. III, c. 2 («Etude sur saint Thomas»).

IX. Вильгельм Либкнехт. Никаких компромиссов. ГИЗ. 1926 г.

X. Вильгельм Либкнехт. Социализм и культура. ГИЗ. 1926 г.

Институт Маркса и Энгельса в Москве делает свое большое и важное дело. Нетерпеливые и горячие головы, быть может, не прочь и поворчать на то, что дело движется довольно медленно: мы до сих пор не имеем еще собрания сочинений Маркса и Энгельса,—4 тома, вышедшие в свет, это так мало, по сравнению с тем, что надо дать из наследия основателей марксизма. Но, если вспомнить, как велико, с одной стороны, литературное наследство Маркса и Энгельса, сколько труда приходится положить Институту, чтобы отыскать все, оставшееся от наших учителей, чтобы подчас вырвать это из рук кой-кого из тех, кому иногда выгоднее «грызущая критика мышей» рукописей Маркса, чем критическое усвоение массами революционного марксизма, сколько, с другой стороны, надо приложить подлинного исследовательского труда, чтобы дать первое действительное научное издание трудов Маркса и Энгельса,—тогда навряд ли можно будет признать основательным жалобы на медленность работы Института. Надо ли еще прибавлять к этому тот для всех, изучающих марксизм, очевидный факт, что каждый том «Архива», выпускаемый Институтом, содержит в себе такие работы, которые (мы не впадаем в преувеличение) имеют огромное историческое значение. Опубликование полного предисловия Энгельса к «Гражданской войне во Франции 1848—1850 г. г.» Маркса вызвало литературные отклики не только у нас, но и за границей: Каутский вынужден был взяться за перо, чтобы при помощи ряда малоубедительных софизмов «доказывать», что черное есть более и что выпущенные в свое время места из предисловия Энгельса не имеют никакого значения; но кому же не ясно, что с опубликованием Рязановым полного предисловия Энгельса из рук оппортунистов выбито оружие, которым так охотно пользовались все извратители марксизма, начиная с Бернштейна и кончая, увы, самим Каутским, который некогда во время оценки декабрьского восстания 1905 г. в Москве толковал вопрос о баррикадной борьбе совсем в духе Энгельса и... Ленина. Наконец, «Диалектика природы» Энгельса, опубликованная во II томе «Архива», является произведением, которое сразу стало в центре интереснейших и плодотворнейших споров марксистов по вопросу о диалектическом материализме.

Одним словом, выражающим нетерпение можно сказать следующее: нетерпение ваше, быть может, законное, но то, что следует дать Институту, так огромно и трудно, а то, что уже дано столь важно и архизначительно, что в данном случае некоторое терпение можно рекомендовать, как добродетель...

На ряду с научно-редакционной и исследовательской работой Институт Маркса и Энгельса предпринял издание важнейших произведений Маркса и его ближайших учеников, предназначенное для широких кругов марксистского актива СССР. Рецензируемая нами «Библиотека марксиста», под редакцией Рязанова, «предназначается в первую очередь,—как отмечает редактор,—для слушателей партшкол и комвузов, а также руководителей марксистских кружков». Дать научно-популярное издание серьезных работ, каковыми являются во всех случаях работы Маркса, Энгельса, Лафарга, В. Либкнехта, вошедшие в «Библиотеку марксиста», задача не менее, а подчас и более трудная, чем переиздать или вновь издать те же работы в том виде, как они были написаны самими авторами. В первом случае требуется, во-первых, не только точность в переводе, но и наивозможнейшая простота и общедоступность его, во-вторых, не огрызок той или другой работы, а полнота ее, в-третьих, не вульгаризация, а научно-

популярное об'ясиение трудных мест и снабжение работ предисловиями и раз'яснениями, которые дают возможность малоподготовленному читателю, начинающему марксисту, по возможности, полностью усвоить прочитанное. Можно сказать, без опасения впасть в восхвалительный тон, что все эти условия выполнены Институтом самым добросовестным образом. Примечания даны в меру, написаны просто и раз'ясняют, без излишних вагромождений, труднейшие места текста, переводы сделаны безукоризненно, сверены с оригиналами, при чем, за иезначительным исключением, восстановлены все выпущенные в предыдущих русских и иностранных изданиях места, некоторые же предисловия не только дают вводные пояснения к той или другой работе, но подчас содержат ряд изысканий, которые будут не без пользы прочитаны каждым, серьезно интересующимся изучением марксизма товарищем.

Из числа десяти книжек, вошедших в серию, две: «Коммунистический манифест» и «Маркс—мыслитель, человек, революционер» были уже в свое время изданы под редакцией Д. Б. Рязанова и представляют собою перепечатку прошлого издания. Статьи, собранные в сборнике «Маркс—мыслитель, человек, революционер», представляют исключительный интерес: мы находим там статьи Энгельса, Элеоноры Маркс-Эвелинг, две статьи самого Маркса, Плеханова, Меринга, Розы Люксембург, Тимирязева, Лафарга, Леснера, В. Либкнехта и Рязанова. По прочтении сборника величественный и вместе с тем простой образ Маркса встает во всей своей яркости. Приходится высказать все же иекоторое сомнение в целесообразности помещения статьи Меринга «Маркс и революция» без оговорки редактора. Дело в том, что статья Меринга написаиа в 1903 году и носит на себе некоторые следы двусмысленного понимания германской с.-д. необходимости революционного насилия: так, Меринг пишет (стр. 60 настоящего издания): «Она (рабочая партия) всегда исходила из возможности мириого развития—разумеется, не из любви к своим смертным врагам, а из хорошо понятого интереса рабочего класса» (курсив наш. *Г. З.*). Далее, на стр. 61: «Но окончательное решение того, произойдет ли социальное преобразование без насильственных катастроф, зависит, главным образом, от правящих классов»... Тут есть половинчатое признаиие возможности мирного перехода к социализму; если сопоставить это с утверждением Меринга (стр. 58), что «Энгельс в своем последнем сочинении вообще признал законченной эру баррикадных боев»,—то получается впечатление, что Меринг, в общем, в этой статье стоит на центристской позиции. Поэтому нам думается, что следовало хотя бы в примечании, или в предисловии, оговорить эти места.

«Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса впервые дано иа русском языке полностью со всеми предисловиями и вставками, когда-либо написанными Энгельсом: тут даны предисловия Энгельса к первому и четвертому немецким изданиям, предисловие к английскому изданию, представляющее самостоятельный интерес, и в качестве приложения статья Энгельса «Марко», выпущенная в 1882 г. на немецком языке, как агитационная листовка. Кроме предисловия Д. Рязанова, дающего сведения о времени написания составных частей брошюры, к книжке приложен подробный словарик, об'ясняющий исторические имена и отдельные места, составленный Г. Зайделем и И. Лупполом.

«Крестьянская война в Германии» Фр. Энгельса снабжена предисловием Д. Б. Рязанова, останавливающимся на отличии во взглядах Маркса и Энгельса—с одной и Лассаля—с другой стороны на революционную роль крестьянства. Первые считали, что если «поддержать крестьянскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны», сто

дело пойдет прекрасно». Лассаль же идеализировал рыцарское движение, а «крестьянскую войну» считал, «несмотря на революционную внешность», реакцией. Рязанов отмечает, что «наши революционные народники, в особенности бакунисты, часто отождествляли, с легкой руки Бакунина, взгляды Лассаля со взглядами Маркса и Энгельса на крестьянство» (стр. 7). В том же предисловии даны интересные отрывки из писем Энгельса к Каутскому по поводу «Предшественников современного социализма». К книге приложен перевод «Двенадцати тезисов» этой первой крестьянской программы», как справедливо замечает редактор. Примечания составлены Ц. Фридляндом и дают подробное и понятное об'яснение к трудным местам текста. Книжка снабжена рядом иллюстраций и, между прочим, снимком обложки «Двенадцати тезисов» германских крестьян, по экземпляру, принадлежащему Институту К. Маркса и Фр. Энгельса.

«Томасу Кампанелла» П. Лафарга предшествует интересное предисловие Д. Б. Рязанова. Последний полемизирует с «итальянским экс-марксистом и экс-министром, Бенетто Кроче», который в свое время указывал на ряд ошибок, допущенных Лафаргом в биографии Кампанеллы. Рязанов показывает шаткость ряда утверждений Кроче и в заключение рекомендует важнейшие работы на русском языке: Ковалевского и Квачалы, которые могут пополнить новыми, научными данными образ Кампанеллы, нарисованный Лафаргом. Примечания к книжке составлены И. Лупполом и Г. Зайделем.

«Основные вопросы марксизма» Г. В. Плеханова дополнены отрывком О скачках», статьей Плеханова «О роли личности в истории» и большой выдержкой его же из предисловия к брошюре Энгельса о Фейербахе. Отрывок о «скачках» представляет собой блестящую отповедь ренегату революции, Тихомирову, утверждавшему, что единственым законом общественного развития является эволюция и что мысль о том, «будто мы живем в каком-то «периоде разрушения», является просто «политическим отражением старых идей Кювье и школы внезапных геологических катастроф». Статья Плеханова еще и теперь читается с захватывающим интересом. Предисловие т. Рязанова дает ряд дополнений к некоторым утверждениям Плеханова. Примечания к «Основным вопросам» пополнены рядом новых, сделанных Плехановым для немецких читателей, и некоторыми пояснительными замечаниями Д. Б. Рязанова.

«Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса предшествует обстоятельное предисловие т. Рязанова. Время, когда писалось «Восемнадцатое брюмера», наименее исследованный период из жизни Маркса (1851—1852 гг.). Рязанову принадлежит та заслуга, что он исправил ряд неточностей, вкравшихся в самый рассказ Маркса (предисловие ко второму изданию 1869 г.) о процессе написания этого произведения. Предложение написать о coup d'état «маленького Наполеона» исходило от Вейдемейера, который в сентябре 1851 г. перебрался в Соединенные Штаты и рассчитывал выпускать еженедельную газету с 1 января 1852 года. В середине декабря 1851 года Энгельс получил письмо от Вейдемейера, в котором последний предлагал Энгельсу в ближайшие дни доставить статью для еженедельника о декабрьском перевороте. Энгельс не счел возможным взяться за это предприятие; в письме к Марксу от 16 декабря 1851 г. он писал: «Что касается меня, то я готов писать о чем угодно, только не о перевороте Крапулинского. Ты во всяком случае сумеешь написать для Вейдемейера статью дипломатическую, «не отрезывающую отступления» и в то же время делающую эпоху». Маркс согласился на это предложение и обещал выслать начало «Восемнадцатого брюмера» уже

к 23 декабря, но, вследствие болезни, отправил обещанное только 1 января 1852 года. Вейдемейеру так и не удалось выпустить еженедельника, вместо этого он ограничился изданием непериодического сборника «Революция», в первом номере которого—а не во втором, как ошибочно пишет Маркс—последний напечатал (18 брюмера Луи Бонапарта). Приложенный к изданию снимок с обложки «сборника» Вейдемейера красноречиво свидетельствует о правильности изысканий Д. Рязанова. На обложке значится: «Die Revolution, eine Zeitschrift in Zwanglosen Heften. Herausgegeben von J. Weydemeyer. Erstes Heft. Der 18-te Brumaire des Louis Napoleon von Karl Marx. New-York 1852».

Из дальнейшего изложения т. Рязанова мы видим, как работал Маркс над своим трудом, и входим, так сказать, в лабораторию интимного творчества обоих великих друзей—Маркса и Энгельса. Период, в который Маркс писал свое «18-е Брюмера» был наиболее тяжелым для Маркса. «Пришлось заложить,—пишет Рязанов,—все вещи, даже платье, и Маркс не мог некоторое время выходить из дому. Вслед за ним переболела вся семья. Когда умерла маленькая дочь, ее не на что было похоронить. Несмотря на это, Маркс продолжал работать и в марте 1852 г. закончил свою статью. Письма Энгельса в этот период, приводимые т. Рязановым, являются замечательными документами «невидимого» сотрудничества Энгельса. «Маркс,—пишет Рязанов,—взял у Энгельса не только мысль изобразить государственный переворот 2 декабря, как пародию на 18-е Брюмера первого Наполеона. Он взял у него также почти буквально все начало своей работы, которое составляет такой прекрасный вступительный аккорд к изображению мелодрамы 2 декабря». Сопоставляя письма Энгельса и начало первого издания «18-е Брюмера», Рязанов справедливо замечает: «Мысль обоих друзей работает в одном и том же направлении, но у Маркса она получает всегда более сжатую и более глубокую форму выражения».

Что касается самого текста «18-е Брюмера», то редактор восстановил наиболее важные места из первого издания, выпущенные впоследствии Марксом. К книге приложены примечания и весьма удачно составленный хронологический перечень событий, принадлежащие перу т. А. Д. Удальцова.

«Гражданская война во Франции в 1871 г.» воспроизводит, с некоторыми стилистическими исправлениями, текст русского перевода, сделанный под редакцией Ленина. Очень удачно заменено слово «империализм», приобревшее теперь новое историческое значение, словом «цезаризм». Нам кажется, однако, что кой-какие дополнения к тексту, выпущенные в свое время Лениным, повидимому, из-за цензурных соображений надо было бы сделать. Эти дополнения незначительны, но весьма характерны. Так, сравнение нами перевода данного издания с переводом, выпущенным издательством «Прибой» с известного третьего немецкого издания в Берлине в 1891 г. (издательство «Vorwärts») [1]), дает следующие замечательные нами отличия. На стр. 71 издания И-та (сравн. с изд. «Прибой», стр. 50) после фразы: «И Тьер, и буржуазия, и вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, на деле предавая поляков», следует: «России, исполняя грязную работу»; на стр. 89 издания И-та (ср. с изд. «Прибой», стр. 67) фраза: «Его палачей история уже теперь пригвоздила к позорному столбу, от которого не в силах будут оторвать их никакие молитвы их по-

[1]) См. К. Маркс, Гражданская война во Франции 1871 г. Редакция и примечания А. И. Молок. Рабочее издательство «Прибой», Ленинград 1926 г.

пов». Мы не имеем под рукой первоначального текста «Гражданской войны» и не беремся судить, насколько наши замечания правильны. Но подчеркнутые нами места из перевода третьего немецкого издания, повторяем, хотя и незначительны, но настолько характерны, что в следующем издании И-та, которое наверное потребуется в непродолжительном времени, текст «Гражданской войны», на наш взгляд, надо будет заново пересмотреть. Что касается приложений к изданию, то обращают на себя внимание хорошо подобранные материалы из деятельности Коммуны, письма Маркса и Энгельса по поводу Коммуны, отрывок из книги Дюбрейля о расправе версальцев с коммунарами и примечания, составленные тт. А. Удальцовым и Ц. Фридляндом.

«Никаких компромиссов!» Вильгельма Либкнехта состоит из двух частей: первая—воспроизводит речь Либкнехта в 1869 г. и называется «О политической позиции социал-демократии по отношению к рейхстагу»; вторая—«Никаких компромиссов!» написана в 1889 году, по поводу практики избирательных соглашений, которые к тому времени начали проводиться в жизнь ревизионистами-оппортунистами. Кроме того к книге дано в виде приложения предисловие В. И. Ленина к русскому переводу брошюры «Никаких компромиссов!», написанное в декабре 1906 г. «Товарищи рабочие!—заканчивает Ленин свое предисловие.—Читайте внимательнее брошюру Вильгельма Либкнехта и построже проверяйте тех, кто советует вам гибельные для пролетариата и для дела свободы соглашения с кадетами!» Таким образом, указанная брошюра В. Либкнехта сослужила через много лет после смерти «солдата революции» драгоценную службу революционному марксизму. Произведения В. Либкнехта могут сослужить такую же службу и теперь, несмотря на ряд ошибочных теоретических положений, которые развивал в них автор. В предисловии Д. Рязанова и введении Э. Цобеля эти ошибки оговорены. В том же введении тов. Цобель разбирает тактические и принципиальные взгляды В. Либкнехта на фоне современной последнему эпохи. Примечания дают хороший дополнительный материал к неясным местам брошюры.

Не меньший интерес представляет сборник статей В. Либкнехта «Социализм и культура» с введением и примечаниями А. Тальгеймера. В этот сборник вошли: торжественная речь В. Либкнехта, произнесенная последним 22 октября 1871 года в Демократическом Союзе в Криммичау и впоследствии изданная в виде брошюры под заглавием «От обороны к нападению»; брошюра под названием «Знание—сила, сила—знание», представляющая собою речь Либкнехта, произнесенную в Дрездене 5 февраля 1872 года, и известная пропагандистская брошюра «Пауки и мухи», которая впервые появилась в «Volksstaat» и в основу которой положен старый французский памфлет. В предисловии т. Тальгеймер отмечает теоретическую спутанность мировоззрения В. Либкнехта: «Чрезвычайно характерным в этом отношении является тот факт, что Вильгельм Либкнехт, который в течение десятков лет жил бок-о-бок с Карлом Марксом и считал себя его учеником, не видел прямой противоположности между манчестерским толкованием истории Бокля и материалистическим пониманием истории К. Маркса» (стр. 8). И тем не менее страстная ненависть к капитализму, преданность рабочему классу, революционный пыл являются характерными свойствами старика Либкнехта, и его произведения еще сейчас читаются с исключительным интересом.

В общем, «Библиотека марксиста» является ценнейшим изданием подлинного научно-популярного характера, которое принесет незаменимую пользу начинающим марксистам. Будем надеяться на скорое продолжение этой серии.

Г. Зайдель.

К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 г.г.). Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом, под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. ГИЗ. Москва—Ленинград 1926 г. Тираж 10.000. Стр. VIII+526.

Этот об'емистый том произведений Маркса и Энгельса представляет собой их статьи, напечатанные в период 1848—1850 г.г. в «Новой Рейнской Газете», а затем, после закрытия последней, в «Новом Рейнском Обозрении», выходившем в Гамбурге с февраля до ноября 1850 года. В 1902 году Меринг выпустил эти статьи в качестве третьего тома «Литературного наследства Маркса, Энгельса и Лассаля». Как отмечает Д. Рязанов в своем предисловии, издание Меринга изобилует «крупными недостатками» и характерным «крайним суб'ективизмом» в подборе статей. «В нем много пробелов и пропусков, отчасти допущенных Мерингом вполне намеренно, отчасти же об'ясняемых тем, что ему оставались неизвестными многие работы Маркса и Энгельса, относящиеся к периоду 1840—1897 гг. Именно поэтому,—продолжает т. Рязанов,—мы отказались от воспроизведения на русском языке первых двух томов изданного Мерингом «Литературного наследства Маркса и Энгельса». Они окончательно устарели не только с точки зрения «полноты». Устарели также и комментарии, требующие теперь значительных дополнений и исправлений». Что же касается до третьего тома «Литературного наследства», то, несмотря на отмеченные Д. Рязановым пробелы, «сборник Меринга сохраняет свою большую литературную ценность и как собрание статей Маркса и Энгельса и, еще больше, как своеобразный комментарий к событиям немецкой революции 1848—1849 г.г.». В предисловии отмечено историческое значение этого тома как для немецкой с.-д., так и, в особенности, для русской. «Без основательного знакомства с ней трудно разобраться в тех спорах, которые заполняют страницы русской с.-д. печати в 1905—1907 гг., да и позже, вплоть до 1917 г. Задачи пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции, отношения между пролетариатом и буржуазией, вопрос о крестьянстве, политика по отношению к угнетенным окраинам, право наций на самоопределение и т. д.—все эти вопросы подробно трактовались на страницах «Новой Рейнской Газеты» Марксом и Энгельсом» (из предисловия Д. Рязанова).

Исходя из указанных соображений, Институт Маркса и Энгельса полностью переиздал этот третий том с комментариями и примечаниями Ф. Меринга. Прибавлена только статья Маркса «О подвигах Гогенцоллернов» и приложен именной указатель с краткими биографическими сведениями, составленный т. Гайду. Блестящее введение Ф. Меринга [illegible] теперь читается с неослабевающим интересом. Это введение является необходимым комментарием к статьям Маркса и Энгельса и [illegible] той революционной страстностью, которой вдохновлялся Меринг [illegible] влиянием режущих, как сталь, статей своих учителей. Последние [illegible] «Новой Рейнской Газеты», изнемогавшей под ударами прусской реакции, оставленной разбежавшимися демократами»-акционерами, [illegible] подлинного драматизма. Меринг изображает последние попытки Маркса спасти издание, взяв газету в свою личную собственность и [illegible] жертвовав «своим маленьким имуществом и имуществом своей [illegible] (стр. 85). Несмотря, однако, на эти отчаянные усилия, газеты [illegible] не удалось: 18 мая 1849 г. газета была закрыта. «Мы должны были [illegible] нашу крепость,—писал впоследствии Энгельс,—но мы уходили с [illegible] жием и с обозами, с барабанным боем и в виде знамени—с [illegible]

ним красным номером, в котором мы предостерегали кельнских рабочих от безнадежных выступлений». Этот красный номер начинался известным стихотворением Фрейлиграта:

Не открытым ударом в открытом бою,—
Я сражен из коварной засады:
Применили всю подлую низость свою
Европейско-калмыцкие гады.

В «Введении» к статьям в «Новом Рейнском Обозрении» Ф. Меринг дает комментарии к периоду 1849—1850 г. г., когда Маркс и Энгельс, пытавшиеся все-таки, несмотря ни на что, продолжать революционную пропаганду, к лету 1850 г., на основании тщательного анализа всемирного экономического положения пришли к выводу, что «революционная волна неудержимо спадает» и что надо изменить свою тактику. 15 сентября 1850 г. произошел раскол в Союзе Коммунистов.

Русский читатель, имеющий два тома впервые изданных Институтом Маркса и Энгельса работ Маркса и Энгельса в период 40-х гг. работу т. Рязанова о Марксе и Энгельсе (лекции) и его же «Очерки по истории марксизма», сумеет с пользой прочесть рецензируемый нами том статей Маркса и Энгельса, дополнив недостающие комментарии Меринга указаниями из упомянутых работ.

Г. З.

И. Луппол. Ленин и философия (к вопросу об отношении философии к революции). ГИЗ. 1927 г. Стр. 208.

Одно перечисление книг, брошюр, статей, посвященных Ленину и вопросам ленинизма, занимает в настоящее время два тома убористой печати (см. сб. «Лениниана»). И на ряду с внушительными по размеру и ценными, иногда, по качеству сочинениями, разбирающими проблемы государства, диктатуры пролетариата, партийного строительства и пр.—вопросы философии в постановке Ленина остаются несколько в тени. Кроме интересной книги А. Деборина «Ленин как мыслитель» и кроме нескольких поверхностных книжек и статеек—мы не имеем на эту тему никакой литературы. Вот почему появление книги И. Луппола своевременно и отвечает вполне назревшей потребности.

Книга состоит из четырех заново переработанных статей, напечатанных автором в 1924—1925 гг. в различных журналах. Соответственно этому она и разделена на четыре следующих части: 1) собственно философская часть (гл. II—Проблема бытия и мышления, гл. III—Проблема материалистической диалектики); 2) Проблема социальной методологии; 3) Проблема диктатуры пролетариата; 4) Проблема культуры. Из этих частей наиболее удачными, по нашему мнению, являются первая и последняя.

В первой части, посвященной собственно философским вопросам, т. Луппол рельефно показывает нам значение Ленина для постановки и развития идей диалектического материализма.

Как изображают враги марксизма, Ленин «отнюдь не является философской quantite negligeable»,—«он поставил и разрешил ряд проблем, от которых никак нельзя отмахнуться высокомерным презрением» (стр. 4). Всем современным позитивистам», вульгаризаторам и упразднителям марксистской философии следует обратить внимание на то, с какою чуткостью относился Ленин к вопроса диалектического материализма. В марксистской философии Н. Ленин усматривал «действительно духов-

ное оружие пролетариата» (стр. 13). «Когда он видел, что диалектический материализм, марксизм, в опасности, и замечал, что эта опасность надвигается из своего же лагеря социал-демократов марксистов, он не мог оставаться в покое». «Борец по натуре, Ленин выступил борцом за диалектический материализм» (стр. 13).

Этим устанавливается единство теории и практики, последовательно проведенное Лениным во всей его жизни и сочинениях. С характеристики этого единства вполне правильно и начинает т. Луппол изложение философских взглядов Ленина.

Соглашаясь в общем с этой характеристикой, мы должны отметить некоторую ее неопределенность. Во взаимоотношении теории и практики методологии знания и действия, т. Луппол не подчеркнул самого существенного. Употребляя в общем правильную формулировку единства теории и практики: «методология знания на основе действия и методология действия на основе знания» (стр. 91), автор не подчеркивает доминирующий момент в этом единстве. Получается впечатление, что теория и практика диалектическим материализмом трактуются как совершенно равноценные моменты. Практика—основа для теории, а теория—основа для практики. Петр кивает на Ивана, а этот—на Петра.

Мы не можем согласиться с этой мыслью о равноценности теории и практики. В единстве теории и практики так же, как и во всяком другом диалектическом единстве (напр., сознания и материи, общественного базиса и надстроек и пр.), имеется определяющий, первенствующий момент. Таким является, само собою разумеется, практика. Мы можем и должны рассматривать теорию и науку как часть практической общественной и технической деятельности человека. Но рассматривать эту деятельность как часть, как момент теории было бы неправильно. Величие Ленина и состояло в том, что, освещая светом научной теории практику общественной борьбы, он подчеркивал всегда, что в их взаимоотношении и взаимодействии практика является определяющей и доминирующей. Это обстоятельство и упущено т. Лупполом. Неопределенную лупполовскую, неоднократно повторяемую формулировку единства теории и практики—«методологии знания на основе действия и методология действия на основе знания» следует поэтому заменить другой. В книге А. Деборина «Ленин как мыслитель» нет этого недостатка. Первенство практики там подчеркнуто надлежащим образом:

«Подобно Марксу, Ленин учится у опыта массового пролетарского движения и из него извлекает практические уроки, претворенные в теории. Теория прежде всего должна выдержать испытание практики» (курсив автора). «Практикой человек должен доказать истину своего мышления». Теория не представляет самостоятельного царства. Первенство принадлежит практике» (курсив мой. *Г. Д.*) (А. Деборин, Ленин как мыслитель. ГИЗ, 1925 г., 2-е изд., стр. 12).

В дальнейшей характеристике философских взглядов Ленина т. Луппол последовательно останавливается на следующих вопросах: «Знание как процесс», «истина суб'ективная и об'ективная», «понятие материи и движения», «понятие пространства и времени» и др. Имея в виду теперешние споры с механистами, фрейдистами и др. упразднителями диалектики, обращаем внимание читателей на отдел, посвященный «естествознанию и материалистической диалектике», и особенно на главу «проблема материалистической диалектики».

Обыкновенно, когда пишут о Ленине, как диалектике—дело ограничивается примерами. Приводят неопределенное количество иллюстраций из политической и партийной деятельности Ленина и, пользуясь

ями, дают характеристику диалектики Ленина. Такой способ подхода, в известном отношении правомерный, мы считаем недостаточным. Несомненно, что вся жизнь, все вопросы его сочинений являются живым и замечательнейшим примером диалектики. Но диалектика как наука имеет самодовлеющее значение и примеры диалектики не заменяют ее специальной характеристики. Т. Луппол избежал этого недостатка и удачно обрисовал значение Ленина для постановки и решения важнейших проблем, непосредственно касающихся диалектики.

Ленин нигде не просуммировал своих взглядов—его мысли о диалектике разбросаны на протяжении всех его сочинений. Но преимущественное значение имеют его замечания на гегелевскую «Науку логики», а также его небольшая статья «К вопросу о диалектике». Ленин не проходил равнодушно мимо Гегеля, не третировал его как «схоласта» (не в пример некоторым нашим естественникам-марксистам), а внимательнейшим образом изучал его сочинения. В результате этого критического изучения, в постановке некоторых проблем диалектики Ленин двинулся дальше Г. Плеханова. Особенное значение имеет постановка Лениным «самой сути» диалектики—вопроса об единстве противоположностей.

Перейдем теперь ко второму отделу книги т. Луппола—«Проблемы социальной методологии». Этот отдел в сравнении с другими частями книги незначителен по размеру и преимущественное внимание здесь уделено характеристике самого исторического материализма.

По мнению т. Луппола, «если материализм в истории есть прежде всего метод познания, изучения, об'яснения, то обоснование материалистической точки зрения, основание ее, учение о ней, есть методология изучения и познавания исторического общественного предмета, позволяющая и способствующая возможно более адэкватно познать этот предмет» (курсив автора, стр. 95). Исходя из такого понимания исторического материализма, т. Луппол полемизирует, как он называет, с «социологистами», т.-е. теми тт., которые защищают самостоятельность исторического материализма, как научной теории о законах общественной жизни.

В короткой рецензии мы не имеем возможности полностью оценить по существу все аргументы т. Луппола. Мы не считаем их правильными. Конечно, исторический материализм не является социологией в дурном буржуазном смысле слова, как учение, которое стремится, по выражению т. Луппола, «все раз'яснить и всему навязать свои схемы и рецепты» (стр. 94). Социология, так же как и философия, существенным образом видоизменяется в руках марксизма.

Философия диалектического материализма отказывается от претензии формулировать раз навсегда законченные взгляды на ход мировых процессов. Она ограничивается тем, что дает общие (и в то же время конкретные) законы развития материи. Также и марксистская социология отказывается от стремления втиснуть исторические общественные процессы в рамки одних и тех же неизменных законов и является учением об общих (и в то же время конкретных) законах общественного развития.

Этими формулировками, которые мы не имеем возможности развить и обосновать, определяется общее соотношение между теорией и методом, наукой и методологией.

Научную теорию нельзя противопоставлять односторонне научному методу. Научная теория, истинность которой достаточно прове-

рена, которая вошла уже в состав науки как прочное ее завоевание, приобретает тем самым методологический характер. Она становится методом, способом об'яснения и исследования действительности, средством для увязки научных фактов. Научный метод поэтому не есть что-то постороннее и чуждое научному содержанию. Метод сам содержателен, а содержание само становится методом. Диалектический материализм—методологичен, целиком, на все 100°/₀, но прежде, чем сделаться таковым, он являет нам вначале вид научной теории, истинность которой проверяется путем сличения ее с действительностью и практикой. Прежде чем опосредовать, служить для доказательства, диалектический материализм сам должен быть опосредован и доказан. Вот почему неправильно сказать, что диалектический материализм есть только и прежде всего методология. В этом, между прочим, коренное наше отличие от гегелевского идеализма. Для последнего философия и диалектика есть, прежде всего, методология—потому что мысль способна в самой себе развиваться совершенно свободно, не сообразуясь с тем, что мы называем внешней действительностью. Это движение мысли, ход понятия, творящего новые понятия, движение научного метода—есть единственно подлинное, истинное, самое существенное, движение. Не метод, по Гегелю, должен быть сообразован с внешней действительностью, и от нее получить все то, что, с точки зрения материализма, является в нем методического, а, наоборот, внешняя действительность должна быть сообразована с методом. Вот почему, истинная философия с точки зрения Гегеля должна быть прежде всего и только методологией.

То же самое можно сказать и про исторический материализм. Исторический материализм—методология на все 100% без исключений. Он является средством для исторического исследования, для увязки экономических, политических и идеологических фактов. Но исторический материализм в то же время является и научной теорией—совокупностью известных знаний, отображающих основные процессы и законы развития общественной действительности. Как и всякая другая научная теория, прежде чем служить средством научного исследования, исторический материализм должен быть сам опосредован и доказан. Вот почему мы не согласны с определением т. Луппола, что «материализм в истории есть прежде всего метод познания, изучения, об'яснения». Если уж быть последовательным, т. Луппол должен был бы отвергнуть также и философское научно-теоретическое значение диалектического материализма.

Не защищая всей книги «Теория исторического материализма» Бухарина—мы все же считаем, что в определении характера исторического материализма, как научной теории, а следовательно, и метода истории, он был совершенно прав. «То обстоятельство, что она (теория исторического материализма) есть метод для истории, ни в коей мере не уничтожает ее значения, как социологической теории. Очень часто более абстрактная наука дает точку зрения (т.-е. метод) науке менее абстрактной» (Н. Бухарин, Теория исторического материализма, Госиздат, 1921, стр. 13).

Нет поэтому никаких причин отказываться от термина социология. Как ни подозрителен этот термин, как ни пахнет он «буржуазным духом», он так же плох и так же хорош, как термины «философия», «мораль» и некоторые другие.

Ссылки т. Луппола на Ленина совершенно неубедительны. В подтверждение своих взглядов он приводит цитату из Ленина, где говорится

что «материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все об'яснить, а только на то, чтобы указать единственно научный, по выражению Маркса, прием об'яснения истории». Вывод автора отсюда, что «материализм в истории есть прежде всего метод познания, изучения, об'яснения...»—крайне произволен и отнюдь из этой цитаты Ленина не следует.

Следующий отдел рецензируемой книги «Проблема диктатуры пролетариата» мы также считаем не совсем удавшимся. На ряду с интересными вопросами: о характере пролетарского и буржуазного государства, проблеме насилия, захвата власти и др., не подчеркнуты вопросы, уже достаточно подчеркнутые самой жизнью.

Так, напр., недостаточно четко поставлена основная характеристика пролетарской диктатуры. Из трех существенных сторон пролетарской диктатуры: как насилия над эксплоататорскими классами, как особой формы союза между пролетариатом и трудящимися массами мелкобуржуазных классов и как орудия преобразования общества, т. Луппол останавливается больше всего на первой, мало или почти совсем ничего не говорит про другие.

Между прочим, третья характерная сторона диктатуры пролетариата, как орудия строительства социализма, тесно связана с вопросом об отмирании государства и самой диктатуры. На этом вопросе, который занимает такое значительное место в книге Ленина «Государство и революция», т. Луппол не останавливается совсем. Затем пропущены существенные вопросы—о взаимоотношении пролетарской диктатуры и партии, а также характеристика диктатуры, как «единодержавия» пролетариата. Тов. Луппол может возразить, указывая на то, что это исключительно злободневные вопросы. Это несомненно так, но их злободневность не лишает их принципиального значения для проблемы диктатуры пролетариата. Тов. Луппол забыл, что сам же он, на всем протяжении своей книги, твердит о том, что философия должна быть связана с жизнью, практикой и действительностью.

Эти недочеты книги т. Луппола смягчаются следующим, наиболее удавшимся, отделом «Проблема культуры». Здесь т. Лупполу пришлось вступить в совсем мало посещаемую область ленинизма. Все мы знаем великое значение Ленина для «культурничества», все мы помним о том чрезвычайном внимании, с которым он относился к этим вопросам. Но у нас не имеется еще толкового исследования, оставленного им наследства. Тов. Бухарин как-то начал писать статью о «Проблеме культуры в пролетарской революции» [1]), но она осталась недоконченной до сих пор.

Пропуская спорный вопрос о том, что на ряду с политической и др. надстройками существует еще особая «культурная надстройка»—мы подчеркиваем ту связь, какую устанавливает т. Луппол между культурами и «породившими их социальными отношениями» (стр. 159). Эти связи, правильно говорит автор,—«никогда не следует упускать из виду. Иначе мы за культурой в кавычках, за цивилизацией в кавычках можем не заметить истинной природы культуры» (стр. 159). Затем, автор дает характеристику капиталистической культуры в ее связи с классами и национальной проблемой. При капитализме национальную культуру имеет буржуазия. Эта культура не только национальна, но и националистична. Что касается пролетариата, то он является носителем элементов интерна-

[1]) «Под Знам. Маркс.» за 1922 г., № 7—8. Эта же статья под названием: «Буржуазная революция и революция пролетарская» в сб. ст. «Атака».

циональной социалистической культуры. Вот почему Ленин, как правильно указывает автор, тщательно избегал выражения «пролетарская культура». «Логически и социологически правильным и отчетливым будет противопоставление культур капиталистической и коммунистической... Противопоставление же культур буржуазной и пролетарской способно повести к недоразумениям, затемняющим выдержанную концепцию Ленина». В дальнейшем т. Лупппол характеризует зависимость между лозунгом «пролетарской культурой» и «пролеткультов» и теоретическими воззрениями наших эмпириокритиков и в частности А. Богданова. В заключение автор останавливается на «проблеме культурной революции». Он правильно, вслед за А. Дебориным, отмечает связь этой революции с изменением быта, культурных навыков, с установлением привычек «к соблюдению основных правил общежития». Эта революция и предпосылки появления коммунистической культуры обусловлены «актом пролетарской революции», а также «параллельными, равномерно нарастающими процессами в политической и культурной надстройке общества переходного периода» (стр. 193). Резюмируя нашу несколько затянувшуюся рецензию, мы должны сказать, что книга т. Лупппола в целом, несмотря на некоторые спорные взгляды, представляет интересный вклад в литературу, посвященную вопросу «Ленин и философия».

Г. Дмитриев.

Сводный указатель к журналу „Под Знаменем Марксизма“ за первое пятилетие (1922—1926 гг.).

Настоящий сводный указатель в целях более детального обозрения зарегистрированного материала разбит на три отдельных указателя: систематический, алфавитный и именной. Из них первый—систематический—по полноте является исчерпывающим, так как охватывает как статьи, так и рецензии. При построении систематического указателя пришлось считаться не с какой-либо предвзятой схемой, но лишь с наличным конкретным материалом, требовавшим и конкретизации порядка и группировки материала; этим и об'ясняется своеобразная «пестрота» рубрик этого указателя. Внутри отделов статейный материал расположен в алфавитном порядке авторов статей, рецензии же—в порядке авторов прорецензированных книг.

Второй указатель—алфавитный—охватывает лишь статейный материал, так как повторение перечня рецензий значительно увеличило бы размеры этого указателя.

Третий указатель—именной—охватывает авторов как статей, так и рецензий и построен на основе систематического указателя.

В отношении систематического указателя необходимо еще отметить, что, по общему правилу, тот или иной материал значится лишь в одном отделе; отступление сделано лишь в отношении отдела «Библиография», откуда несколько основных статей повторно указаны и в тех отделах, к которым эти статьи по существу относятся.

Я. Розанов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Систематический указатель.

IV. Перечень вышедших номеров.

I. Систематический указатель.

1.

Из литературного наследия Маркса и Энгельса.

Маркс, К. Письмо Л. Фейербаху.—1922. № 7—8, 57—58.
Маркс, К. Подвиги Гогенцоллернов.—1923. № 2—3, 45—48.
Маркс, К. Письмо Кугельману о Лассале.—1923. № 2—3, 58—62.
Маркс, К. Морализующая критика и критикующая мораль. (К истории немецкой культуры).—1923. № 4—5, 21—41.
Энгельс, Ф. Отрывок из Фурье о торговле.—1922. № 4, 23—57.
Энгельс, Ф. О П. Л. Лаврове и П. Н. Ткачеве.—1922. № 5—6, 53—62.
Энгельс, Ф. и Каутский, К. Юридический социализм.—1923. № 1, 51—71.
Энгельс, Ф. Похороны Карла Маркса.—1923. № 2—3, 10—21.
Энгельс, Ф. Маркс и «Новая Рейнская Газета» (1848—49).—1923. № 2—3, 21—29.
Энгельс, Ф. О критике политической экономии Карла Маркса.—1923. № 2—3, 48—58.
Энгельс, Ф. Коммунисты и К. Гейнцен.—1923. № 4—5, 9—21.
Из писем Маркса и Энгельса—Лассалю.—1922. № 3, 13—25.
Маркс, К. и Энгельс, Ф. Процесс «Новой Рейнской Газеты».—1923. № 2—3, 29—44.
Рязанов, Д. Страничка из жизни Маркса.—1922. № 3, 26—32.
Рязанов, Д. Вступительные замечания к статьям Маркса и Энгельса.—1923 № 2—3, 5—9.
Рязанов, Д. Пояснительные замечания к статьям Маркса и Энгельса.—1923. № 4—5, 5—8.
Письмо Моисея Гесса Бертольду Ауэрбаха о Карле Марксе.—1922. № 9—10, 134—135.
Varjas. Marx, als Mathematiker. Ein Beitrag zur Entwicklung der marxistischen Dialektik. Рец. Милонов, К.—1924. № 8—9, 299—301.

2.

Рецензии на произведения Маркса и Энгельса.

Новое издание «Коммунистического Манифеста». Рец. Двойлацкий, Ш.—1922. № 4, 124—127.
Маркс, К. и Энгельс, Ф. Собрание сочинений, том III. Гиз. 1921, стр. 520. Рецензия В. Р.—1922. № 1—2, 73—74.
Энгельс, Ф. Забытые письма. Письма Ф. Энгельса к И.-Ф. Беккеру. С введением Э. Эйхгорна. Пер. с нем. с пред. М. Серебрякова. Гиз. П. 1922. Рец. Рязанов, Д.—1922. № 5—6, 135—136.
Энгельс, Фридрих. Людвиг Фейербах. Пер. и предисловие Г. В. Плеханова. Гиз. П. 1922. Рец. Читатель.—1922. № 11—12, 256—257.
Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Гиз. Укр. отд. 1922, стр. 84. Рец. Румий, В.—1923. № 1, 222—223.
Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. Пер. с предисловием и примечаниями Г. В. Плеханова. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 144. Рец. В—яи, В.—1923. № 4—5, 283—284.
Энгельс, Ф. Сила и экономика в образовании Германской империи. (Посмертное произведение). Изд. «Красная Новь». 1923. Стр. 90. Рец. Фридлянд, Ц.—1923. № 8—9, 300—302.
Троцкий, А. Новое из наследства Маркса и Энгельса (о книге первой «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса»).—1924. № 6—7, 212—217.
Читатель. По одному частному вопросу. (По поводу перевода «Анти-Дюринга» Энгельса. 1922. № 7—8, 168.

3.

Рецензии на общие произведения о Марксе, Энгельсе и марксизме.

Абрамович, М. Фридрих Энгельс как военный критик.—1924. № 6—7, 217—233.
Адлер, Макс. Марксизм—как пролетарское мировоззрение. Пер. с нем. Гиу. Х. 1923. Стр. 44. Рец. Кривцов, С.—1923. № 10, 259—260.

Адлер, Макс. Марксизм как пролетарское учение о жизни. Пер. с нем. под ред. и с пред. И. Давыдова. Изд. «Книга». М.—П. 1923. Стр. 51. Рец. Кривцов, Ст.—1923. № 10, 258—259.
Адлер, Макс. Маркс как мыслитель. Пер. с 2-го нем. изд. с пред. проф. М. Серебрякова. «Книга». 1924. Стр. 134. Рец. Карев, Ник.—1924. № 8—9, 283—285.
Адлер, Макс. Энгельс как мыслитель. Пер. с нем. С. И. Цедербаум, с пред. проф. М. Б. Серебрякова. «Книга». 1924. Стр. 102. Рец. Н. К.—1924. № 10—11, 251—253.
Кривцов, С. К библиографии Маркса.—1923. № 2—3, 243—247.
Маркс, К. Мыслитель, человек, революционер. Сборн. ст. Под ред. и с предисловием Д. Рязанова. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 238. Рец. В. Р.—1923. № 2—3, 241.
Карл Маркс. Сборник статей. Изд. «Прибой». 1923. Стр. 110. Рец. В. Р.—1923. № 2—3, 241—242.
Фридлянд, Ц. Две книги о К. Марксе и Ф. Энгельсе.—1924. № 1, 218—231.
Цеткин, Клара. К. Маркс и дело его жизни. Пер. с нем. Кошевича. С предисловием Адоратского. Гиз. 1922. Стр. 79. Рец. Е. Д.—1922. № 7—8, 188—189.

4.

Статьи Ленина.

Архивная справка к рукописи Владимира Ильича.—1924. № 2, 92.
Ленин, Н. О значении воинствующего материализма.—1922. № 3, 5—12.
Ленин, В. И. Отрывок из письма М. Горькому.—1924. № 3, 5—6.
Ленин, В. И. Иенский с'езд германской с.-д. рабочей партии.—1924. № 2, 93—96.
Ленин. Статьи и фельетоны.—1923. № 6—7, 105—109.
Ленин, Н. Конспект «Науки логики» Гегеля.—1925. № 1—2, 7—33.
Ленин, Н. К вопросу о диалектике.—1925. № 5—6, 14—18.

5.

Рецензии на сочинения Ленина.

О собрании сочинений Н. Ленина. Рец. В. Р.—1922. № 4, 129—131.
Ленин, Н. (Ульянов, В). Собрание сочинений. Томы I—XIX. Гиз. 1922—1924. Рец. Карев, Н.—1924. № 10—11, 230.
Ленин, Н. (Ульянов). Собрание сочинений. Том XIX. (Национальный вопрос). 1910—1920. Гиз. М. 1921, стр. 300. Рец. Павлович, Мих.—1922. № 3, 138—141.
Ленин, Н. Государство и революция. Изд. «Красная Новь». ГПП. М. 1923, стр. 152. Рец. В. С.—1923. № 1, 220—221.
Ленин, Н. и Плеханов, Г. Против Богданова. Изд. «Красная Новь». 1923, стр. 168. Рец. Материалист.—1923. № 8—9, 285—287.
Ленин, Н. Тактика большевизма. «Московский Рабочий». Изд. 2-е. 1923, стр. 580. Рец. Гоникман, С.—1924. № 2, 280—282.
Ленин, Н. О партийном строительстве за 20 лет. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Рец. Стэн, Я.—1924. № 2, 278—280.
Ленин, Н. О диалектическом методе. С пред. и обзором литературы К. Грасиса. Гиу. Х. 1925, стр. 140. Рец. Луппол, И.—1925. № 7, 222—226.
Ленинская хрестоматия. Составил В. Астров, под ред. Л. Каменева. Рец. Сибирский, Н.—1925. № 8—9, 317—319.
Ленинский сборник I. Под редакцией Л. Б. Каменева. Институт Ленина при ЦК РКП(б). Изд. 2-е. М.—Л. MCMXXIV, стр. 252. Рец. Сапожников, П.—1924. № 10—11, 238—247.
Ленинский сборник III. Институт Ленина при ЦК РКП(б). Под редакцией Л. Б. Каменева, стр. 586. Рец. Карев, Ник.—1925. № 4, 226—229.
Ленинский сборник IV. Изд. Института Ленина при ЦК РКП(б). Под ред. Л. Б. Каменева, стр. 462. Рец. Карев, Н.—1926 № 1—2, 268—270.
Ленинский сборник V. Под ред. Л. Каменева, Гиз. М.—Л. 1926. Стр. 610. Рец. Карев, Н.—1926. № 7—8, 225—226.

6.

О Ленине—воинствующем материалисте-диалектике.

Быховский, Б. Материализм и диалектика в творчестве В. И. Ленина.—1924. № 2. 240—255.

Деборин, А. Ленин — воинствующий материалист. — 1924. № 1, 10—28. № 2, 5—24.
Деборин, А. Марксизм, Ленин и современная культура.—1924. № 6—7, 6—27.
Деборин, А. Вступительные замечания к конспекту «Науки логики» Н. Ленина.—1925. № 1—2, 3—6.
Деборин, А. Ленин о сущности диалектики.—1925. № 5—6, 5—13.
Звенигородцев, Н. Ленин и диалектика.—1924. № 8—9, 32—50.
Невский, В. Ленин, как материалист в своих первых работах—1924. № 2, 24—47.
Тальгеймер, А. Ленин как философ. Пер. С. Кириллова.—1924. № 8—9. 5—31, № 12, 5—17.
Тимирязев, А. Ленин и современное естествознание.—1924. № 2, 221—231.
Троицкий, А. Философия на службе революции.—1924. № 4—5, 12—19.

7.

Разные статьи о Ленине и ленинизме.

Аросев, А. Ленинцы.—1924. № 4—5, 5—12.
Бабахан, Н. В защиту ленинизма.—1923. № 4—5, 248—257.
Баммель, Г. Ленин и логика революции.—1924. № 2, 47—62.
Борилин, Б. С. Ленин и проблема империализма.—1925. № 5—6, 110—139.
Ваганян, В. Величайший из мастеров революции.—1924. № 1, 29—34.
Ваганян, В. В. И. Ленин и искусство вооруженного восстания в свете первой русской революции.—1924. № 2, 117—147.
Горев, Б. Российские корни ленинизма.—1924. № 2, 83—91.
Двойлацкий, Ш. В. И. Ленин как экономист.—1924. № 3, 126—153.
Кривцов, Ст. «Друзья народа» и современность.—1924. № 2, 109—116.
Луппол, И. Ленин, как теоретик пролетарского государства.—1924. № 2, 173—195.
Материалист. Трусливый оппортунизм будущего профессора.—1923. № 2—3, 218—222.
Материалист. Ответ тов. Н. Бабахану.—1923. № 4—5, 257—267.
Материалист. «Аптекарские весы» и революционный опыт. (О революционном мастерстве В. И. Ленина).—1924. № 2, 275—277.
Милютин, В. Ленин и проблема движущих сил социальной революции.—1924. № 2, 97—108.
Невский, В. Ленин.—1924. № 1, 5—9.
Павлович, Мих. Ленин как разрушитель народничества.—1923. № 4—5, 157—183.
Павлович, М. Ленин и национальный вопрос.—1924. № 1, 164—187.
Павлович, М. Ленин и теория сверхимпериализма.—1924. № 2, 196—220.
Павлович, Мих. Ленин и эс-эры.—1923. № 10, 142—163.
Покровский, М. Ленин как тип революционного вождя. (Из лекции на курсах секретарей укомов)—1924. № 2, 63—73.
Полянский, В. Ленин и литература.—1924. № 2, 232—239.
Преображенский, Е. Ленин, партия, рабочий класс.—1924. № 2, 74—82.
Разумовский, И. Теоретический анализ Ленина.—1925. № 1—2, 34—51.
Разумовский, И. К воззрениям Ленина на государство и право.—1926. № 1—2, 31—53.
Румий, В. В. И. Ленин и его дело в переписке Мартова и Аксельрода.—1924. № 2, 256—274.
Стучка, П. Ленин и аграрный вопрос.—1924. № 3, 111—115.
Стучка, П. Ленинизм и аграрный вопрос.—1926. № 1—2, 5—30.
Фридлянд, Ц. В. И. Ленин и война 1914—1918 г.г.—1924. № 2, 148—172.

8.

Рецензии на произведения о Ленине.

Бюллетень института В. И. Ленина при ЦК РКП. № 1, Изд. «Кр. Новь». ГПП. М. 1923. Рец. Читатель.—1923. № 11—12, 315.
Бюллетень института В. И. Ленина при Центральном Комитете Российской Коммунистической Партии. № 2, изд. института В. И. Ленина. М. 1924. Рец. В. С.—1924. № 2, 285—286.
Бухарин, Н. Ленин, как марксист. «Пролетарий». 1924, стр. 52. Рец. Карев, Н.—1924. № 10—11, 231—232.

Гильбо, Анри. Ленин. Описание его жизни. Изд. «Прибой». Л. 1924, стр. 162. Рец. Н. К.—1924. № 2, 283—284.
Деборин, А. Ленин как мыслитель. «Кр. Новь». М. 1924, стр. 87. Рец. Карев, Н.—1924. № 10—11, 232—233.
Зиновьев, Г.—В. И. Ленин. М. «Кр. Новь». 1924. Стр. 40. Зиновьев, Г.—В. И. Ленин, Гиз. М. 1924. Зиновьев, Г. На смерть Ленина. Л. 1924. Мартынов, А.—Великий пролетарский вождь. М. «Кр. Новь». 1924. Сборник статей—Ленин, вождь трудящихся. Ростов/Д. М. «Прибой». 1924. Ходоровский, И. В. И. Ленин. Популярный очерк для рабочих и крест. М. Гиз. 1924. Стр. 32. Невский, В. «В. И. Ленин». М. 1924. Гиз. Рец. Сомов, Н.—1924. № 2, 286.
Керженцев. Ленинизм. (Введение в изучение ленинизма). Рец. Сибирский, Н.—1925. № 4, 229—230.
Попов, Н. и Яковлев, Я.—Жизнь Ленина и ленинизм. Рец. Н. К.—1924. № 2, 283.
Радек, К.—О Ленине. Изд. «Красная Новь». ГГИЗ. М. 1924. Стр. 68. Рец. В. П.—1924. № 2, 285.
Сталин, И.—О. Ленине и ленинизме. Гиз. 1924. Стр. 145. Рец. Карев, Ник.—1924. № 10—11, 231.
«В дни скорби». 21 января—27 января 1924 г. «Московский Рабочий» 1924. Стр. 248. Рец. Пепел, В.—1924. № 2, 287.
«Великий Строитель». Памяти В. И. Ленина. Изд. «Эконом. Жизнь». 1924. М. Стр. 126. Рец. Сокол, В.—1924. № 2, 285.
«Ленин». Составил В. Крайний и М. Беспалов. Под редакц. Д. Лебедя. «Молодой Рабочий». Х. 1923. Стр. 232. Рец. С—л, В.—1924. № 2, 281.

9.

Плеханов. (Речи, письма и статьи).

Плеханов, Г. В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. Перевод А. Ч. и Е. С.—1922. № 1—2, 36—49.
Речь Плеханова на Международном Рабочем Социалистическом Конгрессе в Париже. (14—21 июля 1889 г.).- 1922. № 5—6, 63—64.
Плеханов, Г. В. Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе. 1922. № 5—6, 65—69.
Плеханов, Г. В. Приветствие с'езду немецкой социал-демократии в Копенгагене.—1922. № 5—6, 69—70.
Письма Г. В. Плеханова сестрам.—1922. № 5—6, 70—73.
Отрывок из письма Плеханова Ленину. (1-е клише).—1923. № 6—7, 77.
Отрывок из письма Плеханова В. Засулич. (2-е клише).—1923. № 6—7, 77.
Плеханов, Г. В. Доклад, представленный редакцией русского журнала «Социал-Демократ» Международному Рабочему Социалистическому Конгрессу в Брюсселе в августе 1891 г.—1923. № 6—7, 79—89.
Плеханов, Г. В. Письма в редакцию «Mouvement Socialiste» о русско-японской войне. Пер. Я. А. Виткинд.—1923. № 6—7, 89—95.
Плеханов, Г. В. Речи и реплики на II с'езде Лиги русской революционной социал-демократии.—1923. № 6—7, 95—105.
Три письма Г. В. Плеханова к А. М. Горькому.—1923. № 6—7, 109—112.
Письма Плеханова к Энгельсу.—1923. № 11—12, 13—27.
Письма Г. В. Плеханова к Р. Фишер.—1923. № 11—12, 28—30.

10.

О Г. В. Плеханове.

Аксельрод, Л. И. Об отношении Г. В. Плеханова к искусству, по личным воспоминаниям.—1922. № 5—6, 13—22.
Аксельрод, Л. И. (Ортодокс).—Из моих воспоминаний о Г. В. Плеханове.—1922. № 5—6, 77—86.
Ваганян, В. Борьба Г. В. Плеханова с экономизмом. 1922. № 5—6, 41—52.
Ваганян, В. Дополнение к опыту библиографии Г. Плеханова.—1923. № 6—7, 267—270.
Ваганян, В. От народничества к марксизму. I. (Г. В. Плеханов. Сочинения, т. I. Биб. научного социализма под ред. Д. Рязанова. Гиз. М. 1923). («Черный Передел». Орган социалистов-федералистов. 1880—1881. Гиз. 1922. П.).—1923. № 2—3, 153—191.
Ваганян, В. Г. В. Плеханов и В. Г. Белинский. 1923. № 6—7, 59—77.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов, II. Плеханов и Группа «Освобождение Труда».—1923. № 8—9, 21—53.
Ваганян, В. Г. В. Плеханов. Гл. III. Социализм и политическая борьба.—1923. № 10, 18—48.
Ваганян, В. Г. В. Плеханов. III. Социализм и политическая борьба. Статья б. Гегемония пролетариата в буржуазной революции. Статья в. Пролетариат и либеральная буржуазия. Статья г. Пролетариат и мелко-буржуазная демократия. (Крестьянство и интеллигенция).—1923. № 11—12, 31—79.
Вольфсон, С. Я. Великий социалист: Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Гиз Белоруссии. Минск. Стр. 42. Рец. А. Ф.—1922. № 7—8, 187—188.
Горев, Б. Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма.—1922. № 5—6, 34—41.
Горев, Б. И. Первый русский марксист. Г. В. Плеханов. Изд. «Кр. Новь». ГПП. М. 1923. Стр. 54. Рец. В. В.—1923. № 2—3. 250—251.
Горев, Б. К вопросу о революционной тактике и «просветительстве» Плеханова.—1923. № 6—7, 254—256.
Деборин, А. Вместо статьи.—1922. № 5—6, 10—12.
Дейч, Л. О Г. В. Плеханове и его литературном наследстве.—1922. № 4, 115—116.
Дейч, Л. Г. В. Плеханов. Вып. I. От народничества к марксизму. «Новая Москва». 1922. Стр. 112. Рец. В. Р.—1922. № 11—12, 257—258.
Кон, Ф. Г. В. Плеханов в изображении польского беллетриста.—1922. № 5—6, 74—77.
Кривцов, Ст. Плеханов как социолог:—1923. № 6—7, 45—58.
Луначарский, А. Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым.—1922. № 5—6, 87—95.
Полянский, Вал. Плеханов о Толстом.—1923. № 6—7, 37—45.
Румий, В. Плеханов и террор.—1923. № 6—7, 19—37.
В. Р. Несколько замечаний в ответ тов. Б. Гореву.—1923. № 6—7, 256.
Рязанов, Д. Ответ Л. Г. Дейчу.—1922. № 4, 117—118.
Рязанов, Д. Вступительные замечания к докладу Плеханова на Брюссельском Конгрессе.—1923. № 6—7, 78—79.
Рязанов, Д. Предисловие к письмам Г. Плеханова к Ф. Энгельсу и Р. Фишеру.—1923. № 11—12, 5—13.
О Г. В. Плеханове. (Ст. А. Ильинский.—Г. В. Плеханов и 3-ье отделение. «Былое», № 15. 1920. Статья Аптекмана, О. В.—Из воспоминаний о Г. В. Плеханове как семидесятнике. «Былое» № 16. 1921). Рец. Ковнатор, Р.—1922. № 3, 127—129.
О собрании сочинений Г. В. Плеханова. Рец. В. С.—1922. № 3, 125—126.
Покровский, М. Г. В. Плеханов, как историк России.—1923. 6—7, 5—18.
Секретный циркуляр департамента полиции об аресте Г. В. Плеханова.—1922. № 5—6, 73.
Троцкий, Л. Беглые мысли о Г. В. Плеханове.—1922. № 5—6, 5—10.
Фриче, В. Г. В. Плеханов и «научная эстетика».—1922. № 5—6, 23—34.

II.

Рецензии на произведения Г. В. Плеханова.

Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову. («Дела и дни», исторический журнал 1921. Кн. II Гиз.).—Рец. Румий, В.—1922. № 1—2, 74—76.
Плеханов, Г. Искусство и общественная жизнь. Изд. Моск. Института Журналистики. М. 1922. Рец. В. В.—1922. № 5—6, 133—135.
Плеханов, Г. В. В защиту революционного марксизма. Сборник ст. Гиз. М. 1923. Стр. XIII+160. Рец. Румий, В.—1922. № 7—8, 182—185.
Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. Биб. Ком. Под ред. Д. Рязанова. Изд. «Моск. Раб.». М. 1922. Стр. 184. Рец. В. Т.—1922. № 7—8, 185—187.
Плеханов, Г. В. Русский рабочий в революционном движении. Гиз. П. 1922. Рец. В. В.—1922. № 11—112, 258—259.
Плеханов, Г. В. Очерки по истории материализма. Биб-ка коммуниста под ред. Д. Рязанова. Изд. «Моск. Рабочий». М. 1922. Изд. I и II. (С тремя приложениями). Рец. В. В.—1923. № 1, 214—218.
Плеханов, Г. В. «Искусство». Сборник статей. «Новая Москва». М. 1922. Стр. 216. Рец. В—ян, В.—1923. № 1, 218—220.

Плеханов, Г. В. Наши разногласия. Гиз. М. 1923. Стр. 248. Рец. В. В.— 1923. № 1, 222—223.
Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Изд. «Белтреспечать». Минск. 1923. Стр. XVI+302+XVI. Рец. Ваганян, В.—1923. № 6—7, 263—267.
Плеханов, Г. В. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Сборн. статей. Изд. «Прибой». П. 1923, стр. 312. Рец. В—ян, В.—1923. № 10, 268—270.
Плеханов, Г. В. От идеализма к материализму. Изд. «Пролетарий» X. 1923. Стр. 58. Рец. Читатель.—1923. № 11—12, 304—305.
Плеханов, Г. В. Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям). Изд. «Більшовик». Киев. 1923. Рец. В. В.—1923. № 11—12, 314.
Plekhanoff, Georges Anarchisme et socialisme, 1924, p. p. XXX+101, Рец. Вольфсон, С.—1924. № 8—9. 306 307.
Плеханов, Г. В. Сочинения, том. XVII. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека научного социализма под ред. Д. Рязанова. Гиз. М. 1924. Стр. 346. Рец. Луппол, И.—1925. № 1—2, 248—250.
«Группа Освобождение Труда». Изд. Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова. Сборник. № 5. Гиз. 1926. Стр. 333. Рец. Карев, Н.—1926. № 9—10, 210—214.

12.

О задачах изучения и пропаганды марксизма.

«Академик». Какой должна быть «высшая марксистская лаборатория».—1922 № 3, 119—120.
Волин, Б. Письмо редактору жур. «Под Знаменем Марксизма» т. Теру. 1922 № 3, 120—121.
Галустян, О. Социалистическая академия и Институт Маркса и Энгельса.— 1922. № 3, 115—117.
Деборин, А. К пятилетию журнала «Под Знаменем Марксизма». 1926 № 12, 5—15.
Карев, Ник. На путях изучения марксистской философии. (К работе философского семинария А. М. Деборина института Красной профессуры 1923. № 2—3, 223—226.
Карев, Н. Вместо статьи к пятилетию журнала. 1926. № 12, 16—27.
Историк. О Всемирном конгрессе историков.—1922. № 11—12, 241.
Материалист. О «государственной пропаганде» материализма.—1922 № 11—12, 243.
Материалист. Об Академии Наук РСФСР. 1923. № 1, 190—191.
О задачах марксизма в нашу эпоху. (Передовая из «Unter dem Banner des Marxismus».—1925. № 5—6, 19—25.
Музин, О. Необходимое дополнение—1922. № 3, 119.
Ожидающий. Мы ведь ждем.—1923. № 1, 191—196.
Партнец. О курсах по изучению марксизма при Социалистической Академии.—1922. № 1—2, 66—68.
Письмо тов. Л. Д. Троцкого.—1922. № 1—2, 5—7.
Резолюция Общества воинствующих материалистов о текущих задачах общества (от 7—1—1927).—1926. № 12, 236.
Тэр-Оганезян, В. О назревшем вопросе.—1923. № 1, 189—190.
Условия приема в Институт Красной Профессуры на 1925/26 г.—1925. № 3 268—272.
Устав общества воинствующих материалистов.—1924. № 6—7, 314—316.
Френкель, А. Надо заострять революционное оружие.—1922. № 1-2 68—69.
Цоцель, Э. Об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.—1923. № 2-3 226—231.

13.

Библиография.

Литература, вызванная 50-летием со дня смерти Людвига Фейербаха.—1922 № 1, 218.
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Содержание первой книги.—1924. № 1 310—311.

Баскин, Марк. Что нужно знать подготовленному марксисту. Под ред. БЗО при МК РКП. Б-ка самообразования «Новая Москва».—1924. Рец. Румий, В.—1924. № 1, 285—287.

Библиотека материализма. Рец. Н. Мещерякова.—1922. № 3, 124—125.

Ваганян, В. Дополнение к опыту библиографии Г. В. Плеханова.—1923. № 6—7, 267—270.

Ваганян, В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова с пред. Д. Рязанова. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Гиз. СПБ. 1923, стр. 118. Рец. Кривцов, С.—1923. № 6—7, 257—263.

Жаков, М. Справочная книжка по марксистскому самообразованию. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 128. Рец. В—ян, В.—1923. № 1, 226—227.

К вопросу об издании полного собрания сочинений Маркса и Энгельса—1923. № 1, 197—202.

Собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Оглавление томом I и II—1923. № 6—7, 257—258.

Содержание второго тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.—1923. № 11—12, 329—330.

Кривцов, С. К библиографии Маркса.—1923. № 2—3, 243—247.

Кривцов, Ст. Жюль Гед на русском языке. (Био-библиографическая справка).—1922. № 7—8, 143—144.

Ленциер, Н. О литературном наследстве Р. Люксембург.—1924. № 3, 247—249.

Максимов, А. Библиография по истории естествознания и техники.—1921. № 12, 292—302.

Мендельсон, А. Основные направления теории стоимости в литературе на рус. языке.—1922. № 7—8, 191—200.

Периодическая пресса о 40-й годовщине смерти Карла Маркса и к 75-летнему юбилею «Коммунистического Манифеста».—1923. № 2—3, 247—250.

Розанов, Я. Указатель марксистской библиографии.—1924. № 3, 305—310.

Розанов, Я. Литература о Сен-Симоне на русском языке. (К столетию со дня смерти. 1825—19/V—1925).—1925. № 5—6, 265—271.

Розанов, Я. Марксизм и кантианство. (Опыт библиографического указателя).—1925. № 7, 209—222.

Розанов, Я. Библиография о Гегеле.—1925. № 8—9, 288—302.

Розанов, Я. Библиография о Л. Фейербахе.—1926. № 3, 234—247.

Розанов, Я. Литература о французских материалистах XVIII века.—1926. № 6, 220—235.

Розанов, Я. К. Маркс и М. Бакунин.—1926. № 9—10, 202—210.

Розанов, Я. Библиография о Гегеле и Марксе.—1925. № 10—11, 244—261.

Розанов, Я. Литература о Спинозе.—1926. № 11, 234—244.

Розанов, Я. Исторический материализм. Библиография книжной и журнальной литературы за 1865—1921 гг. ГИУ. 1925, стр. 153. Рецензия Н. К.—1924. № 12, 306—307.

Содержание книги Д. Рязанова. Очерки по истории марксизма. «Московский Рабочий». 1923, стр. 640.—1923. № 8—9, 273—275.

Троцкий, А. Новое из наследства Маркса и Энгельса. (О книге первой «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса»).—1924. № 6—7, 212—217.

Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883—1905. Составлен под ред. Л. Каменева. Гиз. 1922, стр. 60. Рец. В. Р.—1922. № 4, 131—133.

Шилов, А. А. Что читать по истории революционного движения. Указатель важнейших книг, брошюр, журнальных статей. П. Гиз. 1922, стр. 230. Рец. В. Т.—1922. № 7—8, 190—191.

14.

Общие вопросы теории диалектического материализма.

Адоратский, В. Об идеологии.—1922. № 11—12, 199—210.

Асмус, В. Ф. Диалектический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Изд. «Сорабкоп». Киев 1924. Рец. Карев, Ник.—1925. № 3, 247—252.

Баммель, Гр. Логистика и диалектика. 1925: № 3, 25—60. Аксиоматика и диалектика. № 7, 24—30.

Ваганян, В. Вынужденная полемика.—1922. № 9—10, 95—112. (По поводу ст. В. Рожицына: «Новая наука и марксизм»).

Вайнштейн, И. Г. Лукач и его теория «овеществления».—1924. № 10—11, 23—31.
Вайнштейн, И. Мышление и речь. (К критике А. Богданова).—1925. № 1—2, 61—73.
Вайнштейн, И. Диалектика как революционная логика.—1925. № 7, 31—
Варьяш, А. Формальная и диалектическая логика.—1923. № 6—7, 207—
Варьяш, А. О том, как не надо писать критику.—1925. № 5—6, 215—
Вольфсон, С. Диалектический материализм в творчестве Г. Плеханова. Гиз. Белоруссии. Минск. 1922. Стр. 28. Рец. А. Ф.—1922. № 5—6, 139—14
Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на фак. общественных наук Белорусского Гос. У-та. Части 1 и 2. Гиз. Белоруссии. Минск 1922. Стр. 258. Рец. Луппол, И.—1923. № 1, 210—21
Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на фак. общественных наук Белорусского Гос. У-та. Части 1 и 2. Изд. 3-е. Стр. 176. Рец. Луппол, И.—1923. № 6—7, 272—277.
Выдра, Р. «Загадки» первобытного мышления и их разгадка.—1925. № 7, 152—163.
Гоникман, С. Диалектика тов. Бухарина.—1922. № 3, 77—85.
Гоникман, С. Учение Гегеля о «действительности».—1924. № 1, 81—9 № 3, 24—36.
Гоникман, С. Ревизор.—1924. № 10—11, 213—221. (По поводу ст. Н. Карева: «О действительном и недействительном изучении Гегеля»).
Горев, Б. И. Материализм—философия пролетариата. М. Гиз. 1920. Стр. 7 Рец. Гиммельфарб, С. (Семен).—1922. № 1—2, 78—79.
Горев, Б. И. Очерки исторического материализма. Лекции, читанные на курсах уездных комитетов РКП весной 1924 г. Изд. «Пролетарий» 1925. Стр. 235. Рец. Карев, Ник.—1925. № 1—2, 250—255.
Гроссман-Рощин, И. Личность, необходимость, реальность. (По поводу «Немецкой идеологии»—Маркс и Энгельс о Фейербахе. Архив Маркса и Энгельса, под ред. Д. Рязанова. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса)—1924. № 12, 134—142.
Деборин, А. Маркс и Гегель.—1923. № 8—9, 5—20, № 10, 5—17, № 1 1924 г., 6—23.
Деборин, А. Г. Лукач и его критика марксизма.—1924. № 6—7, 49—69.
Деборин, А. Очерки по теории материалистической диалектики.—1926. № 1, 5—23.
Звенигородцев, М. Учение Маркса о понятии.—1922. № 11—12, 43—6
Исторический материализм (источники, комментарии и биография). Сборник статей. Пособие для партшкол, политкурсов и кружков марксистской мысли. Гиз. Киев. 1921. Стр. 174. Рец. В. Р.—1922. № 5—6, 131—13
«Исторический материализм». Отрывки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Составили В. В. Адоратский и А. Д. Удальцов. «Новая Москва» 1924. Стр. 436. Рец. И. Л.—1923. № 11—12, 290—291.
Капелюш, Ф. Новые «поправки» к историческому материализму.—192 № 9—10, 153—177.
Карев, Ник. О действительном и недействительном изучении Гегеля.—1924. № 4—5, 240—256.
Карев, Ник. О «новой эре» философской критики.—1924. № 10—11, 222—22
Карев, Ник. О том, с чем не следует соединять марксизм.—1924. № 12, 50—85.
Карев, Ник. Хождение по мукам философской критики.—1925. № 5—6, 238—264.
Карев, Ник. Проблема философии в марксизме.—1925. № 8—9, 5—43.
Карев, Ник. Тектология или диалектика. (К критике «Тектологии» А. Богданова).—1926. № 1—2, 90—114; № 3, 29—52; № 1—5, 16—44.
К., Н. Несколько замечаний по поводу статьи проф. Самойлова.—1926. № 4—5 82—88.
Кривцов, С. «Методология общественных наук» гр. С. Франка.—192 № 3, 37—43.
Крживицкий, Людвиг. Развитие нравственности. Пер. с польского М. Троповской. «Новая Москва». Стр. 93. Рец. Тымянский, Г.—1924 № 6—7, 287—289.
Лабриола, А. Исторический материализм и философия. Б—ка коммуниста. Гиз. М. 1922. Стр. 52. Рец. В. Р.—1922. № 1—2, 79—80.
Лабриола, А. Письма к Энгельсу.—1924. № 1, 41—80.
Лафарг, П. Экономический детерминизм Карла Маркса. Исследования о происхождении и развитии идей справедливости, добра, души и бога. Под ред. и с пред. Шевердина. Пер. Давыдовой. Изд. Б—ки МК РКП. М. 1923. Стр. 330. Рец. Луппол, И.—1923. № 6—7, 277—281.

Вайнштейн, И. Г. Лукач и его теория «овеществления».—1924. № 10—11, 23—31.

Вайнштейн, И. Мышление и речь. (К критике А. Богданова).—1925. № 1—2, 61—73.

Вайнштейн, И. Диалектика как революционная логика.—1925. № 7, 31—45.

Варьяш, А. Формальная и диалектическая логика.—1923. № 6—7, 207—227.

Варьяш, А. О том, как не надо писать критику.—1925. № 5—6, 215—237.

Вольфсон, С. Диалектический материализм в творчестве Г. Плеханова. Гиз. Белоруссии. Минск. 1922. Стр. 28. Рец. А. Ф.—1922. № 5—6, 139—140.

Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на фак. общественных наук Белорусского Гос. У-та. Части 1 и 2. Гиз Белоруссии. Минск 1922. Стр. 258. Рец. Луппол, И.—1923. № 1, 210—214.

Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на фак. общественных наук Белорусского Гос. У-та. Части 1 и 2. Изд. 3-е. Стр. 176. Рец. Луппол, И.—1923. № 6—7, 272—277.

Выдра, Р. «Загадки» первобытного мышления и их разгадка.—1925. № 7, 152—163.

Гоникман, С. Диалектика тов. Бухарина.—1922. № 3, 77—85.

Гоникман, С. Учение Гегеля о «действительности».—1924. № 1, 81—94, № 3, 24—36.

Гоникман, С. Ревизор.—1924. № 10—11, 213—221. (По поводу ст. Н. Карева: «О действительном и недействительном изучении Гегеля»).

Горев, Б. И. Материализм—философия пролетариата. М. Гиз. 1920. Стр. 70. Рец. Гиммельфарб, С. (Семен).—1922. № 1—2, 78—79.

Горев, Б. И. Очерки исторического материализма. Лекции, читанные на курсах уездных комитетов РКП весной 1924 г. Изд. «Пролетарий». 1925. Стр. 235. Рец. Карев, Ник.—1925. № 1—2, 250—255.

Гроссман-Рощин, И. Личность, необходимость, реальность. (По поводу «Немецкой идеологии»—Маркс и Энгельс о Фейербахе. Архив Маркса и Энгельса, под ред. Д. Рязанова. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса)—1924. № 12, 134—142.

Деборин, А. Маркс и Гегель.—1923. № 8—9, 5—20, № 10, 5—17, № 3 1924 г., 6—23.

Деборин, А. Г. Лукач и его критика марксизма.—1924. № 6—7, 49—69.

Деборин, А. Очерки по теории материалистической диалектики.—1926. № 11, 5—23.

Звенигородцев, М. Учение Маркса о понятии.—1922. № 11—12, 43—61.

Исторический материализм (источники, комментарии и биография). Сборник статей. Пособие для партшкол, политкурсов и кружков марксистской мысли. Гиз. Киев. 1921. Стр. 174. Рец. В. Р.—1922. № 5—6, 131—134.

«Исторический материализм». Отрывки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Составили В. В. Адоратский и А. Д. Удальцов. «Новая Москва» 1924. Стр. 436. Рец. И. Л.—1923. № 11—12, 290—291.

Капелюш, Ф. Новые «поправки» к историческому материализму.—1925 № 9—10, 153—177.

Карев, Ник. О действительном и недействительном изучении Гегеля—1924. № 4—5, 240—256.

Карев, Ник. О «новой эре» философской критики.—1924. № 10—11, 222—228.

Карев, Ник. О том, с чем не следует соединять марксизм.—1924. № 12, 50—85.

Карев, Ник. Хождение по мукам философской критики.—1925. № 5—6, 238—264.

Карев, Ник. Проблема философии в марксизме.—1925. № 8—9, 5—43.

Карев, Ник. Тектология или диалектика. (К критике «Тектологии» А. Богданова).—1926. № 1—2, 90—114; № 3, 29—52; № 4—5, 16—44.

К., Н. Несколько замечаний по поводу статьи проф. Самойлова.—1926. № 4—5, 82—88.

Кривцов, С. «Методология общественных наук» гр. С. Франка.—1922 № 3, 37—43.

Крживицкий, Людвиг. Развитие нравственности. Пер. с польского М. Троповской. «Новая Москва». Стр. 93. Рец. Тымянский, Г.—1924 № 6—7, 287—289.

Лабриола, А. Исторический материализм и философия. Б—ка коммуниста. Гиз. М. 1922. Стр. 52. Рец. В. Р.—1922. № 1—2, 79—80.

Лабриола, А. Письма к Энгельсу.—1924. № 1, 41—80.

Лафарг, П. Экономический детерминизм Карла Маркса. Исследования о происхождении и развитии идей справедливости, добра, души и бога. Под ред. и с пред. Шевердина. Пер. Давыдовой. Изд. Б—ки МК РКП. М. 1923. Стр. 330. Рец. Луппол, И.—1923. № 6—7, 277—281.

Луппол, И. О новом учебнике по историческому материализму.—1924. № 12, 100—110. (По поводу книги И. Разумовского. Курс теории исторического материализма. Гиз. 1924).

Луппол, И. На всякого мудреца довольно остроты. (По поводу «письма в редакцию». И. Разумовского).—1925. № 4, 220—225.

Луппол, И. Очередное опровержение марксизма. («Социальное понимание истории» М. Уилльямса).—1925. № 8—9, 199—218.

Марксизм и философия. (О статье Корша). Рец. А. Т.—1924. № 4—5, 267—273.

Марксизм и этика. Сборник статей под редакцией Розанова. Я. С. (Из серии «Проблемы марксизма»).—Гиу. 1923. Стр. VIII+320. Рец. Троицкий, А.—1923. № 10, 257—258.

Меринг, Франц. Исторический материализм. Изд. ВЦИК Советов; 1918. Рец. Пинсон, Б.—1922. № 1—2, 77—78.

Меринг, Ф. Маркс и младогегельянцы.—1923. № 2—3, 63—68.

Милонов, К. Необходим ли нам Гегель.—1925. № 7, 46—67.

Милонов, К. Старая погудка на старый лад.—1925, № 10—11, 47—63. (По поводу книги А. Луначарского «От Спинозы до Маркса»).

Мечников, Лев. Цивилизация и великие исторические реки. Изд. «Голос Труда». М. 1924. Стр. 247. Рец. Н. К.—1924. № 4—5, 291—293.

Минин, С. Философию за борт.—1922. № 5—6, 122—127.

Минин, С. Коммунизм и философия.—1922. № 11—12, 184—198.

Плехановец. Заметки читателя о книге тов. Бухарина: «Теория исторического материализма».—1922. № 11—12, 171—183.

Покровский, М. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки. (Проф. Р. Виппер—«Кризис исторической науки». Казань. Гиз. 1921. Сборник Ассоциации для изучения общественных наук при высших учебных заведениях г. Казани. Том 1. Вып. 4).—1922. № 3, 33—36.

Покровский, М. Н. О книге академика Лаппо-Данилевского. (Стенограмма сообщения на заседании редакции сотрудников 21 апреля 1923 г.).—1923. № 4—5, 190—196.

Разумовский, И. Наши «замвридплехановы». (К дискуссии об идеологиях).—1923. № 11—12, 277—282.

Разумовский, И. Письмо в редакцию.—1925. № 4, 215—219. (По поводу рец. И. Луппола на его «Курс теории историч. материализма»).

Розанов, Я. Исторический материализм. Библиография книжной и журнальной литературы за 1865—1924 г.г. Гиу. 1925. X+153. Рец. Н. К.—1924. № 12, 306—307.

Румий, В. Философию за борт.—1922. № 5—6, 127—130.

Румий, В. Аз-Буки-Веди.—1922. № 11—12, 210—242.

Румий, В. По провинциальным журналам (обзор).—1923. № 1, 203—207.

Румий, В. Ответ одному из талмудистов.—1923. № 8—9, 145—160. (По поводу ст. И. Разумовского: «Сущность идеологического воззрения» в «Вестнике Соц. Академии» 1923. № 4).

Румий, В. Ответ на ответ.—1923. № 11—12, 282—286. (По поводу ст. И. Разумовского: «Наши замвридплехановы»).

Румий, В. Фамусовы наших дней.—1924. № 1, 240—249. (По поводу ст. М. Лядова: «Спасает ли философия от оппортунизма»).

Рудянский. Беседы по философии материализма. Гиз. С предисловием Семковского, с примечаниями Л. И. Аксельрод. Рец. Стэн, Я.—1924. № 8—9, 285—289.

Садынский, Д. С. Социальная жизнь людей. Введение в марксистскую социологию. Изд. ВСНХ УССР. Х. 1924. Стр. 203. Рец. И. Л.—1924. № 6—7, 293—295.

Сарабьянов, В. Л. Диалектика и формальная логика. (По поводу книги тов. Бухарина «Теория исторического материализма».—1922. № 3, 62—76.

Сарабьянов, В. Исторический материализм. Изд. 3-е. «Московский Рабочий». Рец. Ширвин, М. Л.—1923. № 2—3, 253—255.

Сарабьянов, В. О некоторых спорных проблемах диалектики.—1925. № 12, 179—196.

Сарабьянов, Вл. Как иные товарищи творят ревизионизм. (Вынужденный ответ тов. Столярову).—1926. № 6, 61—75.

Семковский, С. Ю. проф. Что такое марксизм. (Маркс и Дарвин).—Популярный очерк. Изд. Культ.-просв. отд. «Труд». Х. 1922. Стр. 48. Рец. А. А.—1922. № 7—8, 188.

Марксистская хрестоматия Ю. Семковского. Пособие для преподавателей и студентов. Ч. I. ДВУ. Екатеринослав—Харьков 1922. Стр. 584. Рец. Румий, В.—1922. № 9—10, 228—229.

Семковский, С. Ю. Конспект лекций по историческому материализ Изд. 2-е, исправленное и дополн. Гиу. 1923. Стр. 135. Рец. И. Л 1923. № 11—12, 288—289.

Столяров, А. Неудачи популяризатора.—1925. № 10—11, 64—78.

Столяров, А. Суб'ективизм и марксизм.—1926. № 1—2, 115—136.

Столяров, А. Философия «качества» и качество философии некоторых м ханистов.—1926. № 6, 76—107. № 7—8, 24—47.

Тер, А. О 1-м Международном Конгрессе материалистов.—1922. № 7-8, 165—167.

Трахтенберг, Орест. Беседы с учителем по историческому матери лизму. Гиз. М. 1924. Стр. 126. Рец. Л — л, И.—1924. № 8—9, 301—302.

Тэр-Оганесян, В. Несколько мыслей о диалектике.—1922. № 9-10, 209—218.

Тюменев, А. Теория исторического материализма. Изд. 3-е. «Прибой». П 1923. Стр. 40. Рец. И. Л.—1923. № 11—12, 286.

Франкфурт, Ю. В. Г. В. Плеханов о психофизической проблеме.—1926. № 6, 37—60.

Энгель, Е. А. проф. Очерки материалистической социологии. Изд. Л. Френкель. П.—М. 1923. Стр. 142. Рец. Л—л, И.—1923. № 11—12, 292—294.

15.

История философии.

Адрес д-ру Фейербаху, врученный депутацией Гейдельбергского рабочего образовательного союза.—1922. № 7—8, 58.

Асмус, В. Спорные вопросы истории философии. (По поводу книги А. Варьяша «История новой философии», т. I. ч. I. Рационалистический материализм и идеализм. Гиз. 1926. Стр. VIII + 341).—1926. № 7-8, 206—226.

Баммель, Г. Источники изучения Демокрита. Статья I. 1923. № 6—7, 188—207.

Баммель, Гр. Источники изучения Демокрита. Статья II.—1923. № 8-9, 120—144.

Баммель, Гр. Демокрит. Статья III. К вопросу о жизни и личности Демокрита.—1923. № 11—12, 133—157.

Баммель, Г. Несколько ответных замечаний.—1923. № 10, 249—251. (Полемика с В. Ивановским).

Баммель, Гр. К вопросу об исторической реальности родоначальника древнего материализма. -1924. № 1, 95 -107. (О Левкиппе и Демокрите).

Боричевский, И. проф. Введение в философию науки. (Наука и метафизика). П. Гиз. 1922. Стр. 115. Рец. Горев, Б.—1922. № 11-12, 255—256.

Боричевский, И. проф. Древняя и современная философия в ее предельных понятиях. ч. I. Первоисточники древней философии науки (Научные письма Эпикура). Гиз. М. 1925. Стр. 123. Рец. Баммель, Г.—1925. № 7, 226—228.

Быховский, Б. О гносеологической экскурсии проф. Синицына.—1926. № 3, 240—246.

Вайнштейн, И. Спиноза и материализм.—1926. № 3, 85—97.

Варьяш, А. История новой философии. Т. I, ч. I. Гиз. 1925. Рец. В. Асмус. 1926. № 7—8, 206—225.

Варьяш, А. История новой философии. Том I, ч. II. Системы эмпирического материализма и сенсуализма. Гиз. Л. 1926. Стр. 242. Рец. Луппол, И.—1926. № 9—10, 214—220.

Виноградская, П. Этика Канта с точки зрения исторического материализма.—1924. № 4—5, 60—91.

Виноградская, П. Дени Дидро. 1924. № 8—9, 115—141.

«Воинствующий материалист». Сборник. Кн. I. Кн-во. «Материалист». М. 1924. Стр. 408. Рец. Гирчак, Е.—1924. № 12, 302—305.

Волгин, В. П. Революционный коммунист XVIII века. (Жан Мелье и его «Завещание»). «Красная Новь». ГПП. М. 1924. Рец. Зайдель, Г.—1924. № 1—2, 238—239.

Вороницын, И. Гельвеций. «Биографическая б—ка». Гиз. М.—Л. 1926. Стр. 97. Рец. Луппол, И.—1926. № 3, 254—256.

Гельвеций. Бог- природа человек. Пер. П. Шер-Семковской. С предисловием С. Семковского. ГПП. УССР. 1922. Стр. 99. Рец. И. Л.—1923. № 11-12, 253-255.

Фейербах, Людвиг. Сочинения. Том III. Пер. А. П. С предисловием А. Деборина. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека материализма, под редакцией А. Деборина и Д. Рязанова. Гиз. М. 1921. Рец. Тымянский, Г. 1924. № 10—11, 235—238.

Форлендер, К. Общедоступная история философии. Пер. с нем. Полины Виноградской, предисловие Е. Преображенского. «М. Рабочий». 1922. Стр. 310. Рец. Баммель, Г.—1922. № 11—12, 245—252.

Хрестоматия по французскому материализму XVIII века. Выпуск. 1. «Бог, природа, человек». Под редакцией и с предисловием проф. И. С. Плотникова. Изд. «Прибой». П. 1923, стр. 238. Рец. И. Л.—1923. № 8—9, 287—289.

Хрестоматия по французскому материализму XVIII века. Вып. II. Учение об обществе. Под ред. проф. И. С. Плотникова. Л. Изд. «Прибой». 1924. Стр. 260. Рец. Л—л, И. 1924. № 4—5, 288—290.

Цейтлин, З. К. Маркс о спинозизме и источниках французского материализма XVIII века. 1926. № 11, 214—221.

Ческис, А. Томас Гоббс. Родоначальник современного материализма. (Его жизнь и учение). Изд. «Красная Новь». ГПП. М. 1924. Стр. 138. Рец. Т. С.- 1924. № 8—9, 290—293.

Кринец, В. Демокрит в свете новейших научных исследований.—1922. № 9—10, 84—91.

Кринец, В. Эдмунд Гуссерль. 1922. № 11—12, 61—82. № 4—5. 1923 г., 61—85.

16.

Марксизм и естествознание.

Агол, И. Метафизика и диалектика в биологии. -1926. № 3, 118—150.

Бубликов, М. Борьба за существование и общественность. Дарвинизм и марксизм. «Сеятель». 1926. Стр. 240. Рец. Слепков, В.- 1926. № 1—2, 273—276.

Вишневский, А. В защиту материалистической диалектики. (Ответ тов. Степанову). 1925. № 8—9, 245—287.

Выдра, Р. Новое «коммунистическое» откровение.—1925. № 10—11, 170—182 (по поводу книги Гредескула: Происхождение и развитие общественной жизни, т. I).

Выронаев, Б. Еще об эмпиризме и современном естествознании.—1926. № 11, 110—141.

Гредескул, Н. А. проф. Происхождение и развитие общественной жизни. Том I. Биологические основы социологии. Коммунизм в биологии. Его роль как фактора эволюции. Изд. «Сеятель». 1925. Рец. Слепков, В.—1925. № 3, 252—256.

Гульбе, Д. Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма. 1924. № 8—9, 157—168.

Гурев, Г. А. Дарвинизм и марксизм. Популярные очерки. 2-е издание значительно дополненное. «Гомельский Рабочий». 1925. Стр. 120. Рец. Бугаев, И.- 1926. № 9—10, 229—231.

Деборин, А. Энгельс и диалектическое понимание природы. 1925. № 10—11, 5—17.

Деборин, А. Энгельс и диалектика в биологии. 1926. № 1—2, 55—89, № 3, 5—28.

Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник первый. «Госуд. Тимирязевский Научно-Исследоват. институт. «Северный Печатник». Вологда 1926. Стр. 151. Рец. Гр. Б. -1926. № 6, 235—240.

Дучинский, Ф. Дарвинизм и теория мутаций. 1925. № 3, 128—139.

Дучинский, Ф. Является ли дарвинизм тихогенезом. 1925. № 8—9, 116—125.

Дучинский, Ф. Дарвинизм, ламаркизм и неодарвинизм. -1926. № 7—8, 95—122.

Дучинский, Ф. Преформизм или эпигенезис. Сб. ст.- 1926. № 11, 250—253.

Егоршин, В. Естествознание и классовая борьба.—1926. № 6, 108—136.

Егоршин, В. К вопросу о политике марксизма в области естествознания.—1926. № 7—8, 123—131.

Енчмен, Э. Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Типография «Наука и Труд». П. 1923. Стр. VI—82. Рец. Вайнштейн, И. -1923. № 1—5, 285—293.

Кольман, Э. К вопросу о случайности. 1926. № 6, 153—157.

Завадовский, Б. М. Дарвинизм и марксизм. Гиз. 1926. Рец. Дучинский Ф.—1926. № 7—8, 232—235.

Карев, Н. О наших естествоиспытателях, «путешествующих в диалектическом».—1926. № 11, 24—58.

Козо-Полянский, Б. М. Диалектика в биологии. Пробный очерк контакта эволюционной теории и материалистической диалектики. «Буревестник». Ростов/Д.—Краснодар 1925. Стр. 93. Рец. Завадовский, Б.—1926. № 3, 260—262.

Куразов, И. Учение о доминанте в оценке диалектического материализма.—1926. № 9—10, 108—138.

Максимов, А. Библиография по истории естествознания и техники.—1924. № 12, 292—302.

Максимов, А. К вопросу о диалектике в истории естествознания.—1924. № 4—5, 138—159; № 6—7, 97—122.

Невский, В. Современное естествознание и материализм Маркса и Энгельса («Философия науки» под ред. А. К. Тимирязева и его же «Кинетическая теория материи», акад. И. П. Павлова «Двадцатилетний опыт об'ективного изучения высшей нервной деятельности животных»).—1922. № 2—3, 133—152.

Невский, В. Марксизм и естествознание.—1923. № 11—12, 204—213.

Орлов, И. Логика формальная, естественно-научная и диалектика.—1921. № 6—7, 69—90.

Орлов, И. Здравый смысл и его идеолог. (По поводу работы проф. И. Боричевского).—1925. № 1—2, 52—60.

Орлов, И. Теория случайности и диалектика. (По поводу статьи Э. Кольмана).—1926. № 9—10, 195—201.

Очередное извращение марксизма. О теории Енчмена. Сборник статей под ред. С Гириниса. «Новая Москва». 1924. Стр. 113. Рец. Сапожников, П.—1924. № 8—9, 293—299.

Ржеборовский, Я. Естествознание и диалектика. 1923. № 8—9, 161—166; № 10, 134—143.

Самойлов, А. Ф. проф. Диалектика природы и естествознание.—1926. № 4—5, 61—81.

Сапир, И. Фрейдизм и марксизм. 1926. № 11, 59—87.

Серебровский, А. С. Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты. (Доклад в секции естественных наук Коммунистической Академии 12 января 1926 г.).—1926. № 3, 98—117.

Слепков, Вас. Витализм, механизм и диалектика. 1926. № 9—10, 89—107.

Степанов, И. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного миропоззрения. Гиз. 1924. Стр. 84. Рец. Вишневский, А.—1924. № 12, 307—314.

Степанов, И. Диалектическое понимание природы—механистическое понимание.—1925. № 3, 205—238.

Степанов, И. Энгельс и механистическое понимание природы. (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II).—1922. № 8—9, 41—72.

Тимирязев, А. Опровергает ли современная электронная теория материи материализм.—1922. № 4, 73—81.

Тимирязев, А.—Диалектический метод и современное естествознание. (Стенограмма доклада, прочитанного на собрании 23/IV в редакции журнала «Под Знаменем Марксизма»).—1923. № 4—5, 115—132.

Тимирязев, А. К. Естествознание и диалектический материализм. Сборник статей. «Материалист» 1925. Стр. 329. Рец. Максимов, А.—1925. № 8—9, 302—309.

17.

Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм

Вихерт, Э. Теория относительности и релятивизм.—1926. № 4—5, 45—6 (Предисловие З. Ц.).

Гольцман, А. Наступление на материализм.—1923. № 1, 83—101.

Гольцман, А. Эйнштейн и материализм. (Ответ тов. А. К. Тимирязеву).—1924. № 1, 114—126.

Дейтон-Миллер. Опыты, определяющие «эфирный ветер», выполненные на горе Вильсон.—1925. № 8—9, 194—198.

Дейтон-Миллер. Смысл опытов с эфирным ветром, произведенных в 1925 г. на горе Вильсон.—1926. № 11, 91—109.

Зильберштейн, Л. Недавние опыты Дейтон-Миллера и теория относительности. 1925. № 8—9, 192—143.

Максимов, А. Популярно-научная литература о принципе относительности. 1922. № 7—8, 170—182.

Максимов, А. О принципе относительности А. Эйнштейна.—1922. № 9—10, 180—208.

Максимов, А. Еще о популярно-научной литературе о принципе относительности.—1922. № 11—12, 122—141.

Максимов, А. Современное состояние дискуссии о принципе относительности в Германии.—1923. № 1, 101—119.

Максимов, А. Теория относительности и материализм.—1923. № 4—5, 140—156.

Орлов, И. Анри Бергсон. Длительность и одновременность (по поводу теории Эйнштейна).—1924. № 4—5, 293—294.

Семковский, С. К спору в марксизме о теории относительности.—1925. № 8—9, 126—169.

Семковский, С. Ю. Диалектический материализм и принцип относительности. Гиз. 1926. Стр. 225. Рец. Цейтлин, З.—1926. № 4—5, 220—228.

Стуков, Ин. В плену у релятивизма.—1923. № 4—5, 132—139. (По поводу статьи А. Максимова: «О принципе относительности А. Эйнштейна»).

Стуков, Ин. В чем суть моих возражений. (Ответ тов. Максимову).—1923. № 6—7, 249—254. (По поводу ст. Максимова «Теория относительности и материализм»).

Тальгеймер, А. О некоторых основных понятиях теории относительности с точки зрения диалектического материализма. (По поводу немецкого изд. «Материализма и эмпириокритицизма» Н. Ленина). Пер. В. Семенченко и Я. Виткинда. 1925. № 1—2, 75—102.

Тимирязев, А. Несколько замечаний по поводу наступления на материализм тов. Гольцмана.—1923. № 6—7, 228—241.

Тимирязев, А. Эйнштейн, материализм и тов. Гольцман. Ответ на ответ.—1924. № 1, 127—135.

Тимирязев, А. По поводу статьи П. Хэйля.—1924. № 4—5, 92—93.

Тимирязев, А. Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм.—1924. № 8—9, 142—157; № 10—11, 93—114.

Тимирязев, А. Ответ на возражения тов. Цейтлина. -1924. № 12, 168—173. (По поводу теории Эйнштейна).

Тимирязев, А. Ответ тов. Семковскому.—1925. № 8—9, 170—190.

Френкель, Я. И. Теория относительности. Изд. «Мысль». Лнгр. 1923. Рец. З. Ц.—1924. № 10—11, 257—261.

Фредерикс, В. К. и Фридман, А. А.—Основы теории относительности. Выпуск. I. Тензориальное исчисление. Изд. «Академия». Л. 1921. Стр. 166. Рец. Орлов, И.—1925. № 7, 232—234.

Хейль, Пауль. Здравый смысл теории относительности. (Пер. В. Семенченко).—1924. № 4—5, 93—108.

Цейтлин, З. Теория относительности А. Эйнштейна и диалектический материализм. -1924. № 3, 77—110, № 4—5, 115—137.

Цейтлин, З. Несколько возражений А. К. Тимирязеву.—1924. № 12, 159—167. (По поводу ст. Тимирязева: «Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм»).

Эйнштейн, А. О специальной и всеобщей теории относительности (общедоступное изложение). 12-е издание. Стр. 91. 1921. Изд. Фивега. Рец. Тимирязев, А.—1922. № 1—2, 70—73.

Экспериментальное опровержение принципа относительности Эйнштейна: предисловие А. Тимирязева; недавние опыты Дейтон-Миллера и теория относительности. Опыты, определяющие «эфирный ветер», выполненные на горе Вильсон. 1925. № 8—9, 190—198.

18.

Против реакционной философии.

Асмус, В. Адвокат философской интуиции. (Бергсон и его критика интеллектуализма).—1926. № 3, 53—84.

Бердяев, Николай. Смысл истории. Изд. «Обелиск». Берлин. 1923. Рец. Н. К.—1923. № 8—9, 278—280.

София. Проблемы культуры и религиозной философии. Под ред. Н. А. Бердяева. При ближайшем участии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка. Берлин 1923. Рец. Н. К.—1923. № 8—9, 276—278.

Ваганян, В. Наши российские шпенглеристы. («Освальд Шпенглер и Закат Европы» сборник статей Н. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. Степуна и С. Франка. Кн-во «Берег». М. 1922. Стр. 96).—1922. № 1—2, 28—33.

Ваганян, В. Ученый мракобес.—1922. № 3, 43—55.
Вульфиус, А. Г. Основные проблемы эпохи «Просвещения». П. «Наука и Школа». 1923. Стр. 122. Рец. Луппол, И. 1924. № 1, 262—264.
Деборин, А. Гибель Европы или торжество империализма. (Доклад, прочитанный 22 января с. г. в Ц. Н. Т. К.).—1922. № 1—2, 8—28.
Каменев, Л. Об эволюции ругани. (Заметки). 1922. № 4, 108—111.
Карев, Ник. Философия дворянина нашего времени, или откровение Николая Бердяева о социализме, революции и пролетариате.—1923. № 10, 87—96.
Кукларский, Ф. Критика творческого сознания. (Обоснование антиномизма). Чита. Труды Философского об-ва при гос. институте народного образования. Т. I. 1923. Стр. 243. Рец. Баммель, Г.—1923. № 1, 207—210.
Луппол, И. Новое средневековье (к характеристике современного феодального социализма). 1926. № 12, 117—143.
«Мысль» журнал Петербургского философского общества. Под редакцией Э. Радлова и Н. С. Лосского. № 1, 1922. Рец. Чернов, М.—1922. № 3, 122—124.
Müller-Freienfels. Irratjonalismus. Lpz. 1922. Рец. Баммель, Г. 1923. № 4—5, 280—283.
Невский, В. Нострадамусы XX века. 1922. № 4, 95—100.
Невский, В. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией.—1922. № 7—8, 117—131.
Преображенский, Е. Обломки старой России.—1922. № 1—2, 33—35.
Франк, С. Л. Введение в философию в сжатом изложении. П. 1922. Стр. 81. Рец. Луппол, И. 1922. № 9—10, 221—227.

19.

О буржуазной социологии.

Асмус, В. Противоречия специализации в буржуазном сознании. (Из истории идеологий). 1926. № 9—10, 43—75.
Баммель, Г. Макс Шелер, католицизм и рабочее движение. 1926. № 7—8, 47—68; № 12, 28—43.
Болотников, А. Социологическая доктрина Гумпловича. 1926. № 7—8, 135—162.
Профессор истории в круговороте жизни. Виннер, Р. Круговорот истории. «Возрождение» Берлин. 1923. Стр. 202. Рец. Карев, Н. 1924. № 1, 257—262.
Выдра, Р. Об'ективный момент в партиципном мышлении. 1924. № 1, 111—133. (По поводу книги Леви-Брюля).
Кирпотин, В. Классовые и методологические основы социологии Тарда. 1926. № 6, 158—178.
Гележников, Ф. Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции. (Социологическое учение Дюркгейма). 1926. № 1—5, 112—1..

20.

Экономика.

Боголепов, М. И. проф. Валютный хаос. К современному положению Европы. Изд. «Кооперативное Издательство». П. 1922. М. Стр. 72. Рец. Боголепов, Д. 1922. № 1, 127—128.
Боголепов, М. И. проф. Бумажные деньги. Кооперативное Изд-во. М. 1922. Стр. 111. Рец. Боголепов, Д. 1922. № 4, 128—129.
Борхардт, Ю. «Капитал» Карла Маркса. Изд. «М. Рабочий». 1922. Стр. LXV—293. Рец. Мендельсон, А. 1922. № 9—10, 236—238.
Борхардт, Ю. Накопление капитала. Перевод с немецкой рукописи под редакцией Г. Б. Германдзе. Гиз. 1926. Рец. Незнаков, В. 1926. № 9—10, 241—246.
Бруцкус, Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Народно-хозяйственные основы. Изд. «Кооперация». П. 1924. Стр. VIII—218. Рец. Капитонов, М.—1924. № 1—5, 312—315.
Бухарин, Н. Империализм и накопление капитала. 1924. № 1—5, 160—20.; № 6—7, 157—171; № 8—9, 210—221; 1925 г. № 1—2, 127—157; № 3, 140—151.
Вайнштейн, И. Эклектическая экономика и диалектика. (К критике А. Богданова). 1925. № 4, 166—183.

Финн-Енотаевский, А. Ю. Карл Маркс и новейший социализм. Изд. «Полярная Звезда». П. 1922. Стр. 156. Рец. Б. Ш.—1923. № 2—3, 242—243.

21.

Теория классов.

Борзенко, В. Крестьянство как класс в работах Маркса и Энгельса.—1925. № 6, 179—195, окончание в № 7—8, 163—182.

Горев, Б. Некоторые проблемы марксистской теории классов.—1923. № 10, 242—247.

Удальцов, А. К «критике теории классов» А. Богданова.—1922. № 7—8, 82—100.

Удальцов, А. К теории общественных классов. (По поводу одного примечания).—1923. № 8—9. 268—272.

Удальцов, А. От примечания к предисловию. (Ответ тов. Степанову).—1926. № 1—5, 213—219.

22.

Психология.

Бехтерев, В. М., академик и Дубровский, д-р. Диалектический материализм и рефлексология.—1926. № 7—8, 69—91.

Быховский, Б. О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда. 1923. № 11—12, 158—177.

Быховский, Б. Генеономические воззрения Фрейда.—1926. № 9—10, 178—191.

Вайнштейн, И. Марксистская психология или патологический марксизм.—1924. № 12, 275—282.

Джемсон, Лестер и коллегия «Плебса». Очерк марксистской психологии. Пер. с 4-го английского издания, под ред. и с предисловием проф. М. Рейснера. «Современные Проблемы». М. 1925. Стр. 226. Рец. Карев, Н.—1925. № 7, 228—232.

Залкинд, А. Очерки культуры революционного времени. М. 1924. Стр. 196. Рец. Вайнштейн, И.—1924. № 4—5, 297—300.

Залкинд, А. Нервный марксизм—паническая критика.—1924. № 12, 260—274. (По поводу рец. И. Вайнштейна на книгу А. Залкинда: «Очерки культуры революционного времени»).

Корнилов, К. Современная психология и марксизм.—1923, № 1, 41—50. № 4—5, 86—114.

Корнилов, К. Диалектический метод в психологии.—1924. № 1, 107—113.

Корнилов, К. Механический материализм в современной психологии. (Ответ В. Струминскому).—1926. № 4—5, 185—212.

Лурия, Ал. Принципиальные вопросы современной психологии.—1926. № 4—5, 129—139.

Невский, В. Политический гороскоп ученого академика.—1922. № 3, 55—61.

Струминский, В. Я. Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып. I. Введение в изучение психологии. Киргизск. Гос. Изд. Оренбург. 1923 Стр. VIII+412/80. Рец. Троицкий, А.—1923. № 11—12, 299—305.

Струминский, В. Несколько замечаний на рецензию тов. Троицкого о моей книге.—1924. № 3, 250—254.

Струминский, В. Марксизм в современной психологии.—1925. № 3, 207—233; № 4—5, 170—184.

Троицкий, А. Ответ тов. В. Струминскому.—1924. № 3, 255—259.

23.

Религия.

Баммель, Гр. Макс Шелер, католицизм и рабочее движение.—1926. № 7—8, 47—68; № 12, 28—49.

В. В. С крестом и богом против материализма.—1922. № 4, 82—94.

Ватанян, В. Против атеизма—шарлатанство. 1922. № 7—8, 131—137.

Гольбах, П. Карманный богословский словарь. Пер. под ред. и со вступительной статьей И. Луппола. «Материалист». М. 1925. Рец. Карев, Ник. 1925. № 10—11, 262.

Нэжон, Жак. Солдат-безбожник. Пер. с французского О. Румера, вступительной статьей И. Луппола. Изд. «Материалист». М. 1925. Р. Карев, Ник.—1925. № 10—11, 262.
Покровский, М. Страх страха смерти и производственное значение религии.—1922. № 9—10, 113—124.
Покровский, М. Ответ тов. Степанову.—1923. № 1, 142—160.
Покровский, М. История религии на холостом ходу. (Нечто вроде резюме).—1923. № 2—3, 202—210.
Рубинштейн, М. Церковь в современном рабочем движении.—1925. № 200—214.
Сергеев, В. Штурм неба в эпоху гражданской войны в древнем Риме. 1923. № 11—12, 220—244.
Степанов, И. Страх смерти против исторического материализма. (От тов. М. Покровскому).—1922. № 11—12, 83—113.
Степанов, И. Смерть страха смерти, как итог моей полемики с тов. М. Покровским.—1923. № 2—3, 192—202.
Токин, Н. К вопросу о происхождении религиозных верований.—1925. № 164—178.

24.

Право и государство.

Бошко, В. И., проф. Очерк развития правовой мысли. (От Хаммураби до Ленина). Юрид. Изд. НКЮ УССР. Х. 1925. Стр. 570. Рец. Луппол, И. 1925. № 12, 197—199.
Вегер, Вл. Право и государство переходного времени. Хрестоматия. Изд. Коммун. Ун-та им. Я. Свердлова. М. 1924. Стр. 245. Рец. Луппол, И. 1924. № 3, 264—265.
Вольфсон, С. Современные критики марксизма. (О противомарксистской атаке в вопросах государства).—1924. № 8—9, 246—271.
Гойхбарг, А. Г., проф. Сравнительное семейное право. Юрид. Изд. Наркомюста РСФСР. М. 1925. Стр. 231. Рец. Набатон, В.—1925. № 205—207.
Гурвич, Г. С. Нравственность и право. Соц. Академия. Секция права и государства. М. 1924. Стр. 26. Рец. Луппол, И.—1924. № 3, 267.
Каутский, К. Марксова теория государства в освещении Кунова. Предисловие Л. Рудаша. Пер. с нем. П. Виноградской. «Социал. Академия» 1924. Стр. 70. Рец. Л—л, И.—1924. № 6—7, 291—293.
Кирпотин, В. Кунов о государстве.—1924. № 12, 174—184.
Колесников, А. Н., проф. Советское строительство. (Научные предпосылки).—Изд. Коммунистической Академии. М. 1926. Стр. 91. Рец. Колоколкин, В.—1926. № 4—5, 250—254.
Ксенофонтов, Ф. Государство и право. (Опыт изложения марксистского учения о существе государства и права). С предисловием Н. Крыленко. Юрид. Изд-во НКЮ. М. 1924. Стр. 171. Рец. Луппол, И.—1924. № 3, 260—264.
Магазинер, Я. М., проф. Общее учение о государстве. Курс лекций, читанных в Петроградском У-те в 1918 г. Изд. 2-е. Кооперативн. Союз «Кооперация». 1922. Стр. 469. Рец. Стучка, П.—1922. № 9—10, 230—
Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм. (Опыт критики основных юридических понятий). Социалист. Академия, секция права и государства. М. 1924. Стр. 160. Рец. Луппол, И.—1924. № 3, 265—267.
Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Изд. Коммунистической Академии. М. 1926. Стр. Рец. Колоколкин, В.—1926. № 9—10, 234—241.
Проблема преступности. Сборник статей под ред. Я. Розанова. Гиз. Стр. 266. Рец. Негудилов.—1924. № 1, 265—267.
Разумовский, И. Понятие права у К. Маркса и Ф. Энгельса.— № 2—3, 68—97.
Разумовский, И. Социология и право. Социал. Академия. Секция права и государства. М. 1924. Стр. 29. Рец. Луппол, И.—1924. № 3, 267—
Разумовский, И. Философско-правовое наследие Лассаля.—1925. № 38—68.
Разумовский, И. Детские и старческие болезни в правовой теории. 1925. № 5—6, 26—43.
Разумовский, И. Философская ревизия и вопросы права.— № 7—8, 5—23.
Разумовский, И. Философия и юридическая теория. 1926. № 12, 50—

Стучка, П. Революционная роль права и государства, ч. 1. Общее учение о праве. Гиз. 1921. Рец. Пинсон, Б.—1922. № 4, 123—124.
Стучка, П. Материалистическое или идеалистическое понимание права.—1923. № 1, 160—178.
Энгельс, Ф. и Каутский, К. Юридический социализм.—1923. № 1, 51—71.

25.

Искусство и литература.

Ваганян, В. Искусство и народ.—1923. № 1, 132—141.
Воровский, В. Литературные очерки. Изд. «Новая Москва». 1923. Стр. 227. Рец. Полянский, В.—1923. № 11—12, 305—307.
Григорьев, М. С. Введение в поэтику. Часть 1. Изд. Думнова и Салаевых. М. 1924. Стр. 89. Рец. В. П.—1923. № 11—12, 307—309.
Зивельчинская, Л. Нужна ли марксистская эстетика и как ее строить. 1926. № 11, 202—213.
Маца, И. Искусство современной Европы. С пред. В. Фриче. Гиз. 1926. Рец. Л. З.—1926. № 12, 223—224.
Орлов, И. Музыка и классовая борьба.—1925. № 10—11, 198—237.
Орлов, И. Музыка и естествознание.—1926. № 3, 193—206.
Перетц, В. Н., академик. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. «Академия». 1922. Стр. 164. Рец. В. Р.—1922. № 4, 121—123.
Полянский, В. «Бессмертная пошлость» и похвала праздности. (Заметка о мистических экстазах Ю. Айхенвальда).—1922. № 4, 101—108.
Полянский, В. Книга о Л. Н. Толстом. (Аксельрод-Ортодокс. «Л. Н. Толстой»). Моск. отд. Гиз'а.—1922. Стр. 160). 1922. № 9—10, 124—133.
Полянский, В. О «левом фронте» в искусстве.—1923. № 4—5, 196—209.
Полянский, В. Механика творчества и литературная критика.—1923. № 10, 227—241.
Полянский, В. Писатели об искусстве и о себе.—1924. № 3, 231—239.
Фриче, В. Опыт социологии художественных стилей.—1923. № 1, 120—131.
Фриче, В. П. Л. Лавров и «чистое искусство».—1923. № 6—7, 112—121.
Фриче, В. Главнейшие течения послевоенной литературы Запада.—1924. № 1, 148—163.
Фриче, В. Социология искусства. Гиз. 1926. Рец. Зивельчинская, Л.—1926. № 11, 253—254.
Фриче, В. Западно-европейская литература XX века в ее главнейших проявлениях. Гиз 1926. Рец. Зильвечинская, Л.—1926. № 12, 221—223.
Шмит, Федор. Диалектика развития искусства.—1924. № 12, 231—249.

26.

Всеобщая история.

«Анналы». Журнал всеобщей истории. Изд. Российской Академии Наук. тт. I, II и III. 1922—1923. Стр. 260+327+304. Рец. Фридлянд, Ц.—1923. № 8—9, 281—285.
Ваганян, В. О книге Г. Сафарова. «Колониальная революция».—1922. № 1—2, 59—63.
«Новый Восток». Журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения при Наркомнаце. Под ред. М. Павловича (Вельтмана). Изд. ВНАВ при НКН. Кн. I. Стр. 494. М. 1922. Рец. Виленский, В. (Сибиряков).—1922. № 7—8, 189—190.
Горохов, В. А. Русская секция Первого Интернационала. «Московский Рабочий». 1925. Рец. Зайдель, Г.—1925. № 8—9, 315—317.
Дживилегов, А. К. Революционная армия и ее вожди. Изд. «Книга». 1923. Стр. 220. Рец. Фридлянд, Ц.—1923. № 2—3, 260—263.
Зайдель, Г. История и современность. (Историографические заметки).—1925. № 10—11, 183—197.
Зайдель, Г. Вокруг Великой Французской революции.—1926. № 9—10. 139—152.
К 75-летию революции 48 года. Сборник статей. Изд. «Красная Новь». Стр. 293. М. 1923. Рец. Полянский, В.—1923. № 4—5, 298—299.

Лукин, Н. М. Максимилиан Робеспьер. Очерк из истории Великой Французской революции. Изд. 2-е, пересмотренное и дополн. Л. 1924. Стр. 141. Рец. Моносов, С.—1924. № 8—9, 315—316.
Лукин, Н. (Антонов, Н.). Новейшая история Западной Европы. Учебник для вузов и губсовпартшкол. Вып. I. Изд. «Красная Новь». 1923. Стр. 539. Рец. Лурье, Х.—1924. № 4—5, 306—309.
Лукин-Антонов, Н. Очерки по истории новейшей Германии. (1890—1914). Гиз. 1925. Рец. Ленцнер, Н.—1925. № 7. 237—241.
Лукин-Антонов, Н. По поводу одной рецензии. (Ответ тов. Ленцнеру)—1925. № 10—11, 238—243.
Марат (1744—1793). Письма (1776—1793). Перевод Е. Ефимовой. Под редакцией А. К. Дживилегова. Госиздат. «Всемирная Литература». 1923. Рец. Фридлянд, Ц.—1923. № 6—7, 281—284.
Матьез, А. Французская революция. Т. I. «Книга». 1925. Стр. 224. Рец. Моносов, С.—1925. № 12, 207—210.
Меринг, Франц. Очерки по истории войны и военного искусства. Пер. с нем. под ред. Н. Н. Попова. Изд. «Красная Новь». ГПП. М. 1924. Стр. LIV+388. Рец. Абрамович, М.—1924. № 8—9, 318—323.
Молок, И. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны. 1871 г. Гиз. 1924. Рец. Петров, А.—1924. № 8—9, 316—317.
Моносов, С. Насилие и французская революция.—1924. № 8—9, 272—282.
Саймонс, А. М. Классовая борьба в истории Америки. Пер. В. Дитякина. Очерк основных явлений истории Соединенных Штатов за 1900—1920 гг. с приложением библиографического указателя русской литературы по истории и общественной жизни Соединенных Штатов. Гиз. Казань. 1922. Рец. Фридлянд, Ц.—1923. № 4—5, 299—301.
Саймонс, А. Социальные силы американской истории. С приложением статьи И. Амтер: Революционное движение в Северо-Американских Соединенных Штатах. Гиз. Стр. 227. Рец. Эвентов, Л.—1925. № 4, 245—248.
Слоссон, П. В. Чартистское движение и причина его упадка. Пер. Ландау. Изд. «Мир». М. 1923. Стр. 168. Рец. Моносов, С.—1924. № 4—5, 305—306.
Снесарев, А. Е. Афганистан. Гиз. 1921. Стр. 244. Рец. Павлович.—1922. № 1—2, 80—81.
Султан-Заде, А. К вопросу об индустриализации Индии.—1922. № 1—2, 63—65.
Фридлянд, Ц. и Слуцкий, А. Хрестоматия по истории революционного движения Западной Европы (Англия, Франция, Германия) XIX и XX веков. Изд. «Красная Новь» 1923. Стр. 168. Рец. Ленцнер, Н.—1923. № 11—12, 320—323.
Фридлянд, Ц. и Слуцкий, А. История революционного движения Западной Европы. (1789—1914). Хрестоматия. Гиз. М.—Л. 1925. Стр. 840. Рец. Зайдель, Г.—1925. № 7, 241—244.

История социализма на Западе.

А—н, Ар. Страницы из пропаганды и деятельности Роберта Оуэна. (Агитация за проведение закона об улучшении условий фабричного труда детей и взрослых рабочих).—1923. № 8—9, 187—210.
А—н, Арк. Реалистические элементы в воззрениях Роберта Оуэна и их влияние на его пропаганду и деятельность.—1923. № 10, 163—195.
А—н, Арк. К вопросу о социальных и классовых корнях учения и пропаганды Роберта Оуэна и его последователей.—1926. № 7—8, 182—205.
А—н, Арк. Элементы диалектики и экономического материализма в воззрениях Шарля Фурье.—1924. № 3, 202—229.
А—н, Арк. Шарль Фурье о положении женщины, любви и браке.—1924. № 4—5, 201—239.
Трудовая школа у Шарля Фурье. Рец. А—н, Арк.—1924. № 6—7, 247—283.
Бэр. История социализма в Англии. Гиз. 1923. т. I и II. Стр. 742. Рец. Моносов, С.—1924. № 4—5, 300—304.
Бернштейн, А. Основные взгляды Фердинанда Лассаля. (К 60-летию со дня смерти).—1924. № 10—11, 153—188.
Бернштейн, А. Ответ на «поправки» Н. Виноградской. 1925. № 7, 199—206.
Бернштейн, Эдуард. В годы моего изгнания.—ГИЗ. Стр. 179. Рец. Ленцнер, Н.—1924. № 4—5, 309—312.

28.

История России.

29.

История социализма в России.

Астров, В. «Экономисты»—предтечи меньшевиков. Экономисты и рабочее движение в России на пороге XX века. ИЗО. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 142. Рец. Пепел, В.—1924. № 3, 278—283.
Горев, Б. П. Л. Лавров и утопический социализм.—1923. № 6—7, 121—131.
Горев, Б. Н. К. Михайловский и марксизм. (К 20-летию со дня смерти).—1924. № 1, 188—205.
«Былое» № 17. Изд. «Былое» 1922. «Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. «П. А. Кропоткин». Изд. Общ. Комитета по увековечиванию памяти П. А. Кропоткина. Рец. Б. Ш.—1922. № 3, 133—135.
Кривцов, Ст. Партия пролетариата или мелкой буржуазии. (К истории выработки программы РСДРП).—1924. № 12, 18—32.
Невский, В. Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум). (1873—1923).—1923. № 4—5, 222—228.
Покровский, М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. Курс лекций. Изд. «Красная Новь». Стр. 232. Рец. Рубинштейн, Н.—1924. № 12, 319—333.
Шрейдер А. Очерки философии народничества. Изд. «Скифы». Берлин 1923. Стр. 157. Рец. Карев, Н.—1923. № 11—12, 294—299.
О брошюре тов. Яковлева (Я. Яковлев: «Русский анархизм в великой русской революции. Гиз. 1921). Рец. Ваганян, В.—1922. № 3, 135—137.

30.

Из истории партии.

Васильченко, С. Карьера подпольщика. Изд. «Моск. Раб.». М. 1924. Стр. 516. Рец. Невский, В.—1924. № 3, 301—302, и рец. Ваганян, В.—1924. № 3, 303—305.
В—ян, В. О первом, втором, третьем, четвертом и пятом с'ездах партии.—1923. № 2—3, 251—252.
Зиновьев, Г. История РКП (большевиков). Гиз. М. 1924. Стр. XXXII+352. Изд. 2-е. Рец. Тэр, В.—1924: № 3, 272—278.
Кривцов, Ст. В. В. Воровский.—1923. № 4—5, 210—222.
Мартов, Ю. О. Мировой большевизм. С предисловием Ф. Дана. «Искра». 1923. Стр. 110. Рец. Н. К.—1924. № 4—5, 273—282.
Покровский, М. Два вооруженных восстания 1825—1905.—1925 № 12, 5—16.
Попов, Н. Н. Очерк истории Российской Коммунистической Партии (б). Гиз. 1926. Стр. 336. Рец. Ладоха, Г.—1926. № 4—5, 230—236.

31.

М. Бакунин.

Горев, Б. И. М. И. Бакунин, его жизнь, деятельность и учение. Изд. Всеросс. Совета рабочей кооперации. М. 1919. Стр. 110. Полонский, В. «Бакунин». Гиз. М. Стр. 167. Рец. А. Ф.—1922. № 3, 130—131.
Зайдель, Г. Опровержение «мифа» или анархистская «иконография». (К вопросу о социальной природе бакунизма).—1925. № 4, 184—199.
Полонский, Вяч. Бакунин. (Из истории интеллигенции). Т. I. Гиз. М. 1922. Стр. 418. Рец. Я—в, Я.—1922. № 9—10, 235—236.
Розанов, Я. К. Маркс и М. Бакунин. (Библиография).—1926. № 9—10, 202—210.
Рязанов, Д. Ответ тов. Стеклову.—1923. № 1, 186—188.
Рязанов, Д. Как иногда пишется история. (По поводу книги Брупбахера).—1922. № 9—10, 136—167.
Стеклов, Ю. Как иногда даются отзывы. (По поводу статьи тов. Рязанова «Как иногда пишется история»).—1923. № 1, 179—185.
Фридлянд, Ц. М. Бакунин о Коммуне 1871 года. (К пятидесятилетию со дня смерти).—1926. № 6. 5—36.

32.

Физика.

Астон, Ф. В. Изотопы. «Современные проблемы естествознания». Кн. 14. Стр. 161. М. 1923. Рец. Орлов, И.—1924. № 10—11,—253.
Берг, Л. С. Наука, ее содержание, смысл и классификация. Изд. «Время». П. 1922. Стр. 138. Рец. Полянский. В.—1922. № 5—6, 136—139.

Планк, М. От относительного к абсолютному. Пер. Н. М. Лихтгейма. С предисловием З. Цейтлина.—1925. № 7, 98—111.

Пуанкаре, Анри. Последние мысли. Пер. А. И. Стожарова, под ред. А. П. Афанасьева. Научное Кн-во. П. 1923. Рец. З. Ц.—1924. № 6—7, 298—300.

Рутерфорд. Электрическое строение материи. (Речь, произнесенная 12 сентября 1923 г. на с'езде Ассоциации в Ливерпуле).—1923. № 11—12, 180—201.

Сади-Карно. Размышления о движущей силе огня. Пер. С. Э. Фиша. Под ред. и с примечаниями В. Р. Бурсиана и Ю. А. Круткова. Гиз. 1923. Рец. Семенченко, В.—1923. № 8—9, 293—294.

Сборник статей по вопросам физико-математических наук и их преподавании, изд. Центральным Физико-Педагогическим Институтом в Москве, под ред. А. И. Бачинского и А. Михайлова. Т. 1. Гиз. Рец. Орлов, И.—1924. № 12, 317—318.

Станкевич. Менделеев. Великий русский химик. Американское Изд-во. Прага. 1923. Рец. Орлов, И.—1924. № 3, 298—299.

Stark, J. Die gegenwärtige Krisis in der Deutschen Phisik. L. 1922. Рец. Семенченко, В.—1923. № 4—5, 293—295.

Тимирязев, А. По поводу новой работы Е. Рутерфорда и Ч. Чадвика: «Разложение элементов при помощи а-частиц.—1922. № 11—12, 118—122.

Тимирязев, А. Теории «квант» и современная физика.—1923. № 2—3, 98—120.

Тимирязев, А. По поводу статьи Эддингтона.—1923. № 8—9, 166—168.

Тимирязев, А. Первое десятилетие теории строения атомов Нильса Бора.—1923. № 10, 97—100.

Тимирязев, А. По поводу речи Рутерфорда.—1923. № 11—12, 178—180

Тимирязев, А. К. Физика. Лекции, читанные в Коммун. У-те им. Я. Свердлова. Ч. I. 1925. Стр. 217. Рец. Цейтлин, З.—1925. № 3, 256—260.

Тимирязев, А. К. Физика. Ч. II. Изд. Коммун. Ун-та им. Я. Свердлова. Стр. 176. Рец. З. Ц.—1926. № 4—5, 228—230.

Тимирязев, А. По поводу статьи Дейтон-Миллера.—1926. № 11, 88—90.

Томсон, Вилльям, проф. О вихревых атомах.—1924. № 10—11, 65—77.

Томсон, Дж. Структура света. С пред. А. Тимирязева.—1925. № 12, 56—71.

Ферсман, А. Е., академик. Химические проблемы промышленности. Научное химико-технич. изд. Л. 1924. Рец. Орлов, И.—1924, № 8—9, 312—314.

Философия науки. Естественно-научные основы материализма. Часть I. Физика. Под ред. проф. А. К. Тимирязева. Вып. 2-й. Гиз. Л. 1924. Рец. Орлов, И.—1924. № 6—7, 296—297.

Френкель, Я. И. Строение материи. Ч. I.—Расчленение материи. Изд. «Сеятель». П. 1922. Стр. 152. Рец. Введенский, В.—1923. № 1, 223.

Хвольсон, О. Д., проф. Физика и ее значение для человечества. Изд. Гржебина. Стокгольм 1922. Стр. 312. Рец. Максимов, А.—1922. № 5—6, 141—144.

Хвольсон, О. Д. Строение атома и рентгеновы лучи. П. 1923. Научное Кн-во. Рец. Цейтлин, З.—1924. № 1, 273—274.

Хвольсон, О. Д. Характеристика развития физики за последние 50 лет. Гиз. Л. Рец. Орлов, И.—1924. № 6—7, 295—296.

Хвольсон, О. Курс физики. Гиз. 1926.—А. Эйхенвальд. Теоретическая физика, ч. I. Гиз. 1926 г. Рец. З. Ц.—1926. № 12, 224—228.

Чижевский, А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга 1924. Рец. Орлов, И.—1924. № 8—9, 314—315.

Цейтлин, З. Метод доказательства закона взаимодействия тяжелых и электрических масс Ньютона—Кавендиша—Максвелла сравнительно с методом исследования К. Маркса и Ф. Энгельса.—1924. № 6—7, 122—156.

Цейтлин, З. Схоластический эмпиризм. (Очерк науки и техники средневековья).—1924. № 8—9, 167—209.

Цейтлин, З. Вихревая теория материи, ее развитие и значение.—1924. № 10—11 78—91.

Цейтлин, З. Hypotheses non fingo.—1925. № 1—2, 116—136; № 3, 103—127.

Цейтлин, З. О «мистической» природе световых квант.—1925. № 4, 74—101.

Цейтлин, З. Физика Гегеля.—1925. № 5—6, 73—88. № 7, 134—152.

Цейтлин, З. Развитие воззрений на природу света.—1926. № 6, 137—152.

Эддингтон, А. С. Внутренность звезд. (Речь А. Эддингтона, произнесенная в феврале 1923 г. в королевском институте).—1923. № 8—9, 169—186.

Эйнштейн, Альберт. К столетию со дня рождения лорда Кельвина (26 июня 1924 г.). Пер. В. Семенченко. 1924. № 10—11, 62—64.

33.

Биология.

Бартенев, А. Н. К вопросу о старых и современных путях в биологии.—1925. № 12, 72—88.
Белов, Н. А., проф. Физиология типов. «Красная Книга». Орел. 1924. Рец. З. Ц.—1924. № 8—9, 310—312.
Гэтс, Р. Наследственность и евгеника. Под ред. Ю. А. Филипченко. «Сеятель». 1926. Рец. Слепков, В.—1925. № 12, 202—205.
Дучинский, Ф. К. А. Тимирязев как дарвинист.—1925. № 7, 86—97.
Дучинский, Ф. Неовиталистическая критика эволюционной теории.—1925. № 10—11, 143—169.
Дучинский, Ф. Пауль Каммерер.—1926. № 9—10, 76—88.
Завадовский, Б. Предисловие к статьям Кэнниона. «О природе голода» и Карлсона «Биологическое значение голода».—1925. № 5—6, 44—46.
Завадовский, Б. М. Внутренняя секреция и психика.—1925. № 8—9, 92—115.
Завадовский, Б. М. Дарвинизм и ламаркизм и проблема наследования приобретенных признаков.—1925. № 10—11, 79—114.
Завадовский, Б. Предисловие к статье Ж. Леба.—1926. № 1—2, 197—198.
Каммерер, П. Загадка наследственности. Л. Изд. «Прибой». Рец. А—л, И.—1926. № 12, 228—229.
Карлсон, А., проф. физиологии У-та в Чикаго. Биологическое значение голода. Пер. с английского В. А. Дорфмана и А. Г. Кратинова.—1925. № 5—6, 62—72.
Козо-Полянский, Б. М., проф. Новые принципы биологии. Очерк теории симбиогенеза. Изд.. «Пучина». М.—Л. 1924. Стр. 144. Рец. Завадовский, Б.—1924. № 12, 315—317.
Козо-Полянский, Б. М., проф. Дарвинизм или теория естественного отбора. Схема. «Северный Печатник». 1925. Рец. Дучинский, Ф.—1925. № 12, 199—202.
Комаров, В. Л. Ламарк. Биографическая библиотека. Гиз. 1925. Стр. 18. Рец. Слепков, В.—1925. № 10—11, 263—266.
Кэннон, В., проф. Гарвардского у-та. Секреция адреналина во время эмоций. (Пер. А. Г. Кратинова, под ред. и с пред. Б. М. Завадовского).—1925. № 1—2, 103—115.
Кэннон, Валтер, проф. физиологии Гарвардского у-та. Природа голода. Пер. с англ. В. А. Дорфмана и А. Г. Кратинова.—1925. № 5—6, 47—61.
Леб, Мак. Химические основы родовых и видовых признаков. (Пер. А. Дорфмана, с предисловием Б. Завадовского).—1924. № 12, 142—158.
Леб, Ж. Приспособление к среде и эволюция. С предисловием Б. Завадовского. (Главы XII и XIII из книги Леба «Организм, как целое, с физико-химической точки зрения». Пер. В. А. Дорфмана под ред. Б. М. Завадовского).—1925. № 7, 113—127.
Леб, Ж. 1. К сравнительной физиологии центральной нервной системы. 2. Адаптация окраски у рыб и мозаичное зрение.—1926. № 1—2, 180—188.
Максимов, А. Об источниках и результатах упрощенства в естествознании.—1926 № 1—2, 189—212. (О Боссэ).
Модестов, А. П. Климентий Аркадьевич Тимирязев. Изд. Цектрана. 1922. Рец. Б. Ш. 1922. № 5—6, 140.
Морган, Т. Т. и Филипченко, Ю. А. Наследуются ли приобретенные признаки. «Сеятель». 1925. Рец. Слепков, Вас.—1925. № 7, 234—237.
Немилов, А. В., проф. Биологическая трагедия женщины. Очерк физиологии женского организма. Изд. «Сеятель» Л. 1925. Стр. 138. Рец. Завадовский, Б.—1925. № 5—6, 271—277.
Немилов, А. В., проф. Как проявилась на земле жизнь. Изд. «Образование». Л. 1924. Стр. 70. Рец. Завадовский, Б.—1925. № 5—6, 277—283.
Преформизм или эпигенезис? Сб. статей. Изд. «Северный печатник». Рец. Дучинский, Ф.—1926. № 11, 250—253.
Слепков, Вас. Наследственность и отбор у человека. (По поводу теоретических предпосылок евгеники).—1925. № 4, 102—122.
Слепков, В. Биология человека.—1925. № 10—11, 115—142.
Тимирязев, К. А., проф. Исторический метод в биологии. Десять общедоступных лекций. Изд. Гранат. М. 1922. Стр. 164. Рец. Кривцов, Ст.—1922. № 11—12, 259—262.
Из переписки Тимирязева, К. А. 1922. № 9—10, 168—179.

34.

Математика.

35.

Varia.

II. Алфавитный указатель.

Бухарин, Н. Империализм и накопление капитала.—1924. № 4—5, 160 200; № 6—7, 157—171; № 8—9, 210—224; № 1—2 1925 г., 137—157; № 3 1925 г., 140—151.

Быховский, Б. О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда.—1923. № 11—12, 158—177.

Быховский, Б. Материализм и диалектика в творчестве Ленина.—1924. № 2, 240—255. № 3, 240—246.

Быховский, Б. Генеономические воззрения Фрейда.—1926. № 9—10, 178—194.

Бьеркнес, Ф. Сила, которая поддерживает аэроплан. С пред. Тимирязева.—1926. № 1—2, 168—178.

В. В. С крестом и богом против материализма.—1922. № 4, 82—94.

Ваганян, В. Наши российские шпенглеристы. (Освальд Шпенглер и Закат Европы. Сборн. статей Н. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. Степуна и С. Франка. Кн-во «Берег», М. 1922. Стр. 96).—1922. № 1—2, 28—33.

Ваганян, В. Ученый мракобес.—1922. № 3, 43—55.

Ваганян, В. Борьба Г. В. Плеханова с экономизмом.—1922. № 5—6, 41—52.

Ваганян, В. Против атеизма—шарлатанство.—1922. № 7—8, 131—137.

Ваганян, В. Вынужденная полемика.—1922. № 9—10, 95—112.

Ваганян, В. Искусство и народ.—1923. № 1, 132—141.

Ваганян, В. I. От народничества к марксизму. I. (Плеханов. Сочинения, т. I. Биб. Научного социализма под ред. Д. Рязанова. Гиз. 1923. М. «Черный Передел» Орган социалистов-федералистов. 1880—1881. Гиз. 1922. П.).—1923. № 2—3, 153—191.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов и В. Г. Белинский.—1923. № 6—7, 59—78.

Ваганян, В. Дополнение к опыту библиографии Г. В. Плеханова.—1923. № 6—7, 267—270.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов. II. Плеханов и Группа «Освобождение Труда».—1923. № 8—9, 21—53.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов. Гл. III. Социализм и политическая борьба.—1923. № 10, 18—48.

Ваганян, В. Г. В. Плеханов. III. Социализм и политическая борьба. Статья б. Гегемония пролетариата в буржуазной революции. Статья в. Пролетариат и либеральная буржуазия. Статья г. Пролетариат и мелкобуржуазная демократия. (Крестьянство и интеллигенция).—1923. № 11—12, 31—79.

Ваганян, В. Величайший из мастеров революции. —1924. № 1, 29—34.

Ваганян, В. В. И. Ленин и искусство вооруженного восстания в свете первой русской революции.—1924. № 2, 117—147.

Вайнштейн, И. Г. Лукач и его теория «овеществления».—1924. № 10—11, 25—31

Вайнштейн, И. Марксистская психология или патологический марксизм.—1924. № 12, 275—282.

Вайнштейн, И. Мышление и речь. (К критике А. Богданова).—1925. № 1—2, 61—73.

Вайнштейн, И. Эклектическая экономика и диалектика. (К критике А. Богданова).—1925. № 4, 166—183.

Вайнштейн, И. Диалектика, как революционная логика.—1925. № 7, 31—45.

Вайнштейн, И. Спиноза и материализм.—1926. № 3, 85—97.

Вайсберг, Р. О задачнике по политической экономии.—1922. № 4, 112—115.

Варьяш, А. Формальная и диалектическая логика.—1923. № 6—7, 207—227.

Варьяш, А. Ответ тов. Милоневу.—1924. № 12, 283—291.

Варьяш, А. О том, как не надо писать критику.—1925. № 5—6, 215—237.

Виленкин, Я. Де-Лион и его деятельность.—1926. № 3, 151—192.

Вяленский, Вл. (Сибиряков). Проблема продукции и революции.—1922. № 1—2, 50—59.

Виноградская, П. Этика Канта с точки зрения исторического материализма.—1924. № 4—5, 60—91.

Виноградская, П. Дени Дидро.—1924. № 8—9, 115—141.

Виноградская, П. Несколько поправок к статье А. Бернштейна о Лассале.—1925. № 3, 238—246.

Вихерт, Э. Теория относительности и релятивизм.—1926. № 4—5, 45—61.

Вишневский, А. В защиту материалистической диалектики. (Ответ тов. Степанову).—1925. № 8—9, 245—287.

Вознесенский, А. А. К вопросу о понимании категории абстрактного труда.—1925. № 12, 119—142.

Волин, Бор. Письмо редактору журнала «Под Знаменем Марксизма» тов. Теру.—1922. № 3, 120—121.

Кэннон, Вальтер. (Проф. физиологии Гарвардского у-та). Природа голода. Пер. с английского В. А. Дорфмана и А. Г. Кратинова.—1925. № 5—6, 47—61.

Лабриола, А. Письма к Энгельсу —1924. № 1, 41—80.

Лассаль, Ф. Логика Гегеля и логика Розенкранца и систематическое основание Гегелевой философии истории.—1925. № 4, 11—37.

Лафарг, П. На следующий день после революции.—1924. № 3, 157—164.

Лафарг, П. Социализм во Франции. (От 1876 до 1896 г.г.). Пер. с рукописи автора, хранящейся в Институте Маркса и Энгельса.—1924. № 3, 165—187.

Леб, Жак. Химические основы родовых и видовых признаков. (Перевод А. Дорфмана, с предисловием Б. Завадовского).—1924. № 12, 142—158.

Леб, Ж. Приспособление в среде и эволюция. С предисловием Б. Завадовского. (Главы XII и XIII из книги Леба «Организм, как целое, с физико-химической точки зрения». Пер. В. А. Дорфмана, под ред. Б. Завадовского).—1925. № 7, 113—127.

Леб, Жак. 1) К сравнительной физиологии центральной нервной системы. 2) Адаптация окраски рыб и мозаичное зрение.—1926. № 1—2, 180—188.

Лейкин, Э. Каутскианство в теории империализма.—1926. № 11, 172—201, № 12, 144—184.

Ленин, Н. О значении воинствующего материализма.—1922. № 3, 5—12.

Ленин, Н. Статьи и фельетоны.—1923. № 6—7, 105—109.

Ленин, В. И. Иенский с'езд германской с.-д. рабочей партии.—1924. № 2, 93—96.

Ленин, В. И. Отрывок из письма М. Горькому.—1924. № 3, 5—6.

Ленин, Н. Конспект «Науки логики» Гегеля.—1925. № 1—2, 7—33.

Ленин, Н. К вопросу о диалектике.—1925. № 5—6, 14—18.

Ленцнер, Н. О литературном наследстве Р. Люксембург.—1924. № 3, 247—249.

Лившиц, Б. К постановке денежной проблемы с точки зрения закона равновесия.—1924. № 8—9, 224—245.

Лившиц, Б. К выяснению теоретических основ земельной ренты.—1925. № 1—2, 190—210.

Литература, вызванная 50-летием со дня смерти Людвига Фейербаха.—1923. № 1, 218.

Лозовский, А. Анархизм и марксизм в массовом движении.—1922. № 3, 86—91.

Лукин-Антонов, Н. По поводу одной рецензии. (Ответ тов. Ленцнеру).—1925. № 10—11, 238—243.

Луначарский, А. Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым.—1922. № 5—6, 87—95.

Луппол, И. Очерки философии Д. Дидро.—1923. № 8—9, 53—97, № 10, 49—86.

Луппол, И. Ленин, как теоретик пролетарского государства.—1924. № 2, 173—195.

Луппол, И. Трагедия русского материализма XVIII века. (К 175-летию со дня рождения А. Н. Радищева).—1924. № 6—7, 27—48.

Луппол, И. О новом учебнике по историческому материализму.—1924. № 12, 100—110. (О «Курсе теории истор. материализма» И. Разумовского).

Луппол, И. Русский гольбахианец конца XVIII века.—1925. № 3, 75—102.

Луппол, И. На всякого мудреца довольно простоты. (По поводу «письма в редакцию» И. Разумовского).—1925. № 4, 220—225.

Луппол, И. Очередное опровержение марксизма. («Социальное понимание истории» М. Уилльямса).—1925. № 8—9, 199—218.

Луппол, И. Из материалов и документов по истории материализма в России. (Извлечения Н. Д. Из «Социальной системы» Гольбаха).—1925. № 12, 17—37.

Луппол, И. Падение социализма от науки к утопии.—1926. № 4—5, 88—111.

Луппол, И. О синице, которая не зажгла моря. (Ответ т. З. Цейтлину).—1926. № 11, 221—233.

Луппол, И. Новое средневековье (к характеристике современного феодального социализма)—1926. № 12, 117—143.

Лурия, Ал. Принципиальные вопросы современной психологии.—1926. № 4—5, 129—139.

Максимов, А. Популярно-научная литература о принципе относительности.—1922. № 7—8, 170—182.

III. Именной указатель.

[1]) Римская цифра указывает соответствующую страницу указателя.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано: в № 12.	Должно быть:
стр. 18, 7 строка снизу не делает	не делает»
стр. 18, 6 строка снизу на бумаге».	на бумаге.
стр. 228, первая строчка рецензии И. А-л. марксистов	ламаркистов
стр. 229, 11 строка сверху недарвинистскую	неодарвинистскую

Ответственный редактор А. М. Деборин.

Редакционная коллегия: А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев и А. Я. Троицкий.